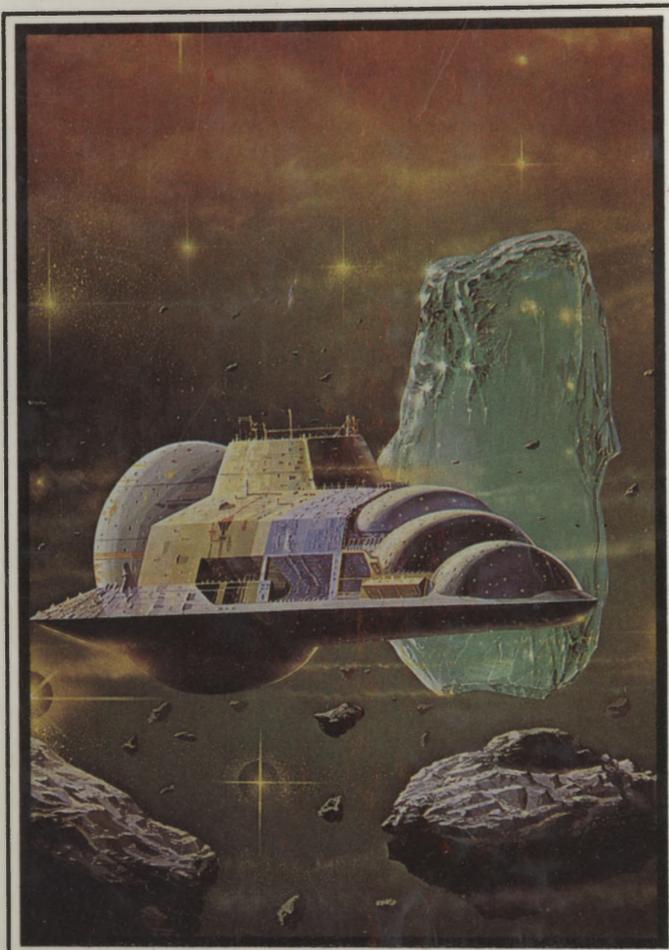

МИРЫ АЙЗЕКА АЗИМОВА

5

МИРЫ АЙЗЕКА АЗИМОВА

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF ISAAC ASIMOV

Volume five

PRELUDE TO FOUNDATION

«POLARIS» PUBLISHERS

1994

**МИРЫ
АЙЗЕКА
АЗИМОВА**

Книга пятая

**ПРЕЛЮДИЯ
К АКАДЕМИИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»

1994

Prelude to Foundation

Copyright © 1988 by Nightfall, Inc.

© 1994 Издательская фирма «Полярис»,
перевод на русский язык

© 1993 Издательская фирма «Полярис»,
оформление, название серии

Книга выпущена при участии
издательства «Фолио», г. Харьков

Перепечатка отдельных романов и
всего издания в целом запрещена без
разрешения издателя и переводчика. Вся-
кое коммерческое использование данного
издания возможно исключительно с пись-
менного разрешения издателя.

А 4703040100—034 Без объявл.
94

ISBN 5-88132-100-6

ПРЕЛЮДИЯ К АКАДЕМИИ

Глава 1

МАТЕМАТИК

КЛЕОН I — последний Император Галактики из династии Антунов. Родился в 11988 г. ГЭ. В этом же году родился Гэри Селдон. (Считается, что дата рождения Селдона, точность которой у многих вызывает сомнения, приблизительно совпадает с датой рождения Клеона, — с ним Селдон якобы познакомился вскоре после того, как впервые прибыл на Трентор.)

Заняв Имперский престол в 12010 г. в возрасте двадцати двух лет, Клеон I правил Империей в промежуток времени, отличавшийся удивительным затишьем. Учитывая, сколь тревожны были времена, предшествовавшие воцарению Клеона, мир и спокойствие, отличавшие срок пребывания монарха на престоле, несомненно, стоит приписать его ловкому и умелому секретарю, Эдо Демерзелю, который столь старательно избегал упоминаний своего имени и деяний в прессе, что достоверных сведений о нем сохранилось крайне мало.

Сам же Клеон...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ *

1

подавив зевок, Клеон проговорил:

— Скажи, Демерзель, ты, случайно, не слышал о человеке по имени Гэри Селдон?

---

* Все приводимые цитаты из Галактической Энциклопедии взяты из 116-го издания, опубликованного в 1020 г. АЭ Издательством Галактической Энциклопедии на Терминусе, с разрешения издателей.

Клеон царствовал уже более десяти лет и порой, в особо важных случаях, облаченный в парадные одежды и при всех регалиях, ухитрялся-таки производить впечатление могущественного правителя. Ну, например, такого, каким выглядел на голографическом изображении, что красовалось в нише стены у него за спиной. Располагалось оно так, чтобы производить как можно более выгодное по сравнению с фигурами предков Клеона, скромно разместившимися в других нишах, впечатление.

Изображение, надо сказать, не совсем соответствовало действительности. Каштановые волосы Императора на деле были не такими густыми; правый уголок верхней губы был опущен, а левый приподнят. Непонятно, с какой стати, однако эти досадные мелочи в изображении отсутствовали. Вдобавок, если бы Император встал рядом со своей статуей, рост которой составлял один метр восемьдесят три сантиметра, сразу стало бы заметно, что живой Клеон сантиметра на два пониже, и не такой уж стройный.

Но изображение сделали тогда, когда Клеон еще только-только короновался, а в ту пору он был моложе. Он и теперь выглядел довольно-таки молодо, был красив, а в часы, свободные от официальных церемоний, лицо его порой озарялось человеческой добротой и мягкостью.

Демерзель с подчеркнутой вежливостью и уважением ответил:

— Гэри Седдон? Это имя, сир, мне незнакомо. Следует ли им заинтересоваться?

— Вчера вечером мне о нем рассказал министр науки. Вот я и подумал, что и ты, может, что-нибудь слышал.

Демерзель слегка нахмурился, едва заметно — поскольку хмуриться в присутствии Императора не дозволялось никому.

— Министру науки, сир, следовало бы прежде всего сообщить об этом человеке мне, как Государственному секретарю. Да если каждый министр примется заваливать вас сообщениями...

Клеон приподнял руку, и Демерзель сразу же умолк.

— Ну-ну, Демерзель, порой можно пренебречь формальностями. Просто я столкнулся с министром на вчерашнем приеме, и стоило мне только сказать ему пару слов, как его понесло. Не мог же я оборвать его, сам посуди. И знаешь, я не пожалел — то, что он рассказал, показалось мне довольно забавным.

— В каком роде забавным, сир?

— Ну, видишь ли, старые добрые времена, когда наука и математика, в частности, расцветали, давно канули в небытие. Может быть, все открытия уже совершены, как ты думаешь? И все-таки, что-то интересное, оказывается, может случиться. По крайней мере, меня уверили, что это интересно, скажем так.

— Сир, министр науки вас уверил?

— Да. Он сказал мне, что Гэри Селдон выступил на конгрессе математиков здесь, на Тренторе, — они, вроде бы, зачем-то устраивают эти конгрессы каждые десять лет — ну, так вот, он сказал мне, будто бы Селдон доказал, что можно предсказывать будущее — математически.

Демерзель позволил себе усмехнуться.

— Думаю, либо министр науки, как человек не слишком осведомленный, ошибается, либо же ошибается этот математик. Предсказание будущего — детские сказочки.

— Ты так думаешь, Демерзель? А ведь люди в такое верят.

— Люди много во что верят, сир.

— Однако раз они верят в *такое*, какая разница, верны ли предсказания? Если этот математик сумеет предсказать мое долгое и счастливое правление, и мир и процветание Империи — хм-м-м... что тут дурного, спрашивается?

— Услышать такое предсказание приятно, спору нет, но что это даст, вот вопрос, сир?

— Что даст? Очень многое! Главное, чтобы народ поверил, вот и все. Масса пророчеств сбывалась только от того, что в них верили. Назовем их «самосбывающимися пророчествами». Не ты ли, кстати, сам мне это и втолковал в свое время?

— Пожалуй, что я, сир, — согласился Демерзель. Он не спускал глаз с Императора, прикидывая, стоит ли

встревать или, наоборот, дать монарху выговориться. — Но, если так, в пророки можно избрать кого угодно.

— О, Демерзель, уверяю тебя, поверят далеко не всякому. А вот математика, который смог бы подтвердить свое пророчество кучей формул и снабдить его мудреной терминологией, вряд ли кто поймет, зато уж поверит ему, без сомнения, любой.

— Сир, — Демерзель почтительно наклонил голову, — в здравом смысле вам, как всегда, нет равных. Мы живем в тревожное время, и нет ничего более разумного, как превратить его в более спокойное, не прибегая при этом ни к деньгам, ни к оружию — подобные попытки в прошлом ничего хорошего не принесли, скорее наоборот.

— Вот именно, Демерзель, — довольно кивнул Император. — Заполучи же этого Гэри Седдона. Ты не раз уверял меня в том, что в твоих руках все ниточки нашего мятущегося мира — даже такие, за какие я не в силах потянуть. Так потяни же за них и найди этого математика. Приведи его ко мне.

— Слушаюсь и повинуюсь, сир, — сказал Демерзель, который на самом деле уже положил глаз на Седдона, и мысленно возблагодарил министра науки за то, что тот сделал работу за него.

2

Гэри Седдон в ту пору не производил сколько-нибудь внушительного впечатления. Он находился в том же возрасте, что и Император Клеон, — им обоим было по тридцать два; ростом Седдон вышел не слишком — метр семьдесят три сантиметра. Гладкая кожа, улыбочное лицо, темные, почти черные волосы. По манере одеваться в нем безошибочно угадывался провинциал.

Впоследствии всякий, кому Гэри Седдон был известен не иначе, как мифический полубог, легендарный герой, счел бы поистине святотатственным предложение представить этого человека без благородных седин, морщин глубокой старости на лице, озаренном мудрой улыбкой; без инвалидного кресла. И тем не менее, тогда Седдон был именно таков, каким тут описан.

От природы веселый и жизнерадостный, в эти дни он был особенно счастлив — ведь ему выпала великая честь сделать доклад на Конгрессе. Это и само по себе можно было считать великой удачей, но, кроме того, его сообщение вызвало кое-какой интерес. Сам старик Остерфит кивнул ему и похвалил: «Изобретательно, молодой человек. Весьма изобретательно». В устах Остерфита это звучало едва ли не высочайшей похвалой. Лучше не придумать.

А теперь события и вообще приняли совершенно неожиданный оборот, и Седдон, откровенно говоря, сам не знал, радоваться ему или огорчаться.

Перед ним стоял высокий молодой человек в военной форме. На его кителе — слева на уровне груди — красовалась эмблема — «Звездолет и Солнце».

— Лейтенант Альбан Веллис, — представился офицер Императорской Гвардии, пряча удостоверение. — Угодно ли вам будет последовать за мной, сэр?

Он, конечно же, был вооружен. За дверью стояли еще двое гвардейцев. Седдон понимал, что выбора у него нет, несмотря на «угодно ли», однако мог же он хотя бы поинтересоваться, в чем дело!

— К Императору? — спросил он.

— Во Дворец, сэр. Мне велено доставить вас во Дворец.

— Но зачем?

— Мне не объяснили, сэр. Но дали понять, что доставить вас туда я обязан — захотите вы этого или нет.

— Но это, пожалуй, больше похоже на арест, а я ничего противозаконного вроде бы не совершал.

— Я бы все расценил несколько иначе: представьте, что вам придан почетный эскорт — то есть, все будет выглядеть именно так, если вы отправитесь со мной сейчас же, без промедления.

Седдон не стал спорить. Он только крепче сжал губы, чтобы не задавать лишних вопросов, кивнул и зашагал вперед. Никакой радости он не испытывал, пускай даже его ждала встреча с самим Императором и имперские почести. Он был готов служить Империи — то есть, миру, ее составляющим, их спокойствию и процветанию. Империи, да, но не Императору.

Лейтенант обогнал Селдона, а двое гвардейцев пошли следом. Селдон, шагая по коридору, улыбался встречным и старался не подавать виду, что у него что-то не так. Возле гостиницы стоял правительственный автомобиль. (Селдон не смог удержаться и провел ладонью по роскошной обивке сиденья — в таких машинах ему еще ездить не доводилось.)

Автомобиль пересекал один из самых фешенебельных районов Трентора. Здесь купол был столь высок, что создавалось полное ощущение его отсутствия, и любой — даже Гэри Селдон, который родился и вырос на самой обычной, открытой планете — мог поклясться, что никакого купола тут нет и в помине. Ни солнца, ни теней, однако все залито светом, а воздух — свеж и прозрачен.

Но скоро все переменялось, купол стал ниже, стены — ближе, и автомобиль понесся по закрытому туннелю, стены которого время от времени украшали «звездолеты и солнца». Селдон решил, что его везут, скорее всего, по трассе, предназначенной исключительно для высокопоставленных персон.

Но вот туннель окончился. Отъехала вбок массивная дверь, и автомобиль выехал на открытое пространство — по-настоящему открытое, что правда, то правда. На Тренторе существовал единственный островок земли, не спрятанной под куполом, — двести пятьдесят квадратных километров. Тут стоял Дворец Императора. Селдон давно мечтал попасть на этот островок — но не из-за Дворца, конечно, а из-за того, что, кроме Дворца, здесь располагался также и Имперский Университет, а самое главное — Галактическая Библиотека.

Но вот что удивительно: покинув законсервированный мир Трентора и оказавшись там, где рос лес и раскинулись парки, он увидел небо, подернутое тучами, и поежился от холодного ветра. Селдон нажал кнопку и закрыл боковое стекло.

Погода стояла неважная.

3

Селдон и не надеялся увидеть Императора. Наверняка, в лучшем случае, его ожидала встреча с каким-ни-

будь вельможей из четвертого или пятого эшелона власти — из тех, кому позволено говорить от имени Императора.

Ведь, по сути дела, многим ли из людей довелось видеть Императора? Видеть воочию, а не на экране головизора? Кто видел его своими глазами, живого — такого, какого можно пощупать, того Императора, что никогда не покидал своего островка, по которому теперь автомобиль вез Седдона?

Таких людей, скорее всего, можно было пересчитать по пальцам. Двадцать пять миллионов обитаемых миров, а в каждом из них — по миллиарду жителей, а то и побольше, и скольким же из квадриллионов обитателей Галактической Империи посчастливилось — или могло посчастливиться — лицезреть живого Императора? Ну, скольким же? Тысяче?

Впрочем, кого это заботило? Ведь Император был не более чем символом Империи, таким же, примерно, как «Звездолет и Солнце», но еще менее осязаемым, еще менее реальным. Империя теперь ни для кого не означала ничего, кроме солдат и чиновников, что кишели повсюду, и расплодился в таком невероятном количестве, что люди стонали от этого непосильного бремени, взваленного на их плечи. Для народа они и были Империей — они, а не Император.

Поэтому, когда Седдона провели в небольшую, со вкусом обставленную комнату, где его ожидал довольно молодой мужчина, что сидел на краешке стола, небрежно покачивая ногой, он не на шутку удивился — уж больно дружелюбно выглядел этот чиновник. А ведь у Седдона уже не раз была возможность убедиться в том, что все высокопоставленные вельможи — а особенно тут, в цитадели Империи, — как на подбор, угрюмы и выглядят такими усталыми, словно именно на их плечах лежит тяжкий груз всех без исключения имперских забот и тягот. И при этом, что интересно, чем ниже рангом был чиновник, тем угрюмее и суровее взирал на посетителя.

Стало быть, этот чиновник добрался до таких заоблачных высот иерархической лестницы, где светило власти так согрело его своими ласковыми лучами, что

ему не было никакой охоты омрачать их сияние и напускать на себя тучи зловещей суровости.

Селдон толком не понимал, как следует себя вести, а потому решил, что для начала лучше будет помолчать — пусть тот, кто звал его, заговорит первым.

И молодой человек заговорил.

— Вы — Гэри Селдон, как я понимаю, — сказал он. — Математик.

Селдон ответил коротко:

— Да, сэр, — и стал ждать нового вопроса.

Молодой человек небрежно помахал рукой.

— Следовало бы не «сэр», а «сир», только я терпеть не могу церемоний. У меня в жизни нет ничего, кроме церемоний, и я от них порядком устал. Мы с вами наедине, так что я с удовольствием расслаблюсь. Садитесь, профессор.

С трудом веря собственным ушам, Селдон понял-таки, что перед ним Император Клеон Первый, собственной персоной, и изрядно оробел. Теперь, приглядевшись получше, он, пожалуй, уловил некоторое сходство между своим собеседником и тем Клеоном, которого постоянно показывали в выпусках новостей. Но в головизионных роликах Клеон казался совсем другим: всегда при параде, выше, благороднее, с каменным лицом.

А тут — на тебе, живой оригинал, совсем обычный человек.

Селдон не в силах был пошевелиться.

Император слегка нахмурился и как человек, настолько привыкший повелевать, что не умел отбросить эту привычку даже тогда, когда искренне старался разыгрывать демократа, недовольно проговорил:

— Я же сказал, садитесь. Вот сюда. И побыстрее.

Селдон, не говоря ни слова, сел. Даже «да, сир» он при всем желании выговорить не мог.

Клеон улыбнулся.

— Так-то лучше. Теперь мы сможем поговорить по-человечески, а ведь оно так и есть, если отбросить официоз, а?

Селдон осторожно отозвался:

— Если ваше императорское величество говорит, что это так, значит, так оно и есть.

— О, ну не надо этих реверансов, профессор. Мне бы хотелось побеседовать с вами запросто, на равных. Так мне было бы приятнее. Ну же, веселее, не стесняйтесь.

— Хорошо, сир.

— Ну, опять... «Хорошо» — и все, больше ничего не надо. Как же мне вас раскатать, ума не приложу?

Клеон смотрел на Седдона, и взгляд его показался Седдону лукавым и заинтересованным.

Наконец Император сказал:

— Знаете, а вы не похожи на математика.

Наконец-то Седдону удалось улыбнуться.

— Вот уж не знаю, как должен выглядеть математик, ваше имп...

Клеон предостерегающе поднял руку, и Седдон умолк на полуслове.

— Ну, наверное, математик должен быть седым, — прищурился Клеон, — седым, бородатым. Словом, обязательно стариком.

— Но ведь и математики когда-то бывают молоды.

— Да, но это тогда, когда о них никто не знает. А к тому времени, когда математиков знает вся Галактика, они именно таковы, как я сказал.

— Боюсь, у меня пока нет никаких заслуг.

— И тем не менее, вы выступили на конгрессе.

— О, на конгрессе выступали многие. Кое-кто был и моложе меня. Надо сказать, там мало на кого обратили внимание.

— А вот ваш доклад привлек внимание кое-кого из моих людей. Мне сообщили, будто вы верите в возможность предсказания будущего.

Седдон огорчился. «Вот он о чем, — разочарованно подумал математик. — Все об одном и том же, и все меня понимают неправильно. Не стоило мне, наверное, вообще делать этот доклад».

— На самом деле это не совсем так, — ответил он. — Моя работа гораздо скромнее. Есть множество систем, в которых при определенных условиях течение событий принимает хаотический характер. Это означает, что даже при наличии точки отсчета результаты предсказать невозможно. Так обстоит дело даже с примитивными системами, а чем система сложнее, тем

вероятнее ее хаотическое развитие. Издревле полагали, что столь сложная система, как человеческое сообщество, более других систем подвержена хаосу, и следовательно, ее развитие непредсказуемо. Моя работа, однако, позволила показать, что при изучении людского сообщества существует возможность избрать точку отсчета, и за счет определенных допущений, направленных на подавление хаотичности, получить возможность прогнозировать будущее — но не в подробностях, конечно, а общо, и не с уверенностью, но с рассчитанной долей вероятности.

Император, внимательно выслушав Селдона, спросил:

— Но разве это не означает, что вы показали, как предсказать будущее?

— Опять-таки, не совсем так. Я показал, что это теоретически возможно, но не более того. Для того чтобы добиться большего, потребовалось бы действительно в точности определить точку отсчета, сделать вероятностные допущения, а затем найти способы произведения расчетов для конкретной эпохи. Пока я не располагаю данными о том, как это все можно было бы проделать. Но даже если бы все это удалось, в лучшем случае, мы получим лишь возможность оценивать вероятность. А это далеко не то же самое, что предсказание будущего. Нет, это будут всего-навсего догадки о том, случится то-то и то-то или нет. Любой преуспевающий политик, удачливый бизнесмен, да вообще любой человек, искушенный в своем ремесле, способен таким образом оценивать будущее, и делать это весьма недурно, в противном случае как бы они все преуспевали?

— Да, но они смотрят в будущее, не прибегая к математике.

— Верно. Они полагаются на интуицию.

— Следовательно, вооружившись математикой, всякий сможет точно оценивать вероятность событий. Тогда на интуиции далеко не уедешь, верно?

— Верно-то верно, но ведь я пока доказал только то, что математический анализ всего лишь возможен. Практическую сторону я не затрагивал.

— Разве может так быть, чтобы нечто было возможно, но неосуществимо на практике?

— А разве нет? Теоретически у меня есть возможность побывать во всем мире Галактики и поздороваться с каждым из живущих там людей. Но на это мне не хватит целой жизни, и будь я даже бессмертен, все равно, я еще не успею пожать руки всем старикам, как на свет народится уйма новых детишек, а кто-то успеет умереть, пока я до него доберусь.

— С вашей математической проработкой будущего — та же история?

Седдон немного растерялся, но довольно быстро собрался с мыслями.

— Очень может быть, что математическая проработка заняла бы немислимо долгое время, даже если бы в распоряжении ученого был компьютер величиной с Галактику, работающий на гиперпространственных скоростях. К тому времени, когда добьешься ответа на поставленный вопрос, пройдет достаточно много лет, для того чтобы ответ потерял всякий смысл — жизнь неизбежно внесет свои поправки.

— Но почему не упростить этот процесс? — резко спросил Клеон.

— Ваше императорское величество... — Седдон почувствовал необходимость перейти на официальный тон, поняв, что Император явно не в восторге от его ответов и дружелюбие правителя мало-помалу убывает. — Представьте себе способ, которым физики изучали субатомные частицы. Этих частиц — неисчислимое множество, и каждая движется или колеблется по-своему, непредсказуемо, но оказывается, в этом хаосе существует свой внутренний порядок. Так родилась квантовая механика, способная ответить на правильно поставленные вопросы. Изучая общество, мы помещаем людей на место субатомных частиц, но тут возникает дополнительный фактор — сознание человека. Частицы движутся бессмысленно, а люди — осознанно. Если же учитывать разнообразие поведения и порывов, сложность расчетов возрастает настолько, что никакого времени на них не хватит.

— Ну, а у сознания не может быть такой же внутренней упорядоченности, как у бессмысленного движения частиц?

— Не исключено. Проведенные мною расчеты показывают, что порядок лежит в основе абсолютно всего, каким бы беспорядочным тот или иной процесс ни казался на первый взгляд. Но, увы, как отыскать этот внутренний порядок, эти закономерности. Представьте себе: двадцать пять миллионов миров, каждый — со своими особенностями, традициями, культурой, каждый оригинален и непохож на другие, и в каждом — миллиарды людей, каждый из которых мыслит по-своему, и все миры взаимодействуют, и варианты этих взаимодействий поистине неисчислимы! Словом, как бы ни был в теории возможен психоисторический анализ, его практическое осуществление представляется невероятным.

— Вы сказали «психоисторический»? Что это значит?

— Я назвал теоретическую оценку вероятности будущего «психоисторией».

Император спрыгнул со стола, пересек комнату, развернулся, вернулся к столу и остановился перед Седдоном.

— Встаньте! — приказал он.

Седдон вскочил и посмотрел на Императора снизу вверх — ведь тот был немного выше ростом. Седдон нервничал, но старался не отводить взгляд.

После паузы Клеон сказал:

— Эта ваша психоистория... Если бы ее удалось осуществить на практике, польза вышла бы немалая, не так ли?

— Просто фантастическая! Знания о том, что ждет нас в будущем, пускай даже в самом обобщенном виде, стали бы новым, невиданным руководством к действию — такое средство еще никогда не попадало в руки человечества. Но, конечно же...

Седдон не договорил.

— Ну? — нетерпеливо поторопил Клеон.

— Ну... дело в том, что за исключением ограниченного числа людей, ответственных за принятие решений, результаты психоисторического анализа не должны быть известны никому.

— Никому?! — удивленно воскликнул Клеон.

— Это совершенно очевидно. Позвольте, я попытаюсь объяснить. Если психоисторический анализ будет осуществлен, и результаты его станут достоянием общечеловечности, весь спектр людских эмоций и реакций тут же нарушится. А психоисторический анализ, основанный на эмоциях и реакциях, которые должны бы проявляться *без знания* о будущем, таким образом, становится бессмысленным. Понимаете?

В глазах Императора вспыхнули веселые искорки, он рассмеялся и воскликнул:

— Великолепно! — и при этом так хлопнул Седдона по плечу, что тот слегка покачнулся.

— Да как же вы не понимаете? — продолжал радоваться Клеон. — Неужели не видите? Нет никакой нужды предсказывать будущее. Нужно просто выбрать подходящее будущее — приятное и полезное, и обнародовать предсказание. Тогда всяческие эмоции и реакции, которых вы так боитесь, изменятся таким образом, что предсказанное будущее непременно настанет. Не лучше ли создать радостное будущее, чем предсказывать дурное?

Седдон нахмурился.

— Я вас понял, сир, но это точно так же невозможно.

— Невозможно?

— Ну, как минимум, непрактично. Не понимаете? Если нельзя взять отсчет от людских эмоций, то нельзя сделать и обратного. Нельзя вести отсчет от будущего и определять, какие именно эмоции и реакции людей к такому будущему приведут.

Клеон расстроился окончательно. Брезгливо поджав губы, он спросил:

— Ну, а ваш доклад — или как там он у вас называется — что от него толку?

— Это — чистая математика. Математиков он заинтересовал, но я... у меня и в мыслях не было, что у моих выкладок может быть практическое применение.

— Просто омерзительно! — сердито буркнул Клеон.

Седдон растерянно пожал плечами. Больше всего на свете он сейчас сожалел о том, что выступил с докладом. Что с ним станет теперь, если Императору взбредет в голову, что его одурачили?

А вид у Клеона был такой, что, похоже, все к тому и шло.

— И все-таки, — недовольно продолжал Император, — что, если бы вы все же сделали предсказание будущего, с математическим подтверждением или без оногo — такой прогноз, который помог бы государственным деятелям в управлении этими самыми людскими реакциями?

— Почему я? Зачем вам я? Государственные деятели вполне могут справиться с таким прогнозом сами, без моей скромной помощи.

— У государственных деятелей так не получится. Они то и дело выступают со всяческими заявлениями. Им мало кто верит.

— А мне-то с какой стати должны поверить?

— Вы — математик. Вы *рассчитываете* будущее, а не проинтуити... — нет, такого слова, кажется, не существует, но вы меня поняли, конечно.

— Но я не сумею сделать этого!

— А кто об этом узнает? — тихо спросил Клеон, с прищуром глядя на Селдона.

Оба молчали. Селдон понял, что угодил в западню. Получив от Императора столь недвусмысленный приказ, имел ли он право и возможность отказаться? Откажется — угодит в тюрьму, а то и на плаху. Будет суд, конечно, но на справедливость уповать нечего.

Он глубоко вздохнул и сказал:

— Ничего не выйдет.

— Почему же?

— Если бы меня попросили предсказать нечто туманное, в самых общих чертах, нечто такое, что могло бы произойти уже после жизни нынешнего поколения, а может быть, и после жизни следующего, я мог бы сделать это, но, с другой стороны, кому какое будет дело до этого предсказания? Разве озаботит хоть кого-то несметное богатство и высочайшее наслаждение, если они отдалены на сто, на двести лет? Чтобы добиться результатов, — продолжал Селдон, — мне пришлось бы предсказывать вещи более насущного, злободневного характера, более приближенные к нашему времени. Люди способны ответить только на такого

рода предсказания. Но раньше или позже, а скорее всего — раньше, нечто из предсказанного мной не сбудется, и тогда конец моей карьере прорицателя. Никто мне больше не поверит. Да и ваша популярность пошатнется. Но самое худшее — никто и никогда не отважится поверить в психоисторию, как в науку, никто не станет поддерживать, даже если в будущем математикам удастся приблизить ее достижения к реальности.

Клеон опустилсЯ в кресло и с усмешкой уставился на Селдона.

— И это все, на что вы, математики, способны? На то, чтобы доказывать, что то-то и то-то невозможно?

Селдон ответил тихо и обреченно:

— Но ведь это вы, сир, требуете невозможного.

— Дайте-ка, голубчик, я вас испытаю. Допустим, я бы у вас спросил, не паду ли я в один прекрасный день жертвой покушения. Что бы вы мне ответили с помощью вашей математики?

— Моя математическая система не дала бы ответа на столь конкретный вопрос даже в том случае, если бы психоистория работала на все сто. Вся квантовая механика в мире неспособна предсказать поведение одного отдельного электрона — в ее силах лишь предугадать усредненное поведение множества электронов.

— Вы лучше знаете свою математику, чем я. Ну, давайте, выдайте мне научную догадку. Так убьют меня или нет?

Селдон тихо проговорил:

— Это ловушка, сир. Либо скажите мне, какого ответа вы от меня хотите, и я вам дам его, либо позвольте говорить свободно, но обещайте, что я останусь цел.

— Говорите, что хотите.

— Вы даете мне честное слово?

— Хотите получить подтверждение в письменном виде? — съехидничал Клеон.

— Нет-нет, что вы... Вполне довольно вашего устного заверения, — промямлил Селдон с упавшим сердцем. Он отлично понимал, что честному слову — грош цена.

— Считайте, что я дал вам честное слово.

— Ну, что ж... тогда я могу сказать вам следующее: за четыре последних века более половины Императоров пали жертвой террора. Из чего я могу сделать заключение, что вероятность вашей гибели составляет приблизительно один к двум.

— Любой дурак мог бы дать такой ответ, — презрительно хмыкнул Клеон. — Тут математик не нужен.

— А я вам как раз и твержу все время, что моя математика совершенно не годится для решения практических вопросов.

— Но неужели вы даже не способны предположить, что я, к примеру, кое-чему выучился на ошибках своих неудачливых предшественников?

Селдон сделал глубокий вдох и с воодушевлением обреченного ответил:

— Нет, сир. Вся история говорит о том, что мы не учимся на ошибках прошлого. Ну, например, вы пригласили меня на личную аудиенцию. Что, если бы я взял да и оказался террористом? Я шучу, конечно, сир, — поспешно добавил он.

Клеон невесело улыбнулся.

— Голубчик, вы просто не осведомлены о нашей проникательности, а вероятно, и об успехах в технике, так сказать, самообороны. Нам о вас известно все до мелочей. Как только вы вошли, вас немедленно сканировали. Фотографии, запись голоса. Так что ваше эмоциональное состояние известно нам досконально. Можно даже сказать — мы прочли ваши мысли. Так что будьте уверены, будь у нас хоть малейшее сомнение в вашей благонадежности, вас бы сюда не допустили. Точнее говоря, вас уже не было бы в живых.

У Селдона закружилась голова, однако он взял себя в руки и произнес:

— Простым смертным всегда было нелегко приблизиться к Императорам, даже в те времена, когда у тех не было столь изощренной защиты. Однако почти всем покушениям предшествовали дворцовые заговоры. И именно ближайшее окружение Императора таит в себе наибольшую опасность для него. Этой угрозе никак не способно помешать самое тщательное обследование посторонних. Что же касается ваших приближенных,

ваших телохранителей, ваших близких, в конце концов, к ним вы не можете относиться так, как ко мне.

— Это мне известно, — кивнул Клеон. — Во всяком случае, не хуже, чем вам. Дело в том, что я неплохо обращаюсь со своим окружением, и ни у кого нет причин для недовольства и бунтов.

— Легкомысленное... — начал было Селдон, но смутился и умолк.

— Продолжайте! — гневно воскликнул Клеон. — Я вам позволил говорить открыто. Что тут показалось вам легкомысленным?

— Я неверно выразился, сир. Простите, сорвалось. Я хотел сказать «неверное». Вы неверно относитесь к своему окружению. Вы, конечно, подозрительны; было бы странно, если бы это было не так. Неосторожно оброненное слово — ну, вот, как у меня сейчас вышло — легкомысленный жест, двусмысленное выражение лица — этого достаточно, чтобы вы посмотрели на этого человека подозрительно. Вашего подозрительного взгляда будет достаточно для того, чтобы события завернулись по порочному кругу. Ваш приближенный заметит вашу подозрительность, начнет нервничать, поведение его утратит естественность, и в конце концов либо его казнят, либо вас убьют. Именно так все обстояло с Императорами в последние четыре столетия, и, кстати говоря, это — один из признаков того, что событиями в Империи становится управлять все труднее.

— Получается, что я ничего не способен сделать, чтобы избежать покушения?

— Нет, сир, — ответил Селдон, — но, правда, вы можете оказаться удачливее своих предшественников.

Кончики пальцев Клеона барабанили по подлокотнику кресла. Наконец он сердито проговорил:

— От вас никакого толку, так же, как и от вашей психоистории. Уходите.

Император отвел взгляд в сторону и как-то вдруг вмиг постарел.

— Я говорил вам, сир, что вам моя математика никакой пользы не принесет. Примите мои искренние извинения.

Седдон собрался было отвесить прощальный поклон, но в комнате внезапно появились двое охранников и увели его. Голос Клеона прозвучал вслед:

— Доставьте этого человека туда, откуда привели.

4

Войдя, Эдо Демерзель одарил Императора взглядом, исполненным подобающего преклонения.

— Сир, — проговорил он, — вы чуть было не вышли из себя.

Клеон посмотрел на Демерзеля и вымученно улыбнулся.

— Да, представьте себе. Этот человек меня ужасно разочаровал.

— Понимаю, однако он не сообщил больше, чем у него есть.

— О, да. Если считать, что у него ничего и не было.

— Но он ничего и не пообещал, сир.

— Да. Печально.

— Более чем печально. Этот человек — лишний козырь.

— Что-то лишнее, Демерзель? Вечно ты сыплешь непонятными поговорками. Что за козырь?

— Эту поговорку я слышал очень давно, в молодости, сир. Империя велика, и поговорок в ней великое множество. Кое-какие из них не слыхивали на Тренторе, а те, что в ходу у нас, неведомы в других мирах.

— К чему ты это говоришь? Я и без тебя знаю, что Империя велика. Ты мне объясни, что ты хотел сказать об этом человеке.

— Только то, что он способен принести немало вреда, даже не задумываясь об этом, не нарочно. Он не помышляет о том, какова его сила. Ну, не сила, так важность.

— Это твои догадки, Демерзель?

— Да, сир. Он провинциал. Он не знает Трентора и его порядков. Он никогда не бывал здесь раньше и просто не умеет вести себя как человек светский, благородно воспитанный. И все же он вел себя с достоинством, представ перед вами.

— А что тут такого? Я позволил ему говорить открыто. Отбросил весь этикет, все формальности. Обращался с ним, как с равным.

— Не совсем так, сир. Как бы вы ни старались вести себя с другими, как с равными, у вас все равно не получится. Не в крови это у вас. Вы привыкли повелевать. Да расстарайся вы изо всех сил дать собеседнику возможность расслабиться, мало у кого такое выйдет. Большинство попросту утратит дар речи, а другие, что во сто раз хуже, начнут раболепствовать и растекаться мыслью по древу. Этот человек выстоял с честью, сир.

— Не знаю, не знаю... Можешь, конечно, восторгаться, Демерзель, дело твое, но мне он не понравился, — буркнул Клеон и призадумался. — Кстати, ты заметил: он даже не пытался объяснить мне эту свою математику? Как будто знал, что я ни слова не пойму.

— Но ведь вы бы и правда не поняли, сир. Вы не математик, не ученый, не художник. Есть масса областей знания, где другие знают больше вас. И их призвание состоит в том, чтобы они поставили свои знания на служение вам. Вы — Император, а это звание выше всех других, вместе взятых.

— Да? Знаешь, меня бы ни капельки не обидел намек на мое невежество, прозвучи он из уст старика, копившего свой багаж знаний долгие годы. Но этот Седдон, он же мой ровесник. Как же он ухитрился узнать так много?

— Вероятно, ему не пришлось тратить время на постижение науки повелевать и искусства достижения мудрых решений величайшей важности.

— Демерзель, честное слово, иногда мне кажется, что ты смеешься надо мной.

— Сир? — с упреком воскликнул Демерзель.

— Ладно-ладно, пустяки. Вернемся к нашему математику. Почему ты решил, что он опасен? Мне он показался всего-навсего наивным провинциалом.

— Так оно и есть. Дело не в нем самом, а в его математических наработках.

— Он утверждает, что они совершенно бесполезны.

— А вы думали, что из них можно извлечь пользу, правда? И я так подумал, когда вы мне рассказали. Так же могут подумать и другие. И сам математик от этого

не застрахован: ведь теперь эта мысль засядет у него в голове. Кто знает, вдруг он все-таки до чего-то додумается? А додумается, тогда... Вы же понимаете, что способность предсказывать будущее, пускай даже туманно и неопределенно, таит в себе величайшую власть. Даже если ему самому эта власть окажется ни к чему — знаете, попадаются среди ученых такие альтруисты, ну, да я, к слову сказать, не очень в это верю — найдутся те, кто быстренько им воспользуется.

— Я попытался. Ничего не вышло.

— Просто он пока не думал об этом. А вот теперь — кто знает? На ваши уговоры он не поддался, а вдруг его уговорит... ну, скажем... к примеру, мэр Сэтчема?

— А с чего бы это ему помогать Сэтчему, а не нам?

— Он же объяснил, что трудно прогнозировать эмоции и поведение отдельных людей.

Клеон нахмурился и задумался.

— Так ты действительно думаешь, что он мог бы разработать свою психоисторию так, что от нее на самом деле была бы польза? Он-то уверен, что у него такое не выйдет.

— Пройдет время, и он может решить, что был не прав, отрицая такую возможность.

Клеон опять нахмурился.

— Значит, зря я его отпустил.

— Нет, сир, — покачал головой Демерзель. — Ваша интуиция не обманула вас. Отпустили, и правильно сделали. Арест, как бы его ни замаскировывать, вызвал бы у него протест, отчаяние — а человек в таком состоянии не будет способен творчески мыслить, откликаться на любые наши призывы о сотрудничестве. Гораздо разумнее было отпустить Селдона, но отныне надо держать его на невидимом поводке. Так мы сможем пронаблюдать, сир, не захватят ли его, не используют ли вам во вред ваши враги. А в нужное время, когда он разработает свою науку, можно будет потянуть за поводок и извлечь его на свет, нашего математика драгоценного. А тогда... вот тогда мы сможем вести себя более... более настойчиво.

— Ну, а если кто-то из моих врагов... вернее сказать, из врагов Империи, ведь я — это и есть Империя, — захватит его в свои руки, а то он и сам возже-

лает пойти в услужение к врагам? Пойми, я не могу сбрасывать со счетов такую возможность.

— Правильно делаете. Но не волнуйтесь. Я прослежу за тем, чтобы этого не произошло. Но уж если, несмотря на все мои старания, такое случится, будет лучше, чтобы он не достался никому, чем попал в плохие руки.

Клеону стало неловко.

— Действуй, как знаешь, Демерзель, но я очень надеюсь, что мы не станем спешить. В конце концов, он и правда, может быть, не кто иной, как кабинетный ученый, придумавший науку, от которой нет и не может быть никакого толку.

— Конечно, сир, конечно, однако гораздо разумнее будет предположить, что этот человек заслуживает того, чтобы ему уделили внимание. Что мы потеряем, если в конце концов окажется, что опасения наши напрасны? Немного времени, ничего больше. А вот если окажется, что мы проглядели фигуру величайшей важности, мы потеряем всю Галактику...

— Что ж, хорошо, пусть будет так, — кивнул Клеон, — но очень надеюсь, что ты избавишь меня от подробностей, если они окажутся не слишком приятными.

— Очень надеюсь, что до этого не дойдет.

5

Весь вечер, всю ночь, все утро встреча с Императором не выходила у Седдона из головы. О том, что прошло столько времени, он мог судить лишь по смене освещенности в коридорах, на площадях и в парках Имперского сектора Трентора.

Утром Седдон удобно устроился на пластиковой скамейке в небольшом сквере. Скамейка, как только он опустился на нее, приняла очертания его тела. Судя по освещенности, было довольно рано, и воздух был прохладен ровно настолько, чтобы испытать ощущение утренней свежести, но при этом не ежиться.

Неужели здесь все время так? Он вспомнил, какой пасмурный день стоял под открытым небом вчера, когда его везли к Императору, вспомнил самые разные дни —

непогожие, морозные и жаркие, дождливые и снежные — дома, на Геликоне, и подумал: скучает ли здесь кто-нибудь по капризам погоды? Ну, правда, разве не странно — посиживать на Тренторе в уютном парке при идеальной погоде, и при этом взять да вдруг заскучать по пронизывающему ветру или покусывающему кожу морозцу, а то еще — по влажной духоте?

Наверное, заскучать можно. Но не в первый, не во второй и даже не на седьмой день. А ему осталось пробыть тут совсем недолго. Завтра он улетит отсюда, а пока можно и понаслаждаться прелестями искусственного климата. В конце концов, может быть, и не доведется больше побывать на Тренторе.

И все-таки ему было немного не по себе от того, что он так смело разговаривал с человеком, который, будь на то его воля, мог отдать приказ отправить в тюрьму или на казнь любого — или по крайней мере устроить все так, чтобы человек, не пришедшийся ему по нраву, остался без средств к существованию и занимаемого положения, что, в общем-то, равноценно смерти.

Поздно вечером, перед тем как лечь спать, Седдон поинтересовался жизнеописанием Клеона I. Компьютер в его гостиничном номере с готовностью предоставил ему эту информацию. Как и следовало ожидать, Седдон прочел уйму восхвалений в адрес здравствующего Императора — наверняка точно так же обстояло дело при жизни любой из царствующих особ, какой бы грязью их ни поливали впоследствии. Восхваления, естественно, оставили Седдона равнодушным, зато его очень заинтересовал тот факт, что Клеон родился во Дворце и за всю жизнь ни разу не покидал его окрестностей. Получалось, он и на самом Тренторе-то фактически не бывал, и за все время своего правления не посетил ни одного из многочисленных, покрытых куполами секторов. Очень может быть, что такое затворничество имело целью сохранение жизни и безопасности монарха, но на самом деле тут откровенно попахивало тем, что Император пребывал в заточении — неважно, признавался он себе в этом сам или нет. Пусть он томился в самой роскошной из всех тюрем Галактики, все равно это была тюрьма.

И хотя Император производил впечатление человека мягкосердечного и никоим образом не напоминал кровожадного тирана, каковыми были многие из его предшественников, все равно радости от того, что его внимание устремилось на тебя, было мало, что и говорить. Поэтому Селдона приятно согревала мысль о том, что завтра он улетит на Геликон, несмотря на то что в его родном городе сейчас стояла зима, и зима, надо сказать, суровая.

Селдон запрокинул голову. Все вокруг было озарено ярким рассеянным светом. Никакого дождя тут, конечно, не могло быть и в помине, но не сказать, чтобы воздух был такой уж сухой. Неподалеку весело играли струи фонтана, зеленели деревья и кусты, которые, судя по всему, никогда не ведали засухи. Время от времени в кустах раздавалось шуршание и шорохи — может быть, там копошились и бегали какие-то маленькие зверьки. Слышалось жужжание пчел.

Удивительно. Вся Галактика говорила о Тренторе, как об искусственном мире, в котором нет ничего, кроме металла и керамики, а тут все было такое живое, настоящее...

Несмотря на ранний час, парк не был безлюден. Неподалеку расположилась довольно хорошенькая молодая женщина, но она склонилась над выюером, и Селдон не мог как следует разглядеть ее лица. Мимо прошел мужчина, бросил на Селдона короткий взгляд и, усевшись на скамейку напротив, положил ногу на ногу и углубился в чтение кипы телепринтов. На нем были облегающие розовые брюки.

Да, на Тренторе, как ни странно, мужчины предпочитали одежду пастельных тонов, а женщины, как правило, носили белое. Что ж, в таком стерильном мире, наверное, склонность к ношению светлой одежды вполне оправданна. Селдон почувствовал себя не слишком ловко в своем геликонском темно-коричневом костюме. Задержись он на Тренторе (нет-нет, он не собирался задерживаться, только если бы), ему пришлось бы обзавестись подобающей одеждой, а иначе он, безусловно, привлек бы к себе массу любопытных взглядов, улыбок, а то и насмешек, не дай бог. Ну вот, пожалуйста, — мужчина оторвал взгляд от телепринтов и на

этот раз посмотрел на Седдона с большим любопытством. Наверняка из-за провинциального костюма.

Ну, ладно, спасибо, хоть не улыбнулся. Размышлять на тему о том, что он смешон, Седдон мог сколько угодно, но уж радоваться этому вовсе не собирался.

Седдон имел возможность разглядывать своего визави совершенно открыто, поскольку тот, похоже, просматривая листки распечаток, вел какой-то безмолвный спор с невидимым противником. Вот он уже был готов заговорить вслух, потом призадумался, и вскоре опять собрался разразиться какими-то доводами... Седдон смотрел и гадал, чем же кончится эта безмолвная перебранка.

Он внимательно разглядывал мужчину. Тот был высокого роста, спортивного, пожалуй, даже атлетического телосложения — широкие плечи и ни малейших признаков полноты. Волосы у него были темно-русые, местами выгоревшие, лицо незнакомца было гладко выбрито, казалось немного печальным, но производило впечатление внутренней силы. Немного грубоватое лицо — приятное, но уж никак не «милое».

К тому времени, когда незнакомец не то проиграл, не то выиграл молчаливую битву с самим собой, отложил листки и взглянул на Седдона, Седдон решил, что этот человек ему нравится.

Тот сказал:

— Прошу прощения, вы, случайно, не присутствовали на последнем Конгрессе? На математическом?

— Присутствовал, — кивнул Седдон.

— А, значит я вас там и видел. Я вас сразу узнал, вот и сел напротив. Простите, если помешал...

— Вовсе нет. Я совершенно свободен.

— Позвольте, я угадаю. Вы — профессор Седдон.

— Седдон. Гэри Седдон. Угадали точно. А вы?

— Четтер Челвик, — ответил мужчина и немного смутился. — Вы уж извините, имечко у меня доморощенное, местное.

— Я и правда до сих пор не знавал ни одного Четтера, — улыбнулся Седдон. — И Челвик тоже как-то не попадалось. Стало быть, вы в своем роде человек уникальный. Знаете, а ведь это лучше, чем

затеряться, как я, среди бесконечных Гэри. Жутко распространенное имя. Не говоря уже о Селдонах.

Селдон приподнял свою скамейку и придвинул поближе к Челвику. Керамоидный гравий мягко захрустел.

— Я как раз не прочь потолковать о местных обычаях, — негромко проговорил Селдон. — Скажите, я очень нелепо выгляжу в своем провинциальном наряде? Знаете, как-то и в голову не приходило, что нужно обзавестись тренторианским гардеробом.

— Ну, так купили бы, — пожал плечами Челвик, вежливо, но смущенно оглядев одежду Селдона.

— Да ведь я завтра уже улетаю, и потом... мне это не по карману. Знаете, математики порой имеют дело с колоссальными числами, но эти числа не имеют никакого отношения к их доходам. А вы, видимо, тоже математик, Челвик.

— Я? Что вы! Ни малейших способностей. Полный профан.

— О... — разочарованно протянул Селдон. — А вы сказали, что видели меня на Декадном Конгрессе.

— Я там присутствовал в качестве наблюдателя. Я — журналист.

Для вящей убедительности он помахал пачкой телепринтов и, похоже, сам немало удивившись, что листки до сих пор у него в руке, свернул их и спрятал в карман куртки.

— Я собираю материал для выпусков головизионных новостей. Честно говоря, — добавил он, немного помолчав, — надоело это мне порядком.

— Работа надоела?

Челвик кивнул.

— Надоело собирать в одну кучу бесконечную ерунду из всех миров. Ненавижу это вечное качение по наклонной плоскости.

Он прищурился и посмотрел на Селдона в упор.

— Но бывают и исключения. Вот, к примеру, я слышал, будто вас видели в компании с Императорскими гвардейцами, которые вас, вроде бы, сопроводили во Дворец. Может, вам и Императора повидать довелось, а? Улыбка моментально исчезла с лица Селдона.

— Даже если бы это действительно произошло, вряд ли бы я стал болтать об этой встрече с тем, кто потом выложит это в новостях.

— Нет-нет, при чем тут новости? Вы, судя по всему, не в курсе, Селдон, ну, а я вас просвещу. Первое правило игры в новости заключается в том, что об Императоре и его ближайшем окружении никогда, ни при каких обстоятельствах не говорится ничего, кроме того, на что дается высочайшее официальное разрешение. И это, конечно, глубочайшее заблуждение, поскольку вечно расползаются слухи, а слухи всегда хуже, чем правда. Но дело обстоит именно так.

— Но если вы не сможете ничего опубликовать, обнародовать, зачем же вы меня спрашиваете?

— Из любопытства. Только из любопытства. Уж вы мне поверьте, я по работе узнаю намного, намного больше, чем узнают зрители выпусков новостей. Дайте-ка я еще разок угадаю... я не слишком внимательно слушал ваш доклад, но понял, что вы говорили о возможности предсказания будущего.

Селдон покачал головой и пробормотал:

— И зря говорил...

— Простите?

— Да нет, ничего.

— Ну так вот... — как ни в чем не бывало, продолжил Челвик. — Предсказание будущего, точное предсказание, я хочу сказать, наверняка заинтересовало бы Императора, да и любого из правительственной верхушки. Отсюда я делаю вывод, что Клеон Первый и пока единственный пожелал потолковать с вами об этом, и спросил вас, не сделаете ли вы для него пару-тройку предсказаний.

Селдон отрезал:

— Я не желаю говорить на эту тему.

Челвик слегка пожал плечами.

— Наверняка там был и Эдо Демерзель.

— Кто?

— А вы про Эдо Демерзеля ничего не знаете?

— И не слышал этого имени никогда.

— Демерзель — второе «я» Клеона, мозг Клеона, злой дух Клеона. Называть его можно по-всякому, но

не дай бог — вслух, а то... Словом, он должен был там быть.

Селдон явно не знал, что ответить, и Челвик помог ему:

— Ну, вы его, может быть, и не видели, но он точно там был. А уж если он думает, что вы умеете предсказывать будущее...

— Да не умею я предсказывать будущее! — затряс головой Селдон. — Если бы вы слушали мой доклад, вы бы знали, что я говорил исключительно о том, что это теоретически возможно.

— Какая разница? Если он *считает*, что вы способны предсказать будущее, он вас просто так не отпустит.

— Отпустил, как видите. Вот он я, перед вами.

— Это ничего не значит. Он прекрасно знает, где вы, и все время будет знать. А когда вы ему понадобится, он вас достанет, где бы вы ни были. И если он решит, что вы сможете быть ему полезны, он из вас эту пользу выкачает. А уж если он решит, что вы опасны, он выкачает из вас жизнь.

Селдон нахмурился.

— Чего вы добиваетесь? Хотите напугать меня?

— Я хочу вас предостеречь.

— Я вам не верю.

— Не верите? Разве не вы сами только что сказали, что сделали что-то зря? Что вы при этом имели в виду? Не то ли, что зря сделали доклад и из-за этого попали в беду?

Селдон нервно закусил губу. На этот раз Челвик угадал совершенно точно, и в это самое время Селдон понял, что за ним следят.

Не то чтобы мелькнула чья-то тень, нет, ведь свет здесь был такой, что никаких теней попросту и быть не могло — слишком мягкий и рассеянный. Он просто уловил краешком глаза быстрое движение — даже не быстрое, а мгновенное, а в следующий миг кто-то остановился рядом.

Глава 2

БЕГСТВО

ТРЕНТОР — столица Первой Галактической Империи. При Клеоне I слава его клонилась к закату. Любопытно, что посторонним наблюдателям казалось, будто Трентор — на вершине могущества. Площадь поверхности планеты, составляющая двести миллионов квадратных километров, находилась целиком (исключая территорию, где стоял Дворец Императора) под защитной оболочкой, ниже которой простирался бесконечный город, что уходил в глубь континентального шельфа. Население Трентора насчитывало сорок миллиардов человек, и, хотя, если приглядеться повнимательнее, становилось очевидно, что тут накопилась масса проблем и противоречий, сами жители Трентора ничего особенного не замечали, и, без сомнения, по-прежнему полагали, что живут в легендарном «Вечном Городе», и даже помыслить не могли, что когда-либо...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

6

Селдон поднял голову. Перед ним стоял молодой человек, устремив на него сверху вниз взгляд, полный изумления и презрения. Еще один, помоложе, стоял с ним рядом. Оба высокие и крепкие.

И тот и другой были одеты не иначе как по последней тренторианской моде, как показалось Селдону, — в одежду ярких, кричащих цветов. Талии юнцов были подпоясаны широкими ремнями с бахромой, головы

украшали широкополые шляпы, тульи которых были обвязаны длинными розовыми лентами, а их концы свисали сзади до плеч.

Селдону вид незнакомцев показался забавным, и он не смог сдержать улыбки.

Тот, что стоял прямо перед ним, огрызнулся:

— Чего скалишься, несчастный?

Оставив без внимания грубый тон обращения, Селдон мягко проговорил:

— Простите, что улыбнулся. Просто мне очень понравилось, как вы одеты.

— Как я одет? Вот как? А вот ты как одет? Это мерзкое тряпье ты называешь одеждой?

Грубиян протянул руку и ухватился за лацкан пиджака Селдона. О, каким уродливым, грубым, тяжелым, просто непристойным показался в это мгновение Селдону его злосчастный костюм!

— Что же делать? — вздохнул Селдон. — Я ведь нездешний, и моя одежда, естественно, тоже. Но другой у меня нет.

Тем временем, как заметил Селдон, немногие из гулявших в парке поднялись со скамеек и удалились. Похоже, поняли, к чему дело клонится, и решили вовремя смотать удочки. Селдон не знал, ушел ли и его новый знакомец, Челвик, но не мог этого узнать при всем желании: молодой грубиян стоял перед ним как вкопанный. Селдон чуть-чуть отодвинулся назад вместе со скамейкой.

— Так ты нетутошний? — грубо поинтересовался юнец.

— Верно. Потому я так и одет. Я здесь в гостях.

— И с какой такой планеты?

— С Геликона.

Юнец нахмурился.

— Сроду о такой не слыхивал.

— Это очень маленькая планета.

— Так почему ты не уберешься туда?

— Я завтра улетаю.

— Завтра? Ошибаешься! Сейчас, немедленно, понял?

Юнец обменялся взглядом со своим спутником. Селдон тоже посмотрел на второго нахала и успел заметить

Челвика. Тот, оказывается, не ушел, но больше в парке не осталось ни души — Седдон, Челвик и двое скандалистов.

— Я намеревался посвятить день осмотру достопримечательностей, — возразил Седдон.

— Подумай хорошенько. Ты ошибся, приятель. Во все не собирался. Ты сейчас же отправишься домой, к мамочке.

Седдон улыбнулся.

— Простите, но я этого не сделаю.

Юнец спросил у своего спутника:

— Эй, Марби, тебе нравится его тряпье?

Марби наконец раскрыл рот.

— Не-а. Жуткое тряпье. Аж тошнит.

— Ну, и что нам с ним делать, Марби? Отпустить, чтобы он тут разгуливал и всех от него тошнило, а? Ведь это, Марби, вредно для здоровья, как ты считаешь?

— А то как же! Еще как вредно-то, Алем, — отозвался Марби.

Алем хмыкнул.

— Эй, ты, слышал, чего Марби сказал?

Ему ответил Челвик.

— Послушайте вы — Алем, Марби, или как вас там. Позабавились и хватит. Что вам еще нужно?

Алем, который на ту пору стоял, наклонившись над Седдоном, выпрямился и обернулся.

— А ты кто такой?

— Не твое дело, — в тон ему ответил Челвик.

— Тренторианец? — упорствовал Алем.

— И это тоже не твое дело.

Сдвинув брови, Алем оглядел Челвика с ног до головы.

— Одежка-то вроде у тебя нашенькая. Слушай-ка, нам до тебя дела нет, мы тебя не трогаем, и ты нас не трогай, не встречай, понял?

— Я не уйду, запомни. Так что нас двое. Двое на двое, стало быть. Похоже, вы не как драться собирались? Может, пойдете, еще дружков прихватите, чтобы вас стало побольше против нас двоих?

Седдон вмешался:

— Челвик, послушайте, может быть, вам лучше уйти? Спасибо, что вступились за меня, но мне неудобно, ей-богу. Вам-то зачем подвергать себя опасности?

— Никакой опасности, Селдон. Дешевые оболтусы, задиры паршивые, больше ничего. Лакеи.

— Ла-ке-и? — взревел Алем, которому это слово пришлось явно не по душе, и Селдон решил, что, видимо, почему-то оно на Тренторе имеет более обидное значение, чем на Геликоне.

— Так, Марби, — распорядился Алем. — Ты, значит, разберись-ка с этим, что нас лакеями обозвал. От лакея слышу, понял? А я пока быстренько приведу в божеский вид этого Селдона. А ну...

Он наклонился, рванул на себя лацканы пиджака Селдона. Селдон резко согнул одну ногу в колене и опрокинулся на спину вместе со скамейкой. При этом он успел ухватить Алема за руки, тот не удержался на ногах, кувырнулся и брякнулся на спину позади Селдона.

Селдон рывком встал, глянул на Алема, потом быстро нашел взглядом Марби.

Алем лежал неподвижно, лицо его скривила гримаса страдания. Большие пальцы его рук были выбиты, он скрючился от удара в пах и дикой боли в ушибленном позвоночнике.

Челвик левой рукой держал Марби за шиворот, а правой заломил правую руку нахала за спину. Физиономия Марби побагровела, он ловил воздух ртом, словно рыба, выброшенная на берег. На земле у его ног валялся нож, в прозрачной рукоятке которого светился огонек миниатюрного лазера.

Челвик чуть-чуть ослабил хватку и сказал не без сострадания:

— Здорово вы его отделали.

— Боюсь, что так, — смущенно ответил Селдон. — Знаете, упади он чуть-чуть иначе, он бы шею сломал.

— Что же вы за математик такой? — удивленно спросил Челвик.

— Геликонский, — без тени иронии ответил Селдон, наклонился, подобрал с земли нож, повертел его в руках и сказал: — Неприятная штукавина. Наверняка смертельная.

— Хватило бы и самого обычного ножа, без всяких выкрутасов. Слушайте, давайте-ка отпустим этих паршивцев подобру-поздорову. Сомневаюсь, что они еще хотят драться.

И он отпустил Марби, который тут же принялся яростно потирать плечо и шею. Хрипло дыша, он с ненавистью смотрел на Селдона и Челвика.

Челвик резко, отрывисто проговорил:

— А теперь убирайтесь оба. В противном случае нам придется дать показания против вас. Оскорбление личности и покушение на жизнь. Нож — вещественное доказательство.

Марби наклонился над Алемом, поднял его с земли, подхватил под мышки и поволок прочь. Пару раз они оглянулись, а Селдон и Челвик проводили их бесстрастными взглядами.

Селдон протянул Челвику руку.

— Как мне отблагодарить вас? Вы пришли на помощь совершенно незнакомому человеку. Сам бы я с ними, конечно, не справился.

Челвик протестуяще помахал рукой.

— А я их попросту не испугался. Самые что ни на есть обычные уличные бродяги. Нужно было попросту приложить руки — мои, и ваши, конечно.

— А хватка у вас прямо-таки мертвая, — улыбнулся Селдон.

Челвик пожал плечами.

— Да и вы, как я погляжу, не промах. Послушайте, — добавил он, не меняя интонации, — лучше и нам убраться отсюда, не теряя времени.

— Зачем? — удивился Селдон. — Вы боитесь, что эти двое вернутся?

— Эти-то вряд ли. А вот те отчаянные храбрецы, что так быстро разбежались отсюда, чтобы не плятить глаза на драку, запросто могли вызвать полицию.

— Ну и отлично. Мы знаем имена обидчиков. И можем точно описать их внешность.

— Их? Они-то полиции на что сдались?

— Как! Они же первые напали!

— Не валяйте дурака. У нас с вами — ни единой царапины. А им обоим понадобится солидная медицин-

ская помощь, особенно Алему. Арестуют нас, это я вам точно говорю.

— Но это же невозможно. Люди подтвердят, что...

— Да не будет никаких людей! Слушайте, Селдон: выбросьте вы эту блажь из головы, и побыстрее. Эти двое искали вас — именно вас. Им сказали, что на вас — геликонская одежда и старательно описали вашу внешность. Может, даже голографический снимок показали. Сильное у меня подозрение, что их подослали такие люди, которые держат под контролем полицию, так что не стоит нам тут задерживаться.

И Челвик быстрым шагом пошел вперед, крепко ухватив Селдона за руку. Теперь у Селдона появилась возможность лично оценить мертвую хватку Челвика. Сбросить его руку он при всем желании не мог, а потому потащился следом, словно послушное дитя за нянькой.

Вскоре они нырнули в сводчатый туннель, и еще до того, как глаза Селдона успели привыкнуть к менее яркому свету, позади послышался визгливый скрип тормозов.

— Явились — не запылились, — пробормотал Челвик. — Быстрее, Селдон.

Новые знакомые прыгнули на движущийся тротуар и быстро затерялись в толпе.

7

Селдон пытался убедить Челвика зайти к нему в гостиницу, но тот и слышать об этом не хотел.

— Вы что, с ума сошли? — спросил он полупшепотом. — Там вас уже ждут с распростертыми объятиями.

— Но все мои вещи тоже там и ждут меня.

— Ну, что ж, придется им подождать подольше. Надеюсь, у них хватит терпения.

Разговаривали они, сидя в небольшой однокомнатной квартире. Дом, где она располагалась, находился в районе, Селдону совершенно неведомом. Он с любопытством разглядывал комнату. Большая ее часть была занята письменным столом, стулом, кроватью и компьютером. Ни кухни, ни ванной, ни туалета. Жутко неудобно. Челвик водил Селдона в общую туалетную

комнату, расположенную в другом конце коридора. И что же? Кто-то ввалился туда, когда Селдон еще не успел закончить свои дела, бросил любопытный взгляд на одежду Седдона и отвел глаза.

Когда Селдон рассказал об этом Челвику, тот покачал головой и сказал:

— Придется тебе сменить одежду. Да, жаль, что на Геликоне так сильно отстали от моды.

Селдон недовольно проговорил:

— Послушай, Челвик, а может быть, все это — игра твоего воображения? Да, ты меня наполовину убедил, но все-таки, вдруг это просто нечто вроде... вроде...

— Вроде паранойи, хочешь сказать?

— Если на то пошло, да. Вдруг это действительно у тебя такая навязчивая идея?

— А ты подумай хорошенько, только не перебивай, ладно? Математически я тебе ничего доказать, конечно, не сумею, однако... Ты виделся с Императором. Не отрицай, не надо. Выскажу предположение: он требовал у тебя каких-то подробностей, имеющих отношение к будущему, и ты отказался. А Демерзель, вероятно, полагает, что ты лжешь, утверждая, будто не в силах сделать никаких предсказаний. Он думает, что ты приберегаешь столь ценную информацию для того, кто посулит тебе цену повыше, а может быть, уже предложил. Кто знает? Я говорил тебе: если Демерзель захочет, он тебя из-под земли достанет. Причем заметь: сказал я тебе об этом до того, как двое повес появились на сцене развития событий. Я — журналист и тренторианец. Уж я-то знаю, как такие делишки обстряпываются. Помнишь, Алем обронил фразочку: «Он-то нам и нужен». Помнишь?

— Помню, представь себе.

— Я для него был... так, ноль без палочки, досадная помеха, а задание у него было — напасть на тебя.

Челвик уселся на стул и указал пальцем на кровать.

— Приляг, Селдон, расслабься, отдохни. Кто бы ни подослал эту парочку (я-то уверен, что Демерзель), он способен подослать других, стало быть, первым делом нужно избавиться от твоего злосчастного костюма. Ду-

маю, всякому геликонцу в этом секторе придется невесело, пока он не сумеет доказать, что он — не ты.

— Ну ладно, ладно...

— Нет, я серьезно. Тебе придется раздеться, а костюмчик твой мы уничтожим в атомайзере, если удастся подобраться к нему незамеченными. Но для начала я должен раздобыть для тебя тренторианскую одежду. Ты пониже меня ростом, и я это учту. Если немного не подойдет, не обессудь.

Селдон покачал головой.

— У меня денег не хватит расплатиться. Это мне не по карману. Денег у меня — курам на смех, да и те — в гостиничном сейфе.

— Об этом подумаем позднее. Посиди тут без меня часок-другой, а я отправлюсь по магазинам.

Селдон развел руками и вздохнул.

— Ладно, сдаюсь. Если это так важно, я побуду тут.

— Точно? Не рванешь в гостиницу? Даешь честное слово?

— Слово математика. Но мне действительно неловко от того, что ты проявляешь обо мне заботу. Да еще тратиться вздумал. Ведь, на самом-то деле, что бы ты ни толковал о Демерзеле, эти забияки вовсе не намеревались избить меня или похитить. Они хотели только раздеть меня.

— Не только. Кроме того, они собирались поволочь тебя в космопорт и посадить на корабль, отправляющийся прямехонько на Геликон.

— Ну, это они так... я этого всерьез не принял.

— Почему же?

— Но я же все равно улетаю. Завтра. Я им так и сказал.

— И до сих пор собираешься лететь? — спросил Челвик.

— Конечно. Почему бы и нет?

— Тебе нельзя лететь ни в коем случае. Для этого — масса причин.

Тут Селдон рассердился не на шутку.

— Слушай, Челвик, я больше не в силах продолжать эту игру. Здесь у меня нет больше никаких дел, и я хочу домой. Билет мой, к сожалению, в гостинице, а то бы я

его поменял на сегодняшний рейс. И поменяю при первой возможности.

— Тебе нельзя возвращаться на Геликон.

Селдон покраснел.

— Да почему же? Что, там меня тоже ждут?

Челвик кивнул.

— Не кипятись, Селдон. Да, там тебя тоже будут ждать. Выслушай меня. Лететь на Геликон — значит, лететь в самые лапы Демерзеля. Что такое твой Геликон? Добропорядочная, законопослушная имперская территория. Случались у вас там хоть раз бунты? Хоть раз в жизни кто-то хоть одной ногой вставал под знамена врагов Императора?

— Нет, и слава богу. Планета окружена более населенными мирами. Мир в Империи — залог спокойствия и безопасности Геликона.

— Вот именно! И поэтому представители Империи на Геликоне вполне могут рассчитывать на безоговорочную лояльность вашего правительства. Ты там все время будешь пребывать под неусыпным надзором, и как только понадобишься Демерзелю, тебя ему выдадут, тепленького. И учти, даже несмотря на то что я тебя, считай, предупредил, ты ничегошеньки не будешь замечать, никакой слежки. Будешь тихо, мирно работать, как работал, и тебе будет казаться, что все в полном порядке.

— Это смешно. Допустим, он хочет взять меня на Геликоне. Тогда почему же не отпустить меня с миром? Я лечу домой завтра. Зачем понадобилось подсылать этих мордovorотов? Для чего? Для того, чтобы ускорить мой отлет на несколько часов? Но ведь это чепуха какая-то. От такой стычки я, наоборот, по сути дела, должен встревожиться, задуматься.

— С какой стати ему предполагать, что ты встревожишься? Разве он ожидал, что с тобой рядом окажусь я и вылью на тебя, так сказать, полное ведро своего параноидального бреда?

— Ну ладно, все равно, зачем вся эта суета? Зачем меня выкидывать с Трентора, никак не пойму? Что я бы успел сделать тут за лишние несколько часов?

— Может быть, он боится, что ты передумаешь.

— Передумаю? И куда же я отправлюсь, если не домой? Если уж у него до Геликона руки дотянутся, значит, он способен достать меня где угодно. Да он бы меня, к примеру, даже на Анакреоне разыскал, вздумай я почему-либо отправиться туда, а ведь Анакреон... это отсюда — в добром десятке тысяч парсеков. Что такое расстояние для гиперпространственных кораблей? Вздумай я даже махнуть в какой-то мир, который не настолько трепещет перед властью Империи, как Геликон, где бы я такой мир отыскал? Где нынче бунтуют? В Империи царит мир. Даже если и отыщется пара-тройка миров, в которых сильны воспоминания о несправедливости, проявленной к ним когда-то со стороны Империи, какой из них станет рисковать собственной безопасностью ради меня? Армия Империи — угроза для всех. Более того, я гражданин Геликона, и на любой другой планете буду иностранцем, так что никаких проблем у Империи со мной не будет и быть не может.

Челвик терпеливо выслушал Селдона, время от времени кивал головой, но лицо его оставалось серьезным и непроницаемым.

— Ты совершенно прав, — наконец изрек он, — однако мир, который не до конца подвластен Императору, существует. Вот именно это, скорее всего, ужасно беспокоит Демерзеля.

Селдон задумался, припоминая события последних лет, но никак не мог вспомнить мира, где бы не существовало власти Империи. В конце концов он спросил:

— Что это за мир?

Челвик ответил:

— Ты в нем находишься — и как раз это кажется Демерзелю слишком опасным, по всей вероятности. Не то чтобы ему безумно хотелось отпускать тебя на Геликон, но гораздо меньше ему хочется, чтобы ты остался на Тренторе. Вот он и стремится выпихнуть тебя отсюда как можно скорее.

Наступило молчание. Наконец Селдон не выдержал и фыркнул:

— Ну дела! Трентор! Столица Империи! На орбитальной станции — центральная база Флота, на планете расквартированы отборные части войск. Если уж ты взаправду считаешь *Трентор* самым безопасным миром,

значит у тебя не только паранойя, а еще и бредовые фантазии.

— Нет! Селдон, ты — провинциал. Это я тебе не в обиду говорю. Просто ты не знаешь, что такое Трентор. Здесь живет сорок миллиардов человек, и вряд ли найдется много миров, где можно насчитать хотя бы вдесятеро меньше народа. Здесь все так сложно — и техника, и культура. Сейчас мы находимся в Имперском секторе, где самый высокий уровень жизни, и население состоит почти целиком из имперских функционеров. Однако, кроме Имперского, на планете более восьмисот разных секторов, в каждом — своя культура и традиции, и во многие из них имперские силы порядка носа не суют.

— Почему?

— Империя при всем желании не может оказывать на Трентор чересчур сильного давления. Стоит чуть-чуть переусердствовать, и запросто можно повредить что-то в сети коммуникаций, которой Трентор оплетен, как паутиной. И тогда пострадает вся сеть, здесь все взаимосвязано. Поверь мне, Селдон, мы здесь, на Тренторе, отлично понимаем, что такое землетрясение, которое вовремя не предсказали, что такое извержение вулкана, о котором не знали заранее, что такое неукротенная буря, а то и просто человеческая ошибка, никем не замеченная. Планета сотрясается, и нужно изо всех сил стараться сохранить равновесие.

— Я никогда ни о чем подобном не слышал.

Челвик усмехнулся.

— Конечно, не слышал. Что же ты, хочешь, чтобы Империя афишировала слабость собственного сердца? А вот я, будучи журналистом, знаю, о чем не помышляют провинциалы, то, о чем не помышляют многие на самом Тренторе — даже тогда, когда делается все, чтобы скрыть правду. Поверь мне! Император и Эдо Демерзель знают, что нарушить спокойствие Трентора — значит разрушить Империю.

— Поэтому ты и предлагаешь мне остаться на Тренторе?

— Да. Я смогу найти для тебя на Тренторе такое местечко, где ты станешь абсолютно недосягаемым для

Демерзеля. Тебе не придется скрываться под вымышленным именем, ты сможешь жить совершенно открыто, но он не сможет до тебя добраться. Вот поэтому-то он так мечтал как можно скорее вышвырнуть тебя с Трентора подальше, и сделал бы это, если бы судьбе не было угодно познакомить нас, ну, и еще — если бы ты не умел так здорово драться.

— Но сколько же я должен пробыть на Тренторе?

— Столько, сколько потребуется для твоей безопасности, Селдон. Может быть, всю жизнь.

8

Гэри Селдон разглядывал свое голографическое изображение, выполненное с помощью проектора. Зрелище оказалось гораздо более впечатляющее, чем при взгляде в зеркало. Создавалось полное ощущение, что Селдонов в комнате стало двое.

В новой одежде Селдон чувствовал себя пока не совсем ловко. Прожив всю жизнь на Геликоне, он больше привык к темным, приглушенным тонам, но, на его счастье, Челвик выбрал для него одежду не слишком яркой расцветки. Пощупав рукав новой туники, Селдон вспомнил, как кричаще были разодеты те двое, что пристали к нему в парке, и внутренне поежился.

— Шляпу мне, видимо, тоже придется надеть? — поинтересовался он.

— В Имперском секторе без нее не обойтись. Ходить без головного убора здесь считается дурным тоном. Может быть, в других местах к этому не придираются.

Селдон вздохнул. Шляпа была сделана из какого-то мягкого материала, и как только он поднес ее к голове, шляпа уселась как влитая. Поля, к радости Селдона, оказались поуже, чем у двоих щеголей, никак не выходявших у него из головы. «Пожалуй, — успокоил себя Селдон, — шляпа мне даже идет».

— А ленточки под подбородком не предусмотрено?

— Нет, конечно. С ленточкой — это для стилига.

— Для кого, для кого?

— Ну, стилига — это модник, который носит вещи, которые шокируют окружающих. Наверняка, у вас на Геликоне такие тоже есть.

— У нас? — фыркнул Селдон. — У нас есть такие, которые умопомрачительно стригутся: с одной стороны волосы до плеч, а с другой голова выбрита наголо.

Он рассмеялся, а Челвик скривился.

— Жутко уродливо, наверное.

— Бывает и хуже! Понимаешь, одни из них выбривают голову справа, а другие — слева, и правая левая просто ненавидят. Что ты! Дело до драк доходит.

— Ну, раз такое дело, я думаю, уж шляпу-то ты как-нибудь переживешь, особенно — без ленточки.

— Постараюсь привыкнуть, — улыбнулся Селдон.

— Пялиться на тебя, конечно, все равно будут. Во-первых, и шляпа и все остальное на тебе не слишком яркое, поэтому по тренторианским меркам ты, считай, все равно что в трауре. Да и размеры не совсем твои. Во-вторых, ты действительно к такой одежде не привык, и это видно. Ну, это ладно — в Имперском секторе мы надолго не задержимся... Ну, нагляделся?

И Челвик выключил голограф.

— Дорого тебе стоило все это? — спросил Селдон.

— Какая разница?

— Не хотелось бы оставаться в долгу. Неудобно.

— Не переживай. Это мое дело. Но мы теряем время. Меня наверняка описали во всех подробностях, так что быстро вычислят, кто я такой, и явятся сюда.

— В таком случае, — нахмурился Селдон, — дело не только в том, что ты потратил на меня деньги. Ты еще и рискуешь из-за меня. Лично рискуешь!

— Знаю. Но это опять-таки мое дело. О себе я уж как-нибудь сумею позаботиться.

— Но зачем, ради чего...

— Философствовать будем потом. Кстати говоря, одежду твою старую я уже атомизировал, и меня, похоже, никто не заметил за этим занятием. Правда, затрату энергии обязательно заметят — она будет зарегистрирована. И кто-то шибко умный может догадаться, в чем дело. Ужасно трудно, знаешь ли, что-то скрывать, когда кругом сплошные глаза и уши. Ну да ладно,

будем надеяться, что нам удастся обратиться подальше, пока они тут докумекают, что к чему.

9

Долго-долго они шли пешком по переходам, озаренным мягким желтоватым светом. Челвик внимательно смотрел по сторонам и все время старался идти в ногу с толпой пешеходов, никого не обгоняя и никому не позволяя обгонять себя.

По пути Челвик непрерывно болтал с Селдоном на отвлеченные темы.

Селдону это удавалось с трудом.

— Послушай, — сказал он в конце концов, — тут у вас так много ходят пешком. Сплошные тротуары и переходы.

— А что такого? — удивился Челвик. — Ходьба по-прежнему остается лучшим средством перемещения на небольшие расстояния. Удобно, дешево и для здоровья полезно. Сколько бы ни развивалась техника, а в этом смысле все остается без изменений. У тебя не акрофобия ли, случаем, Селдон?

Селдон глянул вправо, через поручень, где внизу бежали другие движущиеся тротуары, тут и там пересекаясь под прямыми углами, и чуть-чуть вздрогнул.

— Боюсь ли я высоты? Да нет, не очень. Но вообще-то смотреть вниз не особенно приятно. А какая тут высота?

— В этом месте — уровнем сорок-пятьдесят. В Имперском секторе и других технически развитых районах таких мест много. Большой же частью пешеходы путешествуют по дорожкам, проложенным, так сказать, на нижнем уровне.

— Наверное, бывают попытки самоубийства, или нет?

— Нечасто. Для этого существуют гораздо более легкие способы. И потом, с самоубийством на Тренторе вообще никаких проблем нет. Хочешь свести счеты с жизнью — можешь сделать это вполне легально в соответствующем медицинском центре после соответствующего курса психотерапии. Поэтому суициды здесь

редки, но про акрофобию я тебя спросил не поэтому. Мы идем на стоянку такси. Там меня знают как журналиста. Таксистам я время от времени приплачиваю, и они не откажут мне в маленькой любезности, а именно: не зарегистрируют меня и закроют глаза на то, что я не один, а с приятелем. Мне, конечно, придется раскошелиться, но опять-таки: если люди Демерзеля нажмут на таксистов как следует, им придется выложить всю правду. А мы в это время будем уже далеко.

— И при чем тут акрофобия, не пойму?

— При том, что нам придется воспользоваться гравиподъемником. Эта штука — на любителя, и честно признаться, я сам редко им пользуюсь. Но если ты выдержишь, будет лучше.

— А что это такое — гравиподъемник?

— Экспериментальное транспортное средство. Наверное, если люди к нему психологически привыкнут, или их приучат, оно со временем станет применяться на Тренторе, а потом и в других мирах, более широко. Это, так сказать, лифт без кабины. Мы просто шагнем в никуда и будем медленно падать или медленно подниматься под действием антигравитации. На сегодняшний день эта штукавина — единственное применение антигравитации. Может быть, потому, что самое дорогое.

— А что может произойти, если поле выключится, когда мы еще будем в пути?

— То самое, о чем ты подумал. Мы упадем, и если окажемся достаточно высоко от дна, погибнем. Я, правда, о таких случаях пока не слышал, а уж ты мне поверь, я бы знал обязательно, что стряслась такая беда. В выпуск новостей такая информация, конечно, не просочилась бы из соображений цензуры — они вечно выкидывают плохие новости, — но я бы знал, это я тебе точно говорю. Ну вот, уже совсем близко. Если не сдюжишь, мы и пробовать не станем, но только учти, что обычные лифты ходят медленно и нудно, и там многих тошнит.

Челвик повернул за угол, и друзья оказались на широкой площадке, где выстроилась очередь — мужчины, женщины, пара ребятишек.

Селдон потихоньку проговорил:

— Представь себе, ни о чем подобном я дома не слышал. Нет, я понимаю, наши новости оставляют желать лучшего, но все-таки могли бы хотя бы упомянуть, что такое есть на свете...

— Пока это все на уровне эксперимента, — объяснил Челвик, — да и то только в Имперском секторе. Пожирает уйму энергии, а поэтому правительство старается не слишком афишировать гравиподъемники. Появились они еще при прежнем Императоре — том самом, который умер в своей постели и этим всех до смерти удивил. Он распорядился установить такие лифты в нескольких местах. Он, видишь ли, желал, чтобы его имя было увековечено внедрением антигравитации — такие выбрики случаются у стариков с комплексом неполноценности. Как я уже сказал, не исключено, что лифты станут применяться более широко, но только лифты — вряд ли внедрение антигравитации продвигнется дальше этого.

— А куда бы еще оно могло продвигнуться?

— К созданию антигравитационных звездолетов. Но до этого жутко далеко. Насколько я знаю, большинство физиков считает, что это принципиально невозможно и даже говорить об этом не стоит... Но, с другой стороны, было время, когда все в один голос твердили, что антигравитационные подъемники — вещь из области фантазии.

Очередь шла быстро, и вскоре Седдон с Челвиком подошли к краю площадки, круто обрывавшемуся в открытую пропасть. Воздух над пропастью слабо светился. Седдон инстинктивно вытянул руку и почувствовал легкий удар. Больно не было, но он быстро отдернул руку.

Челвик усмехнулся.

— Элементарная предосторожность. Чтобы никому не взбрело в голову шагать в пропасть, пока не включено поле.

Он набрал какие-то цифры на пульте, вмонтированном в невысокий столбик, и свечение исчезло.

Седдон робко заглянул в глубокую шахту.

— Пожалуй, будет лучше, если мы возьмемся за руки и ты закроешь глаза, — предложил Челвик. — Не бойся, это займет всего несколько секунд.

Не дав Селдону времени на раздумья, он крепко взял его за руку, и тот не смог освободиться. Челвик шагнул в пустоту, а Селдон, к собственному удивлению и стыду тихонько вскрикнув, скользнул за ним.

Он закрыл глаза, но не почувствовал ни падения, ни движения воздуха. Прошло несколько секунд, и Челвик потянул его за руку. Селдон покачнулся, выпрямился, открыл глаза и обнаружил, что стоит на твердой поверхности.

— Уже?!

— Живы, как видишь, — сухо ответил Челвик и пошел вперед, увлекая Селдона за собой.

— Я хотел спросить, мы попали на нужный уровень?

— Конечно.

— А что бы произошло, если бы мы летели вниз, а кто-то — нам навстречу?

— В шахте — две отдельные линии. По одной все с одинаковой скоростью поднимаются, по другой — опускаются. Расстояние между пассажирами — не меньше десяти метров. Никаких столкновений не должно быть, если все нормально работает.

— Я ровным счетом ничего не почувствовал.

— А что ты, собственно, мог почувствовать? Ускорения же не было. Через десятую долю секунды ты принял постоянную скорость падения, а воздух, тебя окружавший, падал с той же скоростью, что и ты.

— Потрясающе!

— Согласен. Но, увы, неэкономично. И похоже, никто особо не озабочен усовершенствованием и повышением рентабельности этого замечательного устройства. Отовсюду слышится одна и та же песня: «Это нам не под силу. Это невозможно». Если бы так только о гравиподъемнике говорили. Это же абсолютно о каждом нововведении, представляешь?

Челвик был явно рассержен.

— Ага, вот и стоянка такси. Пошли быстрее.

10

Селдон изо всех сил старался вести себя на стоянке так, чтобы не вызвать ни у кого подозрений. Однако это оказалось чертовски трудно. Он понимал, что нельзя

глазеть по сторонам, ото всех отворачиваться, пялить глаза на машины. Вести себя нужно было совершенно невинно, то бишь — нормально.

Но что значит «нормально»? В новой одежде ему было неловко. Карманов в тунике не было, руки девать некуда. Два кошелька, что висели по бокам на ремне, жутко раздражали его — при ходьбе они шлепали по бедрам, и Селдону все время казалось, что его кто-то хватает или задевает.

Он решил присмотреться к женщинам. Кошельков на поясах у них не было, сумок в руках — тоже. Вместо них служили какие-то коробочки, непонятно чем и как укрепленные на бедрах. «Псевдомагниты, наверное», — решил Селдон. Одеты дамы были в широкие, просторные, но закрытые платья, и это немного огорчило Селдона. Про декольте тут, похоже, совсем забыли, хотя некоторые платья были сшиты так, что нарочито подчеркивали ягодицы.

Тем временем Челвик развил бурную деятельность, и скоро вернулся, держа в руке керамическую сверхпроводимую пластинку, предназначенную для пуска такси по определенному маршруту.

— Забирайся, Селдон, — сказал Челвик, указывая на небольшую двухместную машину.

— Тебе пришлось зарегистрироваться? — спросил Селдон.

— Нет, что ты. Здесь меня знают, и не вдаются в формальности.

— Они поняли, что у тебя на уме?

— Меня ни о чем не спрашивали, а сам я помалкивал.

Челвик вставил пластинку в щель на панели управления, и Селдон ощутил легкую вибрацию — судя по всему, заработал двигатель.

— Мы направляемся в Д-семь, — сообщил Челвик.

Селдон понятия не имел, что такое «Д-семь», и решил, что это какой-то маршрут.

Такси отъехало назад, объехало другие машины и, выбравшись наконец на ровную, уходящую вверх дорогу, набрало скорость. Вскоре машина легким рывком поднялась в воздух.

Селдона отбросило на подушку сиденья.

— Да, — проговорил он, — это на антигравитацию непохоже.

— Конечно, — невозмутимо отозвался Челвик. — Тут совсем другой принцип. Реактивный. Этого толчка вполне достаточно, чтобы поднять нас к туннелям.

Впереди завиднелось нечто, напоминавшее громадную скалу, испещренную многочисленными отверстиями, наподобие громадной шпечной доски. Челвик направил машину к отверстию, помеченному «Д-семь», лавируя между другими машинами, направлявшимися к другим туннелям.

— Ты же запросто мог врезаться в кого-нибудь, — переведа дыхание, проговорил Седдон.

— Наверное, врезался бы, если бы все зависело от моих собственных чувств и реакций, но, к счастью, такси снабжено компьютером, который прекрасно страхует водителя. Не только меня, и всех остальных тоже. Ну, вот мы и у цели...

Машина скользнула в отверстие туннеля так, словно ее втянул туда мощный насос. Освещение стало желтоватым, менее ярким, чем снаружи.

Челвик оторвался от пульта управления, откинулся на сиденье, глубоко вздохнул.

— Ну, можно считать, первый этап мы успешно одолели. Нас могли задержать на стоянке. А тут мы в волной безопасности.

Такси мягко, равномерно летело вперед, стены туннеля уплывали мимо. Шума двигателя почти не было слышно — лишь едва заметное ровное бормотание.

— С какой же скоростью мы летим? — поинтересовался Седдон.

Челвик глянул на панель управления.

— Триста пятьдесят километров в час.

— Магнитное ускорение?

— Да. На Геликоне уже тоже до этого додумались?

— У нас только одна такая линия. Я сам еще не пробовал, только собирался все время. Но, думаю, она далеко не такая совершенная, как эта.

— Наверняка, не такая. Трейтор такими туннелями напичкан, словно муравейник ходами, они насчитывают много тысяч километров. Туннели проложены под зем-

лей и по мелководью океана. Главное транспортное средство для дальних путешествий.

— А нам далеко лететь?

— Чуть больше пяти часов.

— Пять часов! — испуганно воскликнул Седдон.

— Не пугайся. Каждые двадцать минут мы пролетаем мимо стоянок. На любой из них мы можем выскочить из туннеля, размяться, поесть, отдохнуть. Но, сам понимаешь, слишком часто мне бы не хотелось останавливаться.

Какое-то время оба молчали. Вдруг справа мелькнул яркий свет, и Седдону показалось, что он успел разглядеть две машины.

— Стоянка, — ответил Челвик на вопрос, который Седдон не успел задать.

— Скажи, а я действительно буду в безопасности там, куда ты меня везешь?

— В полной безопасности от любых происков со стороны властей Империи, — ответил Челвик. — Конечно, придется вести себя осторожно — ведь существуют шпионы, специальные агенты, наемные убийцы. Естественно, у тебя будет телохранитель.

Седдон забеспокоился.

— Ты это серьезно — насчет наемного убийцы? Неужели они действительно захотят убить меня?

— Демерзель — вряд ли. Мне кажется, что ему гораздо больше хочется заполучить тебя и использовать для своих нужд, чем отправить на тот свет. Однако могут появиться другие враги, и кроме того, события запросто могут принять непредсказуемый характер. Словом, дремать не придется.

Седдон покачал головой и отвернулся. Подумать только: всего сорок восемь часов назад он был никому не известным математиком, собиравшимся провести оставшееся до возвращения домой время за осмотром Трентора, походить, поглазеть на величественную планету, как истинный провинциал. И что же? Теперь он стал человеком, за которым гонятся, разыскивают имперские власти. Странно, нелепо, страшно. Седдон поежился.

— Ну, а ты сам? — спросил он Челвика. — Ты понимаешь, что делаешь и что тебя ожидает?

— Ну, — задумчиво проговорил Челвик, — скорее всего, ничего хорошего. Любить им меня совершенно не за что. Может, голову снесут, может, взрывное устройство подкинут.

Сказано это было спокойно, ровным голосом, но Селдон похолодел.

— Как ты можешь говорить об этом так спокойно? Неужели тебе ни капельки не страшно?

— Я — старый тренторианец. Планету знаю, как свои пять пальцев. У меня уйма знакомых, и многие из них в долгу передо мной. Мне не раз удавалось выйти сухим из воды в случаях, когда ситуация была пострашнее, чем сейчас. Короче, Селдон, за себя я постоять сумею.

— Рад, если это действительно так, и надеюсь, у тебя есть основания для уверенности, Челвик, но я никак не могу понять, ради чего ты так рискуешь? Кто я для тебя? Стоит ли вообще подвергать себя опасности из-за незнакомого человека?

Челвик немного повозился с панелью управления, и, когда повернул голову, лицо его было совершенно серьезным.

— Я намерен спасти тебя по той же самой причине, по которой ты нужен Императору — из-за твоей способности предсказывать будущее.

Селдона охватило жуткое разочарование. Вот уж ради этого он вовсе не желал никакого спасения! Да, дела... Он стал жалкой, беспомощной жертвой, куском плоти, из-за которого дерутся стервятники. Он раздраженно проговорил:

— Будь проклят мой доклад! Зачем я выступил? Только погубил свою жизнь!

— Нет. Не торопись с выводами, математик. Императору и его приспешникам ты нужен только затем, чтобы они с твоей помощью могли обезопасить собственную жизнь. Твои способности интересуют их постольку, поскольку они могут быть применены для спасения Императорского трона, его сохранения для сына Клеона. Они боятся за свои шкуры, трясутся за свои места под солнцем, понимаешь? Я же хочу, чтобы твои достижения пошли на пользу всей Галактике.

— Не вижу разницы, — горько вздохнул Селдон.

— Не видишь? — почти сердито переспросил Челвик. — Стыдись! Люди в Галактике жили и до воцарения нынешнего Императора, и до прихода к власти его династии, вообще до Империи, если уж на то пошло. Человечество старше Империи. Может быть, оно старше, чем все и каждый из двадцати пяти миллионов миров Галактики. В легендах говорится: было время, когда люди обитали на одной-единственной планете.

— В легендах! — фыркнул Селдон и пожал плечами.

— Да, представь себе, в легендах, однако не вижу, почему бы такого не могло быть на самом деле. Давно, двадцать тысяч лет тому назад, если не больше. Позволю себе предположить, что человечество не родилось на свет с врожденными знаниями о теории гиперпространственных перелетов. Наверняка были времена, когда люди попросту не умели передвигаться со скоростями, превышающими скорость света, и тогда они, естественно, были пленниками одной планетарной системы. Ну, а если заглянуть вперед, в будущее, то и после тебя, и после Императора в Галактике будут жить люди. И тогда, когда пресечется его род и когда отомрут все институты имперской власти. В таком случае, что толку чересчур переживать за судьбу отдельных людей — Императора, наследника престола? Какой смысл волноваться за механизмы управления Империей? А вот с квадриллионами жителей Галактики что будет? Как насчет них?

Селдон ответил:

— Полагаю, люди, как и миры, будут рождаться и умирать.

— Неужели тебе не хочется покопаться, поискать условия, при которых человечество выживет?

— Можно предположить, что все будет не хуже, чем сейчас.

— *Предположить* можно. Но разве нельзя узнать наверняка с помощью науки, которой ты располагаешь?

— Я зову ее психоисторией. Да, можно. Теоретически.

— А у тебя нет жгучего желания внедрить эту теорию в практику?

— Почему? Челвик, я желал бы этого всей душой, но хотеть и мочь — не одно и то же. Я сказал Импера-

тору, что психонистория безнадежно далека от практического применения, и теперь вынужден сказать то же самое тебе.

— И ты даже не намерен попытаться, попробовать найти способ?

— Не хочу. Это будет все равно что копаться в горе камешков размером с Трентор, перебирать их один за другим, пересчитывать и раскладывать в ряд от самого большого до самого крошечного. Я знаю заранее, что за мою жизнь мне этого не успеть ни за что на свете, и уж конечно, не стану валять дурака и притворяться, будто это мне под силу.

— А если бы ты знал всю правду о состоянии человечества, тогда как?

— Глупый вопрос. Что значит «правда о состоянии человечества»? Кто ее знает? Не ты ли?

— Да. В этой правде — всего три слова.

Челвик отвернулся, взгляд его устремился вперед, в бессменную пустоту бесконечного туннеля. Туннель стал шире, затем снова сузился, и тогда Челвик произнес обещанные три слова:

— Галактическая Империя умирает.

Глава 3

УНИВЕРСИТЕТ

СТРИЛИНГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ — высшее учебное заведение в секторе Стрилинг древнего Треннора. ...Несмотря на несомненные успехи, достигнутые здесь в области гуманитарных наук, в памяти людей Университет остался вовсе не из-за этих достижений. Наверняка, многие поколения ученых, не покладая рук трудившихся на научной ниве Стрилингского Университета, были бы просто потрясены, узнав, что впоследствии Университет будут вспоминать исключительно из-за того, что некий Гэри Селдон ненадолго остановился здесь во время так называемого «Бегства».

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

11

Заявление Челвика повергло Селдона в молчание. Он мысленно съезжился от сознания собственной беспомощности.

Что же произошло? Он изобрел новую науку — психоисторию. Он немного превысил границы действия законов вероятности, принял в расчет величины, избыточные сложностью и противоречивостью, и в результате получил изящные уравнения с огромным числом неизвестных. Не исключено, что число это бесконечно.

Но для него это была просто математическая игра, не более. Он создал психоисторию, или, как минимум, ее основу, но пока это была всего-навсего математическая

диковина, безделушка. Знания истории могли бы придать какое-то значение безжизненным уравнениям...

Но таких знаний у него не было. История никогда не интересовала его. Он, конечно, знал в общих чертах историю Геликона и в свое время прослушал краткий курс истории человечества в школе — но что с того? Все остальные знания были нахватааны с потолка — мифы, легенды, а то и попросту разрозненные, не связанные друг с другом обрывки информации.

И все-таки, как кто-то мог заявлять, будто Галактическая Империя умирает? Ведь она существует под названием Империи уже десять тысячелетий, а еще целых два тысячелетия до этого Трентор, будучи столицей могущественного королевства, фактически правил Империей, хотя она тогда так не называлась. В первые века своего существования Империи пришлось нелегко, однако она справилась с сопротивлением огромных участков Галактики, никак не желавших расставаться с остатками независимости. Империя пережила многое: бунты, династические войны, периоды тяжелого упадка. Однако потрясения коснулись далеко не всех миров, а Трентор рос и развивался до тех пор, пока не стал самой многонаселенной планетой в Галактике и не обрел титул «Вечного Города».

Нет, если смотреть правде в глаза, последние четыре столетия характеризовались некоторым усилением напряженности: произошел целый ряд покушений на Императоров и дворцовых переворотов. Но и это прошло, и теперь в Галактике царил поистине небывалый мир и покой. При Клеоне, и раньше, при его отце, миры жили и процветали в свое удовольствие, а Клеона никто тираном не считал. Даже те, кто критиковал Империю, как государственное установление, не осмеливался сказать дурного слова о Клеоне, как бы при этом ни поносили Демерзеля.

Но почему же тогда Челвик объявил, что Галактическая Империя умирает — да еще с такой уверенностью?

Челвик — журналист. Может быть, он лучше знал историю Галактики и более отчетливо представлял себе нынешнюю ситуацию. Но что он такое знал? Что стояло за его безапелляционным заявлением? Что? Что?

Несколько раз вопрос уже был готов сорваться с губ Селдона, но стоило ему взглянуть на суровое лицо Челвика, и он решал не спрашивать. И еще... для него Галактическая Империя была некоей данностью, непре-рекаемой аксиомой, краеугольным камнем — вечным, незыблемым. Если это не так... нет, он об этом и слышать не хотел.

Поверить в то, что он ошибался? Нет, ни за что. Галактическая Империя для Селдона имела ровно столько же шансов на гибель, как сама Вселенная. Иначе говоря — Империя могла погибнуть только вместе со Вселенной.

Селдон закрыл глаза, попытался заснуть, но, конечно же, не сумел. Может быть, психоистория продвинулась бы вперед, если бы он занялся изучением истории?

Но как? Существовало двадцать пять миллионов миров, и у каждого из них была своя история, сложная и запутанная. Как он мог изучить историю всех миров? Он знал, что есть множество длинящихся фильмов по истории Галактики. Однажды — он уже и сам не мог припомнить зачем — он смотрел один такой фильм и чуть не сошел с ума от скуки.

Галактической истории дело было только до самых важных, могущественных миров. Некоторые из них были описаны на протяжении всего их существования, другие упоминались лишь в связи с тем или иным периодом в их истории, а потом исчезали, словно их никогда и не было. Как-то Селдон решил поискать в каталоге Геликон и нашел одну-единственную ссылку... Копнув поглубже, он нашел Геликон в перечне миров, которые хотя бы единожды чем-то угрожали имперскому трону. Однако никакого наказания Геликон не понес — вероятно, в связи с тем, что планету сочли настолько незначительной, что ее и наказывать-то не стали.

И что, спрашивается, толку в такой вот истории? Без сомнения, психоистория должна учитывать действия, реакции и взаимодействия, имеющие место в каждом мире, во всех без исключения. Но как можно изучить историю всех двадцати пяти миллионов миров и учесть все возможные между ними взаимодействия? Нет, это совершенно бессмысленная, не имеющая решения за-

дача и еще одно, лишнее подтверждение вывода о том, что психоистория представляет исключительно теоретический интерес, и ее никогда нельзя будет применить на практике.

Селдона слегка качнуло вперед, и он понял, что машина замедлила скорость.

— В чем дело? — спросил он.

— Думаю, мы уже достаточно далеко улетели, — ответил Челвик, — чтобы позволить себе короткую остановку. Перекусим, выпьем по стаканчику чего-нибудь, освежимся под душем.

Минут через пятнадцать, постепенно тормозя, машина выехала в ярко освещенный боковой проезд и припарковалась на стоянке, где стояло еще пять-шесть машин.

12

Челвик наметанным взглядом окинул все сразу — площадку, другие машины, буфетную стойку, коридоры, мужчин и женщин. Селдон, изо всех сил стараясь не привлекать к себе внимания, украдкой поглядывал на Челвика и старался во всем ему подражать.

Когда они уселись за небольшой столик и сделали заказ, Селдон как можно более безразлично спросил:

— Все в порядке?

— Похоже, да, — ответил Челвик.

— Откуда ты знаешь?

Взгляд темных глаз Челвика на мгновение задержался на Селдоне.

— Инстинктивно чувствую, — объяснил он. — Репортерский опыт, понимаешь? Глянешь одним глазком и сразу видишь: «Тут нет ничего интересного».

Селдон кивнул и немного успокоился. Ответ Челвика прозвучал шутливо, но доля правды в нем, безусловно, была.

Однако стоило Селдону откусить первый кусок сэндвича, как физиономия его недовольно скривилась. Он вопросительно глянул на Челвика.

— Дорожный буфет, что ты хочешь? — пожал плечами Челвик. — Дешево, быстро и невкусно. Продукты местные и имеют весьма специфический привкус. Для тренторианцев — дело привычное. Все дрожжевое.

Селдон с трудом проглотил кусок.

— А в гостинице...

— Гостиница-то твоя где располагалась? В Имперском секторе. А там все продукты — привозные, натуральные. Если что-то и подают дрожжевое, то дрожжи берутся самого высокого качества. А хорошие дрожжи и стоят недешево.

Селдон нерешительно смотрел на сэндвич, раздумывая, откусить ли еще кусочек.

— Надо ли понимать тебя так, что все то время, что я пробуду на Тренторе...

— Тс-с-с... — прошептал Челвик едва слышно. — Не подавай виду, что тебе такая еда в новинку. На Тренторе есть такие дыры, где показаться аристократом еще хуже, чем если в тебе признают неместного. А еда не везде такая мерзкая, поверь. В придорожных буфетах лучшего ждать не приходится, они все такие. Если сумеешь проглотить и переварить этот сэндвич, значит сумеешь прожить на Тренторе. Уверяю тебя, ничего дурного с тобой не случится. Он свежий, не сомневайся. Просто вкус такой, специфический, непривычный. Честное слово, привыкнешь со временем. Встречал я тренторианцев, которые просто в ужасе были от натуральных продуктов и утверждали, что чего-то в них недостает — не такве, видишь ли, пикантные, как наши.

— А на Тренторе много производят продуктов? — спросил Селдон, предварительно стрельнув глазами по сторонам и убедившись, что поблизости никого нет, и, стало быть, можно разговаривать спокойно. — Я слышал, что каждый день на Трентор прибывает около сотни грузовиков с продуктами из двадцати ближайших миров.

— Точно. И примерно столько же кораблей вывозят пищевые отходы. А уж если быть точным до конца, то все это продельвают одни и те же корабли — сюда они везут продукты, а обратно — отходы. Действительно, натуральные продукты составляют значительную статью нашего импорта, но все-таки тут речь идет в основном о роскоши, экзотике. А отходы, идущие на экспорт, самым тщательным образом перерабатываются в ценнейшие органические удобрения, которые так

же драгоценны для других миров, как для нас — продукты питания. И все же, повторяю, импорт не так велик, как можно подумать.

— Правда?

— Конечно. Во-первых, в океане водится рыба, во-вторых, тут довольно много садов и огородов. Фруктовые деревья дают неплохой урожай, есть у нас и птицефермы, и кроликофермы, и громадные плантации по выращиванию микроорганизмов — их чаще называют дрожжевыми плантациями, хотя дрожжи там как раз выращивают в минимальных количествах. На самом деле Трентор весьма похож на обычный космический поселок, только очень большой. Ты когда-нибудь бывал в таком поселке?

— Да, бывал.

— Космические поселки, как правило, представляют собой замкнутые, закрытые городки, с искусственным климатом, вентиляцией, искусственной сменой дня и ночи, ну и так далее. Трентор отличается от них исключительно своей многонаселенностью. Правда, у нас гравитация естественная, и ни один космический поселок не может сравниться с нами по масштабу производства микроорганизмов для питания. Чего у нас только нет: дрожжевые танки, грибковые теплицы, бассейны с водорослями... Конечно, если бы не вкусовые добавки, есть все это было бы невозможно.

Седдон почти управился с сэндвичем, и чем дальше, тем менее отвратительным тот ему казался.

— Значит, ты говоришь, со мной все будет в порядке?

— Бывают случаи, когда такая пища повреждает кишечную флору, и время от времени какой-нибудь чужеземец может заполучить расстройство пищеварения, но это редко, да и проходит быстро. Ты давай, пей молочный коктейль. Он тебе, правда, тоже вряд ли понравится. Зато он содержит профилактическое средство от расстройства кишечника — так, на всякий пожарный...

Седдон поморщился.

— Ой, Челвик, хватит, лучше не говори больше об этом. Как-то мне не по себе от этой лекции.

— Тогда допивай коктейль, и вперед.

Попутчики быстро покончили с едой, и снова пустились в путь.

13

Вскоре они снова на полной скорости неслись по туннелю. Селдон наконец решил задать вопрос, который вертелся у него на языке уже около часа.

— Почему ты считаешь, что Галактическая Империя умирает?

Челвик повернулся к Селдону лицом.

— Я же журналист. На меня сыплется громадное количество информации, статистики. Публиковать я, правда, могу лишь малую толику из того, что узнаю. Население Трентора уменьшается. Двадцать пять лет назад оно составляло почти сорок пять миллиардов. Частично это связано с падением уровня рождаемости. Однако тут нужно учесть, что рождаемость на Тренторе никогда не была особенно высока. На самом деле, походишь по Трентору, приглядишься повнимательнее, и заметишь, что детей на улицах совсем немного при таком-то колоссальном населении. И все равно рождаемость падает. Ну, и потом — эмиграция. Уезжает с Трентора гораздо больше народа, чем приезжает.

— Учитывая высокую численность населения, — вставил Селдон, — это вовсе не удивительно.

— Согласен, но раньше такого не было, вот это-то и удивительно. И еще — торговля по всей Галактике сейчас идет гораздо менее оживленно, чем раньше. Люди думают так: раз сейчас нет никаких восстаний и войн, значит, все хорошо, и все тяготы прошлых столетий миновали. Тем не менее, как это ни парадоксально, политическая борьба, революции, войны — все это признаки жизни. А сейчас — какая-то всеобщая усталость. Все спокойно — но не потому, что люди довольны и счастливы, а потому, что устали и сдались.

— Ну, не знаю, не знаю, — недоверчиво проговорил Селдон.

— А я знаю. Взять хотя бы феномен антигравитации. Гравитационные подъемники существуют, но широкого распространения не получили. Изобретение оказалось нерентабельным, однако никто и не предпринимает

никаких попыток превратить его в рентабельное. Научный прогресс замедлился, ни о какой скорости в развитии техники говорить не приходится. Какая там скорость! Прогресс не движется, а ползет черепашиным шагом. В отдельных областях так и просто застой. Неужели ты и этого не замечаешь? Ты же математик, в конце концов!

— Не могу сказать, чтобы я сильно задумывался об этом!

— Ты не одинок. С этим просто все смирились. Ученые ручки сложили и твердят на все лады: «то невозможно, это непрактично, а это — бесполезно». Не приемлют никаких возражений. Да вот хотя бы и тебя взять, для примера, чего там далеко ходить? Что ты говоришь о психоистории? «Она представляет чисто теоретический интерес, но не имеет никакого отношения к практике». Так ведь?

— И да и нет, — раздраженно отозвался Селдон. — Да, она бесполезна в плане практики, но отнюдь не из-за того, что во мне напрочь погиб дух авантюризма и всяческая романтика. Она действительно бесполезна.

— По меньшей мере, — саркастически проговорил Челвик, — твоя убежденность является следствием существования атмосферы упадка, которая царит во всей Империи.

— Таково твое убеждение, — сердито буркнул Селдон. — А вдруг ты ошибаешься?

Челвик замолчал, задумался.

— Да, я могу ошибаться, — кивнул он наконец. — Все, что я говорю — плод интуиции, догадок. А для уверенности мне нужна работающая психоистория.

Селдон пожал плечами.

— Увы, мне нечем тебя порадовать. Но допустим, что ты прав. Допустим, что Империя действительно катится вниз по наклонной плоскости. Но ведь и после этого люди будут жить на свете.

— Да, но как они будут жить, вот в чем вопрос, дружище! Почти двенадцать тысячелетий Трентор властью Императоров ухитрялся удерживать в Империи мир и спокойствие. Конечно, были периоды беспокойства — бунты, локальные гражданские войны, множество трагедий, — но в общем и целом мир сохранял-

ся. Почему Геликон проводит проимперскую политику? Да-да, твой родной мир. Да потому, что он маленький и слабый, и соседние государства запросто поработили бы его, не поддерживай Империя его суверенитет и безопасность.

— Значит, ты предвещаешь всеобщую войну и анархию, если Империя отомрет?

— Безусловно. Надо честно сказать, я не большой поклонник Императора, да и всего института Империи, но не вижу ей достойной замены. Просто не вижу, какое еще установление могло бы обеспечить поддержание мира, и не желаю пустить события на самотек, пока не получу такой замены.

Селдон фыркнул:

— Ты рассуждаешь так, словно ты — властелин Галактики! Ты не позволишь, ты не желаешь... Тебе нужна замена... Кто ты такой, чтобы такое заявлять?

— Ты меня слишком буквально понял, — усмехнулся Челвик. — Я вовсе не себя лично имел в виду, не Четтера Челвика. На мой век Империи хватит за глаза. Очень может быть, что при моей жизни даже наметятся кое-какие изменения к лучшему. Жизнь — штука переменчивая. Упадок может смениться временным подъемом. До смертельной агонии еще далеко, может быть, целая тысяча лет, и, как ты понимаешь, к тому времени мое брэнное тело будет давным-давно упокоено в земле, а потомков после меня не останется. Я не женат, с женщинами встречаюсь изредка, детей у меня нет, и заводить их я не собираюсь. Так что я не оставляю судьбе заложников и охотников за наследством. Кстати, после твоего доклада, Селдон, я навел о тебе справки, ты уж извини. У тебя ведь тоже нет детей?

— Да, детей у меня нет, но живы родители, и есть два брата. Я однажды был очень сильно влюблен, — добавил Селдон, смущенно улыбнувшись, — но этой женщине казалось, что ее я люблю гораздо меньше, чем математику.

— Она была права?

— Мне так не казалось, да что толку? Главное, что так казалось ей. Словом, она меня бросила.

— И с тех пор ты одинок.

— Да. Это было так больно, что я до сих пор не в силах забыть.

— Ну что ж, выходит, мы оба, по идее, вправе сложить руки и дать другим возможность суетиться, что-то придумывать, а в итоге — страдать, когда нас с тобой уже не станет на свете. Знаешь, раньше у меня были подобные мысли, но не теперь. Теперь у меня есть инструмент, и я добьюсь своего.

— Что за инструмент? — спросил Седдон, заранее зная ответ.

— Ты! — ответил Челвик.

Поскольку Седдон ожидал именно этого ответа, он не стал разыгрывать удивление и возмущение. Он просто покачал головой и сказал:

— Ты жестоко ошибаешься. Инструмент из меня никудышный.

— Почему?

Седдон обреченно вздохнул:

— Сколько же можно повторять одно и то же? Психоистория не предназначена для практического применения. Трудность ее внедрения в практику носит фундаментальный характер. Всего пространства и времени Вселенной не хватит для решения проблем, для ответа на необходимые вопросы.

— Ты в этом уверен?

— К несчастью, да.

— Но твоя задача состоит не в том, чтобы предсказывать всю будущую судьбу Галактической Империи, пойми. Тебе вовсе не нужно подробно прогнозировать действия каждого отдельного человека, даже каждого отдельного мира. Тебе нужно просто-напросто дать ответ на несколько вопросов: погибнет ли Галактическая Империя, и если да, то когда это произойдет? В каких условиях после этого окажется человечество? Можно ли что-либо предпринять для отсрочки гибели Империи, либо для смягчения обстоятельств, которые эта гибель повлечет за собой? На мой взгляд, это не такие уж сложные вопросы.

Седдон покачал головой и грустно проговорил:

— История математики битком набита самыми простыми вопросами, ответы на которые оказались безумно сложными, а то и вообще не были найдены.

— И так-таки ничего нельзя сделать? Я вижу, что Империя погибает, но не могу этого доказать. Все мои заключения субъективны, и я никак не могу доказать свою правоту. А из-за того, что моя точка зрения никого не может обрадовать по сути, люди предпочтут отвернуться и не слушать меня, и для предотвращения гибели, или, по крайней мере, для смягчения удара, ничего не будет сделано. А вот ты мог бы *доказать* истинность упадка или, наоборот, опровергнуть мои предположения.

— Но ведь именно этого-то я как раз и не могу сделать! Как я могу найти отсутствующие доказательства? Я не могу превратить математические выкладки в практические, если они не таковы по своей природе. Нельзя взять два четных числа, сложить и получить в сумме нечетное, как бы страстно ты сам или вся Галактика ни желали получить в ответе нечетное число!

— Я понял тебя, — буркнул Челвик. — Ты — порождение упадка. Ты добровольно признаешь поражение.

— Разве у меня есть выбор?

— А разве нельзя хотя бы попытаться? Какими бы бесплодными ни казались тебе мои трепыхания, что лучшего ты бы мог сделать за свою жизнь, чему бы еще ты мог ее посвятить? У тебя есть более высокая цель?

Селдон часто-часто заморгал.

— Но... Миллионы миров. Миллиарды культур. Квадриллионы людей. Квинтиллионы взаимосвязей... И ты хочешь, чтобы я один упорядочил все это?

— Нет, я хочу, чтобы ты просто *попытался*. Ради вот этих самых миллионов миров, миллиардов культур и квадриллионов людей. Не ради Императора. Не ради Демерзеля. Ради человечества.

— У меня не получится.

— Не получится так не получится. Но ты попытаешься?

И... против своей воли, сам не понимая почему, Селдон услышал собственный ответ:

— Попытаюсь.

С этого мгновения для него началась другая жизнь.

14

Путешествие наконец завершилось, и такси подлетело к стоянке, которая оказалась гораздо обширнее, чем та, где приятели останавливались перекусить. (Селдон еще не забыл вкуса злополучного сэндвича и огорченно скривился.)

Челвик припарковал такси, вышел и скоро вернулся, на ходу убрав кредитную карточку во внутренний карман рубашки.

— Здесь ты в полной безопасности, как я и обещал, — сообщил он Селдону. — Мы находимся в секторе Стрилинг.

— Стрилинг?

— Вроде бы, сектор назван в честь того, кто основал тут поселение. Большинство секторов названо в чью-то честь, вследствие чего названия чаще всего неуклюжи, а порой труднопроизносимы. И все равно, здешние жители ни за какие коврижки не согласятся переименовать Стрилинг в какой-нибудь там Парадиз или что-нибудь в таком роде. Попробуй предложить — получишь по физиономии, и дело с концом.

— Парадизом тут и не пахнет, — пошутил Селдон, брезгливо наморщив нос.

— Парадизом не пахнет нигде на Тренторе, но ты привыкнешь.

— Я так рад, что мы сюда попали, — признался Селдон. — Не то чтобы я рад, что мы попали именно сюда, но просто я до смерти устал от сидения в такси. Представляю себе, если бы мы пустились в облет всего Трентора. Бр-р-р... На Геликоне в любое место можно добраться по воздуху гораздо быстрее, чем здесь преодолеть расстояние в две тысячи километров.

— У нас тоже есть воздушные катера.

— Так почему же мы...

— Видишь ли, просто путешествие на такси мне легко было организовать так, чтобы оно прошло анонимно. С катером такого бы не вышло. И как бы безопасно мы себя тут ни чувствовали, гораздо спокойнее будет,

если Демерзель не будет знать наверняка, где ты находишься. На самом деле, еще не все позади. Надо еще добраться экспрессом до конечной станции.

Седдон понял, о каком виде транспорта говорит Челвик.

— Это такие открытые поезда, что ходят по рельсам?

— Точно.

— На Геликоне такого транспорта нет, да он там и не нужен. А на вашем экспрессе я уже катался, в самый первый день, как на Трентор прилетел. От аэропорта до гостиницы. Так, для новизны впечатлений очень даже ничего, но как представишь, что все время нужно на нем мотаться... Толпы народу, путаница такая...

— Ты что, заблудился?

— Да нет, там было полно указателей. Немного замешкался на входе и выходе, но мне сразу пришли на помощь. Теперь-то я понимаю, что по одежде во мне сразу признали чужеземца. Советчиков была целая куча, наверное, потому, что им приятно было наблюдать мою растерянность.

— Ну, раз уж ты теперь такой специалист по путешествиям на экспрессе, теряться тебе больше нечего.

Эту фразу Челвик произнес тепло и дружески, но в уголках его рта притаилась улыбка.

— Пошли.

Они не спеша зашагали по улице, которая была освещена так ярко, что создавалось впечатление дня в полном разгаре, но при этом казалось, что несуществующее небо подернуто облаками и солнце (тоже несуществующее) то заходит за тучку, то снова выходит из-за нее. Седдон инстинктивно поднял глаза к «небу», но, естественно, никаких тучек не увидел.

Заметив его взгляд, Челвик пояснил:

— Считаю, что такая смена освещенности благотворно воздействует на психику людей. Бывают дни, похожие на солнечные, а порой устраивают нечто вроде сплошной облачности.

— Но при этом ни дождя, ни снега?

— Да, и ни града, ни слякоти. Ничего такого. Ни повышенной влажности, ни пронизывающего холода.

Видишь, Селдон, есть у Трентора свои недостатки, даже сейчас.

На улицах было довольно-таки многолюдно, причем народ встречался в основном молодой, попадались и дети, что бы там Челвик ни говорил о падении рождаемости. При взгляде на пешеходов создавалось впечатление, что люди тут живут обеспеченные и довольные жизнью. Мужчины встречались так же часто, как и женщины, и одеты все были гораздо более скромно, чем в Имперском секторе. Здесь костюм Селдона, подобранный для него Челвиком, выглядел совершенно естественно. Людей в шляпах встречалось немного, и Селдон с облегчением сдернул свою и взял ее под мышку.

Противоположные стороны улицы здесь не отделяла одну от другой глубокая пропасть, и, как и обещал Челвик, пешеходы передвигались, можно сказать, по уровню земли. Транспорта на улицах не было совсем, и Селдон спросил у Челвика, с чем это связано.

— В Имперском секторе, — объяснил Челвик, — машин много потому, что там ими пользуются служащие официальных структур. В других же местах частным транспортом пользуются крайне редко, и для владельцев машин отведены специальные туннели. Фактически, машины и не нужны, ведь есть экспресс-линии, а для передвижения на небольшие расстояния — движущиеся тротуары. А уж когда расстояние совсем невелико — можно и на своих двоих добраться.

До слуха Селдона донеслись приглушенные вздохи и вскрики, и вскоре он увидел вдалеке длинную вереницу вагончиков экспресса.

— Погляди, вон он, экспресс, — показал он рукой.

— Вижу, только нам лучше сесть на стоянке. Там и маршрут можно поточнее выбрать, и сесть легче. Ты пока все-таки, мне кажется, не сумеешь впрыгнуть в вагончик на ходу. Есть у нас такие акробаты-лихачи. Им кажется, что это у них ловко получается, вот они и выпендриваются, но, увы, частенько получают травмы.

— А разве не существует правил?

— Отчего же не существует? Существуют правила, и время от времени нарушителей даже наказывают, к всеобщему и полному удивлению.

Как только приятели удобно усадились в вагончике экспресса, Селдон обернулся к Челвику и сказал:

— Что меня удивляет, так это, что экспресс движется так спокойно, равномерно. Я понимаю, что здесь действует электромагнитное поле, но все равно это удивительно! — воскликнул он, прислушиваясь к негромким звукам, возникавшим при соприкосновении их вагончика с соседними.

— Да, замечательная транспортная система, — согласился Челвик, — но, увы, ты не застал ее лучших дней. Когда я был помоложе, шума было еще меньше, а те, кто ездил на экспрессе пятьдесят лет назад, утверждают, что в то время вагончики и вообще катились как по маслу, но я почти уверен, что это просто ностальгическая идеализация прошлого.

— Почему же теперь все стало иначе?

— А ухаживают паршиво, вот и все. Я же говорил тебе насчет упадка.

Селдон нахмурился.

— Уверен, люди не сидят, воздев глаза к небесам и не повторяют, как заклинание: «Мы в упадке, мы в упадке, пусть все идет прахом, и экспресс в том числе».

— Нет, конечно, ничего такого не происходит. По-прежнему следят за исправностью оборудования, заменяют износившиеся узлы и детали, магниты, истершуюся обшивку на сиденьях, и так далее. Но все это как-то лениво, небрежно, и не так часто, как раньше. Просто денег не хватает, вот и все.

— И куда же деваются деньги?

— На всякие другие дела. Мы пережили ряд спокойных столетий. Флот разросся, содержание его обходится гораздо дороже, чем раньше. Военным платят побольше, чтобы они, не дай бог, не взбунтовались. За спокойствие приходится платить.

— Но вообще-то при Клеоне жизнь течет более или менее спокойно. Пятьдесят лет непрерывного мира.

— Да, но военные, которым хорошо платят, не согласны, чтобы из-за мира им снижали оплату. Адмиралы держатся за свои траченные молью корабли и не желают даже слушать о понижении в звании просто потому, что им больше нечем в жизни заняться. Словом, деньги рекой текут без всякой отдачи в армию, а тем временем

социальная сфера потихоньку разваливается и нищает. Вот это я и называю упадком. Разве это не так? Тебе разве не кажется, что на эти вещи невозможно закрыть глаза и не учесть их в твоей будущей психоистории?

Селдон недовольно заерзал на сиденье.

— А куда мы, кстати, направляемся?

— В Стрилингский Университет.

— А, так вот почему название сектора показалось мне знакомым! Я слышал об этом Университете.

— Ничего удивительного. На Тренторе — около ста тысяч высших учебных заведений, а Стрилинг входит в тысячу самых престижных.

— Мне придется там задержаться?

— Ненадолго. Кстати говоря, университетские кампусы — неприкасаемые святыни, и там ты будешь в полной безопасности.

— Да, но будут ли там мне рады?

— Что за вопрос! В наши дни совсем нелегко отыскать хорошего математика. Для тебя там почти наверняка найдется работа. Да и ты, надеюсь, сумеешь извлечь из пребывания в Университете пользу. Не просто же прятаться там будешь.

— Ты, конечно, хочешь сказать, что там у меня будет возможность поработать над своими выкладками?

— Ты дал обещание, — напомнил Челвик.

— Я обещал *попробовать*, — уточнил Селдон, а про себя подумал, что его обещание было равносильно попытке сплести веревку из песка...

15

Разговор сам собой прекратился, и Селдон углубился в рассмотрение окрестностей. Постройки отличались приятным разнообразием. Среди них попадались и невысокие здания, и уходящие под самые «небеса». Улицы сменялись широкими площадями.

Внимательно разглядывая здания, Селдон крайне удивился, что многие из них не только сильно возвышались над землей, но и довольно глубоко уходили под землю, и неизвестно, какая их часть доминировала — надземная или подземная.

Время от времени поодаль от линии экспресса мелькали островки свежей зелени — чаще всего, газоны, засаженные травой, но кое-где попадались и невысокие деревца.

Селдон смотрел и смотрел по сторонам, и вдруг ему начало казаться, что свет меркнет. Он обернулся к Челвику, тот прочел вопрос в глазах математика и объяснил:

— Вечер на исходе. Скоро ночь.

Брови Селдона вздернулись, уголки рта опустились.

— Восхитительно! Я представил себе, как вся планета погружается в темноту, а потом вновь озаряется светом...

Челвик усмехнулся.

— Не совсем так, Селдон. Планета никогда не выключается, образно говоря, одновременно вся, и не включается. Тень сумерек продвигается по Трентору постепенно. Минует полдня, и затем постепенно загорается рассвет. На самом деле, все происходит примерно так же, как наверху, над куполом. На высоких широтах даже долгота дня меняется в зависимости от времени года.

Селдон покачал головой.

— Не понимаю... Зачем же было нужно заковывать планету в броню, а потом пыжиться изо всех сил, пытаясь создать условия, приближенные к естественным?

— Наверное, потому, что людям так больше нравится. Тренторианцы ценят преимущества жизни под куполом, но не желают смиряться со скукой и однообразием. Ты просто маловато пока знаешь тренторианскую психологию, Селдон.

Селдон залился легким румянцем. Конечно, он ведь всего-навсего простой геликонец, прожил там всю жизнь, и откуда ему было знать обо всем, что творится в миллионах миров за пределами родной планеты? Но как же тогда он мог надеяться на успех в разработке основ психоистории?

Но, с другой стороны... Сколько нужно собрать вместе людей, чтобы они знали все обо всем?

Эти размышления заставили Селдона вспомнить загадку, которую ему кто-то загадал, когда он был помо-

ложе. Загадка была такая: «Можно ли сделать так, чтобы сколь угодно большое число людей не смогло поднять с земли относительно небольшой кусок платины, пускай даже снабженный скобами для удобства? Вероятно ли это?»

Ответ был однозначный: да, вероятно. Кубический метр платины весит двадцать две тысячи четыреста двадцать килограммов при нормальной силе притяжения. Допустим, одному человеку под силу оторвать от земли вес, равный ста двадцати килограммам. Тогда для того, чтобы поднять кубометр платины, хватит ста восьмидесяти восьми людей. Однако загвоздка в том, что никак нельзя разместить сто восемьдесят восемь человек вокруг куба так, чтобы каждый имел возможность ухватиться. По идее, собрать для подъема можно не более девяти человек. А никакими рычагами и тому подобными устройствами по условиям задачи пользоваться не разрешалось. Только «грубой силой», без всяких приспособлений.

Точно так же невозможно было собрать столько людей, чтобы их пускай даже самые умные головы вмещали всю сумму знаний, необходимых для разработки психоистории. Даже компьютеры не в состоянии вместить такую сумму знаний.

— Что загрузил, Селдон? — прервал молчание Челвик.

— Да так. Расписываюсь в собственном невежестве.

— Почтенное занятие. И главное, ты не одинок. К тебе могли бы запросто присоединиться квадриллионы народа. Однако, нам пора выходить.

— Откуда ты знаешь? — удивился Селдон.

— Оттуда же, откуда ты узнал, когда тебе выходить, когда первый раз ехал экспрессом. Я на знаки поглядываю.

И Селдон тут же увидел проплывавшее мимо название станции: «Стрилингский Университет, стоянка три минуты».

— Давай, быстренько, а то затолкают. Не горюй, скоро наловчишься, научишься скакать так, что даже газету на ходу читать сумеешь.

— Для этого мне придется здорово подзадержаться на Тренторе... — пробормотал Селдон, крепко ухватив Челвика за руку.

Небо окрасилось в темно-лиловые тона, в домах зажигались огни.

Точно так же наступала ночь на Геликоне. Если бы Селдона привезли сюда с завязанными глазами, а потом сдернули повязку, он был бы уверен, что никуда не улетал с Геликона, и находится в новом районе одного из крупных городов.

— Челвик, как ты думаешь, долго мне придется пробыть в Университете? — спросил он.

— Трудно сказать, Селдон, — как всегда спокойно отозвался Челвик. — Может быть, всю жизнь.

— Что?!

— А может быть, и нет. Но с тех пор, как ты сделал доклад о психоистории, твоя жизнь перестала тебе принадлежать. Император и Демерзель тебя сразу разглядели. Я тоже. Насколько мне известно, не только они и я. Словом, надеюсь, ты понимаешь, что теперь ты сам себе больше не принадлежишь.

Глава 4

БИБЛИОТЕКА

ВЕНАБИЛИ, ДОРС, — историк, родилась на Цинне. ...Вероятно, жизнь этой женщины и далее не представляла из себя ничего особо примечательного, если бы, проработав два года в Стрилингском Университете, она не познакомилась с молодым Гэри Селдоном во время его Бегства...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

16

Комната, в которую привел Селдона Челвик, оказалась более просторной, чем квартирка Челвика в Имперском секторе. Большими удобствами она, правда, не отличалась, все по-минимуму: кровать, в углу — умывальник. Никаких приспособлений для приготовления пищи. Окна в комнате тоже не было, а на потолке мерно жужжал вентилятор.

Селдон растерянно оглядел комнату.

Челвик, как обычно, отреагировал на растерянность Селдона:

— Это — только на одну ночь, Селдон. Завтра утром пришлют кого-то, кто определит тебя в Университет, и тебя устроят поудобнее.

— Челвик, ты меня прости, конечно, но откуда тебе это известно?

— Я все устрою. У меня тут есть пара-тройка знакомых. А эти люди, — криво усмехнувшись, добавил он, — в некотором смысле мои должники, вот я с них

и требую мзду. А теперь давай обсудим кое-какие мелочи.

Он пристально посмотрел на Селдона.

— Со всем, что ты оставил в гостинице, придется распрощаться навсегда. У тебя осталось что-нибудь особо ценное, незаменимое?

— Да нет, ничего такого. Кое-какие безделушки, милые сердцу и связывающие меня с прошлым, но это можно пережить. Что упало, то пропало. Потом... кое-какие заметки по докладу. Расчеты. И сам доклад.

— Который теперь можно считать достоянием общечеловечности, — закончил Челвик, — и таковым он останется до тех пор, пока его не изымут из обращения, как материал, представляющий известную опасность. Тем не менее, если понадобится, я сумею раздобыть копию, я уверен. Но, думаю, ты сможешь его восстановить, не так ли?

— Смогу. Потому я и сказал, что горевать мне особо не о чем. Еще там остались все мои деньги — что-то около тысячи кредиток, книги, одежда, обратный билет до Геликона, и тому подобные вещи.

— Ну, это все ерунда... Значит, нужно будет устроить, чтобы на твое имя выписали кредитную карточку с моего счета. Этого хватит на повседневные мелкие расходы.

— Слишком щедрый подарок. Я не могу его принять.

— Никакой щедрости. Взамен я приобретаю спасение Империи. Так что придется тебе принять этот дар.

— Но откуда у тебя столько денег, Челвик? И пойми, если я и стану пользоваться этой карточкой, то с нелегким сердцем.

— Селдон, поверь, у меня хватит средств, чтобы обеспечить тебе сносное существование. Естественно, я не собираюсь ссужать тебя суммой для покупки университетского гимнастического зала или позволять швырять на ветер миллионы.

— Да нет, я ничего такого не имел в виду, но все-таки, как же... ведь мое имя будет зарегистрировано?

— Будет, и ничего страшного. Имперское правительство не имеет никакого права совать нос в дела Университета и его сотрудников. Тут полная свобода. Говори,

о чем хочешь, что хочешь обсуждай. Отдельное государство.

— Ну, а если кто-то из сотрудников совершает преступление?

— Тогда дело рассматривается университетскими властями — беспристрастно и справедливо. Но никаких преступлений тут и в помине нет. Студенты и преподаватели высоко ценят собственную свободу и понимают и чтут ее законы. Ведь стоит тут пролиться крови, начаться беспорядкам, как правительство тут же сочтет, что получило право нарушить негласный договор и пришлет сюда войска. А это никому не нужно, в том числе и правительству, поэтому поддерживается спокойствие и равновесие. Другими словами, сам Демерзель не сумеет выцарапать тебя из Университета. Это ему дорого обойдется. Поверь мне, уже полтора года, как никто из сотрудников и студентов не имеет никаких неприятностей с правительством. Но, с другой стороны, если какой-нибудь студент-сексот вытащит тебя за пределы территории Университета...

— А что, среди студентов есть такие?

— Откуда мне знать? Ведь, в принципе, любого человека можно запугать, одурачить, а то и попросту купить, и тогда он станет прихвостнем Демерзеля или кого-нибудь еще. Поэтому подчеркиваю: в общем и целом ты здесь в безопасности, но *никто* и никогда в абсолютной безопасности не пребывает. Действовать надо осторожно и осмотрительно. Однако мне не хотелось бы, чтобы, вняв моему совету слишком буквально, ты только и делал, что оглядывался по сторонам и шарахался от каждого встречного. Все равно, как бы то ни было, тут тебе будет спокойнее, чем на Геликоне, да и в любом другом мире кроме Трентора.

— Очень надеюсь, — обреченно вздохнул Селдон.

— Вот и правильно, — ободрил его Челвик. — В противном случае я бы не смог тебя покинуть.

— Покинуть? Ты что, хочешь бросить меня тут? — испуганно воскликнул Селдон. — О, не делай этого! Ты тут все знаешь, а я ничего!

— С тобой рядом будут другие, кто знает этот мир, пожалуй, даже лучше меня. А мне пора. Я с тобой пробыл весь день, и время приняться за свои дела. Мне

нельзя привлекать к себе излишнего внимания. Не забывай, мне ведь тоже может грозить опасность, не меньше, чем тебе.

Селдон смутился и покраснел.

— Ты прав. Действительно, не можешь же ты из-за меня бесконечно рисковать. Надеюсь, пока ничего страшного не случилось?

Челвик пожал плечами.

— Кто знает? Мы живем в тревожные времена. Ты только помни: если и есть на свете кто-то, кто может сделать их менее тревожными — пусть не для нас, пусть для тех, кто придет после нас, — то этот кто-то — ты, Селдон. И не расставайся с этой мыслью, Селдон. Пусть она тебе поможет.

17

Заснуть Селдону не удалось. Он ворочался в темноте с боку на бок и все думал, думал... С того мгновения, как Челвик коротко кивнул ему на прощание, быстро пожал руку и вышел, Селдону стало так одиноко и тоскливо, как до сих пор не было никогда. Он остался один-одинешенек в совершенно чужом мире, на незнакомом островке этого мира. Тот единственный, кого он уже был готов назвать своим другом, покинул его, а он даже не представлял, куда податься и чем заняться и завтра, и потом...

От таких мыслей заснуть было просто невозможно, но, конечно, именно тогда, когда Селдон решил, что ему предстоит бессонная ночь, усталость взяла свое, и он провалился в сон.

Когда он проснулся, было еще темно — вернее, не совсем темно, поскольку мелькал красноватый свет и раздавалось странное прерывистое жужжание. Наверняка эти звуки и вспышки и разбудили математика.

Пока он отчаянно пытался вспомнить, где находится, вспышки и жужжание прекратились, раздался настойчивый стук.

Скорее всего, стучали в дверь, но Селдон даже не мог вспомнить, в какой она стороне и где выключатель.

Он сел на постели и принялся шарить пальцами по стене в поисках выключателя, приговаривая:

— Подождите минуточку, пожалуйста!

Наконец пальцы его нащупали кнопку, он нажал ее, и комната тут же озарилась мягким светом.

Сонно моргая, Селдон слез с кровати, поискал глазами дверь, нашел, собрался было открыть, но тут вспомнил об осторожности и холодно, серьезно спросил:

— Кто там?

Очень приятный женский голос ответил ему:

— Меня зовут Дорс Венабили, мне нужен доктор Гэри Селдон.

Не успела она договорить, как оказалась в комнате, у двери, которую Селдон еще не успел открыть.

Мгновение Селдон смотрел на нее не отрываясь, потом в ужасе вспомнил, что на нем, кроме трусов, ничего нет. Он испуганно вобрал в себя воздух и бросился к кровати. Оглянувшись, он понял, что видит перед собой всего-навсего голограмму. Изображению немного недоставало реальности, и вдобавок женщина вовсе не смотрела на Селдона. Видимо, она предъявила свое изображение, чтобы Селдон увидел, что она именно та, за кого себя выдает.

Селдон с трудом перевел дыхание и сказал довольно громко, чтобы его голос был слышен за дверью:

— Если вы подождете, я впущу вас. Мне нужно... примерно полчаса.

Женщина, или по крайней мере ее голограмма, ответила:

— Хорошо, я подожду, — и исчезла.

Душа не было, поэтому Селдон кое-как помылся над раковиной. Тюбик с пастой был, а щетки не было, пришлось вычистить зубы пальцем. Выбирать не приходилось — Селдон облачился в подаренную Челвиком одежду и наконец отпер дверь.

Всякие мысли вертелись у него в голове, однако он успел сообразить, что женщина сказала о себе крайне мало. Подумаешь, имя назвала. Челвик его не предупредил, кто к нему может заглянуть. Дорс ли эта самая, как ее там, или кто другой. Он-то решил, что можно без опасений открыть дверь, раз там просто симпатичная молодая женщина, но кто знает — вдруг, кроме нее, там целый взвод дюжих молодцов?

Селдон осторожно выглянул в щелочку, убедился, что женщина одна, никого с ней нет, и открыл дверь пошире, пропуская гостью в комнату. Как только она вошла, Селдон тут же захлопнул и запер дверь.

— Простите, а который час? — спросил он.

— Девять, — ответила женщина. — День давно начался.

В отношении времени Трентор придерживался Галактического Стандарта, поскольку только так можно было вершить дела в области межзвездной торговли и межправительственных контактов. Но, помимо этого, в каждом мире существовала своя, местная система измерения времени. А Селдон пока еще не успел свыкнуться с тем, что такое «час» по-тренториански.

— Середина утра? — уточнил Селдон.

— Верно, — ответила женщина.

— Да, долго я проспал, — смутился Селдон, и тут же добавил, защищаясь: — Просто тут нет окна, понимаете?

Дорс подошла к кровати, протянула руку, и коснулась пальцами небольшой черной точки на стене. На потолке, прямо над подушкой тут же загорелись красные цифры: 09:03.

Улыбнувшись открыто и искренне, она проговорила:

— Простите меня. Я думала, что Четтер Челвик предупредил вас о том, что я зайду в девять. Прямо беда с ним. Он так привык к тому, что все всё знают, что даже и мысли не допускает о том, что кто-то порой все-таки может чего-то не знать... Видимо, я зря воспользовалась радиоголографической системой идентификации. По всей вероятности, вы с этим незнакомы, и я вас, наверное, напугала.

Селдон сразу успокоился. Женщина вела себя на редкость искренне и дружелюбно, а как только прозвучало имя Челвика, все встало на свои места.

— Что касается радиоголографии, мисс...

— Зовите меня просто Дорс.

— Так вот, Дорс, что касается радиоголографии, вы не правы. Ею пользуются на Геликоне, и я знаю, что это такое, просто мне такая роскошь была не по карману, да и не только мне, всем людям моего круга, поэтому,

так сказать, в руках я этой штуки не держал. Но я все понял и не испугался, уверяю вас.

Седдон рассматривал гостью. Роста она была невысокого, прямо скажем — среднего. Волосы — золотисто-рыжие, скорее — медные, ровно и красиво вьющиеся, довольно коротко стриженные. (Женщины с такими стрижками уже попадались Седдону на Тренторе. Видимо, такие прически были сейчас в моде. На Геликоне же даму с подобной стрижкой подняли бы на смех.) Особой красотой лицо Дорс не блистало, но отличалось удивительной миловидностью. Вероятно, этому в немалой степени помогали мягкие, пухлые губы, готовые в любую минуту расплыться в улыбке. Дорс была стройна, пропорционально сложена и на вид довольно молода. («Слишком молода, — подумал про себя Седдон, — чтобы на нее можно было положиться».)

— Вы решили мне инспекцию учинить? — кокетливо поинтересовалась Дорс. (Похоже, у нее, как и у Челвика, был врожденный талант к чтению чужих мыслей, а может быть, Седдон начисто был лишен способности скрывать свои.)

— Простите, — смущенно ответил Седдон. — Вышло, что я вас вроде бы разглядываю, а я просто задумался. Поймите, здесь все чужое для меня, у меня здесь совсем нет друзей.

— Прошу вас, доктор Седдон, считайте меня своим другом. Мистер Челвик велел мне о вас заботиться.

Седдон усмехнулся.

— Боюсь, вы для такой заботы слишком молоды.

— Вы скоро убедитесь, что это не так.

— Ну что ж, постараюсь доставлять вам как можно меньше хлопот. Если вам не трудно, повторите, пожалуйста, ваше имя.

— Дорс Венабили, — старательно выговаривая буквы, повторила женщина, сделав подчеркнутое ударение на втором слого фамилии. — Как я уже сказала, звать меня можете просто Дорс, обращаться можете на «ты». Я надеюсь, вы не будете против, если я буду звать вас Гэри? Здесь, в Университете, мы не уделяем большого внимания формальностям, и все стараются никоим образом не подчеркивать ни должности, ни ученого звания.

— Конечно, никаких возражений. Зовите... зови меня Гэри.

— Отлично. Ну, теперь дальше, без формальностей. Так... инстинкт подсказывает, что при соблюдении правил этикета я должна была бы попросить разрешения сесть. Ну, а раз мы от формальностей отказались, я просто сяду и все.

И Дорс уселась на единственный стул.

Селдон прокашлялся.

— Прости, пожалуйста. На самом деле, это я должен был предложить тебе сесть. Что же это я...

Он уселся на краешек неприбранной кровати. Ему было жутко не по себе, и он принялся, стараясь делать это незаметно, разглаживать складки одеяла...

Дорс, казалось, ничего не замечала.

— Значит, так, Гэри: для начала мы позавтракаем в одном из университетских кафе. Затем я устрою тебя в общежитии — там комнаты намного удобнее, чем эта. Кстати, там будет и окно. Челвик попросил меня позаботиться о том, чтобы тебе была выдана кредитная карточка с его счета. На это мне понадобится день-два. Тут у нас народ вьедливый. А пока все твои расходы буду оплачивать я, потом сочтемся. Потом... У нас найдется для тебя работа. Четтер Челвик сказал мне, что ты — математик, а у нас сейчас по кое-каким причинам хороших математиков как раз не хватает.

— А Челвик сказал, что я — *хороший* математик?

— Конечно, так и сказал. Еще он сказал, что ты — исключительный человек. Выдающийся.

— Ну, знаешь... — Селдон уставился на свои ноги. — Это, спору нет, приятный комплимент, но ведь с Челвиком мы только сегодня познакомились, а чуть раньше он слышал мой доклад, о качестве которого он, не будучи специалистом, судить может лишь весьма приблизительно. Думаю, он так сказал просто из вежливости.

— А я так не думаю, — покачала головой Дорс. — Он и сам человек необыкновенный, и у него огромный опыт общения с людьми. Я его мнению верю. Как бы то ни было, у тебя будет возможность доказать, на что ты годишься. Надеюсь, ты с компьютером управляться умеешь?

— Конечно.

— Я имею в виду обучающие компьютеры. Ты умеешь составлять программы для обучения различным разделам современной математики?

— Да. Я этим занимался постоянно. В Геликонском университете у меня должность старшего преподавателя кафедры математики.

— Знаю, — кивнула Дорс. — Челвик говорил. Правда, когда об этом узнают, все поймут, что ты не с Трентора, но особых сложностей возникнуть не должно. Здесь, в Университете, и тренторианцев хватает, но есть сотрудники и студенты из самых разных миров, и никто на них косо не смотрит. Не хочу сказать, что ты прямо-таки не столкнешься ни с какими разговорчиками на тему о том, кто с какой планеты, но должна тебе честно сказать: провинциалы на такое брюзжание гораздо более падки. Между прочим, я и сама — не местная.

— Правда? — воскликнул Селдон, тут же смутился, но решил, что ничего невежливого не будет, если он спросит, откуда родом Дорс. — Откуда же ты, если не секрет?

— С Цинны. Слышал про такую?

Врать бесполезно, решил Селдон, и честно ответил:

— Нет.

— Ничего удивительного. Моя родная планета, пожалуй, еще менее известна, чем Геликон. Кстати, возвращаясь к вопросу о программировании... Насколько я понимаю, программу можно составлять либо хорошо, либо плохо.

— Ты совершенно права.

— А ты можешь составить такую программу хорошо?

— Надеюсь, сумею.

— Вот и отлично. Университет тебе за это заплатит.

А теперь пойдем, позавтракаем. Как спалось, кстати говоря?

— Как ни странно, я уснул.

— А есть хочешь?

— Хочу, только...

Селдону стало неловко.

— Понятно, — улыбнулась Дорс. — Тебя беспокоит качество пищи. Не волнуйся. Мне твои страдания

вполне понятны, я ведь тоже не тренторианка и сама через это прошла. В Университете очень неплохой выбор блюд. По крайней мере, в преподавательских столовых. Студентам приходится потуже, но тут считают, что они таким образом закаляются.

Дорс встала и направилась к двери. Вопрос Седона остановил ее на полпути.

— А ты — преподавательница, Дорс?

Она обернулась и укоризненно улыбнулась:

— Что, слишком молодо выгляжу? Докторскую диссертацию я защитила два года назад, еще на Цинне, и с тех пор работаю здесь. Через две недели мне стукнет тридцать.

— Извини, пожалуйста, — улыбнулся Седон в ответ. — Выглядишь ты на двадцать четыре, так что поневоле возникают сомнения относительно наличия у тебя ученой степени.

— А ты, оказывается, умеешь делать комплименты, — покачала головой Дорс, и Седону сразу стало легко. «Все будет хорошо, — решил он. — Вот я уже флиртую с очаровательной женщиной, значит, все будет хорошо».

18

Дорс оказалась права. Завтрак был совсем недурен. В одном из блюд явно присутствовали свежие яйца, мясо было прекрасно зажарено. Какао (на Тренторе обожали какао, и Седон не имел ничего против этого), наверное, было синтетическое, но вкусное, а булочки — просто прелесть!

Седон не мог не поделиться впечатлениями:

— Замечательный завтрак. И еда отличная, и обстановка.

— Рада, что тебе понравилось, — улыбнулась Дорс.

Седон разглядывал столовую. Вдоль одной из стен шел ряд окон, и хотя в них проникал не настоящий свет, а искусственное освещение, Седон и ему был рад, и скоро перестал огорчаться отсутствию солнечных зайчиков на полу. За окнами было очень светло: видимо, сегодня местный климатический компьютер почему-то решил, что пора устроить ясный погожий денек.

Столики были рассчитаны на четверых, большинство мест было занято, но к Дорс и Седдону никто не подсел. Все вежливо кланялись, но усаживались за другие столики. Наверняка, это было делом рук Дорс, очевидно, она хотела, чтобы они с Гэри завтракали в одиночестве, но как ей это удалось, Седдон никак не мог понять.

— Дорс, — сказал он, — ты пока не познакомила меня ни с кем из математиков.

— Просто пока никого не заметила из знакомых. У большинства математиков рабочий день начинается рано, с восьми часов — занятия. Лично мне кажется, что это из-за того, что студенты так сильно любят математику, что стремятся покончить с ней как можно раньше.

— Наверное, это из-за того, что ты сама — не математик.

— Да, уволь, только не это! — рассмеялась Дорс. — Я историк. У меня уже вышло несколько статей по истории Трентора эпохи расцвета — не теперешнего, а времени, когда тут только зарождалось королевство. Я думаю, на этом мои изыскания и остановятся по времени. Тренторианское Королевство.

— Замечательно! — воскликнул Седдон.

— Замечательно? — удивилась Дорс. — Тебя что, интересуется это время?

— В некотором роде, да. И это, и другие тому подобные вещи. Я ведь никогда серьезно историей не занимался, а теперь придется.

— Придется? Почему? Если бы ты изучал историю, у тебя бы не хватило времени на математику. А математики так нужны, особенно у нас в Университете. Историков тут — выше крыши. И экономистов полно, и социологов, и политологов, а вот с математиками — прямо беда. Четтер Челвик как-то говорил со мной об этом. Он сказал, что это — свидетельство упадка науки. Похоже, он думает, что это явление носит всеобщий характер.

— Ты меня не так поняла, — покачал головой Седдон. — Говоря об изучении истории, я вовсе не имел в виду, что собираюсь сделать ее делом всей жизни. Нет, мне просто нужно расширить свои познания в этой области. Это необходимо мне для проведения матема-

тических исследований. Я специализируюсь в математическом анализе социальных структур.

— Звучит кошмарно.

— Согласен. Это ужасно сложно, и пока я не узнаю побольше о том, как протекало развитие человеческих сообществ, социальных формаций, моя работа просто безнадежна. Пока я получил всего-навсего статичную картину, понимаешь?

— Нет, не понимаю, потому что для меня это пока — пустой звук. Четтер мне сказал, что ты разрабатываешь что-то такое, что зовется психоисторией, и что это очень важно. Правильно я назвала? Психоистория?

— Правильно. Сначала я хотел назвать эту науку «психосоциология», но слово показалось мне уж очень неуклюжим. Может быть, я уже тогда инстинктивно чувствовал, что без истории мне не обойтись, но сознательно — нет, это я точно помню.

— Пожалуй, «психоистория» действительно звучит приятнее, но только я все равно понятия не имею, что это такое.

— Я сам, честно говоря, понятие имею весьма приблизительное, — признался Селдон и умолк, глядя в глаза Дорс и думая о том, что общество такой милой женщины, вероятно, приятно скрасит его неожиданную ссылку. Он вспомнил о той женщине, которую знал и любил, но заставил себя не думать о ней. Если и суждено ему когда-нибудь обрести подругу жизни, то это будет такая женщина, которая поймет, что значит преданность науке и чего эта преданность требует от человека.

Решив перевести разговор на другую тему, Селдон проговорил:

— Послушай, Дорс, Челвик говорил мне, что правительство совершенно не вмешивается в университетские дела. Это правда?

— Правда.

Селдон недоверчиво покачал головой.

— Даже не верится. Просто невероятно! У нас на Геликоне высшие учебные заведения такой независимостью похвастаться не могут.

— На Цинне тоже. Таких заведений во всей Галактике — по пальцам сосчитать можно. На Тренторе — дело другое.

— Но почему?

— Потому что здесь — столица Империи. Университеты пользуются здесь необыкновенным престижем. Да, специалистов выпускают все Университеты, но только здесь, на Тренторе, осуществляется обучение и выпуск административных кадров для Империи, чиновников высших рангов, тех самых миллионов управленцев, которые тянут за собой щупальца Империи и дотягивают их до самых дальних уголков Галактики.

— Я, правду говоря, статистики не читал...

— Поверь мне на слово. Считается, что крайне важно, чтобы у имперских администраторов воспитывалось чувство общности, чувство ответственности за судьбу Империи. И конечно, ни в коем случае нельзя допустить, чтобы все они поголовно были коренными тренторианцами — иначе другие миры обидятся и забеспокоятся, не дай бог. А поэтому Трентор старается завлечь сюда как можно больше студентов из других миров. И совершенно неважно, откуда приезжает студент, с каким акцентом разговаривает, какова культура его родной планеты, лишь бы только он побыстрее ассимилировался на Тренторе и стал отождествлять себя с тренторианской системой образования. Это в значительной степени способствует консолидации Империи, и провинциальные миры ведут себя намного спокойнее оттого, что значительная часть управленцев, представителей имперского правительства — это их земляки.

Седдон задумался. Такое ему и в голову не приходило. «Можно ли считаться великим математиком, — подумал он, — если ничего, кроме математики, не знаешь?»

— А то, о чем ты рассказала — общеизвестно? — спросил он.

— Наверное, — немного подумав, ответила Дорс. — Хотя... люди стараются не знать больше того, что им положено, и специалисты в конкретной области за ее рамки, как правило, не выбираются и изо всех сил стараются закрыться от информации, которую считают посторонней, ненужной.

— Но ты тем не менее *знаешь* об этом.

— Да, но это — моя специальность. Я — историк, специалист по Королевскому Трентору, а ведь именно принципы управления, разработанные в то время, в немалой степени способствовали превращению Королевства в Империю.

Селдон пробормотал, обращаясь больше к самому себе:

— Как опасно разбрасываться... Как будто делаешь надрезы на теле знания и оставляешь их кровоточить.

— А что делать? — пожала плечами Дорс. — Но, видишь ли, раз уж Трентор так старательно привлекает провинциалов к обучению в здешних Университетах, он вынужден дать им что-то взамен за то, что люди оторвались от своих корней и попали в незнакомый, чужой мир, где все насквозь искусственное. Я здесь уже два года, и до сих пор не привыкла. Может быть, никогда не сумею привыкнуть. Но, с другой стороны, я же не в администраторы готовлюсь, а потому мне нет нужды впитывать тренторианский дух.

И потом, Трентор предлагает взамен не только высокое положение, власть и деньги в перспективе, но еще и свободу. Покуда студенты учатся, они имеют право критиковать правительство, даже устраивать мирные демонстрации протестов, разрабатывать собственные теории, высказывать любые точки зрения. Это выглядит настолько привлекательно, что многие прилетают сюда именно из-за этого — жаждут испытать ощущение свободы.

— А это, — кивнул Селдон, — тоже способ оказания давления. Тут они выпускают весь пар, успевают наиграться в революцию, а к тому времени, когда занимают свое место в имперской иерархии, они уже готовы погрузиться в комфорт, благосостояние и послушание.

— Скорее всего, ты прав, — согласилась Дорс. — Как бы то ни было, правительство делает все возможное для поддержания духа свободы и вольнодумства в Университетах. И это очень хитрая, очень умная игра.

— Дорс, ты сказала, что не готовишься в администраторы. А кем ты собираешься стать?

— Историком, конечно. Я буду преподавать историю, писать книги и создавать обучающие программы на их материале.

— Положение не слишком высокое, как я понимаю?

— Главное, что мне не светят большие деньги, Гэри, что гораздо более важно. Что же касается положения... знаешь, это такая чехарда, мне в эти игры влезать совершенно не хочется. Много я повидала людей на высоких постах, да вот счастливых среди них как-то не попадалось. Пост — это не стул, прибитый к полу. Приходится все время следить за тем, чтобы его из-под тебя не выбили. Даже Императорам в этом смысле приходится порой туговато. В один прекрасный день я просто вернусь на Цинну и стану профессором.

— И учеба на Тренторе поможет тебе занять подобающее положение.

Дорс рассмеялась.

— Может быть, да только кому до этого будет дело на Цинне? Это ужасно скучный мир — сплошные фермы и стада скота — четвероногого и двуногого.

— Наверное, после Трентора тебе там покажется еще скучнее.

— Да, я об этом думала. Ну, если заскучаю, я всегда смогу позволить себе попутешествовать и заняться историческими исследованиями. В этом и состоит преимущество моей профессии.

— А бедному математику, — проговорил Селдон с горечью, и сам себе удивился, — только и остается, что сидеть за компьютером и только о компьютере думать и говорить...

Селдон смутился. Завтрак был окончен, и, наверное, у Дорс были намечены какие-то свои планы.

Однако она, вроде бы, никуда не спешила.

— Ну? Что ты там сказал про компьютеры?

— Ты сможешь раздобыть для меня разрешение поработать в исторической библиотеке?

Теперь настала очередь Дорс растеряться.

— Думаю, это можно будет устроить. Если ты займешься математическим программированием, значит, должность твоя будет — внештатный сотрудник факультета. Я попрошу, чтобы тебе выдали пропуск. Но...

— Но?

— Мне не хотелось бы тебя обидеть, но ты сам сказал, что ты — математик и в истории ничего не

понимаешь. Ты уверен, что сможешь разобраться в исторической библиотеке?

Седдон улыбнулся.

— Надеюсь, компьютеры у вас там такие же, как в математической библиотеке?

— Это так, однако программы по любой отрасли науки отличаются своими хитростями. Ты не знаком со справочниками, с методами скоростного поиска. Не сомневаюсь, ты способен найти гиперболический интервал с завязанными глазами...

— Ты, наверное, хотела сказать: «интеграл», — осторожно уточнил Седдон.

— ...но зато, — продолжала Дорс, не обратив никакого внимания на замечание, — на поиск условий мирного договора в Поддарке у тебя уйдет полтора дня.

— Надеюсь, я смогу научиться там работать.

— Научишься, если... — проговорила Дорс, слегка нахмурившись. — Слушай, давай так: я даю тебе недельный инструктаж, по часу каждый день, бесплатно, и обучаю пользоваться библиотекой. Обычно такой инструктаж проводят со студентами-первокурсниками. Надеюсь, твоя гордость не будет слишком сильно уязвлена — то есть, ты выдержишь обучение рядом с первокурсниками? Курс начнется через три недели.

— Но ты могла бы дать мне частные уроки, — сказал Седдон почти умоляюще и смутился.

Это не укрылось от Дорс.

— Могла бы, но мне кажется, что тебе лучше будет пройти официальный курс. Занятия будут проводиться в библиотеке, и к концу недели будет нечто вроде экзамена: тебе придется отыскивать информацию по тому или иному вопросу истории. У тебя возникнет нечто вроде соревнования с другими студентами, и это пойдет тебе на пользу. Частные уроки такого эффекта не дадут, поверь. Правда, если ты будешь отставать от первокурсников, твое самолюбие пострадает. Но не забывай, они уже успели пройти начальный курс истории в отличие от тебя.

— Да, я такого курса не проходил. Но я не боюсь состязаний и вовсе не возражаю против ударов по самолюбию. Главное — научиться искать информацию по истории.

Селдон понимал, что ему все больше нравится эта женщина, и он с радостью думал о перспективах учиться у нее. Понимал он также, что в его мыслях произошел коренной переворот.

Он обещал Челвику попытаться разработать метод практического применения психоистории, но это обещание дал его разум, а не чувства. Теперь он был готов схватить психоисторию за горло, если понадобится, но во что бы то ни стало внедрить ее в практику. Вероятно, виной такой перемены в его мыслях стала Дорс Венабили.

Но, может быть, Челвик как раз на это и рассчитывал? «Он, — решил Селдон, — не просто выдающийся человек, он — гений».

19

Клеон Первый закончил обед — увы, для него и обед являлся делом государственной важности. Это значило, что ему даже во время еды приходилось разговаривать со всевозможными чиновниками, никто из которых ему, к стати говоря, не был знаком. Каждому из них Император обязан был сказать одну-другую одобрительную и ободряющую фразу, тем самым укрепив в сердце каждого верность Империи и короне. Это значило также, что пищу ему подавали остывшую, а когда он наконец приступал к еде, все блюда были холодны, как лед.

Клеон страдал, и никак не мог придумать способ спасения. Может, стоило сначала обедать в одиночестве или с самыми близкими, а уже потом являться на официальный обед, где бы ему подали... ну скажем, заморскую грушу? О, как он любил груши... А вдруг тогда высокие гости возьмут и обидятся, решив, что Император брезгует делить с ними трапезу?

Являться с женой? О нет, от нее вреда больше, чем пользы. Когда Клеон взял ее в жены, ее род угасал, и естественно, питал надежды на возрождение за счет союза с Императором. Клеон, однако, надеялся совсем на другое: он очень хотел, чтобы угасла хотя бы та представительница рода, на которой он женился. Он предоставил супруге возможность жить в свое удоволь-

ствие на ее половине Дворца и лишь изредка навещал ее для выполнения супружеских обязанностей, хотя в этой роли она ему совсем не нравилась. Теперь же, когда их отношения в этом плане и вовсе прекратились, он совсем перестал навещать к жене.

Клеон разгрыз один из горстки орешков, которые успел прихватить со стола, и крикнул:

— Демерзель!

— Сир?

Демерзель всегда являлся по первому зову. То ли постоянно подслушивал у замочной скважины, то ли старался не уходить далеко, чувствуя, что может понадобиться в любую минуту — непонятно, однако дело обстояло именно так: он являлся по первому зову, и Клеон ценил это. Правда, бывали случаи, когда Демерзель куда-то удалялся по важным делам, и тогда Клеон страдал от его отсутствия.

— Ну, что там с этим математиком? Запоматовал, как его зовут.

Демерзель прекрасно понял, кого имеет в виду Император, но решил выждать и выяснить, что Император запомнил, а потому невинно поинтересовался:

— О каком математике вы говорите, сир?

Клеон нервно взмахнул рукой.

— Ну, этот, предсказатель будущего. Тот, который приходил ко мне.

— Тот, за которым мы посылали, сир?

— Ну да, посылали, какая разница? Он же все равно приходил? Ты собирался приглядеть за ним, если не ошибаюсь? Ну, и как дела?

Демерзель прокашлялся и сообщил:

— Да, сир, собирался.

— Ага! Собирался, но не приглядел, так?

Как ни странно, Клеон ощутил некоторое злорадное удовлетворение. Демерзель был единственным из его министров, которому всегда все удавалось. Остальные, правда, никогда не признавались в неудачах, но оттого, что неудачи сыпались, как горох, исправлять их последствия становилось все труднее. Видимо, Демерзель слишком редко ошибался, и потому мог позволить себе быть честным. «Если бы не Демерзель, — подумал Клеон, — я бы и знать не знал, что такое честность».

А еще он подумал: «Наверное, все Императоры прожили жизнь, потонув в море вранья, и именно поэтому Империя...»

Демерзель молчал, и Клеон, прогнав набежавшие мысли, поторопил его с ответом:

— Ну, что, ты потерпел фиаско? Говори!

— Да, сир, в некотором роде, — несколько не смутившись, отвечал Демерзель. — Мне показалось, что оставлять его на Тренторе, где обстановка и так... словом, мне показалось, что он может доставить нам кое-какие проблемы. Можно было бы махнуть на него рукой — ведь он собирался на следующий же день вернуться домой, но мало ли что... вдруг бы он передумал, и остался на Тренторе... словом, я все устроил так, что двое бродяг должны были впихнуть его в звездолет в этот же день.

— Ты что, якшаешься с бродягами, Демерзель? — удивился Клеон.

— Видите ли, сир, приходится. Дела бывают разные, и люди нужны тоже разные, не только бродяги. Но, увы, им не удалось выполнить мое поручение.

— Это почему же?

— Вы не поверите, сир. Седдон побил их обоих.

— Как? Математики умеют драться?

— По всей видимости, математика и драка — не взаимоисключающие понятия. Вскоре я выяснил, что у себя на родине Седдон в этой области знаменит. То, что я не узнал об этом заранее, сир, и есть моя большая ошибка, и я умоляю вас простить меня за это.

— Полагаю, что математик отправился домой не в этот день, а на следующий, как и собирался?

— К несчастью, этого не произошло. После драки он почему-то решил не возвращаться на Геликон. То ли какой-то прохожий, бывший свидетелем потасовки, дал ему такой совет, то ли... словом, он остался на Тренторе. Таково еще одно осложнение.

Император нахмурился.

— Стало быть, наш математик... как же его зовут-то?

— Седдон. Гэри Седдон.

— Стало быть, этот Седдон теперь недосыгаем?

— В каком-то роде, сир, в каком-то роде... Мы за ним проследили. В данное время он находится в Стрингском Университете. Там он в неприкосновенности.

Император фыркнул; лицо его покраснело.

— До чего же я терпеть не могу это слово — «неприкосновенность»! Не должно в Империи быть таких уголков, куда бы не дотянулись наши руки! А ты мне заявляешь, что прямо здесь, на Тренторе, кто-то пребывает в неприкосновенности! Возмутительно!

— До Университета ваши руки, сир, могут дотянуться. Как только захотите, можете послать туда войска и выдернуть оттуда этого Седдона. Однако это... гм-м-м... нежелательно.

— Ты еще скажи «неосуществимо», Демерзель! Ты мне сейчас как раз этого самого математика напоминаешь. Точно так же он разглагольствовал о предсказании будущего. «Возможно, но неосуществимо». Что же я за Император? Все могу, в принципе, а на самом деле не могу ничего! Не забывай, Демерзель, если до Седдона добраться невозможно, то до тебя как раз-таки очень легко!

Последнюю фразу Демерзель молча проглотил. Он, «человек, стоящий за тронem», прекрасно знал, что Императору без него не обойтись, и подобные угрозы слышал уже не раз. Он молчал и ждал, пока страсти улягутся. Побарабанив кончиками пальцев по подлокотнику кресла, Клеон спросил:

— Ну, ладно, какой нам прок от этого математика, если он попал в Стрилингский Университет?

— Как ни странно, сир, нет худа без добра. Весьма вероятно, что именно в Университете он решит поработать над своей психоисторией.

— Да? Несмотря на то что с пеной у рта утверждает, что ее нельзя применить на практике?

— Он может ошибаться и может понять, что ошибается. А как только он это поймет, мы предпримем попытку выцарапать его из Университета. Очень может быть, что он сам нас об этом попросит.

Император глубоко задумался.

— А что, если кому-то взбредет в голову, — спросил он после паузы, — выцарапать его оттуда раньше нас?

— Кому же это может взбрести в голову, сир? — тихо спросил Демерзель.

— Да хотя бы мэру Сэтчема, если на то пошло! — рывкнул Клеон. — Он до сих пор лелеет мечту захватить власть над Империей!

— Он постарел, сир. Пороху не хватит.

— Не обольщайся, Демерзель.

— Но у нас нет никаких причин полагать, что он вообще интересуется Селдоном. Скорее всего он и знать о нем не знает.

— Ну-ну, Демерзель. Раз мы знаем о докладе Селдона, почему бы в Сэтчеме о нем не слышали? Раз мы понимаем, что Селдон — не пешка, почему бы этого не понимали в Сэтчеме?

— Если до этого дойдет... Нет, если появится хоть какая-то опасность, сир, мы успеем принять серьезные меры.

— Насколько серьезные?

Демерзель осторожно проговорил:

— Скажем так, сир: чем отдавать Селдона в Сэтчем, лучше сделать так, чтобы он не достался никому. Лучше прекратить его существование.

— То есть — убить?

— Если вам так больше нравится, сир, — с поклоном ответил Демерзель.

20

Гэри Селдон раздраженно откинулся на спинку кресла, стоявшего в алькове его новой комнаты, выделенной для него стараниями Дорс Венабили. Настроение у него было самое паршивое.

«Паршивое настроение» — так он сам определил свое состояние, а на самом деле все обстояло гораздо хуже — он был просто в бешенстве. А самое главное — он не понимал, из-за чего именно. Из-за того, что узнал об истории? Из-за творцов и компиляторов этой самой истории? Или причиной его ярости стали миры и люди, создавшие историю?

Однако, видимо, дело было не в том, на кого он изливал свой гнев. Главное — все его заметки оказались абсолютно бесполезны, новообретенные знания — тоже, все бесполезно, все!

Он находился в Университете целых шесть недель. За компьютер он засел с самого начала и сразу начал работать — без всяких инструкций, полагаясь только на собственную интуицию, развившуюся в течение многолетней работы. Работал он медленно, часто спотыкался, но находил даже некоторое удовольствие в том, что до всего доходил сам и сам отыскивал ответы на поставленные вопросы.

Потом начались занятия под руководством Дорс, которые принесли ему немало полезного, но понервничать заставили не на шутку. Во-первых, его смущали взгляды, которые на него бросали студенты. Их, по всей вероятности, забавлял возраст Селдона, и всякий раз, когда Дорс, обращаясь к нему, называла его «доктором», многие усмехались.

— А я нарочно это подчеркиваю, — объявила Дорс. — Не хочешь же ты, чтобы они тебя считали двоечником, вечным студентом, который никак не может ликвидировать задолженность по истории?

— Ты наверняка преувеличиваешь. Может быть, они вовсе так не думают. Мне кажется, ты могла бы меня просто Селдоном называть.

— Нет, — покачала головой Дорс и неожиданно улыбнулась. — И потом, мне самой нравится, как звучит «доктор Селдон». Ужасно забавно смотреть, как ты всякий раз морщишься.

— У тебя извращенное чувство юмора. Садистское.

— Хочешь меня перевоспитать?

Селдон, сам не зная почему, рассмеялся. Конечно, кому приятно когда тебя обзывают садистом? Но ему понравилось, как Дорс парировала его атаку. Немного подумав, он спросил:

— Послушай, у вас в Университете в теннис играют?

— Корты есть, но я сама не играю.

— Отлично. Поиграй со мной, и пока будем играть, я буду называть тебя «профессор Венабили».

— Но ты так и обращаешься ко мне на занятиях!

— А ты посмотришь, как это замечательно будет звучать на теннисном корте.

— А вдруг мне понравится?

— Тогда я придумаю что-нибудь еще... Не думаю, чтобы такое обращение понравилось бы тебе во всех обстоятельствах.

— У тебя тоже специфическое чувство юмора. Непристойное.

— Хочешь меня перевоспитать? — продолжил обмен ударами Селдон.

Она только улыбнулась в ответ. Потом, когда они встретились на теннисном корте, оказалось, что Дорс играет совсем недурно.

— Ты действительно раньше не играла? — спросил Селдон после первой партии.

— Ни разу, — ответила Дорс.

Остальные переживания носили более или менее личный характер. Познакомившись с элементарной методикой исторического поиска, Селдон проклял все свои предыдущие попытки самостоятельно поработать с компьютером. Оказалось, что поиск информации по истории требует в корне иного подхода, чем тот, который он привык применять в математике. И тут и там большую роль играла логика, однако в историческом поиске логика была нужна совсем другая, не такая, какой привык пользоваться Селдон.

Но как бы то ни было — и до инструктажа, и после него, быстро ли он работал или спотыкался на каждом шагу — никаких результатов, просто никаких!

Он нервничал, и это чувствовалось даже на теннисном корте. Дорс довольно скоро освоилась, и он перестал посылать ей легкие мячи, давая время на обдумывание. Совершенно позабыв, что перед ним — новичок, Селдон разошелся и принялся осыпать Дорс резаными ударами, вкладывая в них всю переполнявшую его злость.

Дорс подошла к сетке и сказала:

— Я понимаю, тебе хочется убить меня. Видимо, тебя жутко злит, что я так часто пропускаю мячи. Ну, и что же ты промазал, в таком случае? Последний мяч пролетел в трех сантиметрах от моей головы. Целься получше, что же ты?

Селдон смутился, забормотал что-то невнятное.

— Слушай, — сказала Дорс. — Пожалуй, на сегодня хватит. Давай-ка примем душ и пойдем выпьем чаю или еще чего-нибудь, и ты мне расскажешь, кого ты на самом деле хотел убить. Если ты целился не в мою бедную головушку, надо выяснить, в кого ты целился.

Иначе я не стану больше играть с тобой. Мне страшно, честное слово.

За чаем Селдон признался:

— Дорс, я успел много чего просмотреть по истории. Пока я только просматривал материал, не углублялся. И тем не менее некоторые вещи стали очевидны. Во всех книгах речь идет примерно об одних и тех же событиях.

— Поворотных, ты хочешь сказать. Тех, на которых зиждется история.

— Ну, разве что так. Как будто все друг у друга списывали. В Галактике — двадцать пять миллионов миров. А в книгах упоминается, дай бог, двадцать пять.

— Видимо, дело в том, — предположила Дорс, — что ты читаешь книги по всеобщей истории. Загляни в исторические хроники отдельных миров. Ведь в каждом мире, каким бы маленьким он ни был, дети в школе учат родную историю и только потом узнают, что живут в огромной Галактике. Разве ты сам не знаешь сейчас больше о Геликоне, чем об истории расцвета Трентора или о хронике Великой Межзвездной Войны?

— Такие знания тоже грешат ограниченностью, — возразил Селдон. — Мне знакома география Геликона, история его заселения, история борьбы с ближайшими врагами — планетой Дженнисек. Учителя, правда, их врагами называть избегали, предпочитая называть «соперниками». Но я никогда не слышал о том, чтобы Геликон внес хоть какой-то вклад в общегалактическую историю.

— Но может быть, и на самом деле никакого вклада не было?

— Не надо, Дорс. Наверняка был. Может быть, Геликон, и правда, не принимал участия в крупных космических сражениях, может быть, там не было многолюдных восстаний, может быть, представители моей планеты не подписывали глобальных мирных договоров. Может быть, Геликон не стал ареной борьбы за создание там имперской базы. Но какое-то влияние Геликон *должен был* оказать. Хоть какое-то! Что бы и где бы ни происходило, это обязательно как-то отражается в других местах. А я никак не могу отыскать информацию, которая помогла бы мне... Вот посмотри, Дорс: возьмем математику. Все знания, накопленные

человечеством за двадцать тысячелетий, можно отыскать с помощью компьютера. В истории все обстоит иначе. Историки копаются в знаниях и выбирают из них, но что самое поразительное, все выбирают одно и то же.

— Но, Гэри, — возразила Дорс. — Математику придумали люди, и в этой науке все повинуется строгому, непререкаемому порядку. Одно следует из другого. Существуют определения, аксиомы, и все они всем известны. История — дело другое. В ней сконцентрированы поступки и мысли квадриллионов человеческих существ. Историки не могут работать иначе. Такая у нас работа — копать и выбирать.

— Пусть так, — кивнул Селдон. — Но я обязан изучить всю историю, в противном случае мне никогда не удастся разработать законы психоистории.

— В таком случае, ты их никогда не разработаешь.

Разговор этот произошел вчера. И вот теперь Селдон сидел у себя в комнате. Еще один день потрачен впустую; а в ушах все время звучала сакраментальная фраза Дорс: «В таком случае, ты их никогда не разработаешь».

Собственно, таковы были его убеждения с самого начала, и если бы Челвик не убеждал его так страстно в обратном, если бы не разжег с такой силой в душе Селдона сомнения, Селдон до сих пор бы думал именно так.

Что же теперь? Почему сомнения до сих пор мучали его? Почему он так упорно искал ответа? Искал, но найти никак не мог.

Глава 5

НАВЕРХУ

ТРЕНТОР — ...Крайне редки его описания снаружи, с орбиты. Трентор с давних времен представлялся людям миром внутренним, то есть таким, каким видели этот мир его обитатели. Однако внешняя поверхность Трентора существовала: до сих пор сохранились голографические снимки планеты, сделанные из космоса, и на них видны отдельные детали (см. рис. 14 и 15). Обратите внимание на то, что поверхность куполов, контуры большого города и слой атмосферы — то самое, что в те времена именовали «Верхом», это...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

21

И все-таки на следующий день Гэри Седдон снова отправился в библиотеку. Во-первых, потому, что дал обещание Челвику. Он обещал попробовать и просто не мог бросить начатое дело на полпути. Во-вторых, он и самому себе был кое-что должен. Ему не хотелось признавать собственное поражение. По крайней мере, пока. Нужно было идти до конца.

Итак, он углубился в просматривание каталога справочных изданий, в которые пока не успел заглянуть, и гадал, какие из них (а их было неисчислимое множество) могут пролить хоть какой-то свет на мучившие его вопросы. Он уже был готов начать просматривать все справочники один за другим, когда в стену кабинки кто-то тихо постучал.

Селдон оторвал взгляд от терминала и увидел смущенную физиономию Лисунга Ранды, который глядел на него из-за перегородки. Селдон знал Ранду, их познакомила Дорс. Пару раз они вместе обедали.

Ранда, преподаватель психологии, был человеком невысокого роста, полным, круглолицым. Улыбка почти никогда не сходила с его лица. Кожа — желтоватого оттенка, глаза — узкие. Такая внешность, широко распространенная по всей Галактике, была Селдону не в новинку. Многие из великих математиков были родом из таких миров, и Селдон видел их голографические снимки. Правда, на Геликоне ни с кем из «Восточников», как их называли, он лично знаком не был. Да-да, их все называли именно «Восточниками», хотя никто не знал почему. Сами они не слишком радовались этому прозвищу, но, опять-таки, никто не знал почему.

— На Тренторе нас миллионы, — дружелюбно улыбаясь, сообщил Ранда в день их знакомства, когда Селдону при всем старании не удалось скрыть удивления. — Тут и Южан полно — темнокожих, курчавых. Видел Южан?

— На Геликоне — нет, — признался Селдон.

— На Геликоне — одни Западники, да? Вот скущца! Ну, это ладно. По мне, так все хороши.

После этого разговора Селдон задумался о том, почему существуют Восточники, Западники и Южане, но совершенно нет Северян. Он даже покопался на этот счет в справочниках, но ответа не нашел.

И вот теперь Ранда, всегда такой веселый, разглядывал Селдона с явной озабоченностью.

— Ты в порядке, Селдон? — спросил он.

— В порядке, — ответил Селдон. — А что?

— Да нет, ничего такого. Просто ты кричал.

— Я? Кричал? — недоверчиво поинтересовался Селдон.

— Не очень громко. Вот так примерно. — Ранда стиснул зубы и издал высокий гортанный звук. — Если я ошибаюсь, прости, что помешал.

Селдон опустил голову.

— Ничего, Ранда, не извиняйся. Я и правда иногда издаю такие звуки, мне уже говорили. Ей-богу, бессознательно. Сам не замечаю.

— А почему, понимаешь?

— Почему? О, понимаю, конечно. От расстройства. От разочарования!

Ранда наклонился поближе и произнес вполголоса:

— Мы мешаем людям. Давай выйдем в вестибюль, пока нам не сделали замечания. Пойдем перекусим, что ли?

В кафе, после пары стаканов прохладительных напитков, Ранда спросил:

— Позволь задать тебе профессиональный вопрос: какова причина твоего разочарования?

— Причина разочарования? — пожал плечами Селдон. — Как у всех, наверное. Работаю, работаю, а результатов — ноль.

— Но ты же математик, Гэри. К чему тебе разочаровываться в исторической библиотеке?

— А ты там что делал?

— Я? Мимо проходил и услышал, как ты... стонешь. Ну, значит, судьба мне была там оказаться. И я не жалею об этом.

— Хотел бы я тоже просто проходить мимо... Видишь ли, дело в том, что я решаю одну математическую задачу: для ее решения необходимы кое-какие знания по истории, а у меня, боюсь, не очень-то хорошо идут дела.

Ранда посмотрел на Селдона с необычной серьезностью и сказал:

— Прости, если обижу, но... я просмотрел твое компьютерное досье.

— Мое досье? — воскликнул Селдон и покраснел. Похоже, он и вправду обиделся и рассердился.

— Ну вот, я тебя все-таки обидел... погоди, не сердись. Понимаешь, у меня дядя — математик. Может, слышал о таком: Кьяньто Ранда?

У Селдона дыхание перехватило.

— Правда? Он — твой родственник?

— Да. Старший брат отца. Ужасно огорчился, что я не пошел по его стопам, ведь своих детей у него не было. Вот я подумал... наверное, он был бы рад узнать, что я подружился с математиком. Так хотелось похвастаться, понимаешь? Ну, вот я и решил покопаться в математической библиотеке, разузнать о тебе побольше.

— Ясно. А теперь уж моя очередь прощения просить. Хвастать тебе особенно не придется.

— А вот и нет! Я, конечно, ни слова не понял из того, о чем говорится в твоих работах, но их хвалят. А когда я просмотрел колонки новостей, то выяснил, что ты выступал на последнем Декадном Конгрессе. Ну, вот. Кстати, а что такое «психоистория»? Меня, конечно, прежде всего интересуют два первых слога.

— Понятно. Это словечко бросилось тебе в глаза.

— Да, и если я не крутлый дурак, мне показалось, что ты можешь предсказать будущее течение истории.

Селдон устало кивнул.

— Ну, в общем и целом, это и есть то, что представляет собой психоистория, вернее — должна представлять.

— И это серьезно? — улыбнулся Ранда. — Не игра в «счастливый билетик»?

— Какой билетик?

— Ну, у меня на родине есть такая детская игра в предсказание будущего. Если будешь похитрее, можно здорово нажиться. Скажи, к примеру, какой-нибудь мамаше, что ее сынок разбогатеет, вырастет красавцем, и можешь быть уверен — отхватишь кусок пирога, а то и монетку в полкредитки. Мамаше совершенно неважно, будет так или не будет, ей одного обещания за глаза хватает.

— Понятно. Нет, никаких таких билетиков. Психоистория — чисто абстрактная наука. Исключительно абстрактная. Никакого практического применения у нее нет, за исключением...

— Ну, ну! Исключения — это всегда самое интересное.

— Ну, в общем, мне бы хотелось придумать для нее применение. Может быть, если бы я лучше знал историю...

— А-а-а... Так ты поэтому закопался в историю?

— Ну да. Только толку — чуть, — грустно кивнул Селдон. — История — совершенно необъятная штука, а правды в ней так мало.

— И это вызывает у тебя разочарование?

Селдон снова кивнул.

— Но, Гэри, ведь ты здесь всего несколько недель!

— Да, но все равно, мне уже понятно...

— Ничего тебе не может быть понятно за несколько недель. Можно всю жизнь проработать и ничего не добиться. Да что там... Целые поколения математиков должны трудиться над этой проблемой...

— Лисунг, я отлично это понимаю, но мне от этого не легче. Мне обязательно нужно чего-нибудь добиться самому.

— Самоистязание ничего не даст. Может быть, тебе станет хоть немножко легче, если я приведу тебе пример. Есть один вопрос, над которым здесь бьются уже незнамо сколько времени, и тоже без толку. Казалось бы, вопрос намного проще, чем история человечества. Мне эта работа хорошо знакома, поскольку проводится здесь, в Университете, и в ней принимают участие мои близкие друзья. А ты — «разочарование»! Знал бы ты, что такое разочарование!

— И что за проблема? — с любопытством поинтересовался Селдон.

— Метеорология.

— Метеорология? — не веря собственным ушам, ошарашенно переспросил Селдон.

— Да-да, не удивляйся и не смейся. Метеорология. Вот послушай: у каждого из обитаемых миров есть атмосфера. В каждом мире свой собственный состав атмосферы, своя температура, свой период обращения вокруг оси и светила, свой наклон оси вращения, свое соотношение поверхности суши и воды. Двадцать пять миллионов — вот такое разнообразие, и обобщить параметры еще никому до сих пор не удалось.

— Это из-за того, что состояние атмосферы сильно подвержено хаотическим изменениям. Дураку ясно.

— Точно так же говорит мой приятель, Дженнар Легген. Да ты с ним знаком.

Селдон задумался, вспоминая.

— Высокий такой? Длинноногий? Молчун?

— Он самый... Ну, так вот. И Трентор в этом смысле еще более загадочен, чем все остальные миры. Судя по тому, что о нем написано, во время его заселения климат был более или менее обычным. Затем, по мере роста населения, расширения урбанизации, увеличилось потребление энергии, и в атмосферу стало выбра-

сываться больше тепла. Ледяной слой подтаял, облачный истончился, и погода стала неустойчивой. Это и вызвало стремление уйти под землю и тем самым обезопасить себя от капризов климата, выбраться из порочного круга. Но, что самое удивительное, круг стал еще более порочным. Чем яростнее люди закапывались под землю и чем больше возводили куполов, тем хуже становился климат. Теперь над поверхностью почти постоянно собираются тучи и идет то дождь, то снег, в зависимости от температуры. И, что самое ужасное, никто не в состоянии этого объяснить. До сих пор никто не анализировал причин такого страшного ухудшения климата, не пытался прогнозировать ежедневные перемены погоды.

— Ну и что? — пожал плечами Седдон. — Разве это так важно?

— Для метеоролога — да. Почему бы им тоже не расстроиться, не впасть в отчаяние? Так что ты не одинок, есть у тебя товарищи по несчастью.

Тут Седдону пришло на память затянутое тучами небо по дороге ко Дворцу Императора и пронизывающий холод.

— Ну, и что же они предпринимают? — спросил он.

— Здесь, в Университете, разрабатывается глобальный проект, и Дженнар Легген участвует в его разработке. Те, кто работает над этим проектом, считают, что, если им удастся понять причину перемен в климате Трентора, они узнают многое о фундаментальных законах метеорологии в целом. Легген жаждет этого не меньше, чем ты стремишься к выведению законов своей психоистории. В общем, он наставил целую уйму приборов и инструментов наверху — на поверхности куполов, понимаешь? Пока он ничего не добился. Ну, и представь: целые поколения ломают голову над состоянием атмосферы и никак не могут получить желаемых результатов, а ты покопался в истории человечества какие-то несколько недель и уже жалуешься?

«А ведь Ранда прав, — подумал Седдон. — Я тороплюсь с выводами. Что сказал бы Челвик? Он сказал бы, что вся эта безрезультатная возня вокруг самых разных научных проблем — не что иное, как проявление общего упадка в науке. Наверное, он недалек от истины, но судит слишком общо, все усредняет». А

Селдон пока никак не мог пожаловаться на умственное бессилие и упадок сил.

Не скрывая интереса, он спросил:

— Ты хочешь сказать, что метеорологи выбираются наружу, под открытое небо?

— Ага. Наверх. Это довольно забавно. Большинство коренных тренторианцев ни за что не полезли бы туда. Они не любят выбираться наверх. Говорят, будто у них там головы кружатся и все такое прочее. Так что над метеорологическим проектом работают в основном не местные.

Селдон бросил взгляд за окно. Лужайки и небольшой сад университетского кампуса весело зеленели, озаренные искусственным светом, не дававшим тени и палящего зноя.

— Не знаю, — проговорил он задумчиво, — я не склонен винить тренторианцев за любовь к комфорту и безопасности житья под куполами, но мне кажется, что кто-то мог бы забраться наверх из одного любопытства. Я, по крайней мере, не удержался бы.

— Хочешь увидеть метеорологию в действии?

— Не отказался бы. А как попадают наверх?

— Без проблем. Лифтом. Лифт поднимается, дверь открывается, вот и все. Мне довелось там побывать. Довольно-таки... забавно.

— Может быть, это помогло бы мне немного отвлечься от психоистории? — вздохнул Селдон. — Было бы неплохо.

— Возможно, — кивнул Ранда. — И потом... Знаешь, как-то мой дядюшка изрек: «Знания едины». Не исключено, что он был прав. Вдруг ты что-то такое узнаешь из метеорологии, что поможет тебе в работе над психоисторией. Разве это так уж невероятно?

Селдон кисло улыбнулся.

— Много на свете вероятного... «Но далеко не все осуществимо», — добавил он про себя.

22

— С метеорологами? — удивилась Дорс.

— Да, — кивнул Селдон. — У них на завтра запланирована работа, и я собираюсь наверх вместе с ними.

— Что, устал от истории?

Селдон понурился.

— Есть немного. Нужно встряхнуться. И потом, Ранда утверждает, что у метеорологов тоже есть проблема, которая не по зубам математикам, так что, может быть, мне полезно будет убедиться в том, что я не одинок.

— Надеюсь, ты не страдаешь агорафобией?

— Нет, — улыбнулся Селдон. — И вопрос твой мне понятен. Ранда сказал, будто тренторианцы потому не любят подниматься наверх, что якобы почти все поголовно боятся высоты. А я думаю, они просто плохо чувствуют себя там без привычного «потолка».

Дорс кивнула.

— Ты сам посмотришь и убедишься, что более естественно. Но не забывай, что тренторианцы разбросаны по всей Галактике — туристы, администраторы, солдаты. В других мирах агорафобия тоже нередко встречается.

— Наверное, Дорс, но только я ею не страдаю. Мне просто любопытно, и нужно сменить обстановку, поэтому я обязательно пойду с ними завтра.

Дорс, похоже, растерялась.

— Надо бы мне тоже пойти с тобой, но у меня завтра все расписано по часам. Ну да ладно, если ты действительно не агорафоб, может быть, все сойдет нормально. Не исключено, что тебе там даже понравится. Да, только, пожалуйста, не отходи далеко от метеорологов. Я слыхала, бывали случаи... кто-то там заблудился, что ли.

— Обещаю, буду осторожен. Вообще со мной такого не случается.

23

Дженнар Легген производил впечатление человека мрачного, угрюмого. Дело было не в цвете лица — лицо у него было светлокожее, открытое. И не в густых, кустистых бровях. Может быть, в глубоко посаженных глазах и длинном, крючковатом носе. В общем, выражение лица у него было какое-то печальное. Он почти никогда не улыбался, говорил крайне редко, и его

глубокий голос никак не вязался с щедедушностью фигуры.

— Седдон, вам понадобится более теплая одежда, — сказал он.

— О! — растерянно воскликнул Седдон и оглянулся.

Еще четверо метеорологов — двое мужчин и две женщины — собирались подняться наверх вместе с Леггеном и Седдоном. Все четверо и сам Легген действительно были одеты намного плотнее, чем обычно: поверх легкой тренторианской одежды все натянули толстые свитера, яркие и у всех разные.

Седдон смущенно оглядел себя.

— Простите, я не знал, но у меня все равно нет ничего подходящего.

— Погодите, вроде бы у меня найдется для вас свитер... да, вот он. Не с иголки, но все-таки лучше, чем ничего.

— Но ведь ужасно жарко, наверное, в таких свитерах? — спросил Седдон, облачившись в одолженный Леггеном свитер.

— Это здесь, — объяснил Легген. — Наверху все иначе. Холод и ветер. Жаль, но лишних гетр и теплых ботинок у меня не найдется. А они бы тоже не помешали.

Метеорологи набрали с собой целую тележку разных приборов и теперь проверяли их один за другим — на взгляд Седдона, жутко медленно.

— Ваша родная планета холодная? — спросил Легген.

— Местами — да, — ответил Седдон. — В тех краях Геликона, где я жил, климат мягкий, часто идет дождь.

— Плоховато. Значит, вам наверху не понравится.

— Переживу как-нибудь, надеюсь.

Как только все было готово, группа направилась к лифту, на двери которого красовалась табличка: «Посторонним вход воспрещен. Только для служебного пользования».

— Это потому, что лифт идет наверх, — объяснила Седдону одна из женщин. — Наверх просто так, от нечего делать, никто не ездит.

Селдон раньше с этой женщиной не встречался, но коллеги называли ее Клозией. Он не понял, имя это, фамилия или прозвище.

Лифт как лифт, ничего особенного, Селдон на таких ездил много раз, и не только на Тренторе, а и на Геликоне, но само чувство, что этот лифт вывезет его за пределы закрытого пространства, на поверхность, создавало у Селдона ощущение, будто он летит на космическом корабле.

Селдон мысленно усмехнулся. «Какая глупость», — подумал он.

Кабина слегка подрагивала, и Селдон вспомнил разглагольствования Челвика относительно упадка в технике. Легген, двое мужчин и одна из женщин застыли, как каменные, будто берегли энергию для работы наверху, а Клозия разглядывала Селдона с нескрываемым интересом.

Селдон наклонился к самому ее уху и прошептал:

— И высоко мы поднимемся?

— Высоко? — громко переспросила она бесцеремонно. Выглядела она очень молодо. «Аспирантка, наверное, — решил Селдон. — Или практикантка».

— Просто... мы уже так долго едем. Что, наверху много этажей?

Она не сразу нашлась, что ответить.

— О нет. Не так уж высоко. Просто Университет низко расположен. Понимаете, мы поедаем уйму энергии, а чем ниже, тем она дешевле.

Тут Легген сообщил:

— Порядок. Прибыли. Давайте вынесем оборудование.

Кабина вздрогнула и остановилась, широкая дверь отползла в сторону. Сразу стало холодно, и Селдон машинально сунул руки в карманы, мысленно поблагодарив Леггена за свитер. Холодный ветер растрепал его волосы, и Селдон пожалел, что не захватил никакого головного убора. Легген вытащил из рукава вязаную шапочку и натянул на голову. То же самое проделали и все остальные.

Все, да не все. Клозия собралась было надеть шапочку, но передумала и протянула ее Селдону.

Селдон отрицательно покачал головой.

— Нет-нет, Клозия, не надо.

— Не стесняйтесь, берите и надевайте. У меня длинные волосы, густые, я не замерзну, а у вас — короткие и... не такие густые.

В другое время Седдон обязательно поспорил бы и насчет волос, и насчет шапочки. Но делать было нечего. Он взял шапку, неуклюже натянул ее на голову и пробормотал:

— Спасибо. Если замерзнете, я вам сразу верну.

А может быть, он и ошибся насчет ее возраста. Просто у Клозии было круглое, наивное, почти детское лицо. Она сказала про волосы, и он невольно обратил на них внимание. И действительно, волосы у нее были чудесные — каштановые, с золотистым отливом. На Геликоне Седдон никогда не встречал женщин с таким цветом волос.

Наверху было облачно, почти как в тот день, когда Седдона везли во Дворец, но намного холоднее. «Наверное, это потому, — решил Седдон, — что прошло целых шесть недель, и скоро зима». Небо затянули мрачные тучи — не то собиралась гроза, не то близился вечер. Да нет, вечер — это навряд ли. Разве выбрались бы метеорологи для наблюдений на ночь глядя? Или просто они выбрались ненадолго?

Седдон хотел спросить, но решил, что сейчас не время отвлекать бригаду по пустякам. Лица у всех были взволнованные или сердитые.

Седдон огляделся по сторонам.

Стоял он на металлической поверхности — так, по крайней мере, он решил по звуку, топнув ногой. Однако, сделав несколько шагов, Седдон оглянулся и понял, что оставляет следы. Поверхность явно была покрыта не то пылью, не то мелким песком.

Ну и что такого, собственно говоря? Неужели кому-то могло взбрести в голову забираться сюда, чтобы вытереть пыль? Седдон наклонился и решил приглядеться получше.

В это время к нему подошла Клозия. Заметив, куда он смотрит, она тоном оправдывающейся домохозяйки проговорила:

— Вообще-то мы тут подметаем, а то приборы могут испортиться. В других местах наверху гораздо грязнее,

но это никому не мешает, честное слово. Наоборот, лишняя теплоизоляция.

Селдон кивнул и продолжил осмотр окрестностей. Назначения приборов, которые торчали повсюду, словно экзотические растения на тонких стебельках, он понять не мог.

Легген направился к Селдону, осторожно переставляя ноги. «Наверное, не хочет повредить чувствительные приборы, — решил Селдон. — Надо будет тоже не слишком топтать тут».

— Послушайте, Селдон! — окликнул Легген.

Селдону не очень понравился его тон, и он холодно отозвался:

— Да, доктор Легген?

— Так вот, доктор Селдон, этот малыш, Ранда, сказал мне, что вы — математик.

— Он не соврал.

— И хороший?

— Хотелось бы верить, что это так, но мне самому трудно себя оценивать.

— Вас интересуют неразрешимые проблемы?

Селдон искренне признался:

— Я столкнулся именно с такой проблемой.

— Я тоже. Вы не стесняйтесь. Если будут вопросы, обращайтесь к нашему интерну, Клозии, она вам ответит. Не исключено, что нам понадобится ваша помощь.

— Я бы с радостью, но, увы, в метеорологии я полный профан.

— Это не беда, Селдон. Я просто хочу, чтобы вы все... как бы это сказать... прочувствовали, а потом мне бы хотелось поговорить с вами о моих математических выкладках, если вы не против.

— К вашим услугам.

Легген отвернулся, собрался было отойти, но обернулся и пробурчал:

— Если замерзнете — совсем замерзнете, — дверь кабины открыта. Войдите и нажмите кнопку «Первый этаж Университета». Кабина доставит вас вниз и автоматически вернется к нам. Если забудете, спросите у Клозии, она вам напомнит.

— Не забуду.

На этот раз он ушел, а Селдон смотрел ему вслед, чувствуя, как холодный ветер пронизывает свитер. Клозия, раскрасневшаяся от холода, подошла к нему.

— Похоже, доктор Легген сердится, — сказала ей Селдон. — Или он всегда такой?

— Нет, — усмехнулась Клозия. — Не всегда. Сейчас он и правда очень сердит.

— Почему?

Клозия оглянулась, ее пышные волосы взметнулись на ветру.

— Мне этого знать не положено, но я знаю. Доктор Легген рассчитывал, что сегодня, как раз в это самое время, облака немного рассеются, и он сможет понаблюдать за солнцем. Ну, а погода... вы и сами видите какая.

Селдон понимающе кивнул.

— У нас здесь установлены головизионные приемники, так что он заранее знал, что погода облачная, но, наверное, понадеялся на то, что приборы врут, и виноваты они, а не его теория и расчеты. Но пока никаких неисправностей не обнаружено.

— Поэтому он такой несчастный?

— Ну... честно говоря, полностью счастливым он никогда не бывает.

Селдон, прищурившись, осматривал окрестности. Несмотря на облачность, свет был довольно резким. Вскоре он понял, что поверхность у него под ногами не совсем горизонтальная, а имеет наклон. Он находился на склоне большого покатого купола. Осмотревшись получше, он разглядел поблизости и вдали множество куполов различной высоты и диаметра.

— Довольно-таки неровная поверхность. Будто холмы, — сказал он.

— Да, и почти везде, — подтвердила Клозия. — Так уж вышло.

— А почему?

— Думаю, по чистой случайности. Насколько я знаю — я ведь тоже когда-то так же глазела по сторонам и спрашивала, точь-в-точь, как вы сейчас — ну, и мне рассказали, что поначалу тренторианцы ставили купола над площадями, торговыми центрами, стадионами, и так далее, потом — над целыми городами, потому

куполов стало так много, и все разной высоты и диаметра. В конце концов и получился вот такой «холмистый» пейзаж, но люди решили, что так тому и быть, и даже более того — что так и должно быть.

— Вы хотите сказать, что на то, что получилось совершенно случайно, стали смотреть, как на некую традицию?

— Пожалуй, что так, если хотите.

«Если простую случайность так легко возвести в ранг традиции, незыблемой и несокрушимой, — подумал Седдон, — не может ли это стать законом психистории?» Выходило жутко тривиально, и сколько еще могло получиться таких законов, на вид совершенно тривиальных? Миллион? Миллиард? Но, может быть, существует относительно небольшое число более общих законов, из которых следует множество производных? Как узнать? Седдон так крепко задумался, что на время позабыл о холодном ветре.

Клозия, судя по всему, не забыла. Она поежилась и сказала:

— Да, прохладно. Внизу гораздо уютнее.

— А вы — тренторианка? — поинтересовался Седдон.

— Да, коренная.

Тут Седдон вспомнил, что ему рассказывал Ранда о склонности тренторианцев к агорафобии и осторожно спросил:

— А вы любите бывать здесь?

— Ненавижу! — призналась Клозия. — Но вынуждена подниматься, ведь я должна получить научную степень, профессию, место, а доктор Легген говорит, что без практических занятий это невозможно. Вот и приходится выбираться сюда, как ни противно, как ни холодно. Кстати, вам, наверное, и в голову не приходит, что при таком холоде тут, наверху, что-то может расти?

— А что, растет? — воскликнул Седдон, подозрительно глянув на Клозию, усмотрев в ее вопросе шутку для новичка. Нет, вид у нее был совершенно невинный, но вот была ли это невинность искренней, или просто все дело было в ее ребяческом облике, Седдон понять не мог.

— Да, представьте себе, и даже здесь, где мы стоим сейчас, когда бывает потеплее. Просто мы тут все расчищаем для работы, как я уже говорила, но в других местах растительность накапливается, а в тех местах, где купола сходятся друг с другом, и вообще образуются довольно густые заросли.

— Но откуда тут взяться почве?

— Дело в том, что, когда куполами была покрыта не вся планета, а только ее часть, ветром на них наносило почву. А потом, когда Трентор был уже целиком закопан в броню, началось подземное строительство, и землю было просто некуда выбрасывать, кроме как сюда, наверх.

— Но ведь купола могли пострадать!

— Нет, что вы. Они сделаны из чрезвычайно прочного материала и покоятся на мощных подпорках. Я прочла в одной книжке, что замысел состоял в том, чтобы выращивать овощи и другие полезные растения здесь, наверху, но оказалось, что внутри этим заниматься намного проще и безопаснее. Постепенно перешли на культивирование дрожжей и водорослей, а поверхность оставили на произвол судьбы. Тут и животные водятся, и насекомые — бабочки, пчелы, мыши, кролики. Их очень много.

— А корни растений не вредят куполам?

— Пока не повредили, а ведь прошла не одна тысяча лет. Поверхность куполов обработана специальным составом, отторгающим корни. Да и растет тут в основном трава, хотя деревья тоже попадают. Вы бы все это увидели собственными глазами, будь сейчас потеплее, или если бы мы выбрались на поверхность южнее, или с орбиты корабля. Вы смотрели на Трентор сверху, когда подлетали? — спросила она с любопытством.

— Нет, Клозия, увы, не смотрел. Корабль подлетал так, что не было возможности посмотреть. А вы когда-нибудь смотрели на Трентор из космоса?

— Я ни разу не бывала в космосе, — грустно улыбнулась Клозия.

Седдон окинул взглядом горизонт. Ничего. Сплошной серый цвет.

— Просто не могу поверить, — признался он. — Я про растительность.

— Но это правда. Я слыхала, кое-кто рассказывал — нездешние, вроде вас, те, кому повезло и довелось увидеть Трентор из космоса, — что планета оттуда кажется зеленой, похожей на огромный луг, потому что покрыта травой и низеньким кустарником. Но деревья тоже есть, поверьте. Совсем близко отсюда есть рощица. Я сама видела. Там растут вечнозеленые деревья, высокие, метров по шесть.

— Где это?

— Отсюда не видно. По другую сторону купола. Вон там...

— Клозия! Вернись! Ты нам нужна! — послышался отдаленный оклик.

Оказывается, Селдон и Клозия, заболтавшись, ушли довольно далеко от бригады метеорологов.

— Ой-ой-ой! — забеспокоилась Клозия. — Простите, доктор Селдон, мне нужно идти.

И она побежала к своим, ухитряясь двигаться необычайно грациозно, несмотря на тяжелые ботинки.

Может быть, она просто развлекала Селдона, чтобы он не скучал? Так развлекают чужеземцев в любом мире. Ну и что, что она обо всем рассказывала, как о само собой разумеющемся? Может, это у нее — профессиональное?

Неужели действительно здесь, наверху, могут расти шестиметровые деревья? Долго не раздумывая, Селдон зашагал в направлении самого высокого из куполов, видневшихся на горизонте, на ходу размахивая руками, чтобы согреться. Ноги у него начали замерзать.

Клозия не успела показать, где растут деревья. А ведь могла бы! Почему же она не сделала этого? Не успела? Ну да, ее позвали.

Диаметр куполов был гораздо больше, чем высота, и слава богу, потому что иначе идти было бы намного труднее. Но, с другой стороны, жутко мучительно было шагать по покатоному куполу до его вершины — ведь только с вершины можно было увидеть, что там, дальше, по другую сторону.

Ну вот, наконец, он добрался до вершины. Оглянувшись, чтобы посмотреть, видны ли отсюда метеорологи со своими приборами. Селдон ушел довольно далеко, их

маленькие фигурки копошились внизу, в долине, но видны были отчетливо. Вот и хорошо.

С вершины ничего похожего на рощицу и деревья видно не было, но в углублении между куполами змеилась полоска земли, на которой то тут, то там проглядывали зеленые пятнышки. Наверное, там рос мох... Если пойти по этой лощине, спуститься пониже, почва станет более плотной, и тогда... Может быть, удастся набрести на деревья?

Селдон еще раз оглянулся, стараясь запомнить окрестности — нет, глазу зацепиться было совершенно не за что — однообразные холмы куполов, все похожие, почти одинаковые. Тут он вспомнил пожелание Дорс не заблудиться, которое тогда показалось ему нелепым. Теперь оно обрело смысл. И все-таки, лощина между куполами сверху разительно напоминала ровную дорогу. Если пойти по ней... Да что тут такого? Пройти немного, повернуть, и тогда вернешься на это самое место!

Селдон решительно зашагал вперед, спускаясь все ниже и ниже. Сверху послышался какой-то треск, но он не обернулся. Он решил посмотреть на деревья и больше ни о чем даже думать не желал.

Мох становился все гуще, маленькие его островки примыкали один к другому, превращаясь в настоящие зеленые ковры. Тут и там из покрывала мха торчали тонкие травинки. Мох был так свеж и зелен, что Селдон решил, что здесь, на поверхности, скорее всего, часто идут дожди.

Ущелье вело Селдона вокруг купола, и вот, сразу же за следующим куполом он увидел темное пятно на фоне серого неба. Он все-таки нашел эти деревья!

Только теперь, когда он их увидел, сознание Селдона освободилось от навязчивой мысли, и он вспомнил о звуке, который слышал раньше. Что это был за звук? Несомненно, гул двигателя. Почему — «несомненно»? Откуда здесь взяться какому-то двигателю?

Откуда? Но ведь он стоял один-одинешенек посреди бесчисленного множества куполов, под каждым из которых находились города, заводы. А там сколько уютно всяческой техники — ну, хотя бы вентиляция. Может быть, он как раз слышал шум вентиляционного двигателя?

Все можно было бы так объяснить, но только услышанный им звук шел явно не из-под земли. Селдон взглянул на пустые небеса. Ничего. Никого.

Он смотрел и смотрел в небо, пока в глазах не зарябило, и вот, далеко-далеко...

Он увидел крошечную черную точку на сером небе. Потом точка скрылась в тучах.

И тут, сам не зная почему, Селдон подумал: «Это за мной».

Не успев хорошенько решить, что делать, он со всех ног помчался к деревьям, свернул влево, взбежал на склон ближайшего купола, спустился вниз. Под ногами его шуршала опавшая хвоя, мелькали кустики, усыпанные красноватыми ягодами.

24

Задыхаясь, Селдон подбежал к первому попавшемуся дереву, прижался к нему, обнял ствол. Взглянул на небо. Летящий объект снова вынырнул из-за туч, и Селдон быстро, словно белка, спрятался по другую сторону ствола.

Дерево было холодное, с шершавой корой — но какое-никакое, а все-таки убежище. Конечно, если его начнут искать прибором, реагирующим на тепловые лучи, толку от дерева будет мало, но все-таки... Дерево холодное, может, оно сумеет погасить тепло, излучаемое его телом?

Земля под ногами была мягкая, но плотная. Даже сейчас, скрываясь от погони, Селдон не мог не удивиться: какой толщины почвенный слой, сколько столетий он накапливался? Может быть, в более теплых областях Трентора на поверхности куполов растут настоящие леса?

Он снова увидел летящий объект. Это был не звездолет, не катер. Это был вертолет. Полоски светящихся ионов расходились в стороны от вершины шестиугольника, подавляя силу притяжения, позволяя вертолету парить, словно птице. Да, с помощью такого летательного аппарата можно было легко осматривать поверхность планеты.

Только тучи спасли Селдона. Значит, если у них есть прибор термовидения, они могли и сквозь тучи определить, что внизу — люди. А вертолет послали для того, чтобы поближе приглядеться, сколько тут людей, и нет ли среди них конкретного человека, которого они ищут.

Вертолет опустился ниже, но ведь Селдон успел заметить его. Двигатель ведь гудит, а выключить его нельзя, пока машина находится в воздухе.

Вертолеты Селдону были знакомы — на Геликоне, как и на других планетах, где люди жили под открытым небом, их было довольно много, и пользовались ими, в основном, частные лица.

Но здесь, для чего они нужны здесь, вот вопрос? Здесь, где вся планета живет под куполами, а наверху постоянно висят низкие облака? Совершенно бесполезный летательный аппарат, разве только властям он мог понадобиться для поиска преступника, удравшего наверх и прячущегося среди куполов.

А почему бы и нет? Правительство не имеет права проникнуть на территорию Университета, но ведь, скорее всего, Селдон сейчас на этой территории уже не находится. Он наверху, то есть на территории, вероятно, никакому местному правительству не подведомственной. А имперский летательный аппарат, скорее всего, имел полное право приземлиться на каком угодно куполе, и его экипаж запросто мог задержать и допросить любого, кто тут окажется. Челвик, правда, Селдона о такой возможности не предупреждал, но, скорее всего, ему это просто не пришло в голову.

Вертолет опускался все ниже и ниже, напоминая стервятника, высматривающего свою жертву. Взбредет ли в голову пилоту обследовать эту рощицу? Вдруг вертолет опустится, из него выскочит парочка вооруженных солдат и примется прочесывать заросли?

Если так, то что делать? У Селдона не было при себе никакого оружия, и все его боевые таланты окажутся бесполезными против их нейронных хлыстов.

Но вертолет на посадку не пошел. Не то они там не придали особого значения деревьям, не то...

Тут Селдону пришла в голову совсем другая мысль. А что, если это вовсе не погоня? Может быть, это вертолет метеорологов? Почему бы метеорологам не

интересоваться состоянием более высоких слоев атмосферы?

А он, как последний идиот, прячется от них?

Смеркалось. Тучи потемнели. Не то собирался дождь, не то приближалась ночь.

Здорово похолодало. Наверняка станет еще холоднее. Неужели он так и замерзнет здесь, прячась от, может быть, совершенно безобидного вертолета, неизвестно почему так напугавшего его? Седдону страшно захотелось выбраться из рожицы и вернуться назад, к метеорологам.

В конце концов, откуда этому человеку, которого так сильно боялся Челвик — этому Демерзелю — знать, что Седдон именно сегодня, именно сейчас, покинул Университет и находится здесь, где его так легко схватить?

Седдон решил, вышел из-за дерева и, дрожа от холода, зашагал назад... и бегом вернулся обратно, потому что вертолет снова появился и летел на этот раз гораздо ниже. Непохоже было, чтобы летящие в нем занимались метеорологическими наблюдениями. Но чем должны были бы заниматься метеорологи, принадлежи этот вертолет им? Откуда Седдону знать, какая аппаратура установлена на борту вертолета и как она работает? Может быть, снизу этого понять нельзя, но... стоило ли рисковать и выходить на открытое пространство?

В конце концов, Демерзель действительно мог узнать о том, что Седдон сейчас наверху. Кто-то из его агентов, работающих в Университете, доложил ему об этом. Кто предложил Седдону выбраться наружу? Лисунг Ранда, вечно улыбающийся рубаха-парень, Восточник. Причем предложил довольно-таки настойчиво, а ведь разговор вовсе к такому повороту дел не располагал. Может быть, Ранда — правительственный агент и договорился с Демерзелем?

Потом — Легтен. Легтен одолжил ему свитер. Спасибо большое, но почему Легтен не предупредил его заранее о том, что нужно одеться потеплее? А вдруг он одолжил ему какой-то совершенно особенный свитер? Ведь он весь лиловый, а у других — полосатые. Гля-

нешь с высоты и сразу заметишь человека в таком свитере.

Ну, а Клозия? Вроде бы она выбралась наверх, потому что изучает метеорологию и помогает сотрудникам. Но почему именно она взяла его под свою опеку, болтала с ним так непринужденно, ненавязчиво увела в сторону, а потом убежала, оставила одного? Не для того ли, чтобы его легче было схватить?

Если на то пошло, как насчет Дорс Венабили? Она знала, что Седдон отправляется наверх. Она этого не предотвратила. Она могла бы, могла бы пойти вместе с ним, но не сделала этого — сослалась на занятость. Не подкопаешься.

Все сговорились. Точно — сговорились.

Теперь Седдон был в этом просто убежден и окончательно отказался от мысли выбраться из рощицы. Ноги у него совершенно окоченели. Он и приплясывал, и топал ногами, но — никакого толку. Неужели этот проклятый вертолет никогда не улетит?

И как только он подумал об этом, гул двигателя стал тише, вертолет поднялся вверх и исчез за тучами.

Седдон напряженно вслушивался в тишину, желая убедиться в том, что вертолет действительно улетел. Но даже убедившись, долго не мог пошевелиться. Теперь он гадал, не было ли это хитрым маневром, чтобы выманить его из укрытия? Минуты шли и шли, а он стоял под деревом. Небо стало еще темнее. Приближалась ночь.

Наконец, поняв, что лучше выбираться под открытое небо, чем замерзнуть от неподвижности, он вышел из-за дерева и осторожно пошел прочь от рощицы.

Сумерки сгустились. Увидеть его теперь было невозможно, разве только с помощью детектора, но, в любом случае, он услышит шум двигателя, если вертолет вздувает вернуться. На самом краю рощицы Седдон остановился, посчитал про себя, будучи готов в первое же мгновение нырнуть под деревья, если его заметят. Правда, какой от того толк, он и сам не смог бы ответить.

Он огляделся по сторонам. Если бы удалось найти метеорологов... У них, наверное, есть фонари. А вдруг нет?

Пока он различал контуры куполов, но пройдет еще четверть часа, и ничего не будет видно. Фонаря нет, над головой темное небо, затянутое непроницаемыми тучами, — тут будет темно, хоть глаз выколи.

Мысль о том, чтобы остаться одному в темноте, настолько напугала Селдона, что он решил как можно быстрее забраться на вершину и осмотреть окрестности оттуда. Обхватив себя покрепче руками, чтобы хоть немного согреться, он зашагал вверх по склону купола — как ему казалось, именно туда, откуда спустился в рощицу.

Конечно, спуститься он мог по-разному, но вот ему встретился ягодный кустарничек, на который он обратил внимание, когда спускался. Ягоды теперь казались не красными, а почти черными, но разглядывать было некогда. Селдон заставил себя поверить, что идет верным путем, и зашагал вверх как можно скорее. По его расчетам, он должен был вскоре повернуть направо, потом — налево, а оттуда уже будет рукой подать до метеорологов.

Повернув налево, Селдон поднял голову и различил контуры высокого купола. Тот самый!

А вдруг не тот?

Делать было нечего, пришлось заставить себя поверить, что не ошибся. Не спуская глаз с вершины, чтобы по возможности сократить путь, Селдон чуть не бегом припустил наверх. Ближе, ближе... вот уже край купола блеснул на фоне неба. Если все точно, скоро он достигнет вершины, посмотрит вниз и увидит огоньки базы метеорологов.

Было так темно, что Селдон не видел, куда идет. Хоть бы парочку звездочек! «Наверное, вот так живут слепые», — подумал Селдон.

Холодало буквально с каждой минутой. Селдон часто останавливался, дул на озябшие руки, грел их под мышками. Жаль, что он не мог точно так же поступить с ногами. «Скоро снег пойдет, — подумал Селдон. — Не дай бог — мокрый!»

Вперед, вперед. Только вперед.

Вдруг ему показалось, что ноги несут его вниз. Либо он ошибся, либо успел добраться до вершины купола.

Седдон остановился. Если он добрался до вершины, значит, отсюда должны быть видны огоньки базы метеорологов. На худой конец — огни фонарей. Они бы двигались, плясали, словно светлячки.

Седдон закрыл глаза, чтобы привыкнуть к темноте, открыл, опять закрыл и открыл — ничего. Было так темно, что разницы никакой — открывать глаза или закрывать.

Может быть, Легген и его сотрудники уже ушли и унесли фонари и выключили вдобавок огни на приборах? А может быть, Седдон забрался не на тот купол, а может быть, смотрел не в ту сторону, а может быть, пошел из рожицы неверным путем, тогда...

Что же делать?!

Если он смотрит не в ту сторону, может быть, огни справа или слева? Нет, огней не было ни справа, ни слева. Если он пошел неверным путем из рожицы, вернуться и проверить уже нет никакой возможности.

Оставалось единственное: смотрел он туда, куда надо, но метеорологи ушли, унесли фонари и выключили все огни на приборах.

Значит, вперед. Шансов на успех было раз-два и обчелся, но другого выхода просто не оставалось.

Он помнил, что от метеостанции до вершины купола добрался за полчаса, причем полпути проделал с Клозией, а шли они прогулочным шагом. Теперь он шел примерно таким же шагом.

Седдон шагал и шагал вперед. Вот бы узнать, который час. А ведь часы у него были, да только что от них проку в темноте?

Он резко остановился. Часы у него были тренторианские, показывали время в соответствии с Галактическим Стандартом (как и все часы в Галактике), но помимо этого, они показывали еще местное, тренторианское время. Обычно циферблаты часов фосфоресцировали, чтобы ночью, в темной спальне, можно было посмотреть, который час. Геликонские часы обязательно бы светились, а тренторианские?

Седдон приблизил запястье с часами к глазам и, не слишком веря в удачу, нажал на крошечную кнопку освещения циферблата. Часы засветились и сообщили ему, что сейчас 18:47. Мало того, что был поздний

вечер, в этой области Трентора сейчас стояла зима. Какова тут долгота ночи? Каков угол наклона оси планеты? Какой длины год? Как далеко он сейчас от экватора? Ответа на эти вопросы у Селдона не было. Зато было главное — этот слабый свет, шедший от циферблата.

Значит, он не ослеп! Свет — всегда надежда, пусть самая маленькая.

Селдон сразу воспрял духом. Теперь — туда, куда шел. Полчаса на дорогу. Если не найдет базу — еще пять минут, но не больше. Потом — остановиться и подумать. Но это — через тридцать пять минут. А пока — идти, ни о чем не думать, только идти и идти и пытаться немного согреться. Как там пальцы на ногах? Пока живы.

Он зашагал вперед. Прошло полчаса. Он остановился, потом поколебавшись, продолжил путь и шел еще пять минут.

Пора принимать решение. Базы не было. Сейчас он мог находиться где угодно, жутко далеко от выхода из купола. Но, с другой стороны, может быть, до станции подать рукой? Может быть, он стоит в двух шагах от выхода, но тот закрыт?

И что теперь?

Попробовать покричать? Такая тишина — ни единого звука. Если и правда тут кто-то живет, все птички, бабочки и кролики давным-давно попрятались, да и зима сейчас, тем более. Ветер дул все сильнее, все холоднее.

Наверное, давно надо было начать кричать. В холодном воздухе звук хорошо распространяется. Да только кто услышит?

А внутри? Мог он докричаться? Стояли ли внутри приборы для регистрации звуков снаружи? Датчики какие-нибудь?

Глупо. Давно бы услышали его шаги.

И все-таки...

— Помогите! Помогите! — закричал Селдон. — Слышите меня? Кто-нибудь!

Крик вышел так себе — негромкий, испуганный. Ужасно глупо было звать кого-то в этой непроницаемой тьме и могущественной, всепоглощающей тишине.

Но молчать и поддаваться панике еще глупее. Селдон набрал полные легкие воздуха и принялся кричать. Еще и еще. Громче и громче.

Умолк, оглянулся по сторонам. Ничего, никого. Даже эхо ему не отвечало. Что оставалось? Ничего, только ждать рассвета. Опять-таки, сколько длится зимняя ночь? И как холодно тут по ночам?

Что-то холодное коснулось его щеки. Еще раз. Еще. Снег пошел. А укрыться некуда.

«Лучше бы меня заметили с вертолета, — в отчаянии подумал Селдон. — Сидел бы теперь в теплой тюрьме. А не встретился бы с Челвиком — и вообще давно бы уже был на Геликоне. Ну и что, что за мной бы следили? Все равно лучше, чем замерзнуть здесь!» Ему сейчас ничего не хотелось, кроме тепла и уюта.

Оставалось единственное — ждать. Он устало опустился на землю, сел, снял туфли, принялся растирать ооченевшие ступни.

Вот так всю ночь — растирать то ноги, то руки, но только не спать. Не спать ни за что! Только он успел отдать себе такой строгий приказ, как глаза его закрылись, и он крепко заснул. А снег шел все сильнее.

Глава 6

СПАСЕНИЕ

ЛЕГГЕН, ДЖЕННАР — ...Его вклад в метеорологию, будучи довольно значительным, бледнеет перед тем, что известно под названием «Противоречия Леггена». Бесспорно, его действия навлекли беду на Гэри Селдона, но до сих пор не утихают споры о том, были ли эти действия ненамеренными или являлись проявлением преднамеренного заговора. Сторонники противоположных взглядов страстно отстаивали свою точку зрения, но определенного вывода так и не было сделано. Как бы то ни было, тень подозрений, упавшая на Леггена, отравила его жизнь в последующие годы и сильно повредила его карьере...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

25

Еще засветло Дорс Венабили разыскала Дженнара Леггена. На ее радостное приветствие он ответил бьялым кивком и буркнул что-то нечленораздельное.

— Ну, — спросила Дорс нетерпеливо. — Как он?

Легген, занимавшийся вводом данных в компьютер, не понял, видимо, о ком речь.

— Кто — «он»?

— Мой подопечный. Гэри. Гэри Селдон. Он поднимался с вами навверх. Помог он вам чем-нибудь?

Легген оторвался от терминала и рассеянно устался на Дорс.

— А-а-а... Тот парень с Геликона? Чем он мог помочь? Он и не интересовался ничем особенно. Смстрел не туда, и вообще. Лишняя обуза. И почему вам взбрело в голову посылать его наверх?

— Мне? Вот уж нет. Это он сам захотел, а зачем — понятия не имею. Почему-то ему страшно захотелось. А где он сейчас?

Легген пожал плечами.

— Откуда мне знать? Болтается где-нибудь.

— Куда он делся после того, как вы вернулись? Он не сказал, куда пойдет?

— Он с нами не вернулся. Я же сказал — ему было неинтересно.

— Когда же он вернулся, в таком случае?

— Не знаю. Я за ним не присматривал. У меня дел было по горло. Похоже, пару дней назад была сильная гроза, выпала куча осадков, а мы этого не ожидали. Инструменты — ни гу-гу, и солнца не было, а мы на это рассчитывали. Вот я и пытаюсь разобраться, в чем дело, а вы пристаёте ко мне с глупостями.

— Значит, вы не видели, как он вернулся?

— Послушайте, мне было некогда за ним приглядывать! Этот балбес даже не сообразил одеться, как положено, и я еще здесь, внизу, понял, что через полчаса он продрогнет и простудится. Я дал ему свитер, но ни теплых носков, ни ботинок лишних у меня просто не было. В общем, я оставил кабину лифта открытой специально для него и объяснил, как ею пользоваться, чтобы спуститься и вернуть кабину наверх. Это настолько элементарно... словом, я уверен, что он замерз, спустился и послал нам кабину, а потом уже мы все вернулись.

— Но вы не уверены, что он вернулся, и не знаете, когда именно?

— Нет. Я же говорю — был занят. Наверху его точно не было, когда мы закончили работу. Было уже темновато, того гляди мог пойти снег. Он к тому времени наверняка уже ушел.

— А больше никто не видел, как он ушел?

— Понятия не имею. Может, Клозия видела. Она с ним больше общалась. Слушайте, спросите у нее, а?

Клозию Дорс отыскала в ее комнате. Та только что вышла из-под душа.

— Бр-р-р! Наконец-то согрелась. Наверху было жутко холодно, — сообщила Клозия.

— Послушай, — торопливо спросила Дорс, — ты видела Гэри Селдона наверху?

— Да, видела, — ответила Клозия, удивленно вздернув бровки. — Но совсем недолго. Ему хотелось немного побродить, я погуляла там с ним. Спрашивал он, в основном, о тамошней растительности. Очень любопытный парень этот Селдон. Все ему интересно. В общем, я рассказала ему все, что могла, а потом меня Легген позвал работать. Он был просто вне себя. Прогнозы полетели к чертовой матери, и он...

— Ты мне скажи, — прервала ее Дорс, — видела ты, как Гэри вошел в кабину, чтобы спуститься вниз, или нет?

— Я его вообще не видела с тех пор, как меня позвал Легген. Но он наверняка уже давно внизу. Наверху его не было, во всяком случае, когда мы у дили. Это точно.

— Однако я его нигде не могу разыскать.

Клозия немного разволновалась.

— Правда? Но он обязательно должен быть где-нибудь тут.

— Совершенно не обязательно! — Дорс начала злиться. — А вдруг он еще там, наверху?

— Не может быть. Его там не было. Не думай, мы его поискали, сразу не ушли. Он же был так легко одет, а погода была такая мерзкая. Мы сказали ему, чтобы он не ждал нас, если заморзнет, и ехал вниз один. А он мерз. Это я точно знаю! Куда еще он мог отправиться, как не вниз?

— Да, но никто не видел, как он поехал вниз. Послушай, ничего не случилось с ним там, наверху?

— Да нет, вроде бы... По крайней мере, пока я была с ним рядом — ничего. Ну, разве только что ему было очень холодно, и все.

Дорс, вконец расстроенная, кивнула и, глядя в одну точку, проговорила:

— Раз никто не видел, как он спустился, значит, он, может быть, до сих пор там, наверху. Надо бы подняться и поискать его.

— Но... — Клозия занервничала. — Говорю же тебе, мы посмотрели. Было еще светло, и никого там не было.

— Все равно надо посмотреть, поискать его.

— Да, но... я... это не в моей компетенции. Я же всего-навсего практикантка и не знаю кода на выходе из купола. Лучше тебе обратиться к доктору Легтену.

26

Дорс понимала, что Легтена, мягко говоря, будет нелегко уговорить сейчас подняться наверх. Что ж, придется заставить.

Она еще раз обошла все места, где могла бы найти Седдона — библиотеку, столовую, позвонила в комнату Седдона, поднялась, позвонила в дверь. Никто не открыл. Тогда Дорс уговорила дежурного по этажу открыть дверь своим ключом. Комната была пуста. Дорс спрашивала о Седдоне у всех, кто познакомился с ним за последние недели. Никто его не видел.

Делать нечего, нужно убедить Легтена подняться с ней наверх. Теперь поздно, уже ночь. Легген наверняка будет упираться. Сколько времени уйдет на уговоры? А Гэри там, наверху, замерзнет под снегом.

Тут у Дорс мелькнула новая мысль, и она поспешила к небольшому университетскому компьютеру, в память которого были заложены данные о работе студентов, преподавателей и обслуживающего персонала.

Быстро пробежавшись пальцами по клавишам, Дорс нашла то, что искала.

Трое. Далеко, правда, совсем в другой части кампуса. Но это ничего.

Дорс взяла напрокат маленькую машину и скоро уже звонила у двери, которую искала. Хотя бы один из тех, кто ей нужен, должен быть дома.

Ей повезло. В ответ на звонок сразу загорелась лампочка. Дорс набрала свой идентификационный код, говоривший о том, кто она такая и где работает. Дверь открылась. На пороге стоял пожилой полный мужчина.

Он, видимо, мылся перед обедом. Волосы у него были мокрые, растрепанные, одет он был по-домашнему.

— Прошу прощения, — смущенно поклонился он, — вы застали меня врасплох. Чем могу быть полезен, доктор Венабили?

Переведя дыхание, Дорс спросила:

— Вы — Роджен Бенастра, сейсмолог?

— Он самый.

— У меня к вам срочное дело. Мне нужно просмотреть данные о сейсмической обстановке наверху за последние несколько часов.

— Но к чему вам это? — удивился Бенастра. — Там все в полном порядке. Сейсмограф ничего экстраординарного не показывает.

— Я имею в виду не падение метеорита.

— Я тоже. Для этого сейсмограф не нужен. Мы регистрируем трещины в обшивке, дырочки всякие. Но ничего такого сегодня не случилось.

— Не в этом дело. Прошу вас, отведите меня к сейсмографу и расшифруйте его показания. Это вопрос жизни и смерти.

— Но... я приглашен на обед...

— Я серьезно. Это действительно вопрос жизни и смерти.

— Ничего не понимаю... — пробормотал Бенастра, но Дорс так смотрела на него, что он не выдержал, сдался, вытер лицо, быстро влез в рубашку.

Дорс так торопилась, что они почти бегом добрались до маленького приземистого здания, где располагалась сейсмолаборатория. Дорс, ничего не понимавшая в сейсмологии, спросила:

— Вниз? Мы спустимся вниз?

— Конечно. Ниже жилой зоны. Сейсмограф установлен глубоко: чтобы не испытывать вибрации.

— Но, простите, как же вы можете судить снизу о том, что происходит наверху?

— К сейсмографу подключена целая сеть датчиков, установленных на поверхности куполов и в их толще. Стоит там камушку упасть, и у нас все регистрируется. Ветер подует сильнее, и это мы тоже видим. Еще...

— Ясно, ясно, — Дорс нетерпеливо кивнула. У нее вовсе не было желания выслушивать лекцию о том, как

точно сейсмологическое оборудование. — Скажите, а если кто-то ходит по поверхности, это вы можете зарегистрировать?

— Ходит? — удивился Бенастра. — Кто может ходить по поверхности?

— Как кто? Ну, к примеру, сегодня там работала бригада метеорологов.

— А, вот вы о чем. Да нет, вряд ли их шаги можно зарегистрировать.

— А мне кажется, можно, если приглядеться повнимательнее. Именно этого я от вас и хочу.

Бенастре не очень-то понравились приказные нотки в голосе Дорс, но он промолчал. Нажал кнопку на пульте, и экран ожил.

В правом углу загорелась яркая точка, от которой протянулась горизонтальная линия в левый угол. Линия слегка подрагивала, время от времени взлетала вверх. Дорс смотрела на нее, как загипнотизированная.

— На самом деле, все спокойно, — объяснил Бенастра. — То, что вы видите — это результат изменений атмосферного давления, небольшой дождик, отдаленный шум двигателей. Все спокойно.

— Это сейчас. А несколько часов назад? Прошу вас, просмотрите записи, сделанные в 15:00. Наверняка у вас есть такие записи.

Бенастра отдал компьютеру соответствующие распоряжения, и пару секунд на экране творилось нечто неопишемое — настоящий хаос. Потом все успокоилось, и снова возникла горизонтальная линия.

— Я вывел чувствительность на максимум, — пробормотал Бенастра.

Теперь гребни волн стали значительно выше и заметнее.

— Что это значит? — спросила Дорс. — Объясните мне, прошу вас.

— Ну, мисс Венабили, раз вы говорите, что в это время там были люди, стало быть, это зарегистрированы их шаги, вызвавшие изменение давления на поверхность. Честно говоря, не знаю, интерпретировал ли бы я эту картину так, если бы не знал, что в это время там кто-то ходил. Обычно мы такие колебания называем

малыми вибрациями и никогда не связываем их с чем-либо опасным.

— А можете определить, сколько там было людей?

— На глаз? Нет. Здесь перед нами результат их общего воздействия.

— На глаз нельзя? А нельзя ли проанализировать эту информацию с помощью компьютера? Разложить на компоненты?

— Сомневаюсь. Воздействие минимально, да и посторонних шумов полно. Результаты могут получиться далекими от достоверности.

— Ну, хорошо. Промотайте... не знаю, как лучше сказать... словом, можете вы добраться до того момента, когда шаги прекратились. Можно сделать быструю перемотку?

— Если я сделаю, как вы говорите, быструю перемотку, получится просто прямая линия, а по обе стороны от нее — дымка, туман. Лучше двигаться вперед пятнадцатиминутными интервалами, просматривать ленту и мотать дальше.

— Отлично. Давайте!

Дорс и Бенастра внимательно смотрели на экран. Наконец Бенастра изрек:

— Вот. Видите? Все, вот здесь все закончилось.

По экрану снова ползла горизонтальная линия, лишь изредка слегка подрагивая.

— И когда это произошло?

— Два часа назад. Или чуть раньше.

— Хорошо. И больше там никого не осталось?

Бенастра начал нервничать.

— Как я могу сказать? Я думаю, самый тончайший анализ не позволил бы дать ответа на такой вопрос.

Дорс упрямо поджала губы.

— Скажите, у вас установлен датчик, или как там это называется, около базы метеорологов? Вы сейчас с него информацию считывали?

— Да. Оттуда, где стоят их приборы и где они работали. Хотите, — спросил он раздраженно, — чтобы я проверил данные с других датчиков неподалеку от этого места? С каждого по отдельности?

— Нет. Давайте посмотрим, может быть, этот датчик нам еще что-то скажет. Двигайтесь вперед, как и раньше.

ше, с пятнадцатиминутными интервалами. Не исключено, что один человек там остался, а потом вернулся к базе.

Бенастра покачал головой и пробурчал под нос какое-то ругательство.

Экран снова ожил. Вскоре Дорс резко спросила, тыча пальцем в линию:

— А это что такое?

— Не знаю. Шум какой-то.

— Нет, не шум. Смотрите, тут явная закономерность. Может, это шаги одного человека?

— Почему бы и нет? Может быть. Очень может быть. Но может быть, и нет. Возможно всякое.

— И все-таки, очень похоже на шаги. По скорости, ну, смотрите же!

Прошло немного времени, и Дорс попросила:

— А ну-ка, еще немножко вперед.

Бенастра выполнил ее просьбу.

— Вам не кажется, что колебания возросли?

— Может быть. Можно замерить.

— Не надо. И так видно. Шаги приближаются к датчику. Давайте-ка еще немножко вперед. Посмотрим, когда они прекратятся.

Через некоторое время Бенастра сообщил:

— Прекратились. Двадцать-двадцать пять минут назад. Шаги там, или что другое, не знаю, — добавил он.

— Шаги. Конечно, шаги, — убежденно мотнула головой Дорс. — Там, наверху, — человек. И пока мы с вами тут ерундой занимаемся, он замерзает. Так что давайте не будем препираться. Позвоните-ка на факультет метеорологии и добудьте мне Дженнара Леггена. И скажите ему, что речь идет о спасении жизни человека. Так и скажите!

У Бенастры задрожали губы, но он уже давно понял, что сопротивляться и спорить с этой упрямой дамочкой совершенно бесполезно.

Примерно через три минуты на панели голоприемника возникло изображение Леггена. Он явно выскочил из-за обеденного стола. За воротником красовалась салфетка, которую он, очевидно, не успел приложить к перепачканным едой губам.

На его вытянутой физиономии было написано искреннее возмущение.

— Какой жизни? Что это значит? Кто вы такой, черт подери?

Тут его взгляд упал на Дорс — она подошла поближе к Бенастре, чтобы ее изображение тоже было видно на экране голоприемника Леггена.

— А-а-а! Это снова вы! — рывкнул Легген. — Нет, от вас положительно можно с ума сойти.

— Не стоит. Я только что проконсультировалась с Родженом Бенастрой, нашим главным сейсмологом. Так вот. После того как вы со своей группой ушли с поверхности, сейсмограф зарегистрировал шаги человека, которого вы там оставили. Это мой подопечный, Гэри Селдон, который поднялся наверх под вашу ответственность и который теперь наверняка обморозился, а может быть, и умер. Я требую, чтобы вы немедленно отправились со мной наверх и прихватили необходимое оборудование. Если вы немедленно не сделаете этого, я свяжусь со службой безопасности Университета, а понадобится — с самим Президентом. Как бы то ни было, я все равно поднимусь наверх, и если с Гэри что-нибудь случится из-за того, что вы промедлите хотя бы минуту, я добьюсь того, чтобы вас судили за небрежность, некомпетентность, равнодушие — я уж сформулирую, будьте уверены. Тогда можете попрощаться со своей карьерой. А если он умер, вы ответите перед судом за неумышленное убийство. А может, и за умышленное — я вас предупредила о том, что он может погибнуть.

Дженнар в ярости перевел взгляд на Бенастру.

— Вы действительно обнаружили...

Дорс не дала ему закончить вопрос.

— Он все сказал мне, а я — вам. Я не намерена больше ничего слушать. Вы идете или нет? Немедленно!

— Значит, вам и в голову не приходит, что вы можете ошибаться? — поджав губы, спросил Легген. — А знаете, как это называется? Ложная тревога. Тоже вещь опасная.

— Не опаснее убийства, — упрямо мотнула головой Дорс. — Я не боюсь ответить за ложную тревогу. А вы — за убийство — не боитесь?

Дженнар покраснел.

— Хорошо, леди, я пойду, но если ваш студентка окажется уже три часа как дома, в теплой постельке, смотрите тогда...

27

Все трое молча вошли в кабину. Легген так и не доел свой обед и оставил жену за столиком в полном недоумении. Бенастра же к своему обеду так и не притронулся — а ведь его кто-то ждал, может быть, прекрасная дама. Дорс тоже не успела поесть, но вид у нее был еще более несчастный, чем у мужчин. Под мышкой она держала одеяло с подогревом и два фонаря.

Наконец кабина добралась до поверхности. Легген, скрипя зубами от злости, набрал шифр. Дверь отъехала в сторону. Порыв ледяного ветра пронесся мимо, Бенастра вполголоса ругнулся. Вся компания была легко одета, но мужчинам и в голову не пришло, что они тут задержатся надолго.

— Снег идет, — сердито отметила Дорс.

— Мокрый снег, — уточнил Легген. — Температура примерно нулевая. Не смертельный холод.

— Все зависит от того, как долго пробудешь под открытым небом при такой температуре, не так ли? — огрызнулась Дорс. — Не думаю, чтобы мокрый снег сильно согревал.

— Хм, — буркнул Легген. — Ну, и где же этот ваш?.. — спросил он, поеживаясь и всматриваясь в темноту. Свет от кабины лифта только мешал.

Дорс обратилась к сейсмологу:

— Прошу вас, доктор Бенастра, подержите одеяло. А вы, доктор Легген, прикройте дверь кабины, но не защелкивайте.

— У двери кабины нет предохранителя. Вы что, думаете, я из ума выжил?

— Не знаю. Знаю только, что эту дверь вы захлопнули изнутри, а здесь остался человек, который из-за этого не смог попасть внутрь купола.

— Если он здесь, этот ваш человек, покажите мне его! Ну, где он?

— Где угодно! — отрезала Дорс и подняла вверх руки с фонарями.

— Но... мы не можем искать бесконечно, — стуча зубами, проговорил Бенастра.

Фонари светили ярко, выхватывая из мрака большие участки занесенной снегом поверхности купола. Снежинки кружились, словно стаи белой мошкары, налипали на стекло фонарей, мешали смотреть.

— Шаги вели сюда, — сказала Дорс. — Он шел к датчику. Где установлен датчик?

— Мне-то откуда знать? — огрызнулся Легген. — Это не по моей части.

— Доктор Бенастра, где датчик?

— Я... Я не знаю, — испуганно отозвался сейсмолог. — Видите ли, дело в том, что я ведь на самом деле никогда здесь не бывал. Датчик установили давно, до того, как я приступил к работе. Компьютер, наверное, знает где, но мне никогда и в голову не приходило запрашивать у него такие данные... Послушайте, я страшно продрог и не понимаю, зачем я вам тут, наверху, сдался...

— Придется вам немного задержаться, — тоном, не допускающим возражений, сказала Дорс. — Пойдемте со мной. Обойдем вокруг выхода по спирали.

— Много мы увидим! — фыркнул Легген. — Такой снежище...

— Это ясно. Если бы не снег, мы бы его уже давно увидели. Я уверена. Теперь же нам понадобится несколько минут. Ничего, не рассыплемся.

Похоже, она была совершенно уверена в своих словах.

Раскинув в стороны руки с фонарями, Дорс пошла прочь от входа, стараясь освещать как можно более обширное пространство и изо всех сил всматриваясь в темноту.

Но именно Бенастра первым проговорил:

— Что это там? — и показал пальцем.

Дорс нацелила фонари туда, куда он показывал, и пустилась бегом в ту сторону. Мужчины побежали следом.

Седдона они нашли примерно в десяти метрах от выхода, окоченевшего, промокшего. От того места, где

он лежал, до ближайшего прибора было и того меньше — всего-то метров пять. Дорс решила было пощупать пульс, но это оказалось не нужно: как только пальцы Дорс прикоснулись к руке Селдона, тот пошевелился и застонал.

— Дайте мне одеяло, доктор Бенастра. Быстро! — прокричала Дорс, не помня себя от радости.

Расправив одеяло, она расстелила его прямо на снегу.

— Теперь приподнимите его и осторожно положите на одеяло. Я укутаю его, и мы все спустимся вниз.

В кабине лифта от Селдона, завернутого в одеяло, повалили клубы пара.

Дорс распорядилась:

— Доктор Легген, как только мы принесем Гэри в его комнату, бегите за врачом. Найдите кого-нибудь получше и ведите немедленно. Если доктор Селдон поправится, я, клянусь, никому не скажу ни слова. Но только если он действительно поправится. Не забывайте...

— Да хватит вам нотации читать! — буркнул Легген. — Я понимаю, что виноват, и сделаю все, что в моих силах. Но имейте в виду, виноват я только в том, что взял этого человека с собой наверх, вот и все.

Сверток зашевелился, и послышался хриплый, едва слышный голос.

Бенастра вздрогнул, поскольку голова Селдона покоилась у него на плече.

— Кажется, он что-то хочет сказать, — растерянно пробормотал Бенастра.

— Да, я расслышала, — кивнула Дорс. — Он спросил: «В чем дело?»

Дорс не сдержалась и тихонько рассмеялась. Вопрос был на удивление уместным.

28

Утром, открыв глаза, Селдон увидел рядом со своей постелью Дорс. Она сидела за столиком, читала книгу и делала в блокноте какие-то заметки.

— Ты еще здесь, Дорс? — спросил Селдон почти обычным голосом.

Дорс отложила в сторону вьюер.

— Не могу же я оставить тебя одного, правда? А другим я не доверяю.

— Но я тебя вижу всякий раз, как просыпаюсь. Ты что, все время здесь?

— Да, все время. Сплю, работаю — все здесь, рядом с тобой.

— А как же занятия, студенты?

— Меня пока заменяет ассистент.

Дорс наклонилась и взяла Селдона за руку. Селдон смутился, Дорс заметила это и отпустила его руку.

— Гэри, что же случилось? Я так волновалась.

— Дорс, я должен признаться...

— В чем, Гэри?

— Я подумал, что это был заговор и ты в нем тоже участвовала...

— Какой заговор? Ты о чем?

— Я думал, что кто-то сговорился заманить меня наверх, чтобы я оказался за пределами Университета, то есть на территории, где меня могли бы схватить имперские власти.

— Но ты не покинул пределов Университета. На Тренторе граница сектора простирается снизу доверху, и участок поверхности, находящийся над Университетом, относится к его юрисдикции.

— Вот как! А я этого не знал. Но ты не пошла со мной, сказала, что очень занята, и когда я впал в отчаяние, я подумал, что ты это нарочно сделала. Прости меня, пожалуйста. Я знаю, это ты меня вытащила оттуда. Остальные наверняка даже не вспомнили обо мне.

— Они — занятой народ, — дипломатично объяснила Дорс. — И потом, они решили, что ты спустился раньше. Совершенно законное предположение.

— И Клозия так думала?

— Эта девушка, практикантка? Да, и она тоже.

— Все равно, заговор не исключен. Без твоего участия, я хочу сказать.

— Нет, Гэри, только я одна виновата. Я не имела никакого права разрешать тебе подниматься наверх без меня. Ведь я обязана о тебе заботиться. Все время ругаю себя за случившееся, за то, что ты заблудился там.

— Погоди, погоди, — неожиданно рассердился Селдон. — Но я вовсе не заблудился. Почему ты так говоришь?

— А ты бы это как назвал? Когда вся группа уходила, тебя поблизости не было, и к лифту ты вернулся, когда уже было совсем темно.

— На самом деле все было не так. Я не заблудился в том смысле, что ушел, а потом не смог найти дорогу обратно. Я сказал, что подозреваю заговор против меня, и буду стоять на своем. Паранойей я не страдаю.

— Ну, хорошо, так что же тогда все-таки случилось?

Селдон все рассказал Дорс. Все вспомнил, ничего не забыл. Он просто не мог забыть — весь вчерашний день жуткое приключение виделось ему в кошмарных снах.

Дорс слушала его, нахмурившись.

— Невероятно, — покачала головой она. — Вертолет? Ты уверен?

— Уверен, конечно. Или ты думаешь, у меня была галлюцинация?

— Но имперские власти все равно не имели права арестовать тебя там, наверху. Это было бы таким же грубым вмешательством в дела Университета, как если бы они арестовали тебя здесь, в кампусе.

— Хорошо. Откуда тогда взялся этот вертолет?

— Не знаю. Но у меня такое чувство, что я зря не пошла с тобой наверх. Может быть, все еще хуже, чем тебе кажется. Челвик будет мной очень недоволен.

— Тогда давай не будем ему говорить, — предложил Селдон. — Все ведь хорошо закончилось в конце концов.

— Сказать придется, — печально проговорила Дорс. — Насчет «закончилось» я сильно сомневаюсь.

29

Вечером с визитом явился Легген. Чувствовал он себя неуверенно, смущенно, переводил взгляд с Дорс на Селдона и обратно. Они молчали, как в рот воды набрали.

Наконец он пробурчал, обращаясь к Селдону:

— Вот, пришел узнать, как вы себя чувствуете.

— Прекрасно, — ответил Селдон. — Только все время спать хочется. Доктор Венабили говорит, что мне придется проваляться еще пару дней, чтобы окончательно поправиться. Честно говоря, — добавил он с улыбкой, — я не возражаю.

Легген набрал побольше воздуха, шумно выдохнул, и наконец заговорил, выдавливая из себя слова:

— Я ненадолго. Я прекрасно понимаю, что вас нельзя беспокоить. Но я все-таки хочу сказать, что сожалею о том, что произошло. Я не должен был столь легкомысленно полагаться на то, что вы спустились вниз один. Вы новичок, и я должен был за вами получше присматривать. Ведь я, именно я взял вас с собой. Надеюсь, у вас хватит доброты, и вы простите меня. Вот и все, что я хотел сказать.

Селдон неожиданно зевнул и прикрыл рот ладонью.

— Простите, ради бога. Не стоит так переживать. Все кончилось хорошо, и я не держу на вас зла. Ведь в каком-то смысле, это и не ваша вина. Я не должен был отходить от группы, и случившееся вряд ли можно рассматривать, как...

Дорс прервала его.

— Все, Гэри, хватит болтать. Отдохни. И потом, мне нужно кое о чем спросить доктора Леггена, пока он не ушел. Во-первых, доктор Легген, я прекрасно понимаю, что вас беспокоят последствия этого неприятного происшествия для вас лично. Я обещала вам, что никому ни слова не скажу, если доктор Селдон поправится. Поскольку он поправляется, можете не волноваться. Пока. Я вас хочу спросить кое о чем, и надеюсь, на этот раз вы будете более сговорчивы.

— Попытаюсь, доктор Венабили, — буркнул Легген.

— Вы не заметили ничего необычного, пока были наверху?

— Что вы спрашиваете? Конечно, заметил. Я потерял доктора Селдона и только что принес свои извинения.

— Я не об этом. Больше ничего необычного не произошло?

— Нет, ничего. Абсолютно ничего.

Дорс посмотрела на Седдона, а Седдон нахмурился. Ему показалось, что Дорс хочет проверить, правду ли он ей рассказал. Неужели она решила, что поисковый вертолет ему померещился? Он уже собрался было поспорить, но Дорс сделала знак молчать, словно хотела дать понять, что не стоит. Седдон промолчал — с одной стороны, решил послушаться Дорс, с другой — потому, что на самом деле безумно хотел спать. Он всей душой надеялся, что Легген не будет тут торчать слишком долго.

— Вы уверены? — упорствовала Дорс. — Никто не мешал вашим наблюдениям?

— Да нет же, говорю вам! Хотя...

— Да, доктор Легген?

— Над нами пролетел... летательный аппарат.

— Летательный аппарат? Какой именно?

— Вертолет.

— Это вас удивило?

— Вовсе нет.

— Почему же?

— Слушайте, это становится похоже на допрос, доктор Венабили. И мне это совсем не нравится.

— Сочувствую, доктор Легген, но дело в том, что эти вопросы имеют самое непосредственное отношение к тому, что произошло с доктором Седдоном. Весьма вероятно, что все намного сложнее, чем мне показалось поначалу.

— В каком смысле? — сердито поинтересовался Легген. — Вы собираетесь и дальше экзаменовывать меня, требовать еще каких-то объяснений? Имейте в виду, я могу и отказаться.

— Вряд ли вам удастся отказаться. Объясните для начала, почему вы считаете, что в поисковом вертолете нет ничего такого особенного.

— Потому, милая дама, что у многих метеостанций на Тренторе есть свои вертолеты, которыми они пользуются для проведения наблюдений облаков и верхних слоев атмосферы. У нашей станции, правда, своего вертолета нет.

— Почему же? Это было бы так удобно.

— Конечно. Но мы не соревнуемся между собой и секретов друг от друга не таим. Мы сообщаем наши

сведения, другие метеорологи — свои. Поэтому имеет смысл заниматься разными вещами. Было бы глупо подменять друг друга целиком и полностью. Те деньги, которые мы могли бы выбросить на приобретение вертолета, ушли на более нужные нам вещи — мезонные рефрактометры, к примеру, а у других все наоборот. Сэкономили на рефрактометрах, а купили вертолет. Такие вот дела. Как бы секторы ни выпендривались друг перед другом, ученые держатся друг за дружку. Надеюсь, вам это известно, — добавил Легген не без издевки.

— Известно, — кивнула Дорс, — и все-таки: не странно ли, что чей-то вертолет кружится над вашей базой именно в тот день, когда вы собрались провести собственные наблюдения?

— Ничего странного. Мы из того, что собираемся на базу, секрета не делали — наоборот, объявили об этом. Что же удивительного, если метеорологи с другой станции сочли разумным одновременно произвести нефелометрические наблюдения — то есть, наблюдения за облаками? Ведь если сверить полученные результаты, может выйти довольно интересно.

— Стало быть, они просто проводили какие-то замеры, да? — растерянно спросил Седдон.

— Конечно, — ответил Легген. — Чем еще они могли заниматься?

Дорс часто заморгала — такое с ней случалось, когда она старалась быстро сообразить, что сказать.

— Резонно. Но какой базе принадлежит этот вертолет?

Легген покачал головой.

— Доктор Венабили, откуда же мне знать?

— Просто я подумала, что, может быть, на метеорологических вертолетах рисуют какие-нибудь опознавательные знаки, говорящие, с какой они базы?

— Так оно и есть, но только я не смотрел, не разглядывал. Мне некогда было. Своей работы хватало. Поступит информация, и я узнаю, чей это был вертолет.

— А если не поступит?

— Тогда я позволю себе предположить, что у них вышли из строя приборы. Такое случается время от времени.

Легген сжимал и разжимал пальцы и наконец сжал правую руку в кулак.

— Ну, все?

— Минутку. А как вам кажется, откуда мог прилететь этот вертолет?

— С любой базы, располагающей вертолетами. В течение дня вертолет может добраться до нас практически из любого места планеты.

— И все-таки: откуда вероятнее?

— Трудно сказать... Гестелония, Сэтчем, Зиггорет, Северный Дамиано. Вероятнее всего — из этих четырех секторов, но остальные сорок вовсе не исключаются. Минимум — сорок.

— Тогда еще один вопрос. Последний. Доктор Легген, вы никому, случайно, не обмолвились, когда собирались наверх, что доктор Селдон, математик, отправится с вами?

Лицо Леггена озарилось искренним, неподдельным удивлением, которое, однако, быстро сменилось выражением крайней подозрительности.

— Я никогда не подаю списка. Кому это интересно?

— Что ж, ладно, — вздохнула Дорс. — Стало быть, доктор Селдон просто увидел какой-то вертолет и испугался. Почему — я пока не поняла, но это не давало ему покоя. В общем, он бросился бежать от вертолета, заблудился, не мог или боялся вернуться и решил пойти обратно только тогда, когда сильно стемнело, а в темноте немного не дошел до базы. За это вас винить никак нельзя, так что давайте забудем о случившемся — и вы, и я. Договорились?

— Договорились, — кивнул Легген. — До свидания. Он развернулся на каблуках и вышел из комнаты.

Когда за ним закрылась дверь, Дорс осторожно стащила с Селдона шлепанцы, поудобнее укрыла одеялом. Он спал — крепко и безмятежно.

А Дорс села к столу и задумалась. Правду ли сказал Легген? Как проверить?

Глава 7

МИКОГЕН

МИКОГЕН — сектор древнего Трентора. ...Безнадёжно отстав от жизни, купаясь в собственном легендарном прошлом, Микоген не сыграл большой роли в истории планеты. Его самоизоляция достигла такой степени...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

30

Проснувшись, Селдон увидел рядом с собой человека, который озабоченно разглядывал его. Селдон поморгал, протер глаза и удивленно пробормотал:

— Челвик...

Челвик усмехнулся.

— Не забыл, значит?

— Нет, не забыл, хотя мы виделись два месяца назад. Значит, тебя не арестовали, и ничего такого...

— Я здесь, как видишь, цел и невредим, хотя... — тут он бросил взгляд на Дорс, которая стояла с ним рядом, — выбраться сюда мне было не так-то просто.

— Я так рад тебя видеть! — улыбнулся Селдон. — Не возражаешь, есаи... — он показал пальцем в сторону ванной.

— Делай все, что нужно. Мойся, завтракай.

Завтракал Селдон в одиночку. Челвик и Дорс молчали. Челвик лениво проглядывал библиофильм. Дорс довольно долго и внимательно изучала свои ногти, по-

том вынула микрокомпьютер и принялась делать какие-то заметки.

Селдон поглядывал на друзей, но не пытался начать разговор. Может, на Тренторе так было положено — не разговаривать много с больными. Правду сказать, чувствовал он себя уже нормально, но, может быть, друзья этого не понимали.

Только тогда, когда Селдон прожевал последний кусочек и запил его полным стаканом молока (к молоку он уже привык, и вкус его уже не казался ему неприятным), Челвик наконец заговорил.

— Ну, как себя чувствуешь, Селдон?

— Прекрасно, Челвик. То есть, передвигаться могу свободно.

— Отрадно слышать, — сухо кивнул Челвик. — Я очень сердит на Дорс Венабили за то, что она такое допустила.

— Нет-нет, — нахмурился Селдон. — Она ни при чем. Это я сам захотел подняться наверх.

— Не сомневаюсь, но она должна была обязательно пойти туда вместе с тобой.

— А я попросил ее не ходить со мной.

— Это неправда, Гэри, — возразила Дорс. — Не оправдывай меня.

— Ладно, не буду, — мотнул головой Гэри. — Но, Челвик, не забывай, именно Дорс поднялась наверх за мной, и это ей удалось непросто, и в конце концов именно она спасла мне жизнь. Тут уж никакой неправды нет. Ты это учел, Челвик?

— Прошу тебя, Гэри, — вмешалась Дорс. — Четверть Челвик совершенно прав. Я не имела никакого права разрешать тебе покидать стены Университета без меня. Не волнуйся, мои последующие действия он оценил по достоинству.

— Ну, ладно, — сказал Челвик. — Это — дело прошлое, и мы о нем забудем. А поговорим о том, что случилось наверху, Селдон.

— А... безопасно ли это? — спросил Селдон, испуганно оглядевшись по сторонам.

— Дорс позаботилась, — усмехнулся Челвик, — чтобы твоя комната была окружена отражающим полем. Так что я совершенно уверен: ни один имперский

агент, если такие бродят по Университету, не сможет нас подслушать. А ты, оказывается, подозрителен, Селдон?

— Не от рождения, уверяю тебя. Наслушался тебя тогда в парке, да и потом... Это у тебя талант внушения, Челвик. Мне тогда Эдо Демерзель в каждой тени мерещился.

— Порой мне кажется, что он — это я, — буркнул Челвик.

— Не думаю, — покачал головой Селдон. — Я бы его узнал, наверное. А каков он собой, Челвик?

— Неважно. Все равно ты его не увидишь, если только он сам не пожелает тебя увидеть, да только боюсь, все равно ты на него и глянуть не успеешь. Все будет кончено. Вот именно с таким оборотом дел нам и предстоит побороться. Давай-ка поговорим о том вертолете, который ты видел.

— Ну, я же сказал, Челвик, ты приучил меня бояться Демерзеля. И стоило мне увидеть вертолет, я сразу решил, что это за мной, что я совершаю ужасную, непростительную глупость, уйдя из Университета, что меня туда заманили нарочно, исключительно для того, чтобы легче было меня схватить.

— Но Легген утверждает... — прервала Селдона Дорс.

— Да, кстати, — подхватил Селдон, — он, случайно, не заходил сюда вчера?

— Заходил, разве ты не помнишь?

— Помню, но как-то слабо. Я был так слаб. Все спуталось в голове.

— Ну так вот. Он был здесь вчера поздно вечером и сказал, что этот вертолет — всего-навсего летательный аппарат, принадлежащий метеорологам с другой станции. Самый обычный. Совершенно неопасный.

— Что? — воскликнул Селдон. — Нет, не верю!

— Вот и разберемся, — предложил Челвик. — Поставим вопрос так: почему ты в это не веришь? Что такого было в этом вертолете, что он показался тебе опасным? Было такое или нет, или дело всего-навсего в той мнительности, которая зародилась у тебя в душе под моим влиянием?

Селдон задумался, прикусил губу.

— Было! — кивнул он наконец. — Было. То, как действовали пилоты. Кабина вдруг выныривала из облаков, словно те, кто в ней сидел, что-то высматривали. Потом вертолет перелетал в другое место, и повторялось то же самое. Все время. Было такое впечатление, что экипаж занят внимательным осмотром поверхности и охотится именно за мной.

— Может быть, ты преувеличиваешь, Седдон? — Челвик покачал головой. — Может быть, ты тогда сравнивал вертолет с каким-то жутким хищником, выслеживающим свою жертву, то бишь — тебя. Это, безусловно, ерунда. Это был самый обычный вертолет, а если он принадлежал метеорологам, то и действия пилотов, судя по твоему описанию, совершенно обычные, и ничего опасного я в них не вижу.

— А мне так не показалось, — упрямо мотнул головой Седдон.

— Естественно, не показалось, но ведь достоверных данных у нас нет. Твоя убежденность в том, что тебе грозила опасность, это не более чем предположение. Правда, утверждение Леггена о том, что вертолет наверняка принадлежал метеорологам, это тоже не более чем предположение.

— Ни за что не поверю, — нахмурился Седдон, — что все так невинно.

— Ну, хорошо, — сказал Челвик, наклонился вперед, сложил руки на груди. — Предположим самое худшее: вертолет действительно охотился за тобой. Откуда было тому, кто его послал, знать, что ты в это время будешь наверху?

Тут вмешалась Дорс.

— Я спросила у доктора Леггена, не включил ли он в сообщение о предстоящем выходе на метеостанцию информацию о том, что в группу включен Гэри Седдон. В принципе, он не обязан был этого делать, и вопрос мой его просто поразил. Он сказал, что такого сообщения не делал, и я ему поверила.

— Ну, это ты, положим, зря. Не стоит верить ему так легко, — посоветовал Челвик. — Он в любом случае ответил бы отрицательно. Лучше подумаем вот о чем: почему он так легко согласился взять Седдона с собой. Мы знаем, что он не горел желанием брать его,

а потом вдруг взял и согласился. Причем, без особых возражений. Насколько я знаю Леггена, это на него не похоже.

Дорс сдвинула брови.

— Ну, знаете, так можно все на него свалить. Тогда выходит, он все и организовал. И Гэри взял с собой только для того, чтобы облегчить его арест. Может быть, он получил соответствующий приказ на этот счет. Можно пойти дальше: он дал распоряжение этой юной практиканточке, Клозии, дабы она заговорила Гэри зубы, увела его подальше от группы. Вот вам и объяснение того, почему Легген так легко вернулся вниз без Гэри и не слишком беспокоился по поводу его отсутствия. Он мог запросто отговориться — ведь он старательно проинструктировал Гэри на предмет того, как ему вернуться вниз самостоятельно, если замерзнет. Тогда и его упорное нежелание тащиться наверх на поиски Гэри тоже объяснимо: к чему ему было соглашаться идти искать того, кого, по его мнению, уже давным-давно сцапали?

Челвик внимательно выслушал Дорс, кивнул и сказал:

— Восхитительно выстроенное обвинение, но давайте все-таки пока не будем торопиться. В конце концов, он ведь все-таки пошел с тобой наверх, правда?

— Пошел, но только потому, что я заявила, что зарегистрированы шаги. А сейсмолог это подтвердил.

— Хорошо, давай так: был ли Легген шокирован, когда вы нашли Седдона? Вел он себя так, как вел бы себя человек, нашедший того, кто по его вине попал в страшную беду? Так он себя вел или был просто ошарашен тем, что вы все-таки нашли Гэри — Гэри, которого, по мнению Леггена, там и быть не могло? Не было ли в его поведении молчаливого вопроса: «Как же это вышло, что его не сцапали?»

Немного подумав, Дорс ответила:

— Да, он, безусловно, был потрясен, увидев Гэри, но ничего такого сверхъестественного я в его поведении не заметила — самая обычная реакция. Так отреагировал бы любой на его месте, мне кажется.

— Понимаю. Заметить было трудно.

И тут Селдон, который внимательно слушал их разговор, переводя взгляд с лица Дорс на лицо Челвика, неожиданно покачал головой и сказал:

— Я не думаю, что Легген виноват.

Челвик пристально посмотрел на Селдона.

— Почему?

— Во-первых, ты совершенно справедливо заметил, что поначалу он был явно против того, чтобы я пошел с ними наверх. Его пришлось целый день уговаривать, да и согласился он, в конце концов, по-моему, только из-за того, что его убедили в том, что я — опытный математик и смогу оказать ему помощь в проработке его метеорологической концепции. Выход на поверхность был целиком и полностью моей идеей, и если бы у него был какой-то приказ вытащить меня туда, вряд ли бы он стал так долго упрямяться.

— Неужели ты ему понадобился только в качестве математика? Он с тобой обсуждал какие-то математические подробности? Пытался изложить тебе свою концепцию?

— Нет, — ответил Селдон. — Не пытался. Он что-то буркнул насчет того, что не прочь поговорить со мной об этом попозже. А там, наверху, он только и делал, что возился со своими приборами. Я так понял, что он ожидал, что покажется солнце, и думал, что инструменты наврали, а выяснилось, что с ними все в полном порядке, и, похоже, он из-за этого просто из себя вышел. Словом, ему там было явно не до меня. Что же касается Клозии, этой девушки, которая уделила мне несколько минут... нет, знаете, сейчас, когда я все вспоминаю, нет у меня чувства, что она нарочно увела меня от базы. Я сам виноват. Меня заинтересовала растительность на поверхности планеты, и скорее я увел Клозию от группы, чем наоборот. Вряд ли Легген руководил ее действиями: ведь он окликнул ее, когда меня было еще хорошо видно. А уж дальше я сам ушел.

— И все-таки, — возразил Челвик, который, похоже, решил нынче возражать всем, — если этот вертолет искал тебя, те, кто на нем летел, видимо, знали, что ты находишься там. Откуда же им было знать об этом, как не от Леггена?

— Я подозреваю совсем другого человека, — заявил Селдон. — Молодого психолога по имени Лисунг Ранда.

— Ранда? — воскликнула Дорс. — Не может быть! Я его хорошо знаю. Он просто не способен работать на Императора. Да он до мозга костей антиимпериалист!

— Притворяется, наверное, — хмыкнул Селдон. — Кого же ему еще из себя корчить, как не выразителя самых что ни на есть антиимпериалистических взглядов, когда он — имперский агент?

— Да какой он выразитель? — не унималась Дорс. — Спокойный, милый, добродушный человек, мягкий, добрый, бесхитростный. Убеждена, агенты такими не бывают.

— Тем не менее, Дорс, — возразил Селдон. — Именно он рассказал мне о метеорологическом проекте. Именно он порекомендовал мне подняться наверх, именно он уговорил Легтена взять меня с собой, расписав в красках, какой я замечательный математик. Просто удивительно, зачем ему так не терпелось выпихнуть меня на поверхность, зачем он старался?

— Ради тебя, Гэри, я думаю. Ты ему небезразличен, Гэри. Наверное, он решил, что, как это ни парадоксально, тебе будет полезно заглянуть в метеорологию ради психоистории. Разве не так?

— Давайте переключимся, — предложил Челвик. — Ведь с того момента, как Ранда впервые поведал тебе о метеорологическом проекте, до твоего выхода на поверхность прошло довольно много времени. Если Ранда ни в чем не замешан, у него не было никаких причин держать язык за зубами. Если он действительно такой милый, общительный человек...

— Такой, такой! — решительно кивнула Дорс.

— ...то ничто не помешало бы ему разболтать обо всем куче приятелей. Тогда выяснить, кто конкретно сработал, как оповеститель, у нас возможности нет. Кстати, то, что Ранда — антиимпериалист, само по себе ничего не значит. Он все равно может быть агентом. Ставим вопрос так: на кого он работает? Чей он агент?

Селдон удивился не на шутку.

— А на кого он еще может работать, если не на Империю? Кому я еще нужен, кроме Демерзеля?

Челвик покачал указательным пальцем.

— Ты просто не понимаешь, насколько сложна тренторианская политика, Селдон.

Обернувшись к Дорс, Челвик попросил:

— Напомни мне, будь добра, какие секторы перечислил Легтен, когда ты спросила его о том, откуда мог прилететь метеорологический вертолет?

— Он назвал Гестелонию, Сэтчем, Зиггорет и Северный Дамиано.

— Наводящих вопросов ты не задавала? Про какой-то конкретный сектор не спрашивала?

— Нет. Я просто спросила его, как он думает, откуда бы мог прилететь вертолет.

— Ну, а ты, — спросил Челвик у Седдона, — никаких опознавательных знаков на вертолете не заметил?

Селдон приготовился к бурному объяснению. Он хотел заявить, что вертолет большую часть времени прятался за облаками, что ему самому было не до того, чтобы разглядывать опознавательные знаки, что он думал только о Демерзеле и о том, как получше и побыстрее спрятаться. Но ничего этого он говорить не стал — решил, что Челвик об этом и так знает.

— Нет, не заметил, — ответил он.

— Но если вертолет действительно за ним охотился, опознавательные знаки могли быть закрашены, правда?

— Резонное предположение, — согласился Челвик. — Рациональное. Однако рациональность в нашей Галактике не всегда приводит к успеху. Пока же, раз Селдон никаких опознавательных знаков не видел, нам остается только гадать. Моя точка зрения такова: Сэтчем.

— Не понял? — нахмурился Селдон. — Зачем?

— Что — «зачем»? С-э-т-ч-е-м, — по буквам проговорил Челвик. — Это такой сектор. Очень специфический, между прочим. Уже три тысячелетия им правит династия мэров. Лет этак пятьсот назад на Императорском троне посидели двое Императоров и Императрица из Дома Сэтчема. Но, увы, недолго. Ничего выдающегося за ними не числится. А вот мэры Сэтчема своего

монаршего прошлого не позабыли. Нет, они не выказывали открытого неповиновения Императорам, которые правили позднее, но и особым повиновением не блистали. Во время гражданских войн они хранили нейтралитет и предпринимали такие шаги, чтобы эти войны всячески затянуть и заставить противников обратиться за помощью к Сэтчему. Ничего они этим не добились, но пытаться не перестали. Нынешний мэр Сэтчема пользуется необычайным влиянием. Он, правда, человек старый, но амбиции его не остыли, и если что-то стряется с Клеоном — пусть даже самая что ни на есть естественная смерть, — мэр не преминет потягаться за Императорский трон с сыном Клеона. Мальчик еще мал, и мэр может рассчитывать на поддержку Галактики. Следовательно, если мэр Сэтчема слышал о тебе, вполне возможно, что он возмечтал заполучить тебя в качестве придворного предсказателя. Все укладывается: они отправляют Клеона на тот свет, ты предсказываешь неизбежное воцарение Сэтчемской династии и мир с процветанием в придачу на ближайшую тысячу лет. Ну, а когда Сэтчем заберется на трон, ты станешь не нужен. Тебя похоронят рядом с Клеоном.

Селдон нахмурился, помолчал.

— Но ведь мы же не знаем наверняка, что этот вертолет прилетел из Сэтчема, правда?

— Нет, не знаем. Мы ничего не знаем наверняка. В конце концов, вертолет, и правда, мог быть самым обычным безобидным летательным аппаратом метеорологов, как сказал Легген. И все же, поскольку сплетни о психоистории и ее возможностях распространяются — а уж это я точно знаю, — все больше и больше властителей на Тренторе мечтает заполучить тебя и использовать в своих интересах.

— И что же, — спросила Дорс, — нам теперь делать?

— Вот это, я понимаю, вопрос, — кивнул Челвик. — Видимо, — сказал он, немного поразмыслив, — не стоило сюда приезжать. Слишком уж легко догадаться, что в первую очередь профессор спрячется в Университете. Конечно, кроме Стрилинга, Университетов хватает, но Стрилингский — один из самых независимых, и догадаться можно. Я думаю, что как можно скорее —

желательно, сегодня же — Селдона следует перебраться в другое, более безопасное место. Вот только...

— Только — что? — нахмурился Селдон.

— Только я не знаю куда.

— Можно запросить у компьютера каталог и ткнуть пальцем в любое место.

— Тоже мне, придумал! — фыркнул Челвик. — Так мы рискуем угодить в место, где окажется менее безопасно, чем везде. Нет, так нельзя. Нужно что-то придумать.

31

Прошло время ленча, а троица никуда не выходила из комнаты Селдона. Дорс и Селдон болтали о том о сем, а Челвик в основном помалкивал. Сидел прямо, ел мало, смотрел еще угрюмее, чем обычно, и как-то сразу постарел на несколько лет.

«Наверное, вспоминает географию Трентора, — решил Селдон, — и ищет местечко побезопаснее. Нелегко ему небось».

На самом деле, родной Геликон Селдона был не такой уж маленькой планетой — он был чуть побольше Трентора. На Геликоне имелся даже собственный океан — поменьше, чем на Тренторе. А площадь поверхности суши была намного больше — приблизительно процентов на десять. Но если на Тренторе люди жили везде, как в одном громадном городе, на Геликоне городов было раз-два и обчелся. Административных округов на Геликоне насчитывалось всего двадцать, а на Тренторе — свыше восьмисот, и вдобавок каждый из них делился на более мелкие единицы.

Наконец Селдон не выдержал и сказал:

— Послушай, Челвик, у меня есть предложение. Давай выберем из тех, кто мечтает меня заграбастать, самого доброго и отдадим меня ему, а он пусть меня от других защищает.

Челвик взглянул на него и ответил совершенно серьезно.

— В этом нет нужды. Я знаю такого человека. Можно сказать, почти доброго. И ты у него уже есть.

Селдон усмехнулся.

— Хочешь потягаться с мэром Сэтчема и Императором всей Галактики?

— Зачем? Пустая трата времени. Но с точки зрения желания владеть тобой я с ними вполне могу поспорить. Им ты нужен только для того, чтобы возвыситься еще сильнее, а у меня нет никаких амбиций, кроме желания сделать доброе дело для Галактики.

— У меня такое подозрение, — буркнул Селдон, — что всякий из твоих соперников, спроси его кто-нибудь, точно так же клялся бы, что печется о Галактике, и только о Галактике.

— Как пить дать, — кивнул Челвик, — но пока ты имел удовольствие лично познакомиться только с одним из моих соперников — то бишь, с Императором. Вспомни, чего он от тебя хотел? Я же от тебя ничего подобного не требую. Я прошу тебя только о том, чтобы ты доработал методические аспекты психоистории и обрел возможность делать математически верные прогнозы, пускай всего лишь статистического порядка.

— Ага. Всего-навсего, — печально усмехнулся Селдон.

— Позволь, кстати, поинтересоваться, как идут дела в этом направлении? Есть достижения?

Селдон был готов и расхохотаться, и разразиться проклятиями. Однако ни того ни другого он не сделал. Немного помолчав, он тихо переспросил:

— Достижения? Ты шутишь? За такое время? Ведь прошло меньше двух месяцев! Челвик, на это не хватит моей жизни, и не только моей. Еще дюжина математиков будет биться после меня, и ничего не добьется.

— Я не имею в виду ничего законченного, даже ничего обнадеживающего. Ты все время твердил, что применение психоистории возможно, но неосуществимо. Вот я и спрашиваю — не блеснул ли лучик надежды? Не кажется ли тебе теперь твоя задача более осуществимой?

— Увы, не кажется.

— Прошу прощения, — вмешалась Дорс. — Я, конечно, не математик, поэтому не сочтите мой вопрос дурацким. Как это что-либо может быть одновременно и возможным, и неосуществимым? Ты, Гэри, как-то говорил, что теоретически для тебя возможно лично

познакомиться и пожать руку всем жителям Галактики, однако это неосуществимо, поскольку на это тебе не хватит жизни. Но позволь спросить, почему ты приравниваешь психоисторию к такому занятию?

Селдон удивленно уставился на Дорс.

— Ты действительно хочешь, чтобы я это *объяснил*?

— Да! — и она так тряхнула головой, что кудряшки рассыпались.

— Я тоже не прочь послушать, — сказал Челвик.

— Без математических подробностей? — хитро усмехнулся Селдон.

— Если можно, — попросил Челвик.

— Так... — Селдон немного подумал, решая, с чего начать. — Ну, хорошо. Если, допустим, вы решили изучить какой-то из аспектов Вселенной, полезно до предела упростить задачу и взять для анализа только те его свойства и качества, которые важны для понимания. Если вы, допустим, собрались выяснить, как падает предмет, вам нет нужды выяснять, старый он или новый, красный или зеленый и как он пахнет. Такие характеристики вы попросту отбрасываете, чтобы не усложнять себе задачу. Подобное упрощение можно назвать моделью, и пользоваться ею либо обычным путем, на экране компьютера, либо вывести в виде математической формулы. Возьмем для примера простейшую теорию нерелятивистской гравитации...

— Гэри, ты обещал! — прервала его Дорс. — Ты обещал, что никакой математики не будет. И не прячься за словечками типа «простейшая».

— Нет, нет! Когда я назвал эту теорию простейшей, я лишь хотел сказать, что она жутко древняя и родилась в туманном прошлом вместе с огнем и колесом. Однако формулы гравитационной теории содержат в себе описание принципов движения планетарных систем, двойных звезд, раскрывают причины приливов, и так далее. С помощью этих уравнений можно даже добиться разработки визуальной модели вращения планеты вокруг звезды, взаимного движения пары звезд — на двухмерном экране. Более сложные взаимосвязи можно проследить с помощью трехмерной голограммы. Такие вот упрощенные модели порой помогают лучше уяснить суть явления, чем если бы мы принялись старательно

изучать явление само по себе, в его истинном виде. И на самом деле, без гравитационных формул наши знания о движении планет и о небесной механике вообще были бы крайне ограниченными.

Итак, затем у вас возникает желание узнать о каком-то явлении больше, потом — еще больше, а может быть, само явление усложняется, и тогда вам потребуются все более и более сложные уравнения, все более и более изощренное программирование, и получаемая в итоге компьютерная модель становится все сложнее и сложнее для понимания.

— А модель модели разработать нельзя? — поинтересовался Челвик. — Может, так было бы проще?

— В таком случае неизбежно придется отбрасывать кое-какие характеристики явления, без которых просто невозможно, и ваша модель станет бесполезной, бессмысленной. МВМ — то есть, минимальное возможное моделирование — обрастает деталями гораздо быстрее, чем само изучаемое явление. В общем, много тысяч лет назад было доказано, что для того, чтобы смоделировать Вселенную во всей ее сложности, нужна модель, размеры которой будут не меньше самой Вселенной. Другими словами, это означает, что цельную картину Вселенной можно получить лишь за счет изучения самой Вселенной. Было доказано также, что если предпринять попытку вычленив модель какого-то участка Вселенной, потом еще одного, потом еще и еще, а потом попытаться, как из кубиков, сложить целую Вселенную, становится ясно, что таких крошечных моделей — бесконечное количество. Поэтому для понимания Вселенной в целом при таком подходе потребуются бесконечное время. Вот еще один пример того, что нельзя объять необъятное.

— Понятно... — задумчиво пробормотала Дорс.

— Итак, мы знаем, следовательно, что некоторые относительно простые вещи моделировать легко, но чем они сложнее, тем труднее их моделировать, а в конце концов — просто невозможно. Но в какой момент, на каком этапе моделирование становится невозможным? На каком уровне сложности? Пока мне удалось показать, при помощи математического метода, разработанного в нашем столетии и трудного для применения даже

при использовании самого грандиозного и умного компьютера, что наше Галактическое сообщество до этой отметки пока не добралось. Его можно продемонстрировать с помощью упрощенной модели. Тогда я пошел дальше и решил доказать, что за счет этого есть возможность прогнозировать события будущего на уровне статистики — то есть, определять вероятность различных вариантов течения событий, а не безапелляционно утверждать, что то или иное событие обязательно произойдет.

— Раз так, — сдвинул брови Челвик, — раз ты действительно можешь построить модель Галактического сообщества, почему бы тебе не сделать этого? Что же тут неосуществимого?

— Пока я всего лишь доказал, что на понимание принципов существования Галактического сообщества не уйдет бесконечного времени. Но если окажется, что на его изучение уйдет миллиард лет, это, можно считать, неосуществимо. Ничем не лучше бесконечности.

— И что, именно столько нужно времени? Миллиард лет?

— Я не сумел определить точно, сколько лет уйдет, но никак не меньше миллиарда. Я эту цифру не с потолка взял.

— И все-таки, ты в этом не уверен окончательно.

— Пытался определить.

— Но не определил.

— Нет, не определил.

— А как университетская библиотека? Ничем не помогла? — спросил Челвик, бросив взгляд на Дорс.

— Увы, — покачал головой Селдон.

— Ну, а Дорс ничем помочь не может?

Дорс вздохнула:

— Я в этом ничего не понимаю, Четтер. Я могу только предложить подходы. Если Гэри следует моему совету, но ничего не находит, что же я могу поделать.

Челвик встал.

— Раз так, то в Университете торчать нет никакого смысла. Я должен как следует подумать, где тебя поместить.

Селдон подался вперед и тронул Челвика за рукав.

— Но у меня есть идея.

Челвик посмотрел на Седдона в упор — не то удивленно, не то подозрительно.

— Да? И когда же она родилась? Только что?

— Нет. Эта мысль вертелась у меня в голове несколько дней, еще до того, как я вышел на поверхность. Приключение несколько выбило меня из колеи, но ты спросил про библиотеку, и я вспомнил.

Челвик снова уселся на стул.

— Говори, что за идея, если, конечно, не собираешься обрушить на меня поток формул.

— Никаких формул, не бойся. Просто, когда я читал книги по истории, занимаясь в библиотеке, я заметил, что в прошлом жизнь Галактического сообщества текла как-то проще. Двенадцать тысячелетий назад, когда Империя только создавалась, в Галактике насчитывалось всего около десяти миллионов обитаемых миров. А двадцать тысячелетий назад в союз доимперских королевств входило и того меньше — десять тысяч миров. Чем глубже в прошлое, тем сильнее уменьшается численность сообщества. Вероятно, так можно добраться до одного-единственного мира, того самого, легендарного, о котором ты мне говорил, Челвик.

— Стало быть, — сказал Челвик, — ты считаешь, что, оперируя более малочисленным, менее сложным сообществом, ты мог бы продвинуться в психоистории?

— Да, мне так кажется.

— И тогда, — радостно подхватила Дорс, — если тебе удастся применить законы психоистории к малочисленному сообществу прошлого и экстраполировать результаты исследования на тысячу лет вперед, ты сможешь проверить, верно ли выбрал точку отсчета. Настоящее время к твоим услугам.

Челвик холодно покачал головой.

— Предсказание событий тысячного года Галактической Эры? Нечистый эксперимент. Ты будешь испытывать бессознательное воздействие имеющихся у тебя знаний о том, что есть на самом деле, и невольно будешь подбирать для уравнений такие величины, чтобы получить нужный ответ.

— Не думаю, — возразила Дорс. — Прежде всего, мы не так уж досконально знаем, что происходило в тысячном году Галактической Эры. Придется здорово

покопаться. Ведь это было одиннадцать тысячелетий назад.

— Что ты хочешь сказать, Дорс? — взволнованно спросил Селдон. — Что значит — «не так уж досконально»? Разве тогда не было компьютеров?

— Были, конечно.

— Ну так в чем дело? Банки памяти, записи свидетельств современников. За тысячный год должны быть точно такие же записи, как за нынешний, двенадцатитысячный.

— Теоретически — да, но на деле... Ой, Гэри, я уже начала за тобой повторять. В общем, записи за тысячный год получить возможно, но неосуществимо.

— Хорошо усвоила, Дорс, но только когда я так говорю, я имею в виду математику. Не понимаю, какое отношение это может иметь к историческим отчетам.

— Отчеты не вечны, — защищаясь, ответила Дорс. — Банки памяти могут быть уничтожены, захвачены противником в процессе конфликтов, могут быть просто утрачены с течением времени. Любой бит памяти, любой отчет, к которому долгое время не обращаются, со временем переходит в разряд накопившихся информационных шумов. Говорят, примерно треть из всех отчетов, хранящихся в Имперской Библиотеке — сущий хлам, но принятые там порядки не позволяют взять и выбросить эти отчеты. А другие библиотеки не так ортодоксальны. В Стрилинге, к примеру, каждые десять лет проводится инвентаризация, и материалы, не пользующиеся спросом, подлежат уничтожению. Конечно, те отчеты, которые часто читают, которые существуют во многих экземплярах в библиотеках различных миров, как в государственных, так и в частных, хранятся тысячелетиями, и поэтому ключевые события Галактической истории остаются общеизвестными даже в тех случаях, если они происходили в доимперские времена. И все-таки, чем дальше в прошлое, тем меньше вероятности, что записи сохранены.

— Просто не верится! — воскликнул Селдон. — А я считал, что как только отчет приходит в негодность, с него тут же снимаются копии. Как же можно давать знаниям исчезнуть?

— Нежелательные знания — это бесполезные знания, — ответила Дорс. — Ты просто не представляешь себе, сколько времени, труда, стараний ушло бы на то, чтобы непрерывно ворошить этот бесполезный хлам.

— Но как же! А вдруг кому-то потребуется именно этот хлам?

— Раз в тысячу лет? Уволь, пожалуйста. Это нерентабельно. Даже в науке. Вот ты говорил о простейших уравнениях гравитации и сказал, что назвал их простейшими только потому, что время их выведения теряется в тумане веков. Как же такое могло произойти? Разве твои соратники, математики, физики, не могли сберечь все данные и докопаться до тех времен, когда кто-то придумал эти уравнения?

Селдон промычал что-то нечленораздельное.

— Слушай, Челвик, моя идея такова: если углубляться в прошлое и рассматривать более примитивное сообщество, практическое применение психоистории становится более вероятным. Однако, объем знаний, оказывается, уменьшается гораздо быстрее, чем размеры сообщества, следовательно, применение психоистории становится менее вероятным. Такие вот дела.

— Между прочим, есть такой сектор — Микоген, — задумчиво проговорила Дорс.

— Это точно, — подхватил Челвик, бросив на Дорс понимающий взгляд. — Очень неплохое местечко для Селдона. Как я сам не додумался?

— Микоген? — ошарашенно переспросил Селдон, глядя по очереди то на Дорс, то на Челвика. — Что за Микоген? И где?

— Гэри, прошу тебя, я тебе потом расскажу. Надо собираться. Ты уедешь сегодня вечером.

32

Дорс уговорила Селдона немного поспать. Тронуться в путь им предстояло в то время, как в Университете гасили огни, так сказать — под покровом «ночи».

— А ты опять на полу уляжешься? — спросил Селдон.

Она пожала плечами.

— Кровать узкая, и если мы уляжемся вдвоем, мы оба не выспимся.

Селдон испытующе посмотрел на Дорс и сказал:

— Тогда на полу лягу я.

— Вот уж нет. Это же не я замерзала в снегу!

В общем, они так и не заснули. Погасили свет, стало тихо, вечный гул Трентора лишь слегка нарушал тишину. Селдон решил заговорить.

— Дорс... Я себя неловко чувствую. Я тебе столько хлопот доставил. Из-за меня ты от своей работы отвлеклась. Но... понимаешь, мне жаль прощаться с тобой.

— Зачем же прощаться? Я еду с тобой. Челвик хлопочет об отпуске для меня.

— Я не посмел бы просить тебя об этом.

— И не надо. Меня попросил Челвик. Я обязана беречь тебя. Ведь я так опростоволосилась, из-за меня ты попал в беду. Теперь должна реабилитироваться.

— Прошу тебя! Пожалуйста! Ты ни в чем не виновата!.. Правда, честно говоря, я действительно чувствую себя спокойнее, когда ты рядом. Если бы только я был уверен, что не мешаю тебе...

— Не мешаешь, Гэри, — нежно проговорила Дорс. — Спи, пожалуйста.

Селдон немного помолчал, потом спросил шепотом:

— Дорс, а ты уверена, что Челвик все сумеет организовать?

— Он — удивительный человек, — ответила Дорс. — У него полно связей — и здесь, в Университете, и где угодно. Раз он сказал, что может договориться и выбить мне бессрочный отпуск, значит, договорится. Он очень упрямый.

— Знаю... — вздохнул Селдон. — Знаешь, порой я задумываюсь: чего он от меня на самом деле хочет?

— Того, о чем говорит. Он фанатик, мечтатель.

— Похоже, ты его хорошо знаешь, Дорс.

— Да, очень хорошо.

— Близко?

Дорс фыркнула.

— Вот уж не знаю, о чем это ты, Гэри. Хорошо, я тебе ответу прямо: нет, не близко. А вообще, какое тебе дело?

— Прости... — прошептал Селдон. — Просто, понимаешь, я боялся, что случайно, ненарочно перейду границу чужой...

— Собственности? Нет, это просто невыносимо. Давай-ка засыпай лучше.

— Дорс, прости, но я не могу заснуть. Ну, давай поговорим о чем-нибудь другом. Ну, хотя бы о Микогене. Почему вы решили, что мне там будет хорошо? Что он из себя представляет?

— Маленький сектор, население — не больше двух миллионов, если не ошибаюсь. Самое главное — народ там ужасно старомодный, следует древним традициям. Кроме того, судя по всему, там хранятся такие исторические документы, которые больше нигде днем с огнем не сыщешь. Очень может быть, именно в этих документах ты разыщешь такие сведения о доимперских временах, которые отсутствуют в ортодоксальных хрониках. Я вспомнила о Микогене именно из-за того, что в разговоре мы коснулись древней истории.

— А сама ты когда-нибудь видела эти записи?

— Нет. Не уверена, чтобы их вообще кто-то видел.

— Но как ты тогда можешь утверждать, что они существуют?

— Не могу и не утверждаю. Понимаешь, микогенцев считают кучкой выживших из ума идиотов, но мне кажется, что это далеко от истины. Они сами утверждают, что такие записи у них имеются, так что не исключено, что так оно и есть. Но учти, нам придется там держать язык за зубами. Микогенцы очень необщительны, замкнуты... Ну, а теперь постарайся все-таки уснуть, ладно?

В конце концов Селдон с горем пополам уснул.

33

Гэри Селдон и Дорс Венабили покинули Университет в три часа пополудни. Селдон понял, что главной в экспедиции будет Дорс. Ну что ж, в конце концов, она знала Трентор лучше его — ведь она пробыла здесь на два года дольше. Она была близкой подругой Челвика (но насколько близкой — этот вопрос не давал ему

покою) и, наверное, лучше понимала его замыслы и распоряжения.

Беглецы закутались в легкие плащи с прилегающими капюшонами. Мода на такие плащи в Университете долго не продержалась и прошла давным-давно. Но как бы смешно ни выглядели Дорс и Селдон, такая одежда сейчас как нельзя лучше подходила к случаю — узнать их было невозможно, по крайней мере, с первого взгляда.

— Не исключено, — сказал Челвик, — что переделка, в которую ты попал наверху, Селдон, сущая чепуха и никакие шпионы за тобой не гоняются, но на всякий случай надо приготовиться к худшему.

— А ты разве с нами не поедешь? — взволнованно спросил Селдон.

— Хотел бы, — вздохнул Челвик, — но, увы, не могу надолго отлучаться с работы, чтобы не вызвать лишних подозрений. Ясно?

Селдон только вздохнул. Ясно, чего уж там.

Скоро они добрались до станции экспресса и быстро разыскали свободный вагончик. Надо сказать, Селдон был не на шутку удивлен тем, что в столь ранний час на станции оказались пассажиры. «А вообще-то это хорошо, что есть пассажиры, — подумал он. — А то мы смотрелись бы подозрительно».

Потянулись бесконечные кварталы и площади. Длинная вереница вагончиков летела по монорельсовой дороге, влекомая электромагнитным полем.

Мимо пролетали жилые дома — не сказать, чтобы очень высокие, но теперь Селдон знал, как глубоко уходят под землю их этажи. Но зачем строить высотные дома здесь, где урбанизированная территория простиралась на десятки квадратных километров? Сорок миллиардов человек запросто могли разместиться на такой площади безо всяких небоскребов. Экспресс пролетал мимо незастроенных участков. Многие из них зеленели растительностью — парки, в основном. Предназначение некоторых зданий Селдон угадать не мог. Фабрики? Офисы? Кто знает? Вот этот громадный цилиндр — что это такое? Может быть, в нем хранятся запасы еды? Очень может быть, ведь Трентор в них наверняка нуждается. Может быть, собирают осадки, выпадающие на поверхности, фильтруют и хранят? Наверное.

Однако вскоре размышления Седдона были прерваны.

— Подъезжаем, — пробормотала Дорс, встала и взяла Седдона за руку.

Выйдя из экспресса, они принялись изучать указатели. Их была целая куча, и Седдон растерялся. Значки, буквы... Наверное, коренному тренторианцу все было бы ясно, но Седдону пиктограммы ровным счетом ничего не говорили.

— Сюда, — твердо объявила Дорс.

— Куда — «сюда»? Откуда ты знаешь?

— Вот, смотри, видишь? Два крылышка и стрелка.

— Два крылышка? Где? А-а-а.

А он подумал, что это — перевернутое «W» — на крылышки смахивало слабо.

— Почему бы словами не написать? — пробурчал Седдон.

— Слова везде разные. То, что здесь означает «самолет», на Цинне окажется «лифтом», а в других местах — «планером», а еще где-то — «пике». А это — общегалактический символ воздухоплавательного судна, всем понятный. Разве на Геликоне им не пользуются?

— Не сказал бы. Геликон, понимаешь ли, мир, который довольно крепко держится за свои традиции. Там боятся, как бы в нашу жизнь не внедрилось слишком много чужого.

— Вот! — глубокомысленно проговорила Дорс. — Вот от чего должна плясать твоя психоистория. Ты мог бы доказать, что при наличии огромного числа диалектов использование общегалактических символов может стать объединяющей силой.

— Ничего не выйдет, — вздохнул Седдон, шагая рядом с Дорс по пустым сумрачным переходам и размышляя о том, какова на Тренторе преступность и не попали ли они сейчас в район, где она выше, чем в других местах. — Можно разработать уйму законов существования того или иного явления, но это не даст возможности сделать обобщающие выводы. Вот что имеется в виду, когда говорят, что система может быть описана с помощью модели столь же сложной, как сама система... Дорс, так мы идем к воздухоплавательному судну?

Дорс остановилась и удивленно уставилась на Седдона.

— А куда же? Если на указателе обозначен аэропорт, ты думаешь, мы придем на площадку для гольфа? Ты что, боишься самолетов, как многие тренторианцы?

— Да нет, с чего ты взяла? На Геликоне часто летают и полно самолетов. Просто когда Челвик вез меня в Университет, он отказался от этого вида транспорта и сказал, что, полети мы самолетом, за нами будет легче проследить.

— Это потому, что тогда твои враги знали, где ты находишься. И потом, я думаю, что Челвик говорил о коммерческих авиалиниях. Теперь же, по идее, о твоём местопребывании никто и догадываться не может, и полетим мы из маленького, не слишком популярного аэропорта, и к тому же — на личном самолете.

— И кто же пилот?

— Друг Челвика, по всей вероятности.

— Думаешь, ему можно доверять?

— Почему же нельзя, если он — друг Челвика?

— Похоже, ты просто безгранично веришь Челвику, — буркнул Седдон.

— Просто не знаю человека, у которого со здравым смыслом дело обстояло бы лучше, чем у него, — ответила Дорс, не поддаваясь на провокацию. Сомнения Седдона не развеялись.

— Вон он, самолет, — проворчал он.

Самолет был маленький, какой-то хрупкий на вид. Рядом с ним стоял мужчина невысокого роста, одетый по-тренториански ярко.

— Мы «психо», — отрекомендовалась Дорс.

— Очень приятно. «История», к вашим услугам, — ответил пилот.

Войдя следом за ним в кабину, Седдон шепотом спросил у Дорс:

— Кто придумал этот пароль?

— Челвик, — ответила Дорс.

— Вот уж никогда не подумал бы, что у него есть чувство юмора! Он всегда такой угрюмый.

Дорс только улыбнулась в ответ.

Глава 8

ПРОТУБЕРАНЕЦ

ПРОТУБЕРАНЕЦ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ — *правитель Сектора Микоген гревнего Трентора. ... О нем, как и о других правителях этого отсталого сектора, достоверных сведений крайне мало. Его роль в истории связана исключительно со встречей с Гэри Селдоном во время Бегства...*

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

34

В салоне самолета было всего два сиденья. Как только Селдон занял свое место, кресло мягко запрокинулось назад, на ноги и грудь опустился плотный чехол, а на голову — шлем, закрывший лоб и уши. С трудом повернув голову влево, Селдон увидел, что Дорс подверглась той же процедуре.

Пилот занял свое место в кабине и, вертя какие-то рычажки на пульте, сообщил:

— Эндор Леваниан, к вашим услугам. Не волнуйтесь. При взлете будет значительное ускорение, поэтому придется немного потерпеть. Как только наберем высоту, шлем и чехол можно будет убрать. Мне можете не представляться. Ваши имена меня не интересуют.

Развернувшись на своем вертящемся кресле, он вытянул губы трубочкой и весело спросил:

— Ну что, молодежь, трусили маленько, а?

— Я родом не с Трентора и привыкла к самолетам, — небрежно ответила Дорс.

— Я тоже, — несколько оскорбленно буркнул Селдон.

— Ну что ж, молодежь, это замечательно. Правда, самолет не из тех, к которым вы привыкли. Не думаю также, чтобы вы летали ночью, но, как я посмотрю, ребята вы не робкого десятка.

Пилот тоже пристегнулся и надел шлем, но руки у него остались свободными.

Заработал двигатель. Шум его нарастал, становясь все громче и пронзительнее. Ничего особенно неприятного в нем не было, но Селдон поморщился и помотал головой. Ничего хорошего из этого не вышло — шум никуда не делся, а вот шлем плотнее прижался к голове.

Вскоре самолет вспрыгнул (иного слова Селдон просто не мог подобрать) в воздух, Селдона отбросило назад и вжало в спинку сиденья.

Селдон в страхе смотрел вперед. В ветровом стекле кабины пилота он увидел стену. Она круто шла вверх, и вскоре в ней обозначилось круглое отверстие. Совсем как в тот день, когда Селдон с Челвиком летели в воздушном такси. Фюзеляж самолета без труда прошел бы сквозь отверстие, но крылья, крылья!

Селдон скосил глаза вправо и успел заметить, как правое крыло дрогнуло и убралось внутрь фюзеляжа.

Самолет нырнул в отверстие, его подхватило электромагнитное поле и понесло вдоль по освещенному туннелю. Самолет летел плавно, время от времени раздавалось тихое потрескивание. «Видимо, это работают электромагниты, вмонтированные в стены», — решил Селдон.

В туннеле они летели минут десять, не больше, и вскоре самолет вынырнул оттуда и устремился в ночное небо.

Скорость самолета сразу упала, Селдон по инерции наклонился вперед и уперся грудью в край чехла.

Однако давление быстро снизилось, и чехол убрался под пол, а голова освободилась от шлема.

— Ну как вы там, молодежь? — ласково поинтересовался пилот.

— Еще не понял, — ответил Селдон. — Дорс, ты как? В порядке?

— В полном, — отозвалась Дорс. — У меня, правда, такое впечатление, что мистер Леваниан решил проверить, вправду ли мы нездешние. Я права, мистер Леваниан?

— Кое-кому нравятся острые ощущения, — пожал плечами Леваниан. — Или вы не любительница?

— В разумных пределах, — ответила Дорс, а Селдон добавил:

— Конечно, как все.

Пилоту Селдон сказал:

— Вы бы не подшучивали так над нами, сэр, если бы попали в положение, когда у вашего самолета вдруг отвалились крылья.

— Это невозможно, сэр. Я же сказал вам, что самолет у меня не совсем обычный. Крыльями управляет компьютер. Можно менять их длину, ширину, наклон, геометрию, приспособлять все параметры к скорости самолета, скорости и направлению ветра, температуре воздуха и ко многим другим переменным. Крылья не отвалятся, будьте спокойны, если только не развалится сам самолет.

Шлеп, шлеп — застучали по иллюминатору капли.

— Дождь пошел, — сообщил Селдон.

— Дело житейское, — небрежно ответил пилот.

Селдон приник к стеклу. Лети они сейчас над Геликоном, да и над любым другим миром, внизу были бы видны огни. А над Трентором — тьма непроглядная. Хотя... вот мелькнул огонек. Похоже на маяк. Может быть, в самых высоких точках на поверхности ставили маяки?

Дорс, как всегда, заметила любопытство и беспокойство Селдона. Она накрыла его руку ладонью и тихонько проговорила:

— Гэри, я уверена, пилот знает свое дело.

— Дорс, мне хотелось бы верить, что это так, но, — Гэри немного повысил голос, — было бы очень мило, если бы он поделился с нами своим опытом.

— Не возражаю, — откликнулся пилот. — Для начала сообщаю, что в данное время происходит набор высоты, и через пару минут мы поднимемся над облаками. Там, естественно, никакого дождя и в помине не будет, и станут видны звезды.

Обещание пилота незамедлительно сбылось. Мелькнули последние клочья облаков, загорелись отдельные звезды, а как только пилот погасил огни в кабине и в салоне, лишь светились шкалы кое-каких приборов — звезды усыпали ночные небеса.

— Впервые за два года вижу звезды... — восхищенно проговорила Дорс. — Как прекрасно! Такие яркие, и как много!

— Трентор расположен ближе к центру Галактики, чем многие другие миры, — объяснил пилот.

А Селдон просто онемел от восторга — такие ночные небеса на Геликоне могли присниться только во сне.

Не отводя глаз от чудесного вида за иллюминатором, Селдон в конце концов справился с охватившим его восхищением и перевел разговор на более житейскую тему.

— А как вы узнаете, куда летите, мистер Леваниан?

— Это не так-то просто, — пилот крикнул. — Однако кое-какая уверенность имеется. К цели меня ведет определенный диапазон микроволн. Я стартую, более или менее приблизительно выбрав направление, а мой компьютер уточняет курс, который, конечно, нужно заранее верно запрограммировать. А дальше — все как по маслу. Если встретится опасность, препятствие, компьютер поднимет машину выше или повернет в сторону, а потом опять положит на курс. Но сейчас ночь, и особых помех быть не должно.

— А если метеорит?

— Один шанс из миллиарда, а то и меньше. Ну, уж если против нас ополчится космическая артиллерия, что поделаешь? Полная безопасность — недостижимый идеал.

— Как мы спокойно летим, — заметила Дорс.

— Да, действительно, — согласился Селдон. — Что у вас за двигатель, мистер Леваниан?

— Микрофузионный, реактивный.

— А я и не знал, что микрофузионные самолеты уже в ходу. О них столько разговоров было, а оказывается...

— Их пока немного, — объяснил пилот. — Пока они есть только на Тренторе и принадлежат исключительно большим правительственным шишкам.

— У Императора есть такой? — спросил Селдон.

Пилот покачал головой.

— Император никогда не путешествует. Уж это вам должно быть известно.

Селдон нахмурился.

— Да, как это я забыл? Наверное, дорогое удовольствие?

— Очень дорогое, сэр.

— Во сколько же оно обошлось мистеру Челвику?

— Оно ему ни гроша не стоило. Мистер Челвик в хороших отношениях с компанией, которая владеет такими самолетами.

Селдон понимающе кивнул.

— А почему, — спросил он немного погодя, — микрофузионных самолетов так мало?

— Ну, во-первых, сэр, это дорого. А во-вторых, тех, которые уже выпущены, хватает за глаза. Спрос, что называется, удовлетворен.

— Можно было бы поднять спрос, если бы был налажен выпуск более вместительных машин.

— Отчего же... наверное, да только пока компании не удастся произвести более мощных микрофузионных двигателей.

Селдон тут же вспомнил о сетованиях Челвика по поводу замедления темпов внедрения изобретений и пробормотал:

— Упадок...

— Что-что? — переспросила Дорс.

— Так, ничего, — покачал головой Селдон. — Просто припомнил кое-что из того, о чем мне говорил Челвик.

Взглянув на звезды, он спросил у пилота:

— Мы летим на запад, мистер Леваниан?

— Попали в точку. Как догадались?

— Просто решил, что, лети мы на восток, мы бы уже должны были увидеть рассвет.

А рассвет, летевший вслед за самолетом, все-таки нагнал его, и вскоре кабину озарили лучи солнца — настоящего солнца.

Но этой радости не суждено было продлиться долго: самолет нырнул вниз и оказался в слое облаков. Вспышки золота и синевы исчезли, и за стеклами иллюминато-

ров потянулся сплошной серый туман. Но ни Седдон, ни Дорс не жаловались на судьбу — ведь им посчастливилось хотя бы несколько мгновений насладиться настоящим теплом и светом солнца!

Но вот облака остались позади, и перед взорами путешественников предстала во всей красе поверхность Трентора. Она оказалась именно такой, о какой рассказывала Седдону Клозия — рощицы и травянистые пустоши.

И снова ни Дорс, ни Седдону не удалось надолго углубиться в созерцание пейзажа. Перед ветровым стеклом появилось отверстие, надпись над которым гласила: «Микоген».

Самолет сложил крылья и нырнул в отверстие.

35

Приземлились они в аэропорту, который оказался совершенно безлюдным. Пилот пожал руки Гэри и Дорс, забрался в кабину, поднял машину в воздух, и она тут же исчезла в отверстии. Оставалось, по-видимому, только ждать. Скамеек вокруг было такое количество, что тут могло рассестись не меньше сотни человек, но никого не было, кроме Седдона и Дорс. Аэропорт представлял собой прямоугольную площадку, огороженную высокими стенами — столь высокими, что в них без труда могло разместиться множество туннелей для приема самолетов и их вылета, но на поле было пусто — ни людей, ни самолетов. Тишина и безлюдье — очень непохоже на Трентор.

Седдона это здорово смутило. Поглазев по сторонам, он обернулся к Дорс и спросил:

— Что мы здесь будем делать? Ты знаешь, куда идти?

Дорс покачала головой.

— Челвик сказал, что нас встретит Протуберанец Четырнадцатый. Больше я ничего не знаю.

— Как-как? Протуберанец Четырнадцатый? Это еще что такое?

— Человек, по всей вероятности. Только я не поняла, мужчина это или женщина.

— Ну и имечко! Странное, я бы сказал.

— Знаешь, это зависит от тебя. Тебе оно, конечно, может казаться странным. А меня, например, по имени часто принимают за мужчину.

— Вот уж глупо! — фыркнул Селдон.

— Ничего глупого. По имени догадаться невозможно. Мне говорили, что в других мирах так частенько называют мальчиков.

— Никогда не встречал мужчин с таким именем.

— Это потому, что ты мало путешествовал по Галактике. Я знавала многих с именем «Гэри», и даже одну женщину — представь себе. Писалось ее имя, правда, иначе, но произносилось именно так. А в Микогене, насколько я припоминаю, личных имен вообще нет, одни фамилии и номера.

— Но... «Протуберанец» — это и на фамилию как-то не похоже!

— Ну и что? У нас, в Цинне, например, «Дорс» на древнем диалекте означает «весенний дар».

— Тебя так назвали потому, что ты родилась весной?

— Вовсе нет. Я родилась в середине лета, и мои родители назвали меня так из-за того, что им понравилось, как звучит это имя, вот и все.

— В таком случае, Протуберанец...

— Так меня зовут, варвар... — прозвучал низкий, суровый голос.

Селдон испуганно обернулся вправо. Автомобиль подъехал так тихо, что ни он, ни Дорс не слышали. Машина была громоздкая, старомодная, напоминала почтовый фургон. За рулем сидел высокий, тощий старик, державшийся, невзирая на возраст, очень бодро. С помпезной величиестью он открыл дверцу и ступил на мостовую.

Одет он был в длинную, до пят, белую тунику с широченными рукавами, присобранными на запястьях. Босые ноги были обуты в легкие сандалии. Крупная, красивая голова старика сверкала лысиной.

— Приветствую вас, варвары! — провозгласил старик.

Автоматически откликаясь на его архаическое приветствие, Селдон поклонился:

— Приветствуем и вас, сэр.

Не в силах скрыть удивления, он спросил:

— А откуда вы появились?

— Оттуда, — махнул рукой старик. — Через ворота. Они закрылись за мною. Вы даже не смотрели в ту сторону.

— Да, не смотрели. Но мы и не знали, честно говоря, куда смотреть и чего ждать. Да и теперь не знаем.

— Варвар по имени Четтер Челвик оповестил Братьев о прибытии двоих варваров. Он просил позаботиться о вас.

— Значит, вы знакомы с Челвиком?

— Знакомы. Он оказал нам услугу. И поскольку он, достойнейший из варваров, оказал нам услугу, мы должны отплатить ему услугой. Немногие попадают в Микоген, немногие покидают его. Я должен обеспечить вашу безопасность, предоставить вам жилье, проследить за тем, чтобы вам не мешали. Здесь вам будет хорошо.

— Благодарим вас, Протуберанец Четырнадцатый, — склонила голову Дорс.

Протуберанец неприязненно взглянул на Дорс.

— Обычаи варваров мне ведомы, — презрительно проговорил он. — Я знаю, что у вас женщина имеет право говорить первой и не ждать, когда к ней обратятся. Поэтому я не в обиде. Я только бы попросил женщину быть осмотрительнее с Братьями. Не все наши так хорошо знают ваши обычаи.

— Вот как? — вскинула брови Дорс. Кто-кто, а она явно обиделась.

— Именно так, — подтвердил Протуберанец. — И когда мы наедине, необязательно называть мой порядковый номер. «Протуберанец» — этого будет вполне достаточно. Теперь же я попрошу вас проследовать со мной, дабы я смог поскорее покинуть это место, представляющееся мне невыносимо варварским. Я себя здесь чувствую неудобно.

— Все не против чувствовать себя удобно, — возразил Седдон. — И мы отсюда никуда не уйдем, покуда вы не заверите нас в том, что нас не станут принуждать соблюдать ваши традиции и этикет, к которым мы не привыкли. А мы привыкли к тому, что женщина говорит тогда, когда ей вздумается. Если вы решили

предоставить нам безопасность и покой, покой должен быть не только физическим, но и психологическим.

Протуберанец недовольно уставился на Селдона.

— Ты нагл, юный варвар. Твое имя?

— Я Гэри Селдон, с Геликона. Моя спутница — Дорс Венабили из Цинны.

Когда Селдон назвал свое имя, Протуберанец слегка наклонил голову, но никак не отреагировал на имя Дорс.

— Я поклялся, — сказал он, — варвару Челвику, что ты будешь в безопасности, значит, так оно и будет, и я сделаю все возможное, чтобы эта женщина, твоя спутница, тоже была в безопасности. Если она желает выказывать непокорство, это ее дело, я постараюсь, чтобы она не пострадала за это. Однако одно условие вам придется выполнить.

Указав на головы Селдона и Дорс, он сообщил:

— Вот это надо будет убрать.

— Что именно? — поинтересовался Селдон.

— Волосы, — презрительно скривился Протуберанец.

— Вы предлагаете нам выбрить головы, как у вас? Ну уж нет!

— Моя голова не выбрита, варвар Селдон. Как только я достиг совершеннолетия, я подвергся обряду депиляции, как и все Братья, как и все женщины.

— Ну, если речь идет о депиляции, тогда тем более нет.

— Варвар, я не говорю ни о бритве, ни о депиляции. Я прошу лишь о том, чтобы ваши волосы были покрыты, когда вы — среди нас.

— Это как?

— Я привез для вас шапочки, дабы вы могли покрыть ваши головы. Они снабжены полосками, которые прикроют надглазную растительность... ах да, вспомнил — брови. Вы будете носить эти шапочки, будучи рядом с нами. И конечно же, варвар Селдон, тебе придется бриться ежедневно, а то и чаще, если понадобится.

— Но ради чего все это?

— Мы считаем растительность на голове возмутительной и позорной.

— Но вы, безусловно, должны знать, что никто в Галактике так не считает!

— Мы знаем. И тем из нас, кто общается с варварами, приходится волей-неволей взирать на эту растительность. Мы страдаем, но смотрим, однако было бы несправедливо и жестоко заставлять всех Братьев созерцать то, что, на наш взгляд, оскорбительно.

— Ну, хорошо, Протуберанец, хорошо, — проворчал Селдон. — Но скажите, я хочу понять... Рождаетесь вы, как все, с волосами на голове и, как я понял, до совершеннолетия носите их. Так? Зачем же их потом удалять? Это просто обычай, или за этим кроется что-то рациональное?

Старик-микогенец гордо ответил:

— Депиляция, варвар, показывает юноше, что он стал взрослым, а взрослые после этого уже никогда не забывают, кто они, и помнят, что все остальные — варвары.

Не дождавшись ответа на свою тираду (честно говоря, Селдон и не нашелся, что ответить), Протуберанец вытащил из потайного кармана пригоршню кусочков разноцветного пластика, пристально разглядел лица новых знакомых и протянул им шапочки.

— Цвета должны подойти, — сказал он. — Никто, конечно, не поверит, что вы прошли депиляцию, но зато вы никого не оскорбите своим видом.

Протуберанец подошел к Селдону и показал, как надеть шапочку.

— Прошу тебя, варвар Селдон, надень ее. Поначалу будет казаться, что это трудно, но потом ты привыкнешь.

Селдон напялил шапочку, но она все время сползала с головы.

— Начни с бровей, — посоветовал Протуберанец и уже протянул было руки, чтобы помочь.

— Может, поможете, правда? — улыбнулся Селдон.

Протуберанец отшатнулся в ужасе.

— Нет! Это немыслимо! Тогда я коснусь волос!

В конце концов Селдон с горем пополам натянул шапочку, вняв совету Протуберанца. Дорс справилась с шапочкой в два счета.

— А как ее снимать? — поинтересовался Селдон.

— Потянуть за краешек в любом месте. Вообще ты сам поймешь, что и надевать шапочку, и снимать гораздо легче, если немного подстричься.

— Нет уж, я лучше помучаюсь, — отшутился Селдон и, обернувшись к Дорс, утешил ее: — А ты все такая же хорошенькая, Дорс, тебе даже идет, правда характера в лице стало чуть меньше.

— Он никуда не делся, весь при мне, — заверила его Дорс. — Не горюй, привыкнешь ко мне вот такой, лысой.

— Не хочу, — прошептал Селдон. — Не хочу привыкать и надеюсь, мы не пробудем здесь слишком долго, чтобы пришлось.

Протуберанец надменно отвернулся, не желая слушать, о чем шепчутся варвары.

— Если вы сядете в мою машину, — проворчал он, — я отвезу вас в Микоген.

36

— Честно говоря, — призналась Дорс, — я не верю, что я на Тренторе.

— Надо понимать, что ты ничего подобного раньше не видела? — спросил Селдон.

— Я ведь всего два года на Тренторе, и из Университета почти никуда не выбиралась. Так что путешественницей меня не назовешь. Бывала, конечно, кое-где, кое-что слышала, но такого... обезличивания... — прошептала она.

Протуберанец вел машину ровно и неторопливо. По пути им встречались другие автомобили. Лысины водителей поблескивали в лучах огня.

Улица была застроена трехэтажными домами. Все они были на одно лицо. Все улицы пересекались под прямым углом, все кругом было серое, безликое.

— Скучно, — пробормотала Дорс. — Как скучно...

— Уравниловка, — прошептал в ответ Селдон. — Наверное, все это для того, чтобы ни один из Братьев не мог похвалиться перед другими.

На улице было довольно много пешеходов. Тротуары не двигались, не слышалось шума экспресса.

— Похоже, — предположила Дорс, — те, что в сером, — женщины.

— Трудно сказать, — пожал плечами Селдон. — Все в балахонах, все бритоголовые.

— Да, но те, что в сером, посмотри — они или парочками или вместе с теми, кто в белом. Те же, что в белом, ходят и поодиночке, а Протуберанец — в белом.

— Может, ты и права, — кивнул Селдон. — Сейчас спросим. Протуберанец, я хочу полюбопытствовать...

— Хочешь — спрашивай, но не жди, что я отвечу.

— Мы, похоже, проезжаем жилые районы. Тут ни вывесок, ни промышленных предприятий...

— Наше сообщество — крестьянское. Мы занимаемся только земледелием. Откуда ты родом, если тебе это неведомо?

— Вы прекрасно знаете, что я нездешний, — огрызнулся Селдон. — На Тренторе я всего пару месяцев.

— Все равно.

— Вы говорите, что заняты земледелием. Но пока нам не встретилось ни единой фермы.

— Они внизу, — коротко ответил Протуберанец.

— Значит, здесь только жилые районы?

— Да, здесь и кое-где еще. Мы такие, какие есть. Все Братья со своими семьями обитают в одинаковых жилищах, каждая когорта живет в коммуне, ничем не отличающейся от других, у всех — одинаковые машины, и все Братья водят их сами. У нас нет слуг, никто не живет за счет труда других. Никто не имеет права никем командовать.

Селдон движением бровей напомнил Дорс о том, что недавно сказал шепотом, и, обратившись к Протуберанцу, спросил:

— Однако кто-то у вас одет в серое, а кто-то — в белое. Это как понимать?

— Это надо понимать так, что одни из людей — Братья, а другие — Сестры.

— А мы?

— Ты — варвар и наш гость. Ты и твоя... — Протуберанец запнулся, — ...твоя спутница не обязаны

перенимать все обычаи Микогена. Но тебе придется носить белый балахон, а твоей спутнице — серый, а жить вы будете в жилище, предназначенном для гостей. От наших жилищ оно ничем не отличается.

— Равенство для всех... восхитительный идеал! Но ведь вас, наверное, становится все больше? Как же быть? Резать все тот же пирог на более мелкие кусочки, чтобы всем досталось?

— Нас не становится больше. Мы не можем себе этого позволить. Тогда нам понадобилось бы расширять территорию нашего обитания, а это пришлось бы не по нраву соседним варварам, или мы были бы вынуждены жить хуже, чем сейчас.

— Ну, а если... — начал было Селдон, но Протуберанец резко оборвал его.

— Хватит, варвар Селдон. Я предупредил тебя: я не обязан отвечать. Мы пообещали нашему другу, варвару Челвику, обеспечить тебе безопасность, покуда ты не станешь вмешиваться в нашу жизнь. Это мы сделаем, но не более того. Любопытство позволительно, но, если оно переходит границы, мы можем выйти из себя.

Сказано это было таким тоном, что у Селдона пропало всякое желание задавать вопросы. Челвик явно не все рассказал о Микогене, разбавил, так сказать, краски.

А ведь Селдону нужна была не только безопасность. Не только и не столько. Еще ему нужны были знания, и если он их не раздобудет, оставаться тут не имеет никакого смысла.

37

Селдон без особого удовольствия разглядывал предоставленные им комнаты. Квартирка была крошечная, но при этом в ней имелась изолированная кухня и малюсенькая, но опять-таки изолированная, ванная. Две узкие кровати, два гардероба, стол, два стула, короче — все необходимое для жизни в спартанских условиях.

— На Цинне у нас тоже были изолированные кухня и ванная, — с ностальгическим удовольствием проговорила Дорс.

— Я не могу этим похвастаться, — вздохнул Селдон. — Геликон — планета небольшая, но я жил в современном городе. Изолированные кухни и ванны — по-моему, это жутко неэкономно. Ну, еще в гостинице — туда-сюда, но в целом районе — ты представь только, сколько тут кухонь и ванн!

— Еще одно проявление равенства, вероятно, — предположила Дорс. — Никто не сражается за свободные кабинки и место у плиты. У всех все одинаковое.

— И ничего своего, между тем. Пойми, Дорс, я ничего не имею против в принципе и выделяться из общей массы не любитель. Но... видимо, мы должны были дать им понять, что нам нужны отдельные комнаты. Рядом, но отдельные.

— Уверена, ничего бы не вышло, — ответила Дорс. — Тут экономят пространство; они, судя по всему, и так расстарались. Как-нибудь устроимся, Гэри. Не дети же мы, в конце концов. Я не кисейная барышня, а ты не мальчик.

— Но ты не попала бы сюда, если бы не я.

— И что с того? Это так романтично. Настоящее приключение.

— Ну, хорошо. Какую кровать выбираешь? Советую занять ту, что поближе к ванной.

И Селдон уселся на другую кровать.

— И еще кое-что не дает мне покоя, — сообщил он. — Покуда мы здесь, мы — варвары. Ты, я и даже Челвик. Мы — из другого племени, не из их... как это он сказал? — когорт, что ли, и поэтому не имеем права совать нос в их дела... Но я просто обязан совать нос во все дела. Я сюда за этим и прилетел. Я хочу знать кое-что из того, что известно им.

— Или кажется, что известно, — уточнила Дорс со скепсисом истинного историка. — Я понимаю, у них есть легенды, сочиненные в незапамятные времена, но не уверена, что их можно принимать всерьез.

— Этого мы не узнаем, покуда не выясним, что это за легенды. А они не переведены на другие языки?

— Насколько мне известно, нет. Народ здесь варится в собственном соку. Это просто психоз какой-то, как они дорожат своей замкнутостью, обособленностью.

Просто поразительно, как это Челвику удалось пробиться сквозь все заслоны.

— Значит, где-то есть дырочка, — усмехнулся Селдон. — Вспомни, Протуберанец удивился, даже вспылал, когда оказалось, что я не знаю, чем занимаются в Микогене. Из своих фермерских занятий они, похоже, секрета не делают.

— Но это невозможно утаить. Само название говорит за себя. Слово «Микоген» происходит из древнего выражения, означающего «производитель дрожжей». Мне так говорили, по крайней мере... Я не палеолингвист. Как бы то ни было, здесь действительно занимаются выращиванием самой разнообразной пищевой микроскопической продукции — в первую очередь, безусловно, дрожжей, а еще — водорослей, бактерий, многоклеточных грибков, и так далее.

— Ничего удивительного, — пожал плечами Селдон. — Во многих мирах разводят микрокультуру. Даже у нас на Геликоне этим занимаются.

— Но не так, как в Микогене. Это их конек. Методами они пользуются столь же древними, как название их сектора, и держат те в тайне — формулы питательных сред и тому подобное. Мало ли тут чего может быть? И все в секрете.

— Неужто?

— Представь себе. Главное, здесь производится белок и тонкие вкусовые приправы, так что здешняя продукция сильно отличается от той, что производится в других местах. Объем производства невелик, а цены сказочно высоки. Лично я никогда ничего из производящегося здесь не пробовала, и ты, думаю, тоже. Практически все отсюда уходит на стол к имперской верхушке и к богачам из других миров. Микоген настолько зависит от этих поставок, что ни для кого не делает секрета из того, что производителем этого замечательного питания является именно он, и никто другой.

— Значит, Микоген богат?

— Не беден, думаю, но подозреваю, что за богатством они не гонятся. Гонятся они за защитой. Имперские власти защищают Микоген, поскольку без него лишились бы деликатесных специй, придающих восхитительный вкус любому блюду. Вот и выходит, что Микоген

зарабатывает себе право жить так, как ему хочется, и заноситься перед соседями.

Дорс осмотрелась и сказала:

— Истинные аскеты. Ни головидения, ни книг.

— А у меня вроде бы одна книжка стоит в шкафу, — сообщил Селдон, потянулся, достал книгу, посмотрел на обложку, скривился и объявил:

— Поваренная книга.

Дорс взяла у него библиокассету и принялась нажимать кнопки. Система оказалась не совсем обычная, но довольно скоро загорелся маленький экран. Просмотрев несколько страниц, Дорс сказала:

— Да, тут есть кое-какие рецепты, но большей частью этот труд посвящен философским вопросам гастрономии.

Она выключила экран и повертела кассету в руках.

— Запаянная она, что ли? Непонятно, как вытащить одну кассету и вставить другую. Сканер на одну книгу? Вот тебе и экономия!

— А может, они думают, что и одной книги хватит, — предположил Селдон, поглядел на тумбочку, стоявшую между кроватями и сказал:

— Смотри-ка, какой-то приемник, а экрана нет.

— Наверное, они считают, что достаточно звука.

— Интересно, как он работает?

Селдон вертел приемник так и сяк, разглядывал со всех сторон.

— Ты когда-нибудь такой видела?

— Один раз. В музее. Не уверена, что точно такой. Тут, похоже, просто хранилище всяких древностей. Наверное, они окружают себя всякой рухлядью для того, чтобы отличаться от так называемых варваров. Из-за приверженности к старине и странных обычаев они становятся в чужих глазах чудаками и людьми второго сорта. Удивительный образчик парадоксальной логики.

Селдон еще немного повозился с приемником и воскликнул:

— Ой! Он включился. Только я ничего не слышу.

Дорс взяла с тумбочки и поднесла к уху маленький плоский цилиндр.

— Там слышен какой-то голос, — сказала она немного погодя. — Возьми, послушай.

Селдон взял у нее приемник, приложил к уху...

— А, понятно! Он как наушник работает. Ой, как громко. Что? Понятно, вы меня слышите... Да, это наша комната... Какой номер? Не знаю, какой номер. Дорс, ты знаешь, какой у нас номер?

— Посмотри, там на приемнике какой-то номер написан. Может, это то, что им нужно?

— Может быть, — с сомнением в голосе ответил Селдон. — Вы слушаете? — спросил он у того, кто говорил с ним. — Тут написано: 6ЛТ — 3648А. Достаточно? Послушайте, скажите, где узнать, как правильно пользоваться этим устройством? Да, и кухней, заодно? Что вы хотите этим сказать: «все работает, как обычно»? Для меня это — пустые слова. Понимаете, я ведь... варвар и почетный гость. Я не знаю, что у вас значит — «как обычно»... Да, простите за мой акцент. Что? Очень рад, что вы сразу поняли, что говорите с варваром... Меня зовут Гэри Селдон.

Гэри умолк и уставился на Дорс с невыразимой мукой, не отрывая наушника от уха.

— Сказал, что должен проверить. Наверное, сейчас скажет, что не нашел моего имени... О, вы меня нашли? Отлично. В таком случае помогите мне. Да, да, да, а как позвонить за пределы Микогена? Никак? А как разыскать, к примеру, Протуберанца Четырнадцатого? Ну, не его самого, так его помощника какого-нибудь, заместителя? Ага, ясно. Благодарю вас.

Не без труда оторвав наушник от уха, Селдон водрузил все устройство на тумбочку и сообщил:

— Они решают вопрос о том, кто нам покажет то, что можно показать, но этот человек не сказал, когда это произойдет. За пределами Микогена ни с кем связаться нельзя, по крайней мере, с помощью этой штуки. Значит, Челвика мы не разыщем, даже если он нам понадобится. А если я захочу связаться с Протуберанцем Четырнадцатым, придется поклониться в ножки целой шайке бюрократов. Может, тут и равенство, не знаю, но только и у равенства есть исключения. Конечно, никто ни за какие коврижки не признается, что исключения есть.

Взглянув на часы, Селдон прибавил:

— Знаешь, Дорс, читать поваренную книгу, и уж тем более — кулинарные эссе, я не намерен. Часы у меня стоят по университетскому времени, так что я не в курсе, можно ли сейчас по нынешним канонам улечься в постель, но мы почти всю ночь не спали, и я не против вздремнуть.

— Я тоже. Жутко устала.

— Вот и славно. А когда встанем, я хочу выпросить разрешения посетить дрожжевую плантацию.

— Тебе это интересно? — изумилась Дорс.

— Не слишком. Однако раз это — предмет их гордости, они хотя бы говорить об этом не откажутся. Стало быть, употреблю все свое очарование, заставлю их разговориться, а там, глядишь, и до легенд дело дойдет. Мне кажется, это я здорово придумал.

— Будем надеяться. Но не уверена, что микогенцев так уж легко перехитрить.

— Посмотрим, — упрямо проговорил Селдон. — Легенды эти я раздобуду во что бы то ни стало.

38

На следующее утро Гэри снова принялся названивать. Он был жутко зол, — в частности, из-за того, что страшно проголодался.

Попытка дозвониться до Протуберанца Четырнадцатого не удалась. Некто ответил, что его нельзя беспокоить.

— Почему? — недоуменно поинтересовался Селдон.

— Отвечать на этот вопрос я не обязан, — ответил холодный голос.

— Мы сюда прибыли не для того, чтобы сидеть взаперти, — так же холодно сказал Селдон. — И не для того, чтобы умирать с голоду.

— Уверен, у вас есть кухня и запас продуктов.

— Есть, — согласился Селдон, — но мы не знаем, как пользоваться кухонными устройствами и как готовить пищу — сырую ее есть, жарить, парить или...

— Не могу поверить, что все это вам неведомо...

Тут Дорс, которая во время разговора расхаживала по комнате, сделала попытку завладеть наушником, но Селдон предостерегающе поднес палец к губам и прошептал:

— Он не станет говорить, если услышит женский голос.

А в микрофон он сказал твердо и упрямо:

— Можете вы поверить или нет, для меня никакого значения не имеет. Вы немедленно пришлете сюда кого-нибудь, кто нам поможет, а если вы этого не сделаете, я пожалуюсь Протуберанцу Четырнадцатому, и вы поплатитесь, будьте уверены.

Однако угроза его возымела действие только через два часа. Селдон к этому времени был близок к истерике, а Дорс исчерпала все способы успокоить его.

А явился к ним молодой человек с веснушками на сияющей лысине. Не будь он лысым, он наверняка был бы рыжим.

Он принес какие-то кастрюльки и уже собрался было начать объяснять, как ими пользоваться, как вдруг занервничал и быстро повернулся к Селдону спиной.

— Варвар! — проговорил он дрожащим голосом. — У тебя шапочка съехала.

Селдон, который буквально кипел от злости, буркнул:

— Мне это нисколько не мешает.

Дорс урезонила его:

— Давай я поправлю, Гэри. Вот тут немного съехала, слева.

Селдон пробурчал:

— Можете обернуться, юноша. Как вас зовут, кстати говоря?

— Гром Пятый, — растерянно ответил микогенец, обернулся и подозрительно посмотрел на Селдона. — Я новообращенный. Я принес вам еду. Из моей кухни. Моя женщина приготовила.

Он поставил судки на стол. Селдон поднял крышку одного из них и пристрастно разглядел содержимое. Вскоре он изумленно сообщил Дорс:

— Представь себе, пахнет не противно.

— Представляю, — кивнула Дорс. — Мне нравится, как пахнет.

Гром смущенно промямлил:

— Остыло по дороге, наверное. Посуда должна быть у вас на кухне. Тарелки, вилки.

Дорс принесла все необходимое. После еды, обильной и довольно вкусной, Седдон сразу подобрел.

Дорс, поняв, что юноша чувствует себя неудобно в ее обществе, решила, что посуду уносить и мыть придется ей, и, как ей ни хотелось расслабиться после еды, удалилась на кухню. Немного повозившись с посудомойкой, она поняла, как с ней управляться, и принялась за дело.

А Седдон тем временем поинтересовался, который сейчас час в Микогене и был не на шутку потрясен.

— То есть — середина ночи? — удивленно спросил он у юноши.

— Именно так, варвар, — подтвердил Гром. — Поэтому-то и не удалось сразу удовлетворить твою просьбу.

Тут-то до Седдона дошло, почему нельзя было беспокоить Протуберанца. Он в красках представил себе, как Гром среди ночи будит свою супругу, чтобы та готовила еду для какого-то варвара, и ему стало нестерпимо стыдно.

— Прошу прощения, — смущенно пробормотал он. — Мы всего-навсего варвары и не знали, как обращаться с кухней и готовить еду. Не могли бы вы прислать кого-нибудь утром, чтобы нас этому научили?

— Самое большее, что я могу устроить, — торжественно пообещал Гром, — это прислать вам двоих Сестер. Прошу прощения за то, что тебе, варвар, предстоит вынести общение с женщинами, но только они умеют управляться со всеми этими вещами.

Дорс как раз в эту минуту вышла из кухни и, совершенно позабыв о своем месте в патриархате Микогена, радостно воскликнула:

— Как здорово, Гром! Пусть приходят! Так интересно познакомиться с Сестрами!

Гром испуганно взглянул на нее, но промолчал.

Седдон, поняв, что Гром попросту пропустил мимо ушей все, что сказала какая-то там женщина, повторил слова Дорс:

— Да, пусть приходят. Очень интересно было бы с ними познакомиться.

Гром незамедлительно просиял.

— Едва настанет новый день, я тут же пришлю их.

Как только Гром удалился, Селдон радостно потер руки и сказал:

— А ведь Сестры — это, похоже, именно то, что нам нужно.

— Правда? И почему же, Гэри?

— Ну... понимаешь, мне кажется, если мы будем относиться к ним по-человечески, они проникнутся к нам законной благодарностью и расскажут о своих легендах.

— Если они их знают, — скептически фыркнула Дорс. — Что-то мне не верится, что микогенские женщины получают образование наравне с мужчинами... если тут вообще можно говорить о каком-то образовании.

39

Сестры явились часов через шесть. За это время Селдон и Дорс еще немного поспали, решив, что нужно приспособить свои биологические часы к местному времени.

Вошли Сестры робко, чуть ли не на цыпочках. Одеты они были в серые балахоны (которые, как выяснилось позднее, на микогенском диалекте именовались «кертлами») — мягкие, бархатистые, украшенные незатейливым, более темным орнаментом. Не сказать, чтобы вид у балахонов был отталкивающий, но они явно предназначались для того, чтобы скрыть все подробности фигуры. Головы у Сестер, естественно, были лысые, на лице — никакой косметики. Обе смущенно взглянули на Дорс, веки которой были немного подкрашены голубоватыми тенями, а губы чуть тронуты красной помадой.

«А как узнаешь, Сестры это или не Сестры никакие, а наоборот — Братья?» — мелькнула у Селдона озорная мысль.

Он незамедлительно получил ответ: Сестры поздоровались и представились.

Говорили они нараспев, высокими, мелодичными голосами. Селдон помнил суровый баритон Протуберанца и басок Грома и подумал, что, вероятно, женщин, для того, чтобы они отличались от мужчин, приучают тут говорить тонкими голосами и жеманничать.

— Я — Капелька Сорок Третья, — пропищала одна из Сестер. — А это — моя младшая сестра.

— Капелька Сорок Пятая, — поклонилась вторая Сестра. — Это самое распространенное имя в нашей когорте.

— Рада познакомиться с вами, — сказала Дорс. — Но скажите, как вас различать? Как к вам обращаться, когда вы вместе? Просто «Капелька» нельзя?

— Нет, — покачала головой Капелька Сорок Третья. — Когда мы вместе, нужно называть нас полными именами.

— Ну, а как насчет просто «Сорок Третьей» и «Сорок Пятой», дамы? — улыбнулся Селдон.

Они быстро взглянули на него, но ничего не ответили. Дорс тихо проговорила:

— Не надо, Гэри. Я сама.

Селдон отошел в сторону. Наверное, они молодые, незамужние, и им вообще нельзя говорить с мужчинами. Старшая казалась серьезнее младшей и, вероятно, была более пуритански настроена. Правда, пока было сказано всего несколько слов, брошен один-другой взгляд, и выводы делать было трудно, но кое-что Селдон для себя решил.

Дорс сказала:

— Беда в том, Сестры, что мы — варвары и не знаем, как обращаться с кухней.

— Ты хочешь сказать, что не умеешь готовить еду? — обескураженно и даже несколько презрительно спросила Капелька Сорок Третья. А Капелька Сорок Пятая с трудом сдержала смех. (Селдон понял, что вывод его был верен.)

— У меня когда-то была своя кухня, — объяснила Дорс, — но она была совсем другая, и потом, я не знаю, что это за продукты и как из них готовят.

— Это так просто! — воскликнула Капелька Сорок Пятая. — Мы тебе покажем!

— Мы приготовим для вас хороший и питательный завтрак, — сказала старшая Сестра. — Для... вас обоих.

Последняя фраза ей явно далась с трудом. Присутствие мужчины смущало ее.

— Если вы не возражаете, — предложила Дорс, — я побуду с вами на кухне, пока вы будете готовить, и вы мне все расскажете. В конце концов, Сестры, вы же не сможете приходить сюда по три раза в день?

— Мы тебе все покажем, — кивнула Капелька Сорок Третья. — Варвары, правда, очень непонятливы. Тут нужно... чутье.

— Я буду очень стараться, — с очаровательной улыбкой пообещала Дорс.

Все трое исчезли за дверью кухни. Седдон проводил их взглядом и принялся продумывать стратегию дальнейших наступательных действий.

Глава 9

МИКРОФЕРМА

МИКОГЕН — ...Микрофермы Микогена легендарны, хотя сегодня память о них жива лишь в поговорках типа «богатые, как микрофермы Микогена» или «вкусный, как микогенские грозжи». Подобных панегириков с годами становится все больше, однако Гэри Селдон побывал на микрофермах во время Бегства, и в его мемуарах присутствуют упоминания о них, которые поддерживают ту распространенную точку зрения, что...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

40

— Восхитительно! — воскликнул Селдон. — Намного вкуснее того варева, которым нас потчевал Гром. Дорс урезонила его:

— Не забывай, жена Грома готовила еду наспех, посреди ночи. Жена? По-моему, он сказал: «моя женщина». Да, точно. У них «женщина» звучит примерно так же, как «мой дом», «моя одежда». Жутко унизительно.

— Да, возмутительно, не спорю. Но мне кажется, что у них и «жена» звучало бы не лучше. Так уж они живут, и, похоже, Сестры не возражают. Ни тебе, ни мне тут ничего не изменить. Кстати, ты поглядела, как Сестры готовили?

— Да, и на вид все выглядело довольно просто. Я, правда, сказала, что вряд ли все запомню, но они заверили, что запоминать ничего не надо и что я вполне

управлюсь, если буду просто разогревать еду. Еще я поняла, что в хлеб добавлена какая-то приправа, от которой он становится таким пышным и хрустящим. Ты почувствовал? Он как бы немного приперчен.

— Не заметил. Я заметил другое: мне его было мало. А суп? Ты поняла, из каких он овощей?

— Нет.

— Ну, а жаркое? Мясо было такое нежное, просто пальчики оближешь!

— Сомневаюсь, чтобы это было мясо. Правда, на Цинне готовят нечто подобное из мяса молодого барашка...

— Но барашек абсолютно ни при чем?

— Я только сказала, что сомневаюсь. И потом, я не думаю, что кто-то за пределами Микогена так питается. Даже Император. Что бы микогенцы ни экспортировали, я убеждена, лучшее они оставляют себе. Ой, Гэри, лучше нам здесь надолго не задерживаться. Если мы привыкнем к такой еде, нам больше нигде ни за что не прожить. Все будет казаться пресным, невкусным! — Дорс рассмеялась.

Селдон тоже засмеялся, отхлебнул еще немного фруктового сока (такого вкусного он не пил никогда в жизни) и сказал:

— Послушай... Когда Челвик вез меня в Университет, мы остановились в придорожном буфете, и еда там была дрожжевая. Но вкус... — Селдон брезгливо поморщился. — Ладно, неважно, какая она была на вкус, вспоминать неохота, но тогда мне и в голову не пришло бы, что дрожжевая пища может быть такой восхитительно вкусной. Жаль, что Сестры ушли. Надо бы поблагодарить их от души.

— Думаю, они уверены, что нам понравится. Я восхищалась запахами, а они мне сказали, что на вкус будет еще лучше.

— Не сомневаюсь, это сказала старшая.

— Да. Младшая в основном хихикала. Кстати, они еще зайдут. Они принесут мне кертл, чтобы я могла пройти с ними по магазинам. Между прочим, они мне посоветовали смывать косметику, когда я выхожу из дома. Они мне покажут, где можно купить кертлы покрасивее, где приобрести полуфабрикаты, которые

нужно будет только разогреть. Они дали мне понять, что хорошо воспитанные Сестры брезгуют таким способом приготовления пищи. Но, правду сказать, у нас они тоже кое-что разогревали и дико при этом извинялись. Не преминули, кстати, похвалиться на тему о том, что варвары вообще-то в кулинарии не сильны и что нам больше подойдет разогретая еда. Причем обе дали мне понять, что хождение за покупками и приготовление пищи — дело исключительно мое.

— То бишь, как говорится: «Будучи на Тренторе, веди себя, как тренторианец»?

— Я так и думала, что ты так скажешь.

— Я простой человек.

— Вывернулся! — фыркнула Дорс.

Селдон откинулся на спинку стула. Настроение после прекрасного обеда у него было отменное.

— Дорс, ты пробыла на Тренторе целых два года и, по идее, должна лучше понимать все, что тут творится. Скажи, как ты думаешь, эта странная социальная система Микогена... не является ли она проявлением их веры в сверхъестественное?

— Как-как? В сверхъестественное?

— Да? Тебе так не кажется?

— Но что ты имеешь в виду под словом «сверхъестественное»?

— Ничего особенного. Веру в нечто независимое от законов природы, в нечто такое, что не связано с сохранением энергии, к примеру, с существованием константы действия.

— Понятно. Ты хочешь спросить, не является ли Микоген религиозным сообществом?

— Религиозным? — в свою очередь удивился Селдон.

— Да. Термин очень древний, но мы, историки, пользуемся им. «Религиозный» — это неточный эквивалент словосочетания «верующий в сверхъестественное», хотя сверхъестественного в этом понятии хватает. Но ответить на твой вопрос я не могу. Во-первых, специально Микогеном я никогда не занималась. Однако, я не удивлюсь, если оно так и окажется. Очень может быть, что у них есть какая-то религия.

— В таком случае, удивишься ли ты, если микогенские легенды тоже окажутся религиозными?

— Нет, не удивлюсь.

— Но это означает, что у них не будет фактической основы.

— Вовсе не обязательно. В каждой легенде может содержаться крупинка фактического материала, а уж вокруг этого ядрышка может быть накручено-наверчено все что угодно.

— Ага... — глубокомысленно изрек Селдон и погрузился в размышления. Наступила пауза. Наконец Дорс не выдержала и сказала:

— Знаешь, ничего сверхнеобычного в этом нет. Многие миры имеют свои собственные религии. И религиозные настроения сейчас, когда в Империи все так зыбко, неустойчиво, как раз крепнут. У нас на Цинне, например, как минимум четверть населения — тритеисты.

Селдон в очередной раз понял, как мало он знает историю.

— Скажи, — спросил он, — а в прошлом были времена, когда религия играла бóльшую роль, чем сейчас?

— Безусловно. Помимо всего прочего, время от времени возникали и возникают все новые верования. А вот микогенская религия, что бы она собой ни представляла, должна, по идее, быть довольно молодой, и при этом чисто микогенской. Но так, с кондачка, я ничего, конечно же, утверждать наверняка не могу.

— Вот мы и добрались до сути, Дорс. Скажи-ка, не кажется ли тебе, что женщины религиознее мужчин?

Брови Дорс подпрыгнули вверх.

— Не уверена, что следует все так упрощать.

Немного подумав, она добавила:

— Не исключено, что к сверхъестественному более тянутся те элементы сообщества, которые обладают наименьшей долей имущества в материальном, вещественном мире — бедняки, сироты, отверженные. До тех пор, пока сверхъестественное совпадает с религией, этих людей можно считать и более религиозными. Но тут не может не быть исключений. Многие из обездо-

ленных могут отвергать религию, а богатые, обеспеченные люди — принимать ее.

— Но в Микогене, — сказал Селдон, — где женщины приравниваются к домашнему скоту, к вещам — разве так уж невозможно, чтобы они были религиознее мужчин? Разве они не могут больше знать о тех легендах, на которых зиждется это странное сообщество?

— Жизнью рисковать я бы ради выяснения этого вопроса не стала, но на недельный оклад поспорила бы.

— Идет, — кивнул Селдон.

Дорс улыбнулась.

— Вот тебе кусочек психоистории, Гэри. Правило 47854: «Обездоленные более религиозны, чем довольные жизнью».

Селдон покачал головой.

— Не шути с психоисторией, Дорс. Ты же знаешь, что мне нужны не мелкие правила, а обобщающие законы. Я не собираюсь выводить формулы сравнительной религиозности на основании обнаружения сотни специфических правил. Мне нужно что-то такое... такое, чтобы я его пропустил через соответствующую систему математической логики и мог сказать: «Ага, вот эта группа людей будет более религиозна, чем другая, если будут выполнены такие-то и такие условия, и тогда, когда человеческое сообщество испытает на себе воздействие таких-то и таких-то стимулов, произойдет то-то и то-то».

— Просто ужас! — возмутилась Дорс. — У тебя люди словно какие-то машины. Нажми на кнопку — получишь результат!

— Нет, не так. Кнопок нужно нажимать много, и все по-разному, и результатов от их нажатия будет такое количество и разнообразие, что всякое предсказание будущего неизбежно окажется лишь статистическим, и отдельный человек нисколько не будет ограничен в свободе действий и выбора.

— Как ты можешь это утверждать?

— Не могу и не утверждаю. Просто... чувствую, что это должно быть именно так. Если я сумею найти аксиомы, вывести фундаментальные, основополагающие законы гуманики, если можно так выразиться, и

подвергнуть их необходимой математической проработке, вот тогда можно будет считать, что я разработал психоисторию. Я же доказал, что теоретически это возможно...

— Но неосуществимо, насколько я помню?

— Я и до сих пор так считаю.

Дорс не смогла сдержать улыбки.

— Гэри, так чем же ты тогда занимаешься? Какое решение может быть у этой задачи?

— Не знаю. Клянусь, не знаю. Но Четтер Челвик так жаждет получить ответ, а я, сам не знаю почему, хочу доставить ему такое удовольствие. Знаешь, он такой упрямый...

— Знаю, как не знать.

Седдон чуть-чуть нахмурился, но ничего не сказал по поводу последней фразы, и продолжил:

— Челвик утверждает, что Империя в упадке, что она погибнет, и психоистория — единственная надежда на ее спасение. Ну, если не на спасение, хотя бы — на смягчение удара, что без нее человечество если и не погибнет, то по крайней мере обречено на долгие страдания. И ответственность за все это он, похоже, возлагает на меня. Понимаешь, на мой-то век Империи хватит, но чтобы жить спокойно, я обязан сбросить эту ношу с плеч. Я обязан убедить и себя самого, и Челвика в том, что психоистория не имеет никакого отношения к практике. Это — чистой воды теория. Но прежде я должен подергать за все ниточки, какие есть, и проверить, все ли оборвутся.

— Ниточки? И сейчас, когда ты размышляешь о тех временах, когда человеческое сообщество было меньше, чем теперь, ты дергаешь за одну из них?

— Да. Гораздо меньше. И намного проще.

— И хочешь доказать, что на этом пути нет решения. Думаешь, ниточка порвется?

— Да.

— Но как ты думаешь, кто тебе расскажет, каким был древний мир? Если у микогенцев и существует какое-то собственное представление о доисторической Галактике, Протуберанец ни за что не расскажет о нем варвару. И никто из микогенцев не расскажет. Это

закрытое сообщество — господи, сколько можно повторять! — и его члены до безумия боятся и сторонятся варваров. Ничего, ничего они нам не скажут.

— Придется придумать, как заставить их разговариваться. Начать можно, например, с Сестер.

— Да они тебе не то что рассказывать, они и слушать тебя не станут. Для них твои слова — пустой звук, как мои для Протуберанца. Что они могут рассказать?

— И тем не менее надо с чего-то начать.

— Дай-ка подумать... Челвик велел мне о тебе заботиться. Я это понимаю так, что я должна помогать тебе, чем могу. Что я знаю о религии? К моей специальности она не имеет никакого отношения, это ты должен понимать. Я ведь специализировалась на исследовании экономических, а не философских движущих сил, однако историю трудно механически разделить на независимые подразделы. Ну, например: в религиозных центрах при условии популярности той или иной религии часто скапливаются громадные ценности, а это приводит к нарушению экономического равновесия в обществе. Вот тебе, кстати, одно из многочисленных правил, которое непременно следует из того, что ты назвал «законами гуманики». Но...

Дорс умолкла и глубоко задумалась.

Седдон не сводил с нее глаз, а Дорс смотрела в одну точку.

Наконец она сказала:

— Понимаешь, это вовсе не обязательно, но очень часто так бывает, что существует какая-то религиозная книга или несколько книг. В таких книгах излагаются обряды, точка зрения на историю, иногда содержатся священные стихи, да мало ли что еще. Как правило, эти книги доступны для всех и служат средством обращения в ту или иную веру. Но порой они хранятся в тайне.

— Думаешь, у микогенцев есть такие книги?

— Честно говоря, не знаю. Будь они в открытом доступе, наверное, я подержала бы в руках хотя бы одну из них, хотя бы слышала, что они есть. Значит, либо таких книг не существует, либо они хранятся в

тайне. В обоих случаях тебе на них и одним глазком взглянуть не удастся.

— Ну что ж, в этом что-то есть, — кивнул Седдон.

41

Примерно через два часа после того, как Гэри и Дорс покончили со вторым завтраком, явились Сестры.

На этот раз обе вошли, улыбаясь, а Капелька Сорок Третья, та, что была посерьезнее, протянула Дорс серый балахон — кертл.

— Очень красивая вещь! — улыбнулась Дорс. — А орнамент просто замечательный.

— Ничего такого особенного! — пропищала Капелька Сорок Пятая. — Это мой старый кертл. Наверное, сидеть будет не очень хорошо, ты же выше меня. Но в нем можно выйти на улицу, и мы отведем тебя в самый лучший магазин, и ты сама себе выберешь что-нибудь получше. Там такие красивые есть...

Капелька Сорок Третья нервно улыбнулась и молча, потупив взор, протянула Дорс еще один балахон — белый, аккуратно сложенный. Дорс не стала разворачивать сверток и протянула его Гэри.

— Судя по цвету, это для тебя.

— Может быть, — пожал плечами Седдон. — Только отдай-ка его обратно. Пусть она сама мне даст.

— Ох, Гэри... — Дорс укоризненно покачала головой.

— Сказал — не возьму, значит не возьму, — уперся Седдон. — Я хочу, чтобы она сама отдала мне эту вещь.

Дорс немного помедлила и неуклюже протянула свернутый балахон Капельке Сорок Третьей.

Та сложила руки за спиной и отшатнулась, смертельно побледнев. Капелька Сорок Пятая стрельнула глазами на Седдона, быстро шагнула к Капельке Сорок Третьей и обняла ее.

Дорс прошептала:

— Гэри, ты не прав. Уверена, Сестрам не разрешается разговаривать с чужими мужчинами. Зачем доставлять им боль? Она ничего не может поделать. Может, она и варваров никогда не видела.

Обратившись к Капельке Сорок Третьей, Дорс мягко, заботливо спросила:

— Ты видела раньше варваров?

Девушка молча помотала головой.

— Ну, что я говорил? — взмахнул руками Селдон. — Обет молчания относится только к Братьям. Разве послали бы к нам этих девушек, если бы им нельзя было разговаривать с варварами?

— Но, Гэри, может быть, им можно разговаривать только со мной?

— Чепуха. Не верю и не поверю. Я не просто варвар, я почетный гость Микогена. Четтер Челвик просил, чтобы ко мне относились именно так. Сам Протуберанец Четырнадцатый встретил меня и привез сюда. И я не желаю, чтобы ко мне относились так, будто меня не существует. Как только я буду говорить с Протуберанцем Четырнадцатым, я непременно пожалуюсь ему.

Капелька Сорок Пятая захныкала, а Капелька Сорок Третья слегка покраснела.

Дорс собралась было еще раз уговорить Селдона, но тот показал ей кулак и уставился, не мигая, на Капельку Сорок Третью.

Наконец та подала голос — дрожащий, робкий. Видимо, ей было очень трудно заставить себя обращаться к мужчине.

— Ты не должен жаловаться на нас, варвар. Это будет несправедливо. Ты заставляешь меня нарушать обычаи моего народа. Чего ты хочешь от меня?

Селдон дружелюбно улыбнулся и протянул руку.

— Я хочу, чтобы ты отдала мне одежду, которую принесла для меня. Кергл.

Девушка молча протянула ему сверток.

Селдон церемонно поклонился и дружески, тепло поблагодарил:

— Большое спасибо, Сестра.

«Ну что, съела?» — сказал его лукавый взгляд, обращенный на Дорс. Та сердито отвернулась.

Никаких украшений типа вышивки на белом балахоне не было. Видимо, мужчинам излишеств не полагалось. Правда, к балахону прилагался белый же пояс с

кисточками, который, по всей вероятности, нужно было как-то по-особому завязывать.

— Пойду в ванную, переоденусь, — сказал Селдон. — Я быстро.

Селдон шмыгнул в ванную, но дверь за ним не закрылась. Туда же влетела Дорс и захлопнула дверь за собой.

— Что ты себе позволяешь! — накинулась на Селдона Дорс. — Ты просто тиран, Гэри! Почему ты так мучаешь эту несчастную девушку?

— Но я должен был заставить ее заговорить со мной! — прошипел полушепотом Селдон. — Мне нужно выудить у нее кое-что, и ты это знаешь. Жаль, что пришлось прибегнуть к силе, но как иначе можно было нарушить это проклятое табу?

Дорс хлопнула дверью с другой стороны. Когда Гэри вышел из ванной, она уже успела облачиться в свой балахон. Удивительно — несмотря на шапочку, скрывавшую прекрасные волосы, и мешковатый балахон, Дорс все равно продолжала оставаться весьма привлекательной. Ее балахон был подпоясан более широким поясом, который был сшит из ткани чуть более темной, чем сам кергл. И надо же — спереди пояс застегивался на пряжку из ярко-голубого камня. «О женщины! — подумал Селдон. — Они всегда и всюду стремятся выглядеть красивыми, даже тогда, когда их так притесняют».

— Ну-у-у, — развела руками Дорс. — Ты просто настоящий микогенец. По крайней мере теперь мы запросто можем выйти на улицу в сопровождении Сестер.

— Да, — кивнул Селдон. — Но только меня гораздо больше интересуют микрофермы. Мне бы очень хотелось, чтобы Капелька Сорок Третья повела меня на экскурсию на микроферму.

Капелька Сорок Третья широко раскрыла глаза и сделала шаг назад.

— Посмотреть хочется, — спокойно пояснил Селдон.

Капелька Сорок Третья бросила умоляющий взгляд на Дорс.

— Варварша...

— А, понятно, — кивнул Селдон. — Ты, наверное, просто ничего не знаешь про микрофермы.

Видимо, он задел больное место. Не поворачивая головы и глядя по-прежнему на Дорс, девушка чуть-чуть запрокинула голову и сказала:

— Я работала на микрофермах. Там работают все Братья и Сестры.

— Ну так отведи же меня на экскурсию! — воскликнул Селдон. — И давай больше не будем препираться. Я не Брат, с которым тебе нельзя разговаривать и общаться. Я варвар и почетный гость. Я ношу эту шапочку и балахон, чтобы не привлекать к себе внимания, но я — ученый, и покуда я здесь, мне нужно кое-что узнать. Не могу же я сидеть в этой комнате и изучать стены! Я хочу увидеть то, чего больше нет нигде в Галактике — ваши микрофермы. Мне казалось, ты сочтешь за честь показать их мне.

— Да, мы гордимся ими, — Капелька Сорок Третья мотнула головой и наконец посмотрела Селдону в глаза. — И я отведу тебя туда. Не думай, что тебе удастся разузнать наши секреты, если ты за ними охотишься. Я поведу тебя на микрофермы завтра утром. Нужно время, чтобы договориться.

— До утра я так и быть подожду, — согласился Селдон. — Но ты не обманешь меня? Дашь честное слово?

— Я — Сестра, — гордо ответила Капелька Сорок Третья. — Как сказала, так и сделаю. Слово сдержу, даже данное варвару.

Голос ее к концу последней фразы стал холодным, а вот глаза засверкали. «Что бы это значило?» — без особой радости подумал Селдон.

42

Ночь выдалась беспокойная. Во-первых, Дорс объявила, что она непременно пойдет на микроферму вместе с Селдоном, а он уперся — нет и нет.

— Как ты не понимаешь? — возмущался он. — Весь замысел состоит в том, что мне нужно заставить ее говорить свободно, а для этого нужно поставить ее в необычные условия. Она будет наедине с мужчиной —

пускай варваром, неважно. Обычаи уже нарушены, и теперь легче нарушить их еще немножко. А если ты пойдешь с нами, она будет говорить с тобой, а мне достанутся одни отбросы!

— А вдруг с тобой опять что-нибудь случится, как тогда, наверну?

— Ничего не случится. Прошу тебя! Если хочешь помочь мне, останься дома. Если не останешься, я больше не буду иметь с тобой дела. Пойми же, Дорс. Это крайне важно для меня. Дорс, я к тебе очень хорошо отношусь, ты мне очень дорога, но тут я поступлю по-своему.

В конце концов Дорс отступилась и только попросила:

— Хотя бы пообещай, что ты будешь добр с ней, пожалуйста!

— А тебе не кажется, что это меня от нее надо защищать? Уверяю тебя, когда был с ней груб, никакого удовольствия я не испытал и не собираюсь допускать такого в дальнейшем.

Вот так они впервые поссорились, и эта ссора не давала Селдону заснуть. Он ворочался с боку на бок, и мысли о ссоре мешались с мыслями о том, что Капелька Сорок Третья может не выполнить данного слова и не прийти утром.

Однако Сестры явились вдвоем, как раз тогда, когда Селдон успел наспех позавтракать и облачиться в кертл. Немного повозившись с поясом, он приладил его как следует.

Капелька Сорок Третья, взгляд которой по-прежнему хранил суровость, сказала:

— Если ты готов, варвар Селдон, то моя сестра останется с варваршей Венабили.

Голос у нее сегодня был не писклявый и не хриплый. Похоже, она всю ночь напролет тренировалась — как будет разговаривать с тем, кто не Брат, но мужчина.

«Мучала ли ее бессонница?» — подумал Селдон и сообщил:

— Я готов. Хоть сейчас.

Примерно через полчаса они уже опускались вниз по бесконечным лифтам и лестницам. По часам день был в полном разгаре, но даже наверху, на улице, свет был приглушенным, сумрачным.

Интересно, почему? Наверняка, искусственный солнечный свет, шествуя по планете, должен был задевать и Микоген. Значит, микогенцы сами приглушают освещение — еще одна странная привычка. Глаза Седдона постепенно привыкли к тусклому свету.

Седдон старался как можно спокойнее смотреть на попадавшихся навстречу Братьев и Сестер. Ведь его и Капельку Сорок Третью, как ему казалось, можно было запросто принять за Брата и его женщину, и покуда он не делал ничего такого, чтобы привлечь постороннее внимание, никто не должен был на них глазеть.

Но, увы, Капелька Сорок Третья вела себя именно так, чтобы привлечь внимание, Говорила односложно, почти не раскрывая рта. Было ясно, что шествие в компании с чужим мужчиной, пусть это известно только ей, девушке неприятно. Седдон понял: начини он уговаривать ее расслабиться и не нервничать, она почувствовала бы себя еще более скованно.

Лифты, эскалаторы... казалось, им не будет конца. Да, «эскалаторы» — похоже, именно так называла эти движущиеся лестницы Капелька Сорок Третья; Седдон этого слова никогда раньше не слышал.

Чем ниже они опускались, тем сильнее становилось нетерпение Седдона. Нетерпение и удивление.

Микрофермы существовали на многих планетах, и на них выращивались в каждом мире свои микроорганизмы. Седдону на Геликоне доводилось бывать на микрофермах, и там всегда стоял весьма специфический запах — неприятный до тошноты.

Работники микроферм, похоже, свыклись с этим запахом, а посетители... некоторые посетители тоже быстро привыкали. Поморщатся, покрутят носом, а потом — глядишь, уже ходят, как ни в чем не бывало. А вот Седдон всегда был необычайно чувствителен к запахам. Он вечно страдал от неприятных запахов и приготовился страдать сегодня. Он, правда, уговаривал себя изо всех сил — мол, придется пожертвовать самочувствием ради столь нужных сведений, но желудок жил по своим законам и уже заранее заявлял о себе.

Однако спуск продолжался, а воздух оставался свежим. В конце концов Седдон не выдержал и спросил:

— Когда же мы доберемся до тех уровней, где расположены микрофермы?

— Уже добрались.

Селдон глубоко вздохнул, принялся.

— А по запаху не скажешь.

— По запаху? О чем это ты? — осмелев настолько, что голос ее стал более громким, удивленно спросила Капелька Сорок Третья.

— Ну, понимаешь, всякий раз, когда я раньше бывал на микрофермах, там стоял такой... кислый запах. Наверное, это пахли питательные среды, которые нужны бактериям, грибкам, дрожжам.

— Ты бывал на микрофермах? — снова понизив голос, спросила Капелька. — Где же?

— У себя на родине.

— Что, твой народ возится в габелле? — с отвращением спросила Капелька.

Селдон никогда раньше не слышал такого слова, но по выражению лица Капельки понял, что оно значит.

— Нет-нет, не думай, когда продукция готова, она так не пахнет.

— А у нас вообще никогда так не пахнет. Наши биотехнологи разработали замечательные штаммы. Водоросли растут в условиях прекрасного освещения, в тщательно сбалансированных электролитных растворах. Сапрофиты питаются самой лучшей органикой. И этих рецептов и формул никогда не узнать варварам. Ну вот, мы прибыли. Ходи, вынюхивай, что хочешь. Ничего дурного не вынюхаешь. У нас везде хорошо пахнет. Вот почему наши продукты ценятся по всей Галактике, и Император, насколько нам известно, питается только нашей едой. Правда, если бы меня спросили, я бы сказала, что варвар недостойн такой роскоши, даже если он называет себя Императором.

Сказано это было сердито, даже гневно, и весь гнев был обращен на Селдона. Чтобы ему было более понятно, Капелька добавила:

— Да, и даже если он называет себя почетным гостем.

Они зашагали по узкому коридору. По обе стороны стояли большие ванны из толстого стекла, где булькала мутная, зеленоватая жидкость, наполненная множест-

вом нитевидных водорослей, кувыркающихся в вихре пузырьков воздуха. «Углекислый газ», — решил Селдон.

Ванны освещали мощные светильники, лившие на них приятный розовый свет, более яркий, чем освещение в проходе. Селдон глубокомысленно проговорил:

— Понятно. Эти водоросли лучше растут в красных лучах спектра.

— Верно, — кивнула Капелька.

— Все автоматизировано, по-видимому?

Она пожала плечами, но не ответила.

— Я спросил потому, что тут совсем не видно ни Братьев, ни Сестер.

— Тем не менее тут есть работа, и она делается, даже если ты не видишь работников. Подробностей я тебе не скажу. Это не твое дело.

— погоди. Перестань на меня рычать. Государственные тайны выпытывать я вовсе не собираюсь. Постой, милая, — слово неожиданно сорвалось у него с губ.

Она рванулась вперед, но Селдон удержал ее за руку. Капелька не пошевелилась, но вся задрожала, и он быстро отпустил ее руку.

— Просто мне показалось, что тут все автоматизировано.

— Пусть тебе кажется, что угодно. Однако тут есть работа и для головы, и для рук. Каждому Брату, каждой Сестре приходится время от времени работать здесь. Для некоторых это становится профессией.

Теперь она говорила более свободно, но левой рукой ожесточенно терла правую — то самое место, к которому прикоснулись пальцы Селдона, словно тот ее ужалил.

— Эти ванны тянутся на многие километры, — пояснила Капелька, — но если мы сейчас повернем, то попадем туда, где расположена грибковая секция.

Они зашагали дальше. Селдон поражался царившей в помещениях чистоте. Стекло сверкало. Кафельный пол на вид казался сырым, но, когда Селдон улучил момент и потрогал его, оказалось, что он ошибся. Правду сказать, можно было не наклоняться. Не сыро и ни чуточки не скользко; во всяком случае, подошвы сандалий — из тех, кстати, по микогенской моде, торчали

большие пальцы ног Седдона — не скользили; впрочем, их, вероятно, чем-то смазали.

Кое в чем Капелька Сорок Третья была права. Время от времени им попадались то там, то тут Брат или Сестра, которые молча работали — поправляли шланги, крутили рычажки на пультах. Кто-то выполнял менее квалифицированную работу — протирал оборудование. Все были поглощены своими занятиями.

Седдон из осторожности не спрашивал, чем заняты работники фермы — мало ли, вдруг Капелька не сумеет ответить или вдруг, что гораздо хуже, взорвется и заявит, что это не его ума дело.

Вскоре они миновали бесшумно открывшуюся дверь, и вот тут наконец Седдон ощутил некое подобие знакомого запаха. Он бросил взгляд на Капельку, но та и бровью не повела. Запах был почти неуловимым, и Седдон скоро привык к нему.

Характер освещения резко изменился, свет стал тусклым, ярко освещено было только оборудование. Время от времени мелькали фигуры Братьев и Сестер. Головы их были украшены фосфоресцирующими повязками; на некотором расстоянии виднелись крохотные, хаотично мечущиеся искорки света.

Седдон украдкой глянул на Капельку в профиль. Раньше, когда он смотрел на ее лицо, он не мог угадать, что за характер кроется за бледностью, пустыми глазами. Казалось, в этом лице не осталось никакой индивидуальности. А вот в профиль кое-что открывалось. Черты лица у Капельки были правильные — прямой нос, маленький подбородок, пухлые губы. В сумраке даже лысина казалась не столь уж отталкивающей.

«Да ведь она могла бы быть просто красавицей, отрасти она волосы и сделай прическу!» — удивленно подумал Седдон. «Но волосы у нее никогда не отрастут, — была следующая его мысль. — Она так и будет всю жизнь ходить лысая!»

Но почему? За что? Протуберанец сказал, что микогенец всю жизнь должен помнить, что он — микогенец. Почему же именно таким жестоким образом они отличали себя от других?

Седдон привык рассматривать противоположные точки зрения, а потому решил: привычка — вторая

натура. Стоит привыкнуть к тому, что все вокруг лысые, такие же, как ты сам, и пышная растительность на голове будет вызывать отвращение. В конце концов, он ведь и сам брился каждое утро и терпеть не мог, когда у него отрастала щетина, однако даже с щетиной его лицо не казалось ему таким уж отвратительным. Он мог в любое время, если бы захотел, отрастить бороду.

Он знал: на некоторых планетах все мужчины поголовно носят бороды. Кое-где их даже не подстригают, не подравнивают. Что бы сказали про него обитатели таких планет, взгляни они на его гладко выбритые щеки и подбородок?

А они все шли и шли вперед, и время от времени Капелька Сорок Третья легонько касалась его локтя, когда нужно было повернуть в ту или иную сторону. Судя по всему, она уже немного осмелела, по крайней мере, руку не отдергивала, как от огня, а порой держала его за локоть целую минуту.

Наконец она сказала:

— Сюда! Иди сюда!

— Что такое? — спросил Селдон.

Они остановились перед небольшой тележкой, доверху наполненной маленькими шариками — сантиметра два в диаметре. Рядом с тележкой, по-видимому, только что водруженной на подобающее место, стоял Брат и вопросительно смотрел на них.

Капелька Сорок Третья вполголоса подсказала Селдону:

— Попроси немного.

«Ага, — понял Селдон. — Она не имеет права заговорить с Братом, пока он сам к ней не обратится», — и неуверенно обратился к Брату:

— Можно попробовать, Б-брат?

— Бери хоть пригоршню, Брат, — добродушно предложил работник.

Селдон осторожно взял один шарик и хотел было угостить Капельку Сорок Третью, но, обернувшись, с удивлением заметил, что предложение угощаться она приняла на свой счет и зачерпнула с подноса две пригоршни шариков.

Шарик оказался гладким, приятным на ощупь. Когда они отошли подальше от Брата, Селдон шепотом поинтересовался:

— Это можно есть? — и недоверчиво принялся к шарик.

— Они не пахнут.

— А что это такое?

— Лакомство. Драже. Для экспорта к ним делаются различные добавки, но в Микогене мы едим их просто так, без всяких добавок.

Отправив одно драже в рот, она призналась:

— Я их ужасно люблю.

Селдон последовал ее примеру. Драже быстро растаяло во рту, он и охнуть не успел. Рот наполнился капелькой жидкости, которая мгновенно стекла по пищеводу.

Какой-то миг Селдон не мог пошевелиться — настолько он был поражен. Драже оказалось чуть сладковатым. После него во рту остался непонятный пряный привкус.

— Можно, я еще попробую? — спросил он.

— Бери сразу подюжины, — посоветовала Капелька Сорок Третья и протянула Селдону пригоршню драже. — Вкус всегда разный, а калорий совсем нет. Попробуй.

Она была права. Селдон пробовал так и сяк: брал драже в рот и давал рассосаться, лизал потихоньку, пытался откусить кусочек. Но как бы легко он ни прикасался к драже, стоило чуть-чуть лизнуть, и оно моментально исчезало. И действительно, у каждого шарика вкус был чуть-чуть да иной.

— Вот беда, — вздохнула Капелька Сорок Третья, — каждый раз попадается что-нибудь необычное, вкус невозможно забыть, но больше такое может никогда не попасться. Помню, было мне лет девять, и мне попалось такое...

Мечтательное выражение тут же покинуло ее лицо. Она сказала строгим голосом:

— Прекрасная вещь — это драже. Учит тому, как все зыбко в этом мире.

«А ведь это сигнал, — подумал Селдон. — Хватит, нагулялись. Она уже вполне свыклась с моим присутст-

вием, свободно разговаривает. Пора переходить к делу, и немедленно!»

43

Селдон сказал:

— Сестра, я родом из мира, который раскинулся под открытым небом, как и другие миры кроме Трентора. Там иногда идет дождь, а иногда сухо, реки порой текут спокойно и лениво, а иногда выходят из берегов, там то жарко, то холодно. А это значит, что урожаи там бывают то плохие, то хорошие. А здесь все так стабильно, продуманно. И урожаю ничего другого не остается, как только быть всегда хорошим. Как счастлив Микоген!

Селдон замолчал и стал ждать ответа. Ответов могло быть несколько, и дальнейшие действия зависели от того, как именно ответит Капелька.

Она и впрямь достаточно осмелела и теперь почти не стеснялась того, что рядом мужчина. Вот что она ответила:

— Стабильности добиться не так уж легко. Состояние среды контролировать приходится постоянно. Порой нападает какая-нибудь вирусная инфекция, а бывают еще неожиданные и нежелательные мутации. Иногда приходится браковать огромные партии продуктов.

— Правда? И что же потом?

— Другого выхода, как только уничтожить забракованные партии, нет. Даже тогда, когда есть хоть малейшее подозрение, что партия недоброкачественная. Тележки, ванны — все подвергается самой тщательной стерилизации, а порой и все оборудование уничтожают.

— Стало быть, на манер хирургии, — кивнул Селдон. — Отсекаете пораженную болезнью ткань.

— Да.

— А что же вы предпринимаете, чтобы предотвратить подобные неполадки?

— Что можно поделать? Проводим непрерывные анализы на мутацию и вирусы, следим за чистотой и составом питательных сред. Изменения мы наблюдаем крайне редко, однако стоит нам заметить что-нибудь, мы предпринимаем немедленные и радикальные шаги. В

итоге неурожайных лет у нас почти не бывает, да если и бывают, то страдает всегда лишь небольшая часть урожая. Помню, самый неудачный год у нас был, когда мы потеряли двенадцать процентов урожая. Беда в том, что самые старательные прогнозы, самые продуманные компьютерные программы не всегда способны предсказать то, что на самом деле непредсказуемо.

Селдон от неожиданности вздрогнул. Капелька говорила так, словно рассуждала о психоистории, а на самом деле речь шла всего-навсего о продукции микрофермы в небольшом тренторианском секторе. А ведь он сам все время мыслил грандиозными масштабами — никак не меньше Галактической Империи.

Неизвестно почему немного обидевшись, словно речь и впрямь шла о его работе, Селдон проговорил:

— Наверняка не все непредсказуемо. Есть силы, которые правят всеми нами и обо всех нас заботятся.

Капелька резко остановилась, обернулась и удивленно, не мигая, взглянула ему в глаза.

— Что? — спросила она.

Селдон принялся неловко объяснять.

— Понимаешь... вот мы говорим о вирусах, мутациях... Это ведь все явления природные и подчиняются, следовательно, законам природы. Ничего сверхъестественного тут нет, верно? Все, что не повинуется законам природы, тут не учитывается. А ведь именно оно может управлять самими законами.

Капелька, не отрываясь, смотрела на Селдона — так, словно он вдруг заговорил на чужом языке, каком-нибудь древнем, забытом диалекте.

— Что? — еще раз спросила она.

Селдон, запинаясь, продолжил свою мысль, путаясь в незнакомых, непривычных словах:

— Нужно обращаться к чему-то великому, какому-то высшему духу, какому-то — просто и не знаю, как назвать.

Она вполголоса проговорила:

— Я так и думала. Только не сразу поверила, что ты об этом говоришь. Ты судишь нас за то, что у нас есть религия. Почему же ты не сказал прямо? Почему избегал этого слова?

Она ждала ответа, а Седдон, несколько обескураженный тем, что его слова так задели ее, пробормотал:

— Потому что я не привык пользоваться этим словом. Мне более знакомо слово «сверхъестественное».

— Называй, как хочешь. Это религия, и ее у нас нет. Религия — это для варваров, для стада ско...

Она умолкла, чтобы перевести дух, но Седдон не сомневался, что она хотела сказать: «для стада скотов».

Однако Капелька довольно быстро взяла себя в руки.

— Мы — не религиозный народ. Наше царство — от мира сего, от этой Галактики, и так было всегда. Если у тебя есть своя религия...

Седдон почувствовал, что влип. Вот уж чего он никак не ожидал!

— Не сказал бы, что это так... — промямлил он. — Видишь ли, я математик, и мое царство — тоже от мира сего и от этой Галактики. Просто, понимаешь, у вас такие странные обычаи, вот я и подумал, что ваше царство...

— Не думай, варвар. Если у нас странные обычаи, то это потому, что нас мало. Нас миллионы, а вокруг нас миллиарды миллионов. По миллиарду вас на каждого из нас. Должны же мы как-то выделиться, чтобы не затеряться. Нас отличает отсутствие волос, одежда, поведение, образ жизни. Мы обязаны помнить, кто мы такие, и должны быть уверены, что вы, варвары, помните, кто мы такие. Мы трудимся на наших фермах, чтобы вы ценили нас, высоко ценили. Покуда вы будете ценить нас, вы нас не тронете. Вот и все, чего мы от вас хотим — чтобы вы нас не трогали, не мешали.

— Я вовсе не хотел причинить вреда ни тебе, ни твоему народу. Я просто ищу знаний. Ищу здесь, как искал бы в любом другом месте.

— И поэтому выказываешь презрение к моему народу, обвиняя нас в том, что у нас есть религия, предлагая нам положиться на какой-то мистический, несуществующий дух, в который мы никогда не верили, чтобы этот дух что-то сделал за нас?

— Но есть масса миров, где люди верят в сверхъестественные силы в той или иной форме, и там это называется религией. В чем-то мы можем быть с ними

не согласны, но ведь мы в своем неверии также можем ошибаться, как они — в своей вере. Во всяком случае, ничего дурного я в вере не вижу, и мой вопрос не нес в себе ничего оскорбительного.

Однако, судя по всему, ему не удалось разубедить разгневанную Капельку.

— Религия! — фыркнула она. — Она нам ни к чему!

Седдон окончательно пал духом. Вся эта экскурсия, все его ухищрения — все прахом, все насмарку.

Капелька прибавила:

— У нас есть кое-что получше. Гораздо лучше. У нас есть *история*.

Седдон тут же воспрял и радостно улыбнулся.

Глава 10

КНИГА

«РУКА НА БЕДРЕ» — случай, описанный в мемуарах Селдона. Он утверждает, что именно этот случай стал поворотным в поисках метода разработки психоистории. К сожалению, в воспоминаниях Селдона отсутствуют подробности этого происшествия, и сколько бы ни обсуждался этот вопрос в дальнейшем, ясная картина не складывается. Этот случай остается одной из самых удивительных загадок карьеры Селдона.

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

44

Капелька Сорок Третья смотрела на Селдона широко раскрытыми глазами. Грудь ее тяжело вздымалась.

— Я не могу больше тут оставаться.

Селдон огляделся по сторонам.

— Но тут никого нет. Даже тот Брат, что угостил нас драже, нам ни слова не сказал. Похоже, он нас принял за самую обычную парочку.

— Это потому, что там было темно, и когда ты говоришь тихо, не так слышен твой варварский акцент, и я вела себя спокойно. Но теперь... — хрипло проговорила она.

— Что теперь?

— Я нервничаю. Я задыхаюсь.

— Но кто это заметит? Успокойся, расслабься.

— Здесь я не могу успокоиться. Не могу, здесь меня могут увидеть.

— Куда же нам, в таком случае, пойти?

— Где-то должны быть комнаты отдыха. Я тут работала. Я знаю, что они где-то тут.

Она зашагала быстрее, Селдон пошел следом за ней. Вскоре они повернули в узкий коридор, вдоль которого тянулась линия дверей.

— Кажется, последняя комната свободна, — пробормотала Капелька.

И верно, комната была свободна. На двери горел маленький квадратик, надпись на котором гласила: «Не занято». Дверь отворилась.

Капелька Сорок Третья быстро осмотрела комнату, подтолкнула Селдона вперед и вошла сама. Как только она прикрыла за собой дверь, на потолке загорелся светильник.

— Теперь табличка покажет, что комната занята? — поинтересовался Селдон.

— Да. Стоит двери закрыться с этой стороны, как загорается такая надпись.

Здесь слышался шум вентилятора. Похоже, тишины на Тренторе не было нигде.

Комната была невелика, однако в ней стояла кушетка с жестким матрасом, застеленная чистым бельем. Стол, стул, маленький холодильник, какое-то устройство, напоминающее электроплитку.

Капелька Сорок Третья устало опустилась на стул, выпрямилась. Видимо, пыталась успокоиться.

Селдон, не понимая, чем ему заняться, стоял столбом, пока Капелька не махнула рукой в сторону кушетки, тогда он сел.

Тихо, словно говоря с самой собой, Капелька Сорок Третья проговорила:

— Если кто-нибудь узнает, что я была здесь с мужчиной, пусть даже с варваром, меня подвергнут отлучению.

Селдон резко вскочил на ноги.

— Тогда давай уйдем отсюда.

— Сядь. Я не могу уйти, пока я в таком состоянии. Ты спрашивал о религии. Что ты вынюхиваешь? Чего ищешь?

Селдону показалось, что перед ним — совсем другой человек. Как она переменялась! Ни униженности, ни робости не осталось и в помине. Нисколько не смущаясь его присутствием, Капелька с прищуром смотрела на него.

— Я уже говорил тебе. Я ищу знания, только знания. Я ученый. Это моя работа. Я хочу научиться понимать самых разных людей, поэтому я изучаю историю. Во многих мирах древние исторические записи — настоящие записи — превратились в мифы и легенды и зачастую бытуют в форме религиозных верований или того, что я зову тягой к сверхъестественному. Но раз в Микогене религии нет, то...

— Я сказала тебе: у нас есть *история*.

— Да, сказала. Сколько лет насчитывает ваша история?

— Двадцать тысячелетий.

— Вот как? Давай по-честному. Это истинная история или нечто такое, что давно превратилось в легенду?

— Нет, это самая настоящая история.

Селдон собрался было спросить, откуда у нее такая уверенность, но передумал. На самом деле, могла ли история насчитывать двадцать тысячелетий и при этом оставаться истинной? «Я не историк, — подумал Селдон. — Надо будет посоветоваться с Дорс».

Однако он не видел ничего удивительного в том, что древняя история любого мира — это, как правило, адская смесь самовосхвалений, героики, этакие мини-спектакли, побасенки с моралью, которые ни в коем случае нельзя воспринимать буквально. Так было и на Геликоне, и все же каждый геликонец готов был с пеной у рта клясться, что все это истинная правда — даже совершенно невероятный рассказ о первопроходцах, которые сражались тут с гигантскими, свирепыми летучими рептилиями (хотя давным-давно было достоверно доказано, что таких зверей, как летучие рептилии, попросту быть не может).

Ни о чем таком Селдон Капельке не сказал. Он спросил:

— И с чего начинается ваша история?

Капелька задумалась, взгляд ее стал отрешенным.

— С одного мира, — сказала она. — Нашего, одного-единственного.

— *Единственного* мира? — переспросил Селдон, сразу вспомнив рассказы Челвика о легендарной прародине человечества.

— Да, с рассказа о единственном мире. Потом были другие миры, но наш был первым. Единственная планета, у которой была атмосфера, чистый воздух, где хватало места для всех. Цветущие луга, теплые дома, добрые люди. Мы жили там тысячи лет, а потом нам пришлось покинуть этот мир и скитаться с места на место, пока некоторые из нас не отыскали уголок на Тренторе. Здесь мы научились производить пищу, столь чудесную, что она дала нам свободу. И здесь, в Микогене, мы живем по-своему и по-своему мечтаем.

— И что же, в вашей истории этот единственный мир описан подробно?

— Да, это все написано в Книге, и эта Книга у нас есть. У каждого из нас. Мы постоянно носим ее с собой, чтобы в любой момент можно было открыть ее и прочитать о том, кто мы такие, чтобы никогда не забывать об этом, чтобы помнить, что в один прекрасный миг мы вернемся на свою родину.

— А знаешь ли ты, где находится этот мир и кто там живет теперь?

Капелька Сорок Третья растерялась, потом яростно замотала головой.

— Нет, мы не знаем, но в один прекрасный день мы найдем наш мир.

— А сейчас у тебя эта Книга при себе?

— Конечно.

— Можно взглянуть?

По лицу Сестры скользнула кривая усмешка.

— Так вот что тебе нужно... Я поняла, что ты чего-то хочешь, когда ты добивался, чтобы я тебя повела на микрофермы одна. Только, — она немного растерялась, — я никак не думала, что тебя интересует *Книга*.

— Представь себе. Это единственное, что меня интересует, — честно признался Селдон. — Ни о чем другом я и не думал. Если ты привела меня сюда из-за того, что думала, будто бы...

Закончить фразу ему не удалось.

— Хватит. Так тебе нужна Книга или нет?

— Ты позволишь мне посмотреть ее?

— С условием.

Седдон остолбенел. Неужели он перестарался, и Сестра раскрепостилась настолько, что...

— С каким условием?

Капелька Сорок Третья кончиком языка облизала пересохшие губы. Наконец она проговорила дрожащим от волнения голосом:

— Сними шапочку.

45

Ничего не понимая, Седдон не мигая смотрел на Капельку Сорок Третью. Он, надо сказать, совершенно забыл, что у него на голове шапочка.

Наконец он сообразил, о чем она его просит, поднял руку, прикоснулся к гладкому пластику, под которым протщупывался жесткий ежик стрижки.

— Но зачем? — оторопело спросил он.

— Затем, что я так хочу. Вот мое условие. Сними и получишь Книгу.

— Ну ладно, если тебе действительно так хочется... — Седдон пожал плечами и сдернул бы с головы шапочку, но Капелька опередила его.

— Нет, постой. Я сама! — хрипло воскликнула она, устремив на него жадный взгляд.

Капелька резко встала и опустилась на кушетку рядом с Седдоном. Медленно, осторожно она коснулась краешка шапочки около уха Седдона, высунула язык, снова облизнулась. Наконец она добралась до полоски, закрывавшей брови, отделила ее ото лба Седдона. Ему даже показалось, что волосы у него немножко приподнялись, обрадовавшись нежданному освобождению.

Он встревоженно проговорил:

— У меня, наверное, голова вспотела под шапочкой. Значит, волосы влажные.

Только он успел поднять руку, чтобы проверить, так ли это на самом деле, как Капелька взяла его за запястье.

— Я сама, — проговорила она твердо. — Это тоже часть условия.

Ее пальцы тихонько, робко коснулись его волос и тут же отдернулись. Она прикоснулась еще раз и теперь решила провести пальцами по волосам Седдона.

— Сухие... — сообщила она. — Как приятно...

— Ты никогда раньше не гладила чужие волосы?

— Несколько раз. У детей. Но это совсем другое...

Она снова погладила его волосы.

— Другое? В чем же?

— Не знаю... Просто другое, и все.

Какое-то время спустя Седдон спросил:

— Ну что, достаточно?

— Не торопи меня. А скажи, ты можешь их уложить, как захочешь?

— Не сказал бы. Немного подправить можно, но для этого нужна расческа, а у меня ее с собой нет.

— Расческа?

— Ну, такая штука с зубьями, на вилку похожа, только зубьев на ней больше и они не такие острые.

— А пальцами нельзя? — спросила она и, не дожидаясь ответа, запустила пятерню в его волосы.

— Можно, да только толку мало, — объяснил Седдон.

— А сзади колются, — сообщила Капелька.

— Просто сзади волосы короче острижены.

Капелька Сорок Третья наморщила лоб. Казалось, она что-то вспоминает.

— Брови... — пробормотала она. — Правильно я сказала? — спросила она, нежно касаясь правой брови Седдона. — Правильно? Как приятно... Как смешно...

Она вдруг рассмеялась — весело, беззаботно, точь-в-точь, как ее младшая сестренка.

— Тоже колются!

Седдон нетерпеливо поинтересовался:

— Ну, все в порядке?

Капелька Сорок Третья склонила голову набок. Что же она ответит? Ответит ли? Вместо ответа она вдруг резко отдернула руки и поднесла пальцы к носу. «Что она там вынюхать думает?» — раздраженно подумал Седдон.

— Как странно... — протянула она. — А можно я сделаю это еще разок. Когда-нибудь?

Селдон вздохнул.

— Если одолжишь мне Книгу на какое-то время, может быть, я и позволю.

Рука Капельки Сорок Третьей скользнула внутрь балахона и достала из потайного кармана книгу, обернутую в некий плотный, но гибкий материал. Селдон сгорая от нетерпения протянул руку и взял книгу.

Пока он прилаживал шапочку, Капелька Сорок Третья снова поднесла кончики пальцев к носу и быстро, украдкой лизнула один палец.

46

— Она трогала твои волосы? — не веря своим ушам, переспросила Дорс и поглядела на волосы Селдона так, словно сама собиралась их потрогать.

Селдон отстранился.

— Ради бога, не надо. Эта женщина... Это было похоже на извращение!

— Можно себе представить. Ну, а тебе не было приятно?

— Приятно? Да я весь был в мурашках! Только когда они перестала меня трогать, я снова смог дышать. И все думал: не поставит ли она еще какого-нибудь условия?

Дорс рассмеялась.

— Боялся, что она тебе навяжет секс? Боялся? Или надеялся?

— Уверяю тебя, это мне и в голову не приходило. Я думал только о Книге.

Разговор происходил в предоставленной им квартире, и они были надежно защищены от подслушивания искажателем поля, который Дорс предусмотрительно захватила с собой из Университета.

Сгущалась микогенская ночь. Селдон разоблачился — снял шапочку и кертл, вымылся. Особенно долго он возился с волосами — намыливал их даже дважды. Теперь он восседал на кровати одетый в легкую пижаму, которую нашел в ванной.

Дорс лукаво улыбнулась и спросила:

— А она не догадалась, что у тебя еще и на груди волосы растут?

— Больше всего я уповал на то, что она об этом не вспомнит.

— Бедненький Гэри. Но на самом деле это все так естественно... Наверное, я могла попасть в такую же беду, окажись наедине с каким-нибудь Братом. Нет, мне могло быть намного хуже! Ведь, по их убеждению, я, как женщина, обязана повиноваться любым приказаниям беспрекословно.

— Ну, Дорс, даже не знаю, что тебе сказать. Легко тебе говорить: «Естественно!» Тебя бы на мое место! Бедняжка была просто в экстазе! Все ее чувства были на пределе — она и нюхала свои пальцы, что прикасались к моим волосам, и лизала их... Клянусь, если бы она могла расслышать, как растут волосы, она бы слушала во все уши!

— Ты просто не понял меня. Это для нее было естественно. Все, что запретно, сразу приобретает сексуальную привлекательность. Разве у тебя вызывала бы какие-то чувства обнаженная женская грудь, если бы ты вырос в обществе, где все женщины выставляли свою грудь напоказ с утра до ночи?

— Не знаю... Думаю, все-таки вызывала бы.

— Но разве ты испытывал бы не больше чувств, если бы женщины ходили всегда одетыми? Собственно, так оно и есть в большинстве миров. ...Послушай, дай-ка я тебе расскажу об одном случае. Занесло меня как-то на курорт, дома, на Цинне. У вас на Геликоне есть курорты? Пляжи и всякое такое?

— Конечно, — с некоторым раздражением ответил Седдон. — Или ты думаешь, что Геликон — это сплошные горы и скалы да вода в колодцах?

— Не обижайся, Гэри. Мне нужно было просто удостовериться, что ты знаешь, что такое «курорт». В общем, на Цинне такие пляжи, где люди совершенно безразличны к тому, что на тебе надето. Гуляй хоть голышом.

— Нудистские пляжи?

— Не совсем, но, думаю, если бы кто-то разделся догола, в него не стали бы тыкать пальцем. В основном,

все придерживаются минимальных приличий, но минимум порой совсем крохотный.

— Пожалуй, на Геликоне несколько иное представление о минимальных приличиях, — буркнул Седдон.

— Догадываюсь. Судя по тому, как ты себя ведешь со мной. Но каждому, как говорится, свое. Ну, так вот... Я сидела на уютном пляже на берегу озера, и ко мне подошел молодой человек, с которым я успела чуть раньше переброситься парой фраз. Приятный такой парень, и я ничего не имела против. Он уселся на подлокотник моего шезлонга и положил руку на мое левое бедро — обнаженное, естественно. Просто так, чтобы сидеть было удобнее.

Мы поболтали пару минут, и вдруг он говорит: «Надо же! Ведь ты меня почти совсем не знаешь, а моя рука лежит у тебя на бедре, и я не вижу в этом ничего сверхъестественного. Мало того, и ты не имеешь ничего против, значит, и для тебя это тоже вполне естественно».

Клянусь, я только тогда заметила его руку. Видимо, кожа, обнаженная на людях, теряет сексуальную чувствительность. То есть, как я говорила, все дело в том, что притягательно только то, что скрыто от глаз.

Молодой человек, по всей видимости, это тоже почувствовал, потому что потом он мне вот что сказал: «А ведь если бы мы встретились в более формальной обстановке и на тебе был бы... ну, хотя бы халатик, ты бы наверняка мне такого не позволила, а?»

Я рассмеялась, а потом мы болтали о том о сем. Ну и, конечно, этот молодой человек вскоре убрал руку.

Вечером я оделась к обеду гораздо более строго, чем того требовали приличия. Никто из женщин не был одет строже меня. Я разыскала того самого молодого человека. Он сидел за столом. Я подошла, поздоровалась с ним и сказала: «Ну вот, я, можно сказать, в халатике, но под ним — мое голое левое бедро. Не теряйся. Положи руку туда, где она лежала».

Он попытался. Ему непросто было это сделать, ведь все глазели. Нет, я не мешала ему, и никто бы не помешал — и все же он не смог этого сделать. А ведь народу было не меньше, чем на пляже. Собственно, публика была та же самая. И все же он не решился. Условия другие, понимаешь? Условия, условности.

— А я бы сделал то, чего не сделал он, — неожиданно проговорил Селдон.

— Уверен?

— Абсолютно.

— Невзирая на то что ваша пляжная мораль строже нашей?

— Да.

Дорс присела на краешек своей кровати, а потом легла, закинув руки за голову.

— Значит, тебя не слишком волнует, когда я расхаживаю в ночной сорочке, под которой почти ничего нет?

— Меня это не шокирует, скажем так. Что же касается волнения, все зависит от того, какой смысл вложить в это слово. Я прекрасно замечаю, как ты одета.

— Что делать? Если нам суждено тут задержаться, придется свыкнуться с такими мелочами.

— Или воспользоваться ими, — усмехнулся Селдон. — Дорс, мне так нравятся твои волосы. Они такие красивые. Ты весь день ходишь лысая, и так приятно смотреть на тебя по вечерам...

— Только не прикасайся! Я еще не мылась. — Дорс прикрыла глаза. — Как интересно, — вполголоса проговорила она. — Забавная тема... Формальный и неформальный уровень воспитанности. Судя по тому, что ты говоришь, на Геликоне больше внимания уделяют неформальному уровню. Верно?

— Просто я говорю о том молодом человеке и себе самом. Насколько каждый из нас является представителем своей планеты, я судить не могу. Но легко могу себе представить, как выглядят так называемые типичные представители, а также — как выродки.

— А мне кажется, что мы говорим о социальных предрассудках. Не скажу, что я такой уж большой знаток Галактики, но историю я копнула основательно. Социальную историю. К примеру, на планете Дероуд было время, когда добрачные половые отношения были абсолютно свободными. Незамужние и неженатые могли иметь сколько угодно партнеров. А вот после свадьбы наступала полная и бесповоротная моногамия. По всей вероятности, задумано было так: до брака нагу-

ляться вволю, а потом жить порядочной жизнью и заниматься делом.

— Ну и как? Сработало?

— Примерно триста лет тому назад этому был положен конец, но кое-кто из моих коллег полагает, что этому способствовало давление других миров, которые слишком много теряли от паломничества туристов на Дероуд. Да, есть такая штука — общегалактическое социальное давление.

— Полагаю, в таком случае, не обошлось без экономического давления?

— Видимо. Кстати, с социальным давлением я столкнулась и в Университете. У меня полно знакомых со всей Галактики. На факультете социологии любимое развлечение — сравнивать предрассудки разных миров.

А здесь, в Микогене, как мне кажется, секс находится под строжайшим контролем, ограничивается какими-то суровыми правилами. О нем даже говорить не позволено. В Стрилинге, для примера, о сексе тоже не принято распространяться, но он не запрещен. А вот в секторе Дженнат, где я как-то проработала с неделю, о сексе говорят с утра до ночи, но исключительно с целью заклеить его. Думаю, не отыщется двух секторов на Тренторе, да и двух планет, где бы к сексу относились одинаково.

— Знаешь, что у тебя получается? Можно подумать, что... — не закончил фразы Седдон.

— Я тебе скажу, что можно подумать и что у меня получается. Вся эта болтовня о сексе укрепила меня в одной мысли. Просто теперь я тебя никуда не отпущу одного.

— Что-что?

— Дважды я упустила тебя. Первый раз сама проморгала, а второй раз ты меня заставил промолчать. И оба раза я ошиблась. Что случилось в первый раз, ты и сам знаешь.

— Да, но второй раз со мной не случилось ровным счетом ничего! — возмущенно огрызнулся Седдон.

— Ты был на волосок от беды! Представь, что случилось бы, если бы тебя застали занимающимся сексом с Сестрой!

— Каким сексом?!

— Ты сам сказал, что она была возбуждена!

— Но...

— Это опасно. Пожалуйста, подумай головой, Гэри. Все, решено. Больше я тебя никуда не отпущу.

— Послушай, — ледяным голосом проговорил Селдон. — Моя цель — изучение истории Микогена, и в результате моих «занятий сексом» с Сестрой, я получил в свои руки Книгу! Книгу!

— Книгу! Ах да, Книгу. Кстати, давай-ка посмотрим на нее.

Селдон протянул ей Книгу. Дорс внимательно разглядела ее.

— Ничего хорошего, Гэри, — сообщила она через некоторое время. — Эта штукавина не состыкуется ни с одним из известных мне проекторов. Чтобы ее полистать, нужно раздобыть микогенский проектор. Начнешь искать его, тут же поинтересуются, на кой он тебе сдался. Тогда узнают, что у тебя есть эта Книга, и заберут ее.

Селдон улыбнулся:

— Эх, Дорс, все бы было именно так, будь ты права. Но дело в том, что Книга не совсем такая, как ты думаешь. Для ее чтения не нужен никакой проектор. Содержание напечатано на страницах, которые нужно попросту листать, переворачивая пальцами. Это мне Капелька Сорок Третья объяснила.

— Печатная книга? — воскликнула Дорс таким голосом, что трудно было сказать, напугана она или удивлена. — Но это же... каменный век!

— Во всяком случае, доимперские времена, — кивнул Селдон. — А ты что, никогда в глаза не видела ни одной печатной книги?

— Я не видела? Я, историк? Видела, конечно.

— А! Но такую — видела?

Он протянул Дорс Книгу, та, усмехаясь, раскрыла ее, перевернула страницу, еще одну, еще и еще...

— Но тут ничего нет! — воскликнула она.

— Это только кажется. Микогенцы с упрямством держатся за примитивность, но это не совсем так. Для них важна суть примитивности, но против современных

технологий они ничего не имеют, лишь бы те служили их целям.

— Может быть, все так и есть, Гэри, но ты уж прости, я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Только кажется, что страницы чистые, на самом деле на них есть текст. Ну-ка, дай сюда. Нужно нажать маленькую кнопочку на внутренней стороне обложки. Вот, смотри!

Страница, на которой была открыта Книга, тут же покрылась строчками текста, которые поползли сверху вниз.

Селдон сказал:

— Можно отладить скорость движения текста поворотом колесика. Хочешь — быстрее, хочешь — медленнее. Добираешься до конца страницы, перевортываешь и читаешь следующую.

— Но тогда должен быть какой-то источник питания?

— А как же. Где-то вмонтирована миниатюрная микрофузионная батарейка.

— А что делать, когда она сядет?

— Менять Книгу на новую. Батарейки, как я понял, не меняют.

Дорс снова взяла в руки Книгу, повертела ее и сообщила:

— Да, пожалуй, такой Книги я действительно никогда в руках не держала.

— Я тоже. Вся Галактика так быстро и резко перешла на визуальные средства, что попросту упустила такой гениальный метод.

— Но эта Книга — тоже визуальное средство.

— Да, но у нее есть свои преимущества. Она вмещает гораздо больше материала, чем обычный библиофильм.

— Так... — пробормотала Дорс. — Где включается? Получится у меня или нет?

Она открыла страницу наугад и включила механизм движения строчек. Поглядев какое-то время на страницу, она сообщила:

— Боюсь, толку все равно не будет, Гэри. Это древнегалактический язык.

— Разве тебе он незнаком? Ты же историк.

— Да, и, как историк, я имела дело с древними рукописями, но это для меня чересчур. Некоторые слова я понимаю, но этого мало, чтобы понять досконально, о чем идет речь.

— Отлично! — потер руки Селдон. — Если она и правда такая древняя, это просто замечательно.

— Что же замечательного, если ее невозможно прочесть?

— Почему же невозможно? Я смогу прочесть. Она двуязычная. Не думаешь же ты, что Капелька Сорок Третья способна прочитать этот древний текст?

— Если она этому училась, почему нет?

— Чему училась-то? Женщины в Микогене наверняка начинают и заканчивают свое образование на кухне. Может быть, некоторым из наиболее просвещенных мужчин и под силу прочесть такой текст, но большинству требуется перевод на общегалактический стандарт.

Нажав еще одну кнопку, он объявил:

— Вот, прошу.

Строчки тут же преобразились.

— Здорово! — восхищенно прошептала Дорс.

— У этих микогенцев стоило бы кое-чему поучиться, правда?

— Да, стоило бы, но мы ничегошеньки о таком не знали.

— Трудно поверить. Теперь об этом знаю я. Знаешь ты. Наверняка время от времени в Микоген по каким угодно делам — торговым, политическим — заносило и других иностранцев. Иначе у них не было бы тут в запасе такого количества шапочек. Как же могло так выйти, что до сих пор никому не попала на глаза такая Книга, что никто не видел, как она устроена? По-видимому, даже если такое случалось, на нее смотрели, как на забавную вещицу, не более, и тут же забывали. Ведь она микогенская, стало быть, предмет из безнадежно отсталого мира.

— А ты считаешь, она достойна внимания?

— Безусловно. Как все на свете. Не исключено, что когда Челвик толковал о признаках упадка в Империи, он имел в виду и отсутствие интереса к этим Книгам.

Селдон любовно погладил обложку и сказал:

— Но я — человек любопытный и прочитаю ее, и, может быть, она наведет меня на какую-то мысль относительно психоистории.

— Надеюсь, — Дорс пожала плечами. — Но если хочешь моего совета, я бы порекомендовала тебе для начала выспаться как следует. Утро вечера мудренее. Немного вычитаешь, если будешь носом клевать.

Селдон слегка растерялся, потом воскликнул:

— Ну, ты прямо как мамочка заботливая!

— Я должна заботиться о тебе.

— Но у меня мама жива пока. Я бы предпочел, чтобы ты была моим другом.

— Если на то пошло, я стала твоим другом, как только мы познакомились.

Она улыбнулась, а Селдон снова растерялся. Наконец он сказал со вздохом:

— Ну что ж, тогда я внимаю твоему *гружескому* совету и отправляюсь на боковую.

Он собрался было положить Книгу на тумбочку между кроватями, но передумал и сунул под подушку.

Дорс тихонько рассмеялась.

— Можно подумать, ты боишься, что я проснусь среди ночи и начну взахлеб читать. Боишься, да?

— Ну... — Селдон покраснел. — Не без того. Дружба дружбой, но книжка моя, и психоистория тоже.

— Согласна, — сказала Дорс. — Обещаю, ссориться с тобой из-за нее я не собираюсь. Кстати, ты хотел что-то сказать, а я тебя перебила. Помнишь?

Селдон ненадолго задумался и ответил:

— Нет, не помню.

Свет погас. Он думал только о Книге. Рассказ Дорс о «руке на бедре» совершенно вылетел у него из головы.

47

Дорс проснулась посреди ночи. Кровать Гэри была пуста. Если он не ушел совсем, быть ему было негде, кроме как в ванной.

Дорс тихонько постучала в дверь ванной и шепотом спросила:

— Гэри?

— Входи, — отсутствующе отозвался Селдон.

Крышка унитаза была опущена. Гэри восседал на ней, не спуская глаз со страницы Книги.

— Я читаю, — пояснил он неизвестно зачем.

— Вижу. Но почему?

— Прости, но я не мог заснуть.

— Но почему здесь?

— Если бы я зажег свет, я бы тебя разбудил.

— Но, может быть, у Книги есть подсветка?

— Нету. Я проверял. И Капелька Сорок Третья о подсветке ни слова не сказала. Да это и так ясно: подсветка съедала бы массу энергии, и батарейка долго бы не протянула.

Голос у него был недовольный.

— Ладно уж, выходи, — вздохнула Дорс. — Я хочу воспользоваться этим помещением по прямому назначению.

Выйдя из ванной, Дорс увидела, что Гэри сидит на кровати, скрестив ноги, а под потолком сверкает лампа.

— Слушай, а чего это ты такой расстроенный? — поинтересовалась Дорс. — Что, Книга разочаровала тебя?

Оторвавшись от страницы, часто моргая, он ответил:

— Да, представь себе. Я ее пролистал. В общем, это какая-то энциклопедия. Тут перечислены имена каких-то людей, названия — мне это ровным счетом ничего не дает. Тут нет ни слова о Галактической Империи и даже о доимперских царствах. Речь все время идет о каком-то единственном мире. Словом, судя по тому, что я успел прочесть, это какая-то бесконечная диссертация на тему внутренней политики.

— Нужно, вероятно, сделать скидку на древность. Очень может быть, она имеет отношение к тому времени, когда и вправду существовал только один-единственный мир. Единственный обитаемый.

— Да все я понимаю! — раздраженно махнул рукой Селдон. — Мне-то нужно убедиться в одном: что это настоящая, истинная история, а не легенда. Я не хочу верить, что это так только из-за того, что мне до смерти хочется, чтобы это было так.

Дорс пожала плечами.

— Ну, что сказать? Вопрос о единственной планете, откуда пошел род человеческий, сейчас в большом ходу. Люди — единственные разумные существа, распространившиеся по всей Галактике, значит, они должны были где-то зародиться. По крайней мере, такова одна из самых распространенных в наше время гипотез. Вряд ли могло быть так, чтобы у одного вида были разные источники.

— Не вижу, почему бы эту гипотезу нельзя было оспорить, — не согласился Селдон. — Разве не могло быть так, что на разных планетах зародились разные виды людей, а потом за счет скрещивания образовался некий промежуточный вид?

— Виды не могут скрещиваться. Потому они и называются видами.

Селдон немного подумал, потом махнул рукой.

— Ладно, это пусть биологи разбираются. Это их дело.

— Вот именно биологи больше всего и склоняются к гипотезе о Земле.

— Земле? Что, так они называют мир-прародину человечества?

— Так принято называть эту планету, хотя теперь уже невозможно выяснить, так ли она называлась в действительности, если и существовала на самом деле. И потом, никто на свете не знает, где она находилась.

— Земля! — поджал губы Селдон. — Пустой звон. В Книге мне такого названия не встретилось. Как пишется это слово?

Дорс сказала слово по буквам, а Селдон быстро пробежал глазами указатель.

— Ну вот. В указателе такого названия нет. Ни в таком написании, ни в других возможных вариантах.

— Правда?

— А вот кое-какие другие миры упоминаются. Без названий, правда. Похоже, другие миры составителей этой Книги попросту не интересовали. Упоминаются они только в связи с какими-то вмешательствами во внутренние дела того мира, о котором тут идет речь, — по крайней мере, это следует из того, что я пока успел прочитать. В одном случае упоминается «Пятьдесят», но о ком или о чем речь, я не понял. Пятьдесят вождей?

Пятьдесят городов? Мне почему-то показалось, что речь идет о пятидесяти мирах.

— Но разве у этого мира, о котором там говорится, нет имени? Авторы никак его не называют? — спросила Дорс. — Если не Землей, как они его называют?

— Да никак. То «мир», то «планета». Иногда мелькает что-нибудь вроде «старейшая» или «Мир Утренней Зари». Вероятно, у последнего определения есть какой-то поэтический смысл, но мне он не ясен. Наверное, придется прочитать Книгу от корки до корки, тогда выплывет какой-то смысл. — Селдон посмотрел на Книгу с некоторой неприязнью. — Вот только времени на это уйдет уйма, а стану ли я в конце концов умнее, это еще большой вопрос.

— Как мне тебя жалко, Гэри, — вздохнула Дорс. — Ты говоришь так разочарованно.

— Да я действительно разочарован! Хотя... сам виноват. Не надо было обольщаться. ...Правда, в одном месте они называют свой мир... ты подумай только... — Аврора.

— Аврора? — переспросила Дорс и удивленно вскинула брови.

— Похоже, это настоящее название. Но что оно значит? Тебе оно о чем-нибудь говорит, Дорс?

— Аврора... — задумчиво проговорила Дорс. — Не припомню, чтобы я когда-нибудь слыхала о планете с таким названием. Но в конце концов, я и не обязана знать названия всех двадцати пяти миллионов миров. Можно было бы навести справки в университетской библиотеке, но кто знает, когда мы теперь вернемся в Стрилинг. Здесь, в Микогене, искать библиотеку, мне кажется, совершенно бесполезно. Почему-то у меня такое чувство, что все их знания собраны в этой Книге. Все, что в нее не входит, их попросту не интересует.

Селдон зевнул и сказал:

— Наверное, ты права. Во всяком случае, дальше читать пока бесполезно. У меня уже глаза слипаются. Не возражаешь, если я выключу свет?

— Нисколько не возражаю. Давай поспим подольше.

В наступившей темноте Селдон сказал вполголоса:

— Безусловно, многое, о чем там пишется, выглядит по меньшей мере странно. Ну, например, они утверж-

дают, что продолжительность жизни у них на планете составляла — четыре столетия.

— Столетия?

— Да, и считают они не годами, а десятилетиями. Возникает какое-то странное чувство. Столько всякой дребедени, и вдруг какие-то настоящие цифры. Просто не верится. И все-таки что-то тут есть такое... Так написано, что начинаешь верить.

— Ничего удивительного. Во многих легендах вожди живут очень долго. Герои, сам понимаешь. Должны жить немислимо долго.

— Правда? — зевая, спросил Селдон.

— Правда. И один из секретов долголетия заключался в том, чтобы вовремя ложиться спать и оставлять важные дела на утро.

Селдон только успел задуматься о том, что как хорошо бы на самом деле стать долгожителем: ведь тогда шанс понять все, что происходит в Галактике, был бы намного больше, — и уснул сладким сном.

48

На следующее утро, бодрый и отдохнувший, Селдон, перед тем как снова углубиться в чтение Книги, спросил у Дорс:

— Послушай, как тебе кажется, а сколько лет Сестрам?

— Не знаю, — пожала плечами Дорс. — Двадцать-двадцать два.

— А тебе не кажется, что им лет эдак триста-четырееста?

— Гэри, ты спятил, не иначе.

— Я говорю: «не кажется ли»? В математике все основано на предположениях. Большая продолжительность жизни наверняка должна быть связана с задержкой в развитии. На вид им может быть двадцать, а на самом деле — все шестьдесят.

— Ну и спроси у них, сколько им лет.

— Они могут солгать.

— Не знаю. Попроси показать свидетельства о рождении.

— Готов поспорить на что угодно — они заявят, что у них нет никаких свидетельств. А если есть, они скажут, что не имеют права показывать их варварам.

— Не надо спорить. Если это так, то нечего вообще гадать о том, сколько им лет.

— Ну уж нет! Ты подумай хорошенько. Если у микогенцев действительно такая сумасшедшая продолжительность жизни, если она превышает среднюю продолжительность жизни обычного человека раза в три-четыре, рождаемость должна быть ограничена, иначе получался бы колоссальный прирост населения. Помнишь, Протуберанец обмолвился насчет того, что население у них не растет. Он еще как-то сердито про это сказал.

— К чему ты клонишь? — нахмурилась Дорс.

— Сколько я ни ходил с Капелькой Сорок Третьей, я нигде не встречал детей.

— На микрофермах?

— Да.

— Но откуда там взяться детям? А вот когда мы мотались с Капелькой Сорок Пятой по магазинам, я видела детей. Всяких, в том числе и грудных. Немного, но видела.

— Ага... — разочарованно протянул Селдон. — Значит, им не в радость долголетие... Они не предаются его радостям сполна.

— Значит, так. Но неужели ты действительно решил, что они могут столько жить?

— Да нет, не то чтобы так уж и решил. Просто предположил.

— Знаешь, на такие предположения можно столько времени зря потратить! Стоит ли тратить время на такую чепуху?

— Знаешь, порой то, что кажется чепухой, на самом деле оказывается весьма важным. Кстати. Ты же у нас историк. Скажи, в своей работе тебе никогда не встречалось упоминания о предметах или явлениях под названием «роботы»?

— Ага! Значит, ты натолкнулся еще на одну легенду. Надо сказать, она гораздо более известна. Видишь ли, в некоторых мирах верят в существование машин в

обличье людей. Они, якобы, существовали в доисторические времена. Вот их-то и называли роботами.

Все рассказы о роботах, видимо, происходят из какого-то одного источника, поскольку основной сюжет всегда один и тот же. После того как роботы были созданы, число их непрерывно росло, росли и их способности, и в конце концов они достигли уровня сверхлюдей. Они угрожали человечеству и были поэтому уничтожены. Уничтожение их произошло, судя по легендам, задолго до того времени, когда появились первые более или менее достоверные исторические записи. Как правило, при чтении этих легенд возникает такое чувство, что они представляют собой живописание символической картины освоения Галактики, когда люди покинули свой родной мир и странствовали по Галактике, встречаясь с непрерывными опасностями. Тогда, по всей вероятности, был исключительно силен страх встречи с другими разумными существами, может быть, более сильными.

— Может быть, так и случилось? — спросил Селдон. — Может быть, такая встреча на самом деле произошла и породила легенду?

— Можно было бы такое предположить, однако ни в одном из миров, ранее не заселенных людьми, не было найдено никаких следов какой-либо дочеловеческой и нечеловеческой цивилизации.

— Но почему их называли «роботами»? Есть у этого слова какое-нибудь значение?

— Точно не знаю, но, вроде бы, это эквивалент слова «автомат».

— Автомат? Почему же их тогда не называли автоматами?

— Понимаешь, в легендах всегда встречаются древние, иногда безнадежно устаревшие слова и термины. Это придает особый колорит. Да, кстати, а почему ты об этом спрашиваешь?

— Потому что в этой книге идет речь о роботах. Причем, надо отметить, отношение к ним высказывается весьма и весьма благосклонное. Послушай, Дорс, ты куда-нибудь пойдешь с Капелькой Сорок Пятой?

— Может быть. Если она появится.

— Ты не могла бы задать ей несколько вопросов и попытаться выудить ответы?

— Попробовать можно. Что за вопросы?

— Мне бы хотелось разузнать — только умоляю, как можно тактичнее! — существует ли в Микогене какая-то прослойка населения, которая как-то по-особенному связана с прошлым, у которой есть какие-то мифические признаки, которая способна...

Дорс прервала, стараясь не улыбаться.

— По-моему, ты просто хочешь узнать, есть ли в Микогене храм.

Седдон удивился и спросил:

— Что такое «храм»?

— Еще одно древнее понятие. Но в нем совмещается все то, о чем ты спрашиваешь, — исключительность, мифичность, прошлое. Хорошо, я спрошу. Хотя очень может быть, что о таких вещах тут не принято болтать с первым встречным, тем более — с варварами.

— И все-таки попробуй.

Глава 11

СВЯТИЛИЩЕ

АВРОРА — легендарная планета, заселенная, вероятно, в доисторические времена. Заселение ее относится, по всей видимости, к закату эры межзвездных перелетов. Некоторые считают ее мифическим «первичным миром» — прародиной человечества, а название планеты — вариантом названия «Земля». Народ Микогена, сектора древнего Трентора, считал, что его предки родом с Авроры, и эта догма стала главной в микогенской системе верований, о которой известно крайне мало...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

49

Обе Капельки явились утром. Капелька Сорок Пятая, по обыкновению, была весела, а ее сестра застыла на пороге в нерешительности. Смотрела в пол, видимо, опасаясь встретиться взглядом с Селдоном.

Селдон не знал, как себя вести, и подмигнул Дорс. Та весело, по-деловому обратилась к девушкам:

— Одну минутку, Сестры. Мне нужно кое-что объяснить моему другу, а то он не знает, чем ему сегодня заняться.

Они шмыгнули в ванную. Дорс шепотом спросила:

— Что-нибудь не так?

— Да. Капелька Сорок Третья явно смущена. Скажи ей, что я постараюсь вернуть Книгу как можно скорее. Дорс смерила Селдона удивленным взглядом.

— Гэри, — сказала она, покачивая головой, — ты, конечно, исключительно внимателен и заботлив, но хитрости тебе явно недостает. Как ты не понимаешь, что как только я зайнусь о Книге, эта несчастная девица сразу поймет, что ты мне рассказал все-все о том, что случилось вчера, и вот тогда-то она смутится окончательно. Единственный выход — вести себя с ней так, как обычно.

Селдон обреченно кивнул и сказал:

— Может, ты и права.

Вернулась Дорс как раз к обеду. Селдон лежал на кровати, нетерпеливо перелистывая Книгу. Угрюмо взглянув на Дорс, он пробурчал:

— Если придется тут задержаться, неплохо было бы обзавестись каким-нибудь средством связи. Я не знал, когда ты вернешься, и, признаться, беспокоился.

— Ну, вот она я, вернулась, — улыбнулась Дорс, стянула с головы шапочку и с неприязнью посмотрела на нее. — Правда? Ты волновался? Как приятно. А я, честно говоря, думала, что ты так поглощен чтением Книги, что и не заметишь моего отсутствия.

Селдон фыркнул.

— Что касается средства связи, — сказала Дорс, — то думаю, что в Микогене нам вряд ли удастся раздобыть что-либо подобное. Ведь это означало бы, что варвары, находящиеся здесь, и те, что за границей Микогена, могли бы поддерживать связь между собой, а цель нынешней политики — всеми силами препятствовать каким-либо внешним сношениям.

— Точно, — кивнул Селдон, отложив Книгу. — Собственно, это видно из того, что тут написано. А тебе что-нибудь удалось разузнать об этом... как ты его назвала? — ...храме?

— Да, — кивнула Дорс, отклеивая ленточку с бровей. — Он существует. И не один. Храмы разбросаны по всему сектору, но существует одно, главное здание. ...Слушай, ты не поверишь, одна женщина заметила мои подкрашенные ресницы и заявила, что мне не следует показываться на людях. У меня есть опасение, что она на меня донесет за аморальное поведение!

— Ладно, не бойся, — нетерпеливо махнул рукой Селдон. — Ну, и что же, выяснила ты, где находится этот главный храм?

— Я поняла, где он находится, но Капелька Сорок Пятая предупреждала меня о том, что женщин внутрь допускают только по особым случаям. И таких случаев в ближайшее время не предвидится. А называется это место Святилищем.

— Как-как?

— Святилищем.

— Удивительно неуклюжее слово. Что оно означает? Дорс покачала головой.

— Я его тоже впервые слышу. И ни одна из Капелек не смогла мне объяснить, что оно значит. Для них «Святилище» — это не название здания, а его сущность. Спрашивать у них, почему оно так называется, это все равно что спрашивать, почему стена называется стеной.

— Ну хорошо, что же в таком случае они знают об этом заведении?

— Кое-что знают, Гэри. Они знают, для чего оно предназначено. Это место посвящено чему-то, отличному от обыденной жизни в Микогене. Другому, преждему, более прекрасному миру.

— Тому миру, где они жили раньше?

— Точно. Капелька Сорок Пятая... в общем, еще бы чуть-чуть, и она именно так бы и сказала. Но слова произнести не посмела.

— Аврора?

— Да. Но у меня такое подозрение, что если бы ты произнес это слово вслух при большом скоплении народа, люди бы попросту испугались. Капелька Сорок Третья только и успела сказать: «Святилище посвящено...», потом запнулась, а потом вывела буквы пальцем на ладони. Да еще и зарделась, словно совершила что-то запретное.

— Странно, — нахмурился Селдон. — Если эта Книга — их главное руководство, учебник жизни, так сказать, стало быть, Аврора — самое дорогое из всех воспоминаний, краеугольный камень их мировоззрения, ось, вокруг которой вертится весь Микоген. Поче-

му же упоминание о ней запрещено? Ты уверена, что поняла все правильно?

— Да, Гэри. Скорее всего, ничего загадочного тут нет. Если бы об этом болтали напропалую, информация просочилась бы за пределы Микогена, попала бы к варварам. И лучший способ избежать этого — сделать из самого упоминания об этом мире табу.

— Табу?

— Это такой специальный антропологический термин. Табу — это разновидность запрета на какие-то действия. Ну вот, например, в здешнее Святилище не допускают женщин — наверняка это связано с каким-то табу. Уверена, любая Сестра умерла бы от ужаса, если бы ей предложили нарушить запрет.

— А ты хорошо поняла, где находится Святилище? Сможешь мне объяснить, чтобы я сам сходил туда?

— Во-первых, Гэри, один ты туда не пойдешь. Я пойду с тобой. Я считала, что этот вопрос мы уже обсудили и закрыли. На расстоянии я не могу защитить тебя ни от снежной бури, ни от страстных женщин. И потом, мне кажется, что не стоит особо обольщать себя мыслью о том, чтобы попасть в Святилище. Во-вторых, туда не дойти пешком. Микоген, конечно, маленький сектор, но не настолько маленький.

— Ну хорошо, а на экспрессе?

— Маршруты экспресса не пролегают по микогенской территории. Это бы чересчур облегчило контакты между микогенцами и варварами. Но кое-какой транспорт тут все-таки есть. Что-то такое безнадежно устарелое, что в ходу лишь на отсталых планетах. Собственно, сам Микоген — словно кусочек отсталой планеты, вырезанный откуда-то и вставленный в тело Трентора. ...Да, Гэри, заканчивай чтение как можно скорее. Капелька Сорок Третья волнуется. Отдав тебе Книгу, она тоже нарушила какой-то запрет, и если это выяснится, ей может здорово нагореть.

— Хочешь сказать, что давать эту Книгу варвару — тоже табу?

— Уверена.

— Ну что ж. Можно отдать хоть сейчас. Потеря невелика. Я бы сказал так: девяносто пять процентов содержания — скука смертная; бесконечное описание

борьбы политических группировок, бесконечное восхваление политиков, о мудрости которых судить крайне трудно, бесконечные рассуждения на темы морали, и ото всего этого разит таким самодовольством, что просто рассвирепеть можно.

— Выходит, ты только обрадуешься, если я заберу у тебя Книгу?

— В общем и целом, да. Но оставшиеся пять процентов посвящены Авроре, которая почти никогда не называется своим именем. Думаю, в этом что-то есть, и я склонен полагать, что мог бы извлечь из этого кое-какую пользу. Вот потому-то я и хочу отправиться в Святилище.

— Ты думаешь, в Святилище ты сумеешь больше узнать об Авроре?

— Может быть. И еще: меня просто захватила эта тема — об автоматах, или как их там... роботах. Это очень интересно.

— Уверена, ты не принимаешь этого всерьез?

— Как раз наоборот. Почти всерьез. Если понять содержание некоторых фрагментов книги буквально, получается, что некоторые роботы выглядели совсем как люди.

— Конечно. Если собираешься изготовить имитацию человека, какой же ты ее сделаешь? Естественно, ты придашь устройству форму тела человека.

— Да, это понятно. Имитация предполагает сходство, но сходство ведь может быть весьма приблизительным. Художник, допустим, набросает карикатурную фигурку, но ты поймешь, что он нарисовал человека. Голова — кружочек, тело — палочка, ручки и ножки зигзагами, вот и все. Но дело в том, что роботы были потрясающе похожи на людей. Абсолютно похожи.

— Глупости, Гэри. Ты только представь, сколько времени уйдет на то, чтобы создать верные пропорции металлического тела, симитировать очертания мускулатуры.

— При чем здесь «металлическое тело», Дорс? У меня полное впечатление, что с какого-то времени началось производство органических или псевдоорганических роботов. Их тело покрыто кожей, и выглядели они совсем как люди — не отличить.

— Что, так написано в Книге?

— Буквально несколько слов. Но впечатление такое...

— Твое впечатление, Гэри. Твое. Я бы не стала принимать этого всерьез.

— Погоди. Послушай меня. Из всего того, что в этой Книге написано о роботах, я сделал четыре вывода. Первое: как я уже сказал, некоторые из них являлись точными копиями людей. Второе: продолжительность их жизни была необычайно велика.

— Ой, только не говори «жизни», — поморщилась Дорс. — Хотя бы — «деятельности». А то уж и вправду получается все как у людей.

— Третье, — продолжал Гэри, не обратив внимания на ее замечание. — Некоторые из них, по крайней мере, один, живы доныне.

— Гэри, так говорится в легендах. Древний герой, дескать, не умер, а пребывает в состоянии анабиоза, и вернется к жизни, когда придет время спасти его народ. Ну, Гэри, что ты, в самом деле!

— Четвертое, — не сдавался Селдон. — В нескольких строчках речь идет об этом самом храме, или Святилище. Правда, в Книге оно так не называется, но зато говорится, что там находится этот самый робот. — Немного помолчав, он тихо спросил: — Ну, понимаешь теперь?

— Нет, — покачала головой Дорс. — Что я должна понять?

— Если связать воедино все четыре вывода, то есть: робот может выглядеть совсем как человек, он все еще жив, прожил двадцать тысячелетий и находится в Святилище.

— Нет, Гэри, не пытайся убедить меня. Не может быть, чтобы ты в это поверил.

— Не могу сказать, чтобы я действительно в это верил, но и отмахнуться не могу. А что, если это правда? Пускай один шанс из миллиона — а вдруг все-таки правда? Неужели ты не понимаешь, как это важно для меня. Ведь этот робот может *помнить* Галактику такой, какой она была задолго до того, как появились первые исторические записи. Он мог бы помочь мне в создании психонистории.

— Но даже если это так, неужели ты надеешься, что микогенцы впустят тебя в Святилище и позволят допрашивать робота?

— А я не собираюсь просить разрешения. Для начала я хочу проникнуть в Святилище и посмотреть, есть ли там тот, кого я хотел бы допросить.

— Но... не сегодня же? Хотя бы завтра. Если к утру не передумаешь, пойдем вместе.

— Не ты ли сама сказала мне, что женщин туда не пускают?

— Не сомневаюсь, снаружи женщинам можно смотреть на Святилище, и почти уверена: большего нам обоим сделать не удастся.

50

Седдон целиком и полностью положился на Дорс. По микогенским улицам она ходила чаще его и чувствовала себя здесь намного увереннее.

Однако Дорс особой уверенности не ощущала.

— Имей в виду, — предупредила она довольно хмуро, — мы запросто можем заблудиться.

— Почему? У нас же есть карта-путеводитель.

Дорс сердито стрельнула глазами в Гэри.

— Мы в Микогене, Гэри, не забывай. Нужна бы была компьютерная карта, такая, чтобы можно было задать вопрос и получить ответ. У микогенцев эту функцию выполняет, как видишь, кусок пластика с обозначениями. Я не могу объяснить пластику, где я нахожусь — ни голосом, ни нажатием кнопочек. Это напечатанная вещь. Понимаешь? Ориентироваться по ней можно только глазами.

— Ну так прочитай, что там напечатано!

— Я как раз этим и занимаюсь, но она составлена, эта карта, для тех, кто тут привык ориентироваться. Все равно придется спрашивать дорогу.

— Нет, Дорс. Только в самом крайнем случае. Мне не хотелось бы привлекать внимания. Лучше попробовать самим найти дорогу. Пусть мы будем блуждать, путаться, но только сами.

Дорс склонилась над картой, пригляделась повнимательнее и наконец проговорила:

— Так... Ну что ж, Святилище здесь так или иначе обозначено. И это вполне естественно. Вероятно, всякому микогенцу приходится время от времени туда добираться. — Приглядевшись еще внимательнее, она сказала: — Но прямой дороги туда отсюда нет.

— Что?

— Погоди, не волнуйся. Наверняка, можно сначала добраться до другого места, откуда идет какой-то транспорт до Святилища. Придется сделать пересадку.

Селдон облегченно вздохнул.

— Ну, слава богу. Конечно, что тут такого? Пересадки — дело обычное даже на Тренторе. То есть, в других секторах Трентора.

— Можно подумать, я этого не понимаю! — огрызнулась Дорс. — Просто я привыкла к говорящим путеводителям. А когда ищешь дорогу сам, самые простые вещи могут запросто не прийти в голову.

— Ладно, дорогая. Не ворчи. Если ты уже поняла, как туда добираться, веди. Я последую за тобой.

И они отправились в путь. Шли и шли, пока наконец не добрались до остановки.

Народу на остановке было немного — трое мужчин в белых кертлах и парочка женщин в серых. Селдон дружелюбно улыбнулся, но вся компания широко раскрыла глаза, и все как один отвернулись.

Тут как раз подкатило пресловутое транспортное средство. Будь Селдон сейчас на Геликоне, он бы назвал его автобусом. Внутри оказалось около двадцати сидений со спинками, на каждое из которых могло усесться по четыре человека. Около каждого сиденья располагалась отдельная дверца. На остановках пассажиры могли свободно выходить с обеих сторон автобуса. (Селдон задумался было, а каково приходится тем пассажирам, которые вынуждены выходить на ту сторону, по которой движется встречный поток транспорта, но довольно скоро заметил, что, как только автобус подъезжал к очередной остановке, встречные машины сразу останавливались и ждали, пока не сойдут все пассажиры.)

Дорс подтолкнула Селдона к сиденью, где было два свободных места. Селдон занял место, Дорс села рядом

с ним. (Мужчины, как заметил Селдон, входили и выходили первыми.)

— Прекрати глазеть на людей, — прошипела Дорс на ухо Селдону. — Не забывай, где ты находишься.

— Попытаюсь.

— Смотри-ка, — кивнула Дорс, указывая на узкий плоский экран на спинке предыдущего сиденья. Как только автобус тронулся, на экране замерцали буквы — название следующей остановки и названия важных учреждений или строений, мимо которых пролегал маршрут.

— По идее, — сказала Дорс, — с помощью этой штуковины мы должны узнать, когда нам нужно пересаживаться.

— Хорошо, — кивнул Селдон. Немного погодя он наклонился к Дорс и прошептал: — Никто на нас не смотрит. Я уже заметил: так обстоит дело в любом многолюдном месте. Искусственные границы выстраиваются для того, чтобы сохранить право на индивидуальность. Ты о таком никогда не задумывалась?

— Я всегда принимала это как данность. Если ты собираешься возвести такое элементарное явление в ранг правила для своей психоистории, имей в виду, ты никого не удивишь.

Дорс оказалась совершенно права: вскоре светящийся экран предупредил их о том, что автобус приближается к тому месту, где им нужно было сойти и сделать пересадку на другой, который шел прямо до Святилища.

Они сошли и стали ждать другого автобуса.

Пока автобус не подошел, Селдон успел заметить, что в нужном направлении уже ушло несколько автобусов. Значит, маршрут этот оживленный. «Ничего удивительного, — решил Селдон. — Наверняка, Святилище — своеобразный центр сектора».

Вскоре подкатил автобус, они вошли и заняли места. Селдон взволнованно прошептал:

— Дорс, мы и в тот раз ничего не платили, и теперь...

— Судя по путеводителю, общественный транспорт тут бесплатный.

Селдон выпятил нижнюю губу.

— Подумать только... Какая цивилизованность! Вот тебе и отсталость!

— Твое правило нарушено, — сообщила Дорс шепотом. — На нас смотрят. Мужчина справа от тебя.

51

Селдон скосил глаза. Справа от него сидел тощий старик, кареглазый, смуглый. Селдон почему-то решил, что у него, не пройди он обряда депиляции, наверняка были бы черные, как смоль, волосы.

«Необычный какой-то Брат. Нетипичный», — подумал Селдон, отведя взгляд и глядя прямо перед собой. До сих пор почти все Братья, которые встречались ему в Микогене, были высокие, светлокожие, и глаза у них были, как правило, серые или голубые. Правда, не так много он видел Братьев, чтобы делать какие-то обобщения.

Но тут что-то легонько коснулось правого рукава его кертла. Селдон робко обернулся и увидел карточку с торопливо нацарапанными словами: «Осторожнее, варвар!»

Селдон вздрогнул и инстинктивно поднес руку к шапочке. Мужчина, сидевший справа от него, одними губами произнес:

— Волосы.

Тут рука Селдона нащупала непослушную прядь волос, выбившуюся из-под шапочки на виске. Как можно быстрее и незаметнее он заправил волосы под шапочку и проверил, все ли в порядке, притворившись, что почесывает лысину.

— Спасибо, — прошептал Селдон, повернув голову к соседу.

Сосед улыбнулся и довольно громко спросил:

— В Святилище направляешься?

— Да, — кивнул Селдон.

— Нетрудно догадаться. Я тоже. Выйдем вместе? — дружелюбно улыбнулся он.

— Но я не один. Со мной моя... моя...

— Твоя женщина? Значит, выйдем втроем?

Селдон даже не знал, что ответить. Он скосил взгляд влево. Дорс смотрела прямо перед собой, не обращая, казалось, никакого внимания на мужскую беседу — ну прямо истинная, хорошо воспитанная Сестра. Одна-

ко она ухитрилась легонько коснуться своим коленом колена Селдона, как бы говоря: «Все в порядке».

— Да, конечно, — вежливо ответил незнакомцу Селдон.

Потом они больше не разговаривали с соседом, но вот табличка оповестила их о том, что следующая остановка — Святилище, и новый знакомец Селдона поднялся, приготовившись к выходу.

Автобус резко повернул, объезжая вокруг парка, и вскоре остановился. Началась жуткая суতোлка. Мужчины проталкивались вперед, стараясь обогнать женщин. Женщины покорно уступали им дорогу.

Голос микогенца был чуть хрипловатым, но приятным.

— Друзья мои, — сказал он. — Вы не против, если я вас буду так называть? Друзья мои, завтракать еще рановато, но вы уж мне поверьте, имеет смысл перекусить. Если вы не против, я бы вам посоветовал купить какой-нибудь еды и перекусить на воздухе. Я хорошо знаком с этими местами и помогу вам разыскать уютный уголок.

Селдон немного встревожился — уж не хитрый ли это трюк, чтобы заманить ничего не подозревающих варваров в ловушку? Однако он решил рискнуть.

— Вы очень добры, — сказал он. — Мы тут совершенно ничего не знаем, так что с радостью принимаем ваше любезное предложение.

Вскоре они уже нагрузились покупками, купили с уличного лотка сэндвичи и какой-то молочный напиток. Микогенец предложил позавтракать в парке около Святилища.

По пути, глядя на Святилище, Селдон отметил, что здание немного напоминает Дворец Императора и парк чем-то похож на окрестности Дворца. Трудно было предположить, что на подобную постройку микогенцев вдохновила архитектура Дворца, но тем не менее зданию было не отказать в своеобразной красоте.

— Красиво, правда? — с нескрываемой гордостью спросил микогенец.

— Очень, — подтвердил Селдон. — Все сверкает! Замечательно!

— А парк вокруг Святилища, — пояснил микогенец, — разбит наподобие того, что когда-то красовался около здания правительства в нашем Мире Утренней Зари — но, конечно, наш гораздо миниатюрнее.

— Скажите, а парк около Дворца Императора вы никогда не видели? — спросил Селдон осторожно.

Микогенец понял намек, но не счел его ни в коей мере оскорбительным.

— Они тоже старались скопировать то здание в Мире Утренней Зари.

Вскоре тройца подошла к полукруглой скамейке из белого камня, радостно сверкавшей в лучах утреннего солнца, как и само здание.

— Хорошо, — взгляд микогенца выражал удовольствие. — Мое любимое местечко не занято. Я зову его своим, потому что это моя любимая скамейка. Отсюда открывается сквозь деревья прекрасный вид на боковую стену Святилища. Прошу садиться. Камень не холодный, не бойтесь. И твоя спутница пусть тоже садится. Она варварша, и у нее другие привычки. Но она... она может принять участие в беседе, если хочет.

Дорс зыркнула на микогенца, но промолчала и села.

Селдон, понимая, что хочешь не хочешь, а придется провести какое-то время с новым знакомым, протянул руку и представился:

— Меня зовут Гэри, а мою спутницу — Дорс. Числительными, вы уж простите, мы не пользуемся.

— Каждому свое, — кивнул микогенец. — Меня зовут Мицелий Семьдесят Второй. У нас очень многочисленная когорта.

— Мицелий? — несколько обескураженно переспросил Селдон.

— Вы удивлены? Вы, наверное, до сих пор общались только с членами старейших семейств. У них имена типа «Туча», «Солнечный Свет», «Звездное Сияние» и тому подобные — все такие, астрономические.

— Должен признаться, — начал было Селдон, но Мицелий прервал его.

— Ну, а теперь познакомьтесь с представителем низшего слоя. Наши имена происходят от всего, что имеет отношение к земле и тому, что на ней произрастает. Вполне уважаемые имена.

— Нисколько не сомневаюсь, — кивнул Селдон. — Кстати, позвольте вас поблагодарить за тот совет, что вы мне дали в автобусе.

— Знаете, — признался Мицелий Семьдесят Второй, — я и правда спас вас от большой беды. Если бы ваши выбившиеся из-под шапочки волосы до меня увидела какая-нибудь Сестра, она бы обязательно закричала, а первый попавшийся Брат вышвырнул бы вас из автобуса, не дожидаясь остановки.

Дорс чуть-чуть наклонилась вперед, чтобы задать вопрос микогенцу.

— А почему вы не сделали этого сами?

— Я? Видите ли, я не питаю неприязни к варварам. Я ученый.

— Ученый?

— Первый в своей когорте. Я учился в школе при Святилище и закончил ее весьма успешно. Я обучен всем древним наукам и теперь обладаю правом посещать особую библиотеку, где собраны книги, написанные варварами, и читать любую. У нас там имеются даже компьютерные справочники, и я умею с ними обращаться. Это очень помогает расширению кругозора. Так что меня совершенно не раздражает такая мелочь, как выбившиеся из-под шапочки волосы. Я не раз видел в книгах репродукции и рисунки, где изображены люди с пышными шевелюрами. Мужчины и женщины, кстати, — сообщил он, бросив быстрый взгляд на Дорс.

Какое-то время они молча жевали сандвичи. Молчание нарушил Селдон.

— Я обратил внимание, что у каждого Брата, который входит в Святилище и выходит из него, есть красная сумочка.

— О да, — кивнул Мицелий Семьдесят Второй. — Переброшена через левое плечо и свисает справа от талии. Обычно их затейливо украшают.

— Но для чего они нужны?

— Называются они «обиа» и символизируют радость от входа в Святилище и цвет крови, которую каждый готов пролить, чтобы сохранить его.

— Крови? — неприязненно переспросила Дорс.

— Это просто символ. Никогда не слышал, чтобы кому-то на самом деле пришлось пролить кровь ради спасения Святилища. Да и радости, откровенно говоря, мало. Там только плачут, рыдают и скорбят об утраченном Мире. — Он помолчал и сказал тихонько: — Ужасно глупо.

— Значит, вы — неверующий? — спросила Дорс.

— Я ученый, — с нескрываемой гордостью ответил Мицелий. Он усмехнулся, и лицо его избородили морщинки. Он сразу постарел. Седдону вдруг стало интересно, сколько лет новому знакомому. Несколько веков? Нет, этого не может быть, но все-таки...

— Сколько вам лет? — вырвалось у Седдона.

Вопрос, похоже, нисколько не задел Мицелия Семьдесят Второго. Он как ни в чем не бывало ответил:

— Семьдесят два.

Но Седдон не удовлетворился таким ответом.

— А я слышал, что в прежние, давние времена представители вашего народа жили очень долго — по несколько веков.

Мицелий Семьдесят Второй немного удивленно посмотрел на Седдона.

— А откуда у тебя такие сведения? Вряд ли кто-то мог такое рассказать. Хотя это правда. То есть, некоторые верят, что это правда. А веру эту поддерживают Старейшины, поскольку этот факт служит убежденности в нашем превосходстве. Однако у нас действительно высокая продолжительность жизни. Это потому, что мы рационально питаемся. Но до ста лет у нас мало кто доживает.

— Я так понял, что лично вы не верите в превосходство микогенцев перед другими народами?

— Народ как народ, — пожал плечами Мицелий. — Во всяком случае, не хуже других. Но мне кажется, что все люди равны. Даже женщины, — подчеркнул он, взглянув на Дорс.

— Не думаю, — засомневался Седдон, — что многие в Микогене с вами согласились бы.

— Также, как и многие из ваших, — кивнул Мицелий Семьдесят Второй. — Но я в это верю. Ученый обязан в это верить. Я прочитал огромное количество варварской литературы. Я знаком с вашей культурой,

понимаю и чту ее. Даже написал о ней несколько научных статей. И поэтому я сижу тут так спокойно и разговариваю с вами, словно вы — такие же, как мы.

— Похоже, вы гордитесь тем, что понимаете жизнь и обычаи варваров, — немного раздраженно проговорила Дорс. — А за пределами Микогена вы когда-нибудь бывали?

— Нет, — несколько пристыженно ответил Мицелий Семьдесят Второй.

— Почему же? Ведь тогда вы узнали бы нас гораздо лучше.

— Я бы чувствовал себя неловко. Мне пришлось бы носить парик. Я бы стеснялся.

— Зачем вам парик? — удивленно спросила Дорс. — Могли бы оставаться лысым.

— Нет, — упрямо покачал головой Мицелий. — Я бы не сделал такой глупости. Все, у кого на голове растут волосы, тыкали бы в меня пальцем и дразнили ие переставая.

— Дразнили? За что? — воскликнул Селдон. — Мой отец, к примеру, рано облысел, и мне кажется, у меня тоже есть такая склонность. Пройдет пара десятков лет, и я тоже стану лысым.

— Все равно... это не то... не такая лысина, — упорствовал Мицелий. — Остаются волосы по краям и над глазами... брови. Для меня «лысый» — это когда совсем нет волос. Никаких.

— Нигде на теле? — с любопытством спросила Дорс.

Тут уж Мицелий Семьдесят Второй, похоже, оскорбился по-настоящему. По крайней мере, вопрос Дорс оставил без ответа.

Селдон, желая сгладить неловкость и вернуться к начатому разговору, спросил:

— Скажите, пожалуйста, Мицелий Семьдесят Второй, дозволяется ли варварам входить внутрь Святилища?

— Никогда! — яростно затряс головой Мицелий. — Это позволено только Сыновьям Утренней Зари.

— Только Сыновьям? — уточнила Дорс.

Мицелий какое-то время молчал, утратив дар речи. Наконец, овладев собой, он пробормотал:

— Вы же варвары, надо сделать скидку... Дочери Утренней Зари входят в Святилище только в определенные дни, в дни особых торжеств. Вот так все обстоит. Я не хочу сказать, что лично я одобряю такой порядок вещей. Если бы все зависело от меня, я бы сказал: «Входите все и радуйтесь, и наслаждайтесь, если сможете!»

— А вы сами были там когда-нибудь?

— Когда я был маленький, родители водили меня, но, — он покачал головой, — все, что я запомнил, так это то, что все там смотрят в Книгу, читают из нее отрывки и только вздыхают и плачут о прошлом. Там нельзя разговаривать, смеяться. Даже смотреть друг на друга нельзя. Думать можно только об Утраченном Мире и больше ни о чем другом. Это не для меня, — Мицелий решительно взмахнул рукой. — Я ученый, и я хочу, чтобы мне был открыт весь огромный мир.

— Прекрасно сказано, — одобрительно кивнул Селдон, нащупавший, как ему казалось, лазейку. — Мы тоже ученые — и я, и Дорс.

— Знаю, — спокойно кивнул Мицелий Семьдесят Второй.

— Знаете? Откуда?

— Кем же вам еще быть? Из варваров в Микогене бывают только торговцы, политики и дипломаты, да еще ученые. А вы похожи только на последних. Вот это-то меня в вас и заинтересовало, — от души улыбнулся он.

— Вы не ошиблись. Я математик. Дорс историк. А вы?

— Я специалист по культуре. Я прочел очень много величайших произведений, написанных варварами — Лиссо, Ментоном, Новигором...

— А мы успели познакомиться с величайшим произведением вашего народа, — прервал его Селдон. — Я, например, прочел Книгу... Об Утраченном Мире.

Мицелий Семьдесят Второй широко раскрыл глаза. Удивлению его не было предела.

— Неужели? Но как? Где?

— У нас в Университете есть копии, которые можно прочесть при наличии специального допуска.

— Копии Книг?

— Да.

— Поразительно! Хотел бы я знать, ведомо ли это Старейшинам?

— И еще я там прочел про роботов, — сообщил Селдон.

— Про роботов?

— Да. И именно поэтому мне так хочется попасть в Святылище. Мне хотелось бы взглянуть на робота.

Дорс потянула Селдона за рукав, но он взял быка за рога и не обратил на ее предупреждение никакого внимания.

— Я в такие вещи не верю, — гордо проговорил Мицелий. — Ученым это не к лицу, — он воровато оглянулся по сторонам. Видимо, все-таки боялся, что кто-то его услышит.

Селдон не отступался.

— Я прочел, что робот до сих пор находится в Святылище.

— Не желаю болтать о такой чепухе, — пробурчал Мицелий Семьдесят Второй.

— Но если он в Святылище, — стоял на своем Селдон, — то где именно?

— Даже если бы он там был, я бы не смог тебе ничего подсказать. Я же там не был с детства.

— Но может быть, там есть какое-то особое место?

— Существует алтарь. Но туда входят только Старейшины. И там ничего нет.

— Вы там бывали?

— Нет, конечно, нет.

— Откуда же вы знаете, что там ничего нет?

— Я не знаю, что там нет гранатового деревца. Не знаю, что там нет лазерного органа. Я не знаю, что там нет миллиона всевозможных вещей. Если я об этом не знаю, разве это значит, что они там есть?

Селдон не сразу нашелся, что сказать.

По лицу Мицелия Семьдесят Второго пробежала легкая усмешка.

— Логика ученого, — проговорил он. — Со мной не так просто разговаривать. И тем не менее я бы не советовал вам подниматься в алтарь Старейшин. Не думаю, чтобы вам понравилось то, что произойдет, если они заметят варваров в Святылище, не говоря уже об

алтаре. Ну что ж, всего вам наилучшего, — сказал Мицелий и, не сказав больше ни слова, поспешил уйти.

Селдон проводил его удивленным взглядом.

— Чего это вдруг он так сорвался?

— Видимо, из-за того, что к нам кто-то идет, — сказала Дорс.

И действительно, к ним шел высокий мужчина в просторном белом кертле. Через плечо у него свисала красная сумочка с блестящей вышивкой. Шагал он очень уверенно; так шагал бы представитель власти, более того — недовольный представитель этой самой власти.

52

Гэри Селдон встал ему навстречу, сам не зная зачем. Он не был уверен, что его порыв — верное с точки зрения этикета действие, но подумал, что вреда от этого большого не будет. Дорс встала следом за ним и скромно потупила взор.

Микогенец остановился прямо перед ними. Этот человек также был немолод, однако выглядел немного иначе, чем Мицелий Семьдесят Второй. Старина, казалось, красила его лицо. У него была благородная форма головы, ярко-голубые глаза, цвет которых резко контрастировал с ослепительно красной сумочкой.

Незнакомец сказал:

— Как я вижу, вы варвары.

Голос у него оказался более высокий, нежели ожидал Селдон, и говорил он медленно, тщательно взвешивая каждое слово.

— Вы не ошиблись, — вежливо, но твердо ответил Селдон. Он решил не унижаться, но и грубить не собирался.

— Ваши имена?

— Я — Гэри Селдон с Геликона. Моя спутница — Дорс Венабили. Она с Цинны. А вас как зовут, микогенец?

Микогенец сощурился, однако твердость, с которой разговаривал Селдон, от него не укрылась. Видимо, он тоже ценил смелость и решительность.

— Я — Молния Второй, — ответил он и, гордо вздернув подбородок, добавил: — Старейшина Храма. А вы кто такие, варвары?

— Мы, — ответил Седдон, сделав особое ударение на слове «мы», — ученые из Стрилингского Университета. Я математик, моя спутница — историк, и мы занимаемся изучением обычаев Микогена.

— Кто вам дал на это право?

— Мы находимся в Микогене по приглашению Протуберанца Четырнадцатого.

Молния Второй немного помолчал, усмехнулся и сказал:

— Верховный Старейшина. Я хорошо с ним знаком.

— Не сомневаюсь, — отрезал Седдон. — Есть еще вопросы, Старейшина?

— Да.

Судя по всему, Старейшина не собирался сдавать позиции.

— Кто тот человек, что сидел с вами рядом и убежал, заведев меня?

Седдон покачал головой.

— Мы с ним не знакомы, Старейшина, и ничего о нем не знаем. Мы встретились с ним совершенно случайно и спросили его о Святылище.

— А почему вы спросили его? И о чем именно?

— Мы задали ему всего два вопроса, Старейшина. Мы спросили его, не Святылище ли это здание и можно ли туда войти варварам. На первый вопрос он ответил утвердительно, а на второй — отрицательно.

— Все правильно. А почему вас интересует Святылище?

— Сэр, мы здесь для того, чтобы изучить обычаи Микогена, а разве Святылище — это не сердце и мозг Микогена?

— Оно наше и принадлежит только нам.

— А если бы, Старейшина, Верховный Старейшина разрешил нам посетить его из чисто научных соображений?

— У вас на самом деле есть такое разрешение?

Седдон на мгновение растерялся. Дорс украдкой взглянула на него. Нет, солгать он не посмел.

— Нет, — ответил он и добавил: — Пока нет.

— И никогда не будет, — сурово проговорил Старейшина. — Вы в Микогене по приглашению, но даже самый главный властитель не может распоряжаться всем на свете и пренебрегать интересами народа. Мы высоко ценим наше Святилище, и должен вам сказать, что присутствие варваров в Микогене наш народ, мягко говоря, неприязненно воспринимает вообще, а в особенности — на территории Святилища. Стоит только кому-нибудь одному поднять панику и закричать «Вторжение!», и самая мирная толпа в одно мгновение рассвирепеет и разорвет вас в клочья. Поверьте, я не преувеличиваю. Будьте благоразумны. Ради вашей же пользы, не пренебрегайте милостью, оказанной вам Верховным Старейшиной, и уходите. Немедленно!

— Однако Святилище... — заупрямился Седдон, но Дорс тихонько потянула его за рукав.

— Вы уже посмотрели на Святилище снаружи, — строго сказал Старейшина. — Внутри вам смотреть не на что.

— Там робот, — сказал Седдон спокойно.

Старейшина не мигая смотрел на Седдона целую минуту, а потом, снизойдя настолько, что склонился к самому уху Седдона, прошептал:

— Уходи немедленно, или я сам подниму панику. Если бы я не уважал Верховного Старейшину, я бы тебе и уйти не дал.

И тут Дорс — откуда у нее столько силы взялось! — резко рванула Седдона за рукав и увлекла за собой. Он пошатнулся и быстро зашагал следом за ней.

53

Только на следующее утро, за завтраком, Дорс заговорила о вчерашнем происшествии. Заговорила так, что Седдон был готов сквозь землю провалиться.

— Восхитительное фиаско мы потерпели вчера, — сказала она.

Седдон, который искренне надеялся, что она не затронет эту досадную тему, невинно спросил:

— В чем же, собственно, мы потерпели фиаско?

— Нас выгнали с позором. И ради чего все это было? Чего мы добились?

— Только одного. Узнали, что робот там действительно есть.

— Мицелий Семьдесят Второй сказал, что его там нет.

— А что он еще мог сказать? Он ученый. По крайней мере, считает себя ученым, и в той библиотеке, куда ходит, других сведений он попросту не мог добыть. Ты лучше вспомни про реакцию Старейшины.

— Я про нее не забыла.

— А ведь он не повел бы себя так, не будь в Святилище робота. Он испугался, поняв, что мы знаем об этом.

— Это всего лишь твоя догадка, Гэри. Но даже если он там есть, внутрь нам все равно не пробраться.

— Попытаться можно. После завтрака пойдем и купим сумочку, ну, эту самую, обиа. Я перекину ее через плечо, скромно потуплю взор и войду в Святилище как ни в чем не бывало.

— В шапочке? Да тебя раскусят за секунду.

— Нет, не раскусят. Мы отправимся для начала в библиотеку, где собрана варварская литература. Так или иначе, я не прочь туда попасть. А из библиотеки, которая, как я понял, располагается в пристройке к Святилищу, наверняка есть вход в само Святилище.

— Где тебя тут же сцапают.

— Совершенно не обязательно. Ты же слышала, что сказал Мицелий Семьдесят Второй о том, какая там внутри обстановочка. Все смотрят в пол и медитируют, скорбя о родимой Авроре. Друг на друга никто не глядит. Вероятно, это попросту запрещено. Ну вот. Потом я разыщу алтарь Старейшин...

— Даже так?

— Вспомни, Мицелий сказал, что не советует мне подниматься в алтарь. *Подниматься!* Стало быть, расположен алтарь в башне. Скорее всего, в самой высокой, центральной.

Дорс покачала головой.

— Я не могу вспомнить точно, что он сказал, и не уверена, что ты запомнил правильно. Мне кажется, не стоит так опрометчиво полагаться... Постой! — вдруг сказала она взволнованно и нахмурилась.

— Ну! Что? — поторопил ее Селдон.

— Древнее слово «алтарь»... У него есть такой оттенок значения... что-то возвышенное, то, что находится наверху...

— Ага! То-то же! Значит, мы все-таки узнали кое-какие очень важные вещи в результате того, что ты назвала «фиаско». И если я могу разыскать живого робота, который прожил двадцать тысяч лет, и если он сможет сказать мне...

— Ну хорошо, допустим, он существует, хотя поверить в это трудно. Допустим, ты его найдешь, как ты думаешь, долго ли тебе удастся болтать с ним о том о сем, пока твое присутствие не будет обнаружено?

— Не знаю, но, если я его найду, я уж придумаю, как заставить его разговариваться. Теперь мне слишком поздно отступать, какие бы препоны ни ждали меня на пути. Челвик отстанет от меня только тогда, когда я докажу, что на самом деле нет ни малейшей возможности разработать психоисторию. И теперь, когда блеснул луч надежды, я добьюсь своего во что бы то ни стало, и ничто меня не остановит — даже угроза смерти.

— Гэри, микогенцы могут разгневаться, и рисковать опасно.

— Пусть. Я все равно попытаюсь.

— Нет, Гэри. Я должна беречь тебя, и я не позволю тебе сделать этого.

— Должна позволить. Найти способ разработки психоистории — это намного важнее, чем моя жизнь, моя безопасность. Моя безопасность только потому и важна, что я должен разработать психоисторию. Удержи меня от того, что я задумал — и вся твоя забота теряет смысл. Подумай сама.

Седдон чувствовал, что прав. Воодушевлению его не было предела. Психоистория — его собственная туманная теория, которую он еще совсем недавно считал несбыточной мечтой — вдруг стала так близка, достижима. Сам не понимая, как это произошло, он наконец поверил в нее. Словно кусочки разбросанной головоломки начали сходиться, и хотя до того, чтобы собрать ее целиком, было еще немыслимо далеко, он был уверен, что Святилище — один из кусочков этой головоломки, может быть, самый важный.

— Тогда я пойду с тобой, чтобы вытащить тебя оттуда, балбес ты этакый, когда будет нужно.

— Женщинам туда входить нельзя.

— А что делает меня женщиной? Только серый кергл. Под ним даже грудь не видна. В шапочке моей прически не видно. Самое обычное лицо. Мужчины тут не бреются, и щетины у них на щеках не видно. Значит, всего-то и нужно, что белый кергл и красная сумочка. Любая из Сестер могла бы сделать то же самое, не связывай ее табу. А я на табу плевать хотела.

— Есть еще я. На меня ты не наплюешь. Я не позволю тебе. Это слишком опасно.

— Для меня это не более опасно, чем для тебя.

— Но я просто обязан рискнуть.

— Значит, и я обязана. Почему это дело для тебя важнее, чем для меня?

— Потому что... — выпалил Седдон, но осекся и задумался.

— Запомни хорошенько, — ледяным голосом проговорила Дорс. — Без меня ты туда не пойдешь. Попытаешься, я тебя так стукну... а потом свяжу. Если не хочешь, чтобы так вышло, лучше даже не думай отправиться туда в одиночку.

Седдон растерялся и пробормотал что-то нечленораздельное. Он решил не спорить с Дорс, по крайней мере — пока.

54

На небе не было ни облачка, но цвет его был какой-то странный — бледно-бледно-голубой, словно оно было подернуто дымкой. «Хороший будет день», — подумал Седдон, и вдруг ему нестерпимо захотелось увидеть солнце. А солнце на Тренторе можно было увидеть только с поверхности, да и то лишь тогда, когда рассеивались облака.

А коренные тренторианцы — скучали ли они по солнцу? Задумывались ли о нем, вспоминали ли его? Посещая другие планеты, где светило настоящее солнце, смотрели ли они на его слепящий диск в страхе и восхищении?

«Почему так происходит, — думал Селдон, — что так много людей живет всю жизнь, не задаваясь вопросами? Разве есть в жизни что-либо более прекрасное, чем поиск ответов на вопросы?»

Селдон спустился с небес на землю. Он шагал по улице, застроенной невысокими домами, в большинстве из которых располагались магазины. В обе стороны скользили автомобили. Все они были такие старомодные, что уличное движение напоминало парад древней автомобильной техники. Селдон задумался. «"Старомодный" — всегда ли это слово имеет насмешливый оттенок?.. Ведь "старомодный" — это, как правило, "медленный, неторопливый". А зачем спешить, если на то пошло?»

На улице Селдону время от времени попадались дети. «Да, — думал Селдон, — долголетием тут и не пахнет, иначе Микоген попросту со временем впал бы в детство». И мальчики, и девочки расхаживали в кертлах. Кертлы у них были покорооче, чем у взрослых — едва заходили за колено. Наверное, чтобы детям было легче бегать и прыгать.

И еще: у детей были волосы, правда у всех без исключения подстриженные довольно коротко, однако кертлы у детей постарше были снабжены капюшонами, покрывавшими головы. Не то, подрастая, дети сами стеснялись ходить с непокрытыми головами, не то их заставляли носить капюшоны до того дня, когда им предстояло пройти обряд депиляции.

У Селдона мелькнула мысль, и он спросил у Дорс:

— Дорс, а когда вы ходили по магазинам, кто расплачивался за покупки — ты или Сестры?

— Конечно, я. Капельки и не вытаскивали своих кредитных карточек. Да и с какой стати? Все покупки делались для нас, а не для них.

— Но ведь у тебя тренторианская карточка — то есть варварская.

— Да, Гэри, однако никаких проблем не возникло. Пойми, они тут могут делать что угодно — хранить свою культуру, традиции, обычаи, носить балахоны и разгуливать лысыми, но деньгами обязаны пользоваться универсальными. Если они от этого откажутся, это вызовет спад коммерции. Конечно же, ни одному ра-

зумному человеку такое в голову не придет. Деньги правят миром, Гэри, — сказала Дорс, помахав в воздухе воображаемой кредитной карточкой.

— То есть, никто не возражал, что ты расплачивалась со своей кредитной карточкой?

— Да, никто и не пикнул. Даже на шапочку мою не глядели. Денежки, Гэри... за них покупается все на свете.

— Замечательно. Значит, я могу купить...

— Нет, покупать буду я. Покуда я в женском обличье, мне это сделать будет намного легче. Они тут настолько привыкли не обращать на женщин внимания... а вот, кстати, и магазин готовой одежды, где мне уже довелось побывать.

— Ладно, давай, а я тут подожду. Купи мне хорошенькую красную сумочку. Покрасивее, пожалуйста.

— Только не притворяйся, будто забыл о нашем уговоре. Я куплю две хорошеньких сумочки, и еще белый кергл моего размера.

— А ты думаешь, продавцу не покажется странным то, что женщина покупает белый кергл?

— Нисколько. Он решит, что я покупаю кергл для мужа, у которого совершенно случайно такой же размер, как у меня. Думаю, никаких возражений быть не должно.

Селдон остался на улице, чувствуя себя неловко. Ему казалось, что вот-вот к нему кто-нибудь подойдет, обзовет варваром. К счастью, ничего такого не случилось. Прохожие не обращали на него никакого внимания — ни мужчины, ни женщины.

Ясно — никто не ожидал встретить варвара. Не ожидали, а потому и не видели.

Совсем неплохо! Особенно с точки зрения предстоящего вторжения в Святилище. Уж там-то никто не ожидает увидеть варвара!

В общем, к тому времени, когда вернулась Дорс, Селдон успел развеселиться по-настоящему.

— Ну, все купила?

— Все, что хотела.

— Тогда пошли домой, переоденемся.

Белый кергл сидел на Дорс не так хорошо, как серый. Понятно — она же не могла примерить его в

магазине; у продавца тогда наверняка случился бы нервный шок.

— Ну, как я выгляжу, Гэри? — спросила Дорс.

— Совсем как мальчик, — улыбнулся Селдон. — Ну-ка, возьми сумочку... как ее... обиа. Надо научиться называть ее правильно.

Дорс, еще не успевшая надеть шапочку, тряхнула кудряшками.

— Ни в коем случае! Ты что, собираешься маршировать с обиа по всему сектору, чтобы все микогенцы пялились на тебя?

— Да нет, я просто хотел посмотреть, как это будет выглядеть.

— Нет, возьми вот эту. Она красивая и более дорогая.

— Ты права, Дорс. Тебе надо выглядеть попроще, чтобы в тебе не заподозрили женщину.

— Да я об этом и не думала, Гэри. Просто я хочу, чтобы ты красиво выглядел.

— Спасибо огромное, но боюсь, что это невозможно. Так-так, и как же она надевается?

Гэри и Дорс объединенными усилиями напялили обиа, сняли, снова надели. Так они практиковались до тех пор, пока не научились ловко надевать и снимать сумочки. Обучение взяла на себя Дорс, поскольку она успела вчера понаблюдать за мужчиной, который все это проделал около Святилища.

Но когда Гэри похвалил ее за столь ценное наблюдение, она покраснела и сказала:

— Гэри, что тут особенного? Просто обратила внимание. Случайно.

— Гениальная случайность! — воскликнул Селдон.

Добившись, как им показалось, удовлетворительной сноровки в обращении с сумочками, они принялись самым придирчивым образом рассматривать друг друга. Обиа Гэри сверкала и переливалась. Вышивка на сумочке была крайне замысловатая, рисунок напоминал дракона. У Дорс обиа была гораздо проще, все украшение — тоненькая полоска поперек центра, чуть светлее ткани.

— Простенько, но со вкусом, — похвалила Дорс свою сумочку.

— А теперь, — объявил Седдон, — мы их сложим и уберем во внутренние карманы. Еще захватим мою кредитную карточку — прошу прощения, не мою, а, если точнее, Челвика, и еще возьмем Книгу. Ее мы положим вот сюда, в другой карман.

— Книгу? Ты не боишься брать ее с собой?

— Да я просто обязан ее взять! Уверен, всякий, кто направляется в Святилище, обязательно захватывает с собой копию Книги. Мицелий же говорил, что там все читают. В случае необходимости, мы с тобой уставимся в одну Книгу. Глядишь, никто не заметит. Ты готова?

— Не сказала бы, но я иду с тобой.

— Путешествие нам предстоит серьезное. Будь добра, проверь, не выглядывают у меня на этот раз волосы из-под шапочки. Кстати, не советую почесывать голову.

— Не буду. Ты в порядке.

— Ты тоже.

— Только ты сильно нервничаешь.

Седдон лукаво проговорил:

— Угадай, почему?

Дорс невольно потянулась к нему, схватила за руку и тут же отшатнулась, сама удивленная своим внезапным порывом. Она потупилась и одернула кертл. Гэри, удивленный, но довольный, откашлялся и сказал:

— Ну, пошли.

Глава 12

АЛТАРЬ

РОБОТ — В древних легендах некоторых миров этим термином именовались устройства, чаще называемые «автоматами». Чаще всего роботы описываются в виде металлических существ, имеющих форму тела человека, однако порой встречаются упоминания о псевдоорганических роботах. Существует распространенное мнение о том, что Гэри Селдон во время своего знаменитого Бегства встретился с настоящим роботом, однако истинность подобной встречи весьма сомнительна. В своих многочисленных трудах Селдон ни разу не упоминает ни о каких роботах, хотя...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

55

Никто их не заметил.

Гэри Селдон и Дорс Вендбили повторили свой вчерашний маршрут, и на этот раз никто не обратил на них никакого внимания. Пару раз им пришлось потесниться в автобусе, чтобы дать место другим пассажирам. Народу в этот день в транспорте было полно, и в автобусе было душновато от запаха не слишком чистых кертлов.

Наконец они добрались до цели.

— Это, похоже, библиотека, — сказал Селдон вполголоса.

— Наверное, — так же негромко сказала Дорс. — По крайней мере, это именно то здание, на которое нам вчера показывал Мицелий Семьдесят Второй.

Они неторопливо зашагали в направлении библиотеки. — Дыши глубже, — посоветовал Селдон. — Вот он, наш первый рубеж.

Из раскрытых дверей лился тусклый свет. Гэри и Дорс шагнули на первую из пяти широких каменных ступеней и сразу поняли, что лестница самая обычная, и наверх их не повезет. Дорс едва заметно поморщилась и дала Селдону знак шагать наверх на своих двоих.

Шагая по ступеням, оба испытывали примерно одинаковые чувства: до чего же Микоген отстал от всего света в технике. Сразу же за дверью стоял стол, а за ним сидел мужчина, склонившись над пультом самого примитивного и неуклюжего компьютера из всех, какие когда-либо видел Селдон.

Мужчина не удосужился даже взглянуть на посетителей. «И очень хорошо, — с облегчением подумал Селдон. — Да, собственно, зачем ему на посетителей глядеть? Все микогенцы на одно лицо — белые кертлы, лысые головы. Очень удачно для двоих варваров, очень!»

Итак, не поднимая головы, мужчина рассеянно поинтересовался:

— Ученые?

— Ученые, — отозвался Селдон.

Мужчина качнул головой в сторону внутренних дверей:

— Прошу проходить. Идите и наслаждайтесь.

Дорс и Гэри не стали ждать повторного приглашения и поторопились войти в зал. Там никого не было. Видимо, библиотека была не слишком популярным местом. А может, ученых в Микогене было мало. А скорее всего — и то и другое.

Селдон прошептал:

— Я был почти уверен, что у нас потребуют какие-нибудь пропуска или читательские билеты и придется врать, будто мы их забыли.

— Наверное, он просто радуется, что сюда вообще хоть кто-то заглянул. Ты только погляди вокруг! Если бы здания могли умирать, как живые существа, можно было бы с уверенностью сказать, что мы попали **внутри** трупа.

Большую часть зала занимали полки, на которых были расставлены печатные книги, похожие на ту, что до сих пор лежала у Седдона во внутреннем кармане кертла. Дорс пошла вдоль полок, внимательно разглядывая корешки.

— Почти все книги очень старые, — сообщила она через некоторое время. — Есть классические, есть и всякая дребедень.

— Ну а иностранные книги? Немикогенские, я хочу сказать.

— О да. Я тебе про иностранные и говорю. Если у них и есть собственные книги, они, по всей вероятности, хранятся где-то еще. Здесь все собрано для того, чтобы такие ученые, как тот симпатыга, с которым мы вчера познакомились, могли проводить свои гениальные исследования. Вот тут у них справочная литература стоит, а вот — «Имперская Энциклопедия» — издание пятидесятилетней давности. Вот — компьютер.

Она потянулась к клавишам пульта, но Седдон удержал ее.

— погоди. Если вдруг что-то не то нажмешь, нам придется задержаться.

И он молча указал на табличку, висевшую на стене повыше отдельно стоявшего стеллажа. Буквы гласили: «В Святилище». Буква «т» была безвозвратно утрачена, но, судя по всему, это никого не огорчало. «Точно, Империя гибнет, — подумал Седдон. — Повсюду. И Микоген — не исключение».

Он еще раз оглядел зал. Нищенская библиотека, столь необходимая для гордости и самолюбия микогенцев, и, наверное, такая нужная Старейшинам, которые могли пользоваться ею для поисков всяческих зацепок для своих верований, по-прежнему была пуста. Никто не вошел в зал после Седдона и Дорс.

Седдон прошептал:

— Давай отойдем в сторонку, чтобы нас не заметил привратник, или как его там, и напьем сумочки.

Чуть позже, когда они уже были готовы переступить порог — второй рубеж на пути к цели, — Седдон сказал:

— Не ходи со мной, Дорс.

— Почему это? — нахмурилась Дорс.

— Это небезопасно, а я не хочу, чтобы ты рисковала.

— Я здесь для того, чтобы защитить тебя, — тихо, но уверенно заявила Дорс.

— Дорс, ты сама подумай, ну как ты меня можешь защитить? Пойми и поверь, я сам в состоянии себя защитить. А вот если мне придется защищать тебя, меня точно схватят. Разве ты не понимаешь?

— Обо мне тебе нечего беспокоиться, Гэри. Беспокоюсь тут я, запомни, — отрезала Дорс и поправила ремешок обиа на груди.

— Потому что Челвик так велел?

— Потому что это моя обязанность.

Она крепко ухватила Селдона за руку повыше локтя, и он, как обычно, удивился ее необычайной силе.

— Гэри, я была против этой затеи, но если уж ты так твердо решил, что это необходимо, значит, я тоже должна идти.

— Ну ладно. Но если что-то случится, и ты увидишь, что можешь удрать, беги и не думай обо мне.

— Все, хватит. Теряешь время, а заодно оскорбляешь меня.

Селдон вздохнул, прикоснулся ладонью к двери; та отъехала в сторону, и они вместе шагнули в проем...

56

...И оказались в просторном зале, казавшемся еще более просторным оттого, что в нем не было ничего, хотя бы смутно напоминавшего мебель. Ни стульев, ни скамеек — ровным счетом ничего. Ни подиума, ни занавесей, ни росписи на стенах.

Освещения тоже не было, если не считать тусклого, рассеянного света. Шел он, по всей вероятности, от вмонтированных в стены телевизионных экранов. Расположены они были довольно-таки беспорядочно — на разной высоте. Головидением тут и не пахло — все экраны давали двухмерное изображение.

Людей в зале было немного, и все стояли поврозь, разбросанные по залу точь-в-точь так же беспорядочно, как экраны по стенам. Все в белых кертлах и с красными сумочками.

Тишину нарушало только едва слышное бормотание. Если кто и передвигался по залу, то на цыпочках, скорбно потупив глаза.

Обстановочка была, прямо сказать, похоронная.

Селдон собрался было что-то прошептать на ухо Дорс, но та быстро приложила палец к губам и указала на один из телеэкранов. В это мгновение там красовался идилического вида садик в цвету, и камера медленно, плавно скользила вдоль него.

Стараясь двигаться так, чтобы не отличаться от присутствующих, Селдон и Дорс подошли поближе к экрану...

Примерно в полуметре от экрана стал слышен голос, сопровождавший кадры. «...Сад Антеннин. Таким он выглядит на иллюстрациях из древних путеводителей и фотографиях. Расположен на окраине Эос. Обратите внимание на...»

Дорс сказала так тихо, что Селдон едва расслышал:

— Звук включается, когда к нему подходишь поближе, и отключается, когда отходишь. Здесь, где мы сейчас стоим, мы можем разговаривать, только смотри, глаз не поднимай и сразу закрывай рот, как только кто-то приблизится.

Селдон принял подобающую позу — скрестил руки на животе, потупил взор — и прошептал:

— У меня такое ощущение, что того гляди кто-нибудь разрыдается.

— Запросто. Они все скорбят о своем Утраченном Мире, — прошептала в ответ Дорс.

— Надеюсь, хоть картинки будут меняться. А то с ума можно сойти от скуки.

— Стой и смотри, — исподлобья глядя на экран, шепнула Дорс. — Может, и правда, сюжеты меняются время от времени. Сказать трудно.

— Стой-ка! — прошептал Селдон чуть-чуть громче, чем следовало; потом понизил голос и прибавил: — Иди сюда.

Дорс нахмурилась, хотела что-то сказать, но Селдон едва заметно качнул головой в сторону. Крадущейся походкой Селдон перешел к соседнему экрану. Дорс, опустив голову, двинулась за ним и, заметив его по-

спешность, незаметно потянула его за кертл. Селдон замедлил шаги.

Как только включился звук, он объяснил, в чем дело.

— Тут роботы.

На экране был виден угол какого-то строения, около которого раскинулась зеленая лужайка, окруженная невысокой изгородью, а на лужайке стояли трое существ, которых иначе как роботами назвать было нельзя.

Голос диктора произнес:

«Перед вами — построенное в третьем столетии поместье Вендом. По преданию, того робота, что стоит в середине, звали Вендаром. Он прослужил двадцать два года, а потом, как утверждает предание, его заменили. Слайд изготовлен совсем недавно».

— Раз он говорит «совсем недавно», — прошептала Дорс, — значит, они все-таки меняют кадры.

— Если только слова «совсем недавно» не звучат уже тысячу лет с хвостиком.

Тут в звуковую зону шагнул какой-то микогенец и тихо, но чуть погромче, чем Селдон и Дорс, сказал:

— Приветствую вас, Братья.

Произнося приветствие, он не взглянул ни на Дорс, ни на Селдона; бросив в его сторону беглый, исподтишка, взгляд, Селдон отвернулся. А Дорс и вовсе не посмотрела на незнакомца.

Селдон растерялся. Мицелий Семьдесят Второй утверждал, что в Святилище не разговаривают. Неужели он преувеличил строгость порядков? Но, в конце концов, он ведь сам не бывал в Святилище с детства. Может, тут что-то изменилось за эти годы?

Селдон помялся, помучился и решил, что надо все-таки что-то ответить.

— Приветствую тебя, Брат, — тихонько ответил он.

На самом деле он понятия не имел, так ли нужно было ответить, но похоже, микогенец вполне удовлетворился таким ответом.

— Да пребудете вы на Авроре, — прошептал микогенец.

— И ты, Брат, — отозвался Селдон, замолчал, потом решил, что этого явно недостаточно, и добавил: — Пребудешь на Авроре. — Напряжение спало, но голова у Селдона под шапочкой вспотела.

— Как красиво! — проговорил микогенец. — Я раньше не видел этой картины.

— Замечательно! — кивнул Селдон и, отважившись на величайший риск, проговорил: — Да не забудется никогда наша утрата.

Незнакомец, похоже, немного напугался, но пробормотал: «Воистину, воистину», и удалился.

— Не рискуй больше, — прошептала Дорс. — Не болтай лишнего.

— Похоже, пока проскочило. Итак, слайд новый. Только роботы какие-то не слишком внушительные. Эти как раз больше смахивают на автоматы. Мне бы хотелось взглянуть на органических, на гуманоидных.

— Если они и существовали, — неуверенно проговорила Дорс, — мне кажется, что больше всего они похожи на садовников.

— Верно, — согласился Селдон. — А потому нам надо найти алтарь Старейшин.

— Если он *существует*. Пока мне кажется, что в этой пустой пещере больше ничегошеньки нет.

Они медленно пошли вдоль стены от экрана к экрану, задерживаясь ненадолго около каждого из них. Наконец Дорс тихонько взяла Селдона под локоть. В промежутке между двумя экранами проступали очертания правильного прямоугольника.

— Дверь, — прошептала Дорс и растерянно спросила: — Как по-твоему?

Селдон исподлобья огляделся по сторонам. Те, кто не смотрел на экраны, уставились в пол. Отлично. Просто великолепно. Все бы хорошо, если бы проклятый микогенец не успел обратить на них внимания. Зачем он подходил? Зачем?

— Как ты думаешь, она открывается? — спросил Селдон.

— От прикосновения, наверное.

— Не вижу обозначения.

— Присмотрись получше. Там обесцвеченный квадратик. Видишь? Не пойму только, одну руку надо приложить или две, и сколько раз.

— Попробую. Страхуй меня и дай знать, если кто-то вдруг посмотрит в нашу сторону.

Селдон затаил дыхание, незаметно протянул руку к обесцвеченному квадратику, прижал к нему ладонь...

Дверь открылась бесшумно — ни скрипа, ни треска. Селдон быстро шагнул в образовавшийся в стене проем. Дорс шагнула следом. Дверь за ними закрылась.

— Весь вопрос в том, — сказала Дорс, переведя дыхание, — успел ли кто-нибудь заметить, как мы скрылись?

— Наверняка этой дверью часто пользуются Старейшины, — предположил Селдон.

— Да, но так уж ли мы с тобой похожи на Старейшин?

Селдон подумал и сказал:

— Если бы нас заметили и если бы что-то было не так, дверь распахнулась бы через пятнадцать секунд после того, как закрылась за нами.

— Может быть, — сухо отозвалась Дорс. — А может быть, по эту сторону двери и нет ничего интересного, так что никому нет дела до того, кто сюда вошел.

— Выясним, — сказал Селдон упрямо.

Попали они в узкое, полутемное помещение, но стоило им сделать несколько шагов в глубь комнаты, как свет стал ярче.

Тут стояли стулья с широкими, удобными сиденьями, маленькие столики, несколько кушеток, высокий и узкий холодильник, буфеты.

— Ну если это алтарь Старейшин, — сказал Селдон, — то они неплохо устроились. Тоже мне аскеты!

— Ничего удивительного, — пожала плечами Дорс. — Аскетизм правящей верхушки — явление крайне редкое. Разве что напоказ. Запиши этот вывод в книжечку, когда задумаешь собирать афоризмы для психологии.

Оглядевшись по сторонам, Дорс сообщила:

— Никакого робота тут не видно.

— Алтарь должен быть расположен выше, не забывай, — возразил Селдон. — Судя по высоте потолков, это помещение на одном уровне с главным залом. Нужно поискать лестницу, ведущую наверх. Думаю, нам сюда. Ну, смотри! — и он указал туда, где начинались ступени, покрытые ковровой дорожкой. Однако

он не бросился туда опрометью, а предусмотрительно оглядел помещение еще раз.

Дорс догадалась, что ищет Селдон.

— Про лифт можешь забыть. В Микогене культивируют простоту. Ну точно ты забыл об этом. Никаких лифтов не будет, и более того: не надейся, что лестница задвигается, стоит нам только встать на нижнюю ступеньку. Хочешь не хочешь, придется идти пешком. Не исключено, что несколько пролетов.

— Пешком?

— По идее, лестница ведет в алтарь, если вообще куда-нибудь ведет. Ты же хочешь попасть в алтарь, верно?

Селдон молча кивнул, и они пошли вверх по ступенькам.

Пролет, еще один, и еще... Свет постепенно пошел на убыль. Глубоко вздохнув, Селдон прошептал:

— Хоть я на здоровье и не жалуясь, но это для меня слишком.

— Просто для тебя такое физическое упражнение непривычно, — пояснила Дорс. Для нее, похоже, подъем по лестнице особой трудности не представлял. Она дышала ровно и спокойно.

Третий пролет закончился площадкой. Перед Селдоном и Дорс оказалась еще одна дверь.

— А вдруг она закрыта? — спросил Селдон неизвестно у кого. — Будем взламывать?

— Как она может быть закрыта, — усмехнулась Дорс, — если нижняя была открыта? Если тут действительно алтарь Старейшин, значит, никому, кроме Старейшин, тут ходить не позволено. Табу. А табу крепче любых запоров.

— Ну да. Пока те, на кого рассчитано табу, его соблюдают, — съязвил Селдон, но к двери почему-то приближаться не отважился.

— Слушай, пока есть еще время вернуться, — предупредила его Дорс. — И я тебе советую это сделать.

— Думаешь, я испугался, струсил? Ничего подобного. Просто гадаю, что там, за этой дверью, вот и все. Если там ничего нет... — Он помолчал, потом решительно произнес: — Значит, там ничего нет!

Селдон решительно шагнул вперед, коснулся двери, она тихо, медленно открылась... и Селдон резко отшатнулся — такой яркий свет хлынул из дверного проема.

Ослепительный свет, а в его лучах — фигура, но чья? Лицом к двери... светящиеся глаза, руки приподняты, одна нога немного выставлена вперед... Человек? Но откуда этот желтоватый металлический блеск? На нем туника! Нет, никакая не туника.

— Это... робот! — в ужасе пробормотал Селдон. — Но он металлический.

— Хуже того, — сказала Дорс, быстро обойдя фигуру кругом, — он не следит за мной глазами. Руки у него не движутся. Он мертв. Если роботы могут быть живыми.

И в это мгновение из-за спины робота вышел человек — этот-то уж точно был человеком — и сказал:

— Может быть, и так. Зато я живой.

Действуя скорее инстинктивно, чем осознанно, Дорс шагнула вперед и встала между незнакомцем и Селдоном.

57

Селдон мягко отстранил Дорс.

— Не надо, Дорс. Это же наш старый приятель, Протуберанец Четырнадцатый.

Старик, через плечо которого была переброшена двойная красная сумочка, что, по всей вероятности, говорило о том, что он — Верховный Старейшина, — сказал:

— А ты — варвар Селдон.

— Конечно, — кивнул Селдон.

— А это, в мужском одеянии, — варварша Венабили.

Дорс промолчала.

— Ты прав, варвар, — сказал Протуберанец Четырнадцатый. — Я не причиню тебе вреда. Прошу садиться. Садитесь. Ты не Сестра, варварша, и можешь остаться. Садись и помни, что ты — первая женщина, кому позволено здесь сесть. Это великая честь.

— Я так не считаю, — огрызнулась Дорс.

Протуберанец Четырнадцатый кивнул.

— Как будет угодно. Я тоже присяду, поскольку хочу задать вам кое-какие вопросы, а стоя беседовать не слишком удобно.

Все трое уселись в уголке. Селдон нет-нет да и поглядывал на металлического робота.

— Это — робот, — объявил Протуберанец Четырнадцатый.

— Знаю, — кивнул Селдон.

— Я знаю, что ты знаешь. А теперь скажи, зачем вы здесь?

Селдон посмотрел на Протуберанца Четырнадцатого в упор и ответил:

— Чтобы посмотреть на робота.

— Не известно ли тебе, что никому, кроме Старейшин, не позволено входить в алтарь?

— Не то чтобы известно, но я догадывался, что это так.

— А не известно ли тебе, что варварам нельзя переступать порог Святилища?

— Мне говорили об этом.

— Но ты пропустил это мимо ушей, так?

— Я уже сказал: мы хотели увидеть робота.

— А не известно ли тебе, что ни одной женщине, даже Сестре, не позволено входить в Святилище, кроме как по особым дням?

— Мне говорили об этом.

— А известно ли тебе, что женщинам запрещено переодеваться в мужскую одежду? В пределах Микогена это запрещено делать и варварам.

— А вот этого мне не говорили, но, правду сказать, я не удивлен.

— Хорошо. Главное, чтобы ты все это понимал. Итак, зачем ты хотел посмотреть на робота?

Селдон пожал плечами.

— Любопытно было. Просто я никогда не видел робота и даже не знал, что роботы существуют.

— А откуда ты узнал, что они существуют? Откуда ты узнал, что здесь, именно здесь, есть робот?

Селдон помолчал, затем покачал головой.

— На этот вопрос я отвечать не буду.

— Именно за этим тебя послал в Микоген варвар Челвик? Чтобы ты изучал роботов?

— Нет. Варвар Челвик послал нас сюда затем, чтобы здесь мы обрели покой и безопасность. Но... понимаете. Мы — ученые. И я, и доктор Венабили. Знания — это наша работа. Собирать знания — это наша задача. О Микогене мало что знают за его пределами, а нам бы хотелось побольше узнать о вашей жизни, ваших обычаях, вашем мышлении. Это вполне естественное желание, и мне кажется, от такого желания никакого вреда быть не может.

— Ясно. Но зато мы не хотим, чтобы внешние миры и другие племена знали о нас. Это — *наше* естественное желание, и *нам* судить, так ли безвредно ваше желание побольше о нас разузнать. А потому я вновь спрашиваю тебя, варвар: откуда ты узнал, что здесь есть робот — в Микогене вообще и в этом помещении в частности.

— Да так... слух прошел, — попытался отговориться Селдон.

— Ты говоришь правду?

— Да, правду.

Взгляд умных голубых глаз Протуберанца Четырнадцатого стал более острым, пронзительным. Он спокойно, не повышая голоса, проговорил:

— Варвар Селдон, мы давно сотрудничаем с варваром Челвиком. Он варвар, но всегда вел себя с исключительной тактичностью. Мы привыкли доверять ему. Но он — варвар! Когда он попросил за вас двоих и вверил вас нашему попечению, мы согласились. Однако, как я уже сказал, варвар Челвик остался варваром, и каковы бы ни были его добродетели, доверять ему полностью мы не вправе. Мы вовсе не уверены в том, какова на самом деле ваша цель.

— Знания. Только знания, — ответил Селдон. — Варварша Венабили — историк. Я математик, но меня тоже интересует история. Почему нас не может интересовать история Микогена?

— Во-первых, потому, что мы не хотим, чтобы она вас интересовала. Кстати, к вам были приставлены две Сестры. Они должны были познакомиться с вами поближе, выяснить, каковы ваши намерения, и... как это говорится у варваров... — подыграть вам. Но не на-

столько, чтобы вы заметили какую-то игру. — Протуберанец Четырнадцатый утрюмо усмехнулся.

— Капелька Сорок Пятая, — продолжил он немного погодя, — ходила по магазинам с варваршей Венабили и ничего подозрительного не заметила. Естественно, она нам все докладывала. Тебя, варвар Селдон, Капелька Сорок Третья водила по нашим микрофермам. Вероятно, ее желание отправиться туда наедине с тобой вызвало у тебя подозрение. И действительно, подобный поступок противоречит нашим обычаям. Однако ты решил, что то, что непозволительно Братьям, вполне нормально для варвара, и успокоил себя мыслью о том, что и она приняла такое же решение. Она исполнила твое желание, хотя это стоило ей большого труда и могло серьезно нарушить ее душевное равновесие. Потом ты попросил у нее Книгу. Если бы она отдала ее тебе без колебаний, ты бы заподозрил неладное, поэтому она пошла на великий подвиг и поставила тебе условие. Ее самопожертвование не будет забыто. Я так понимаю, варвар, что Книга до сих пор у тебя. Наверняка она и сейчас у тебя с собой. Могу я получить ее?

Селдон хранил гордое молчание.

Морщинистая рука Протуберанца Четырнадцатого повисла в воздухе.

— Это было бы гораздо лучше, чем если бы пришлось отнимать ее у тебя силой.

Что было делать? Селдон вытащил Книгу и отдал ее Протуберанцу Четырнадцатому. Тот быстро пролистал несколько страниц, видимо, для того, чтобы убедиться, что Книга в целости и сохранности.

Тихо вздохнув, Протуберанец Четырнадцатый сообщил:

— Придется ее уничтожить. Грустно!.. Ну, так вот... Раз уж ты заполучил Книгу, мы вовсе не удивились, когда ты отправился в Святилище. За тобой всю дорогу следили, но ты об этом не догадывался. Ты твердо убежден, что ни один Брат или Сестра не могут признать в тебе варвара с первого взгляда. Однако это так. Шапочку от лысины умеет отличать каждый, и шапочек этих в Микогене всего-то десятков семь, и носят их, в основном, варвары, прибывшие в Микоген по официальным делам. Проживают они в особом районе и

никуда оттуда не отлучаются. Поэтому тебя не только видели, но и все время понимали, кто ты такой.

Пожилой Брат, что познакомился с тобой, многое рассказал тебе о библиотеке и Святилище, но не забыл упомянуть, что варварам входить туда запрещено. Это был акт доброй воли — нам не хотелось устраивать для тебя ловушку. Молния Второй тоже предупредил тебя об этом, и довольно-таки настойчиво. И тем не менее ты не отказался от своей затеи.

Продавцы магазина, в котором были приобретены две сумочки, сразу же сообщили нам об этом, и стало ясно, что ты задумал. Библиотеку специально освободили от посетителей, а библиотекаря было велено заниматься своими делами. В Святилище намеренно запустили меньше половины обычного числа Братьев. Единственный Брат, который заговорил с вами от себя, безо всякого умысла, чуть было не упустил вас, но как только понял, с кем разговаривает, поспешил отойти в сторону. А потом вы попали сюда.

Теперь тебе должно быть ясно, что ты сам хотел попасть сюда. Мы тебя сюда не заманивали. Ты хотел попасть сюда и попал, и поэтому я снова задаю тебе вопрос: зачем?

На этот раз ответила Дорс. Голос ее был тверд, взгляд — исполнен упрямства.

— Мы повторяем еще раз, микогенец. Мы ученые, знания для нас — превыше всего, только их мы и искали. Да, вы нас сюда не заманивали, но и не отпугнули. Это вы могли легко сделать до того, как мы приблизились к этому зданию. Вы, можно сказать, вымостили для нас дорогу сюда — разве это нельзя считать приманкой? Ну а какой вред мы принесли, что дурного сделали? В здании мы ни к чему пальцем не прикоснулись. Ни вас, ни вот этого не тронули... — И она показала на робота. — Вы храните здесь эту груду бесполезного, мертвого металла, и теперь мы знаем, что ваш робот мертв. Вот и все, что нам нужно. Мы думали, что все гораздо интереснее, и разочаровались, но теперь, когда узнали то, что хотели узнать, мы уйдем. Уйдем отсюда и, если вам так хочется, из Микогена вообще.

Протуберанец Четырнадцатый слушал то, что говорила Дорс, холодно и бесстрастно, и когда она умолкла, обратился не к ней, а к Селдону.

— Этот робот, которого вы видите, — символ. Символ всего, что мы утратили, всего, чего у нас больше нет. Всего, о чем мы не забыли на протяжении многих тысячелетий. Всего, к чему мы надеемся вернуться в один прекрасный день. Он — это все, что у нас осталось от Утраченного Мира материального и духовного, и он дорог нам, а для твоей женщины он — всего лишь «груда бесполезного металла». Ты тоже такого мнения, варвар Селдон?

Селдон сказал:

— Видите ли, мы — члены сообщества, которое не так сильно привязано к далекому прошлому. Мы живем в настоящем, которое считаем продуктом всего нашего прошлого, а не какого-то промежутка времени. Умом мы понимаем, что для вас может означать этот робот, и не имеем ничего против этого. Но мы способны смотреть на него лишь так, как умеем — своими глазами, а вы — только своими. Для нас он действительно — груда бесполезного железа.

— А теперь, — объявила Дорс, — мы пойдем.

— Нет, не пойдете, — покачал головой Протуберанец Четырнадцатый. — Явившись сюда, вы совершили преступление. «Это — преступление только в ваших глазах» — вы, конечно, скажете так. — Губы его скривились в холодной усмешке. — Однако это наша территория, и здесь нам решать, преступление это или нет. И это преступление по нашим законам наказуется смертной казнью.

— И вы собираетесь пристрелить нас? — насмешливо спросила Дорс.

Протуберанец Четырнадцатый вздохнул и опять отвертел не ей, а Селдону.

— Кем ты нас считаешь, варвар Селдон? Наша культура такая же древняя, как ваша. Она такая же сложная, такая же цивилизованная, такая же гуманная. Я невооружен. Вас будут судить, и когда приговорят, казнят по закону — быстро и безболезненно.

Если вы решите бежать сейчас, я не стану вас задерживать, но внизу много Братьев, гораздо больше,

чем было тогда, когда вы только вошли в Святилище, и они так разъярены и возмущены вашим деянием, что могут вас разорвать в клочья. В нашей истории бывали случаи, когда варвары умирали ужасной смертью, совсем не безболезненной.

— Нас уже предупредили, — усмехнулась Дорс. — Молния Второй. Такая, значит, у вас сложная, цивилизованная, гуманная культура.

— Люди могут ожесточиться в минуту эмоционального напряжения, варвар Селдон, — упрямо обращаясь к Селдону, заявил Протуберанец Четырнадцатый. — Любые люди, как бы ни были они спокойны и выдержанны от природы. Такое возможно для представителей любой культуры, и это должно быть известно твоей женщине, которая утверждает, что она историк.

— Давайте будем благоразумны, Протуберанец Четырнадцатый, — предложил Селдон. — В Микогене свои законы — это мы понимаем. Но мы — не граждане Микогена, мы подданные Империи, и если уж кто может нас судить, так это представители закона Империи.

— Может быть, оно так и есть теоретически, — покачал головой Протуберанец Четырнадцатый. — На бумаге, на экранах головизоров, но мы сейчас не о теории говорим. Верховный Старейшина наказывал и наказывает святотатственные преступления, не спрашивая на то разрешения у Императора.

— Это если преступники — граждане Микогена, — не соглашался Селдон. — С иноземцами все должно обстоять иначе.

— Сомневаюсь. Варвар Челвик представил мне вас, как беженцев, людей, спасающихся от имперских властей. Не думайте, мы не так глупы, чтобы не понять, от кого вы спасаетесь. Так, может, Император нам еще и спасибо скажет за то, что мы сделали за него его работу?

— Не скажет, — покачал головой Селдон. — Поймите, если бы мы были людьми, спрятавшимися здесь от имперских властей, которым мы нужны только для того, чтобы наказать нас, они бы до сих пор за нами гонялись. Мы бы им до сих пор были нужны. Отдать нас вам на растерзание — нас, немикогенцев, без импер-

ского суда и следствия — это сильно пошатнуло бы авторитет Императора, и он не позволил бы такому прецеденту случиться. Как бы сильно он ни был заинтересован в приобретении продукции ваших микроферм, он все равно поймет, что в таком случае он обязан держать марку Империи. Неужели вам до такой степени хочется нас убить, что вы даже не задумываетесь о том, что, если вы сделаете это, вашу границу тут же пересечет имперская армия и ваши фермы и жилища будут растоптаны, ваше Святилище будет стерто с лица земли, а Сестры опорочены солдафонами? Подумайте хорошенько.

Протуберанец Четырнадцатый улыбнулся, но не сдался.

— Конечно, я подумал об этом, и альтернатива есть. После того как будет оглашено обвинение, мы сможем отложить вашу казнь и дать вам время апеллировать к Императору, дабы он отдал распоряжение пересмотреть ваше дело. Император наверняка будет благосклонен к нам — тут уж все будет законно. Мы выразим подобающую субординацию, а он получит вас в свои руки. Микоген только выиграет. Ну, хотите вы этого? Хотите апеллировать к Императору, как положено, хотите, чтобы мы передали вас ему?

Селдон и Дорс быстро переглянулись и промолчали.

Протуберанец Четырнадцатый сказал:

— Я понял, что вы больше хотите попасть в руки к Императору, чем умереть, но у меня странное впечатление: вы хотите этого лишь ненамного сильнее.

— Конечно, — произнес чей-то голос. — Я полагаю, ни тот ни другой вариант никуда не годится, и нам следует подумать о третьем.

58

Первой обладателя голоса узнала Дорс. Может быть, потому, что именно она ждала его.

— Челвик, — проговорила она с облегчением. — Хвала провидению, ты разыскал нас. Я связалась с тобой, когда поняла, что не могу позволить, чтобы Гэри пострадал от, — она яростно раскинула руки, — всего этого!

Челвик едва заметно усмехнулся, однако лицо его тут же приняло обычное угрюмо-печальное выражение. Похоже, он здорово устал.

— Милочка, — сказал он, — я был занят совсем другими делами. Меня не так-то легко выдернуть по первому зову. И потом, когда я добрался сюда, мне пришлось, как и вам обоим, облачиться в кертл, приобрести сумочку, не говоря уже о шапочке и о том, чтобы добраться до Святилища. Успей я сюда чуть-чуть пораньше, я бы не дал этому случиться, но у меня такое впечатление, что я не опоздал.

Тут Протуберанец Четырнадцатый наконец, похоже, оправился от шока.

— Как ты попал сюда, варвар Челвик? — прохрипел он.

— Это было непросто, Верховный Старейшина, но, как любит говорить варварша Венабили, я человек упрямый. Очень упрямый. Некоторые здесь еще помнят, кто я такой и что сделал для Микогена. Помнят и то, что я — почетный Брат. Разве вы об этом забыли, Протуберанец Четырнадцатый?

— Не забыл, — ответил Старейшина, — но даже самые лучшие воспоминания не могут оправдать определенных действий. Варвар здесь! Варвар! И *варварша!* Худшего преступления просто не может быть. Если положить на одну чашу весов все, что ты сделал для нас, а на другую — это чудовищное деяние, оно перевесит. Мой народ не забывает добра. С тобой мы считаемся как-нибудь иначе. Но эти двое должны либо умереть, либо быть переданы Императору.

— Но и я тоже здесь, — спокойно возразил Челвик. — Это разве не преступление?

— Ради тебя, — ответил Протуберанец Четырнадцатый, — ради тебя лично, поскольку ты — почетный Брат, я мог бы сделать исключение. Единственное исключение. Но не ради этих двоих.

— Ты ждешь награды от Императора? Какой-то выгоды? Концессии? Может быть, ты уже связался с ним по этому поводу? Или не с ним, а что гораздо более вероятно, с его государственным секретарем, Демерзелем?

— Это не предмет для обсуждения.

— Звучит как признание. Послушай, я не спрашиваю, что тебе обещал Император, но многого он тебе обещать не мог. У него мало что осталось — времена нынче не те. Позволь-ка я сделаю тебе предложение. Эти двое сказали, что они ученые?

— Сказали.

— Так оно и есть. Они не лгут. Она — историк, он — математик. Они пытаются соединить свои знания ради того, чтобы создать новую науку, математизированную историю, которую называют «психоисторией».

— Я ничего не знаю ни про какую психоисторию, — пробурчал Протуберанец Четырнадцатый. — Не знаю и знать не хочу. Ни она, ни какие-то другие ваши варварские науки меня совершенно не интересуют.

— И все-таки, — упорствовал Челвик, — я советую тебе выслушать меня.

Примерно пятнадцать минут у Челвика ушло на краткое изложение принципиальной возможности выведения естественных законов жизни общества; он не забыл указать, что в результате появится возможность предсказывать будущее со значительной степенью вероятности.

Когда он закончил объяснение, Протуберанец Четырнадцатый, слушавший его с каменной физиономией, заявил:

— Удивительно беспочвенные рассуждения, на мой взгляд.

Селдон, все это время хранивший скорбное молчание, хотел было что-то сказать — видимо, выразить полное согласие с мнением Протуберанца Четырнадцатого, но пальцы Челвика крепко и недвусмысленно сжали его колено.

— Может быть, это так и есть, Верховный Старейшина, — сказал Челвик, — да вот беда — Император так не думает. Но когда я говорю «Император», я подразумеваю: «Демерзель». Император и сам-то не подарок, а про Демерзеля тебе рассказывать не надо. Оба они мечтают заполучить в свои руки этих двоих ученых, вот поэтому-то я попросил тебя укрыть их здесь. Я никак не ожидал, что ты заменишь Демерзеля и отдашь ему этих ученых.

— Они совершили преступление, которое...

— Да, конечно, все так, Верховный Старейшина, но то, что они сделали, является преступлением только до тех пор, пока вы считаете его таковым. Они на самом деле ничего дурного не сделали.

— Ничего дурного? А боль, причиненная нашим душам, обида, нанесенная нашим глубочайшим верованиям, нашим лучшим чувств...

— А теперь представьте себе, что было бы, если бы психоистория попала в руки Демерзелю. Нет, может быть, ничего и не случилось бы. А вдруг? Вдруг имперскому правительству взбредет в голову воспользоваться ею? Оно обретет возможность заглядывать в будущее. И заглядывать туда сможет только оно, и больше никто. А стало быть, оно обретет возможность принимать кое-какие меры — такие меры, которые помогут состряпать будущее по образу и подобию Империи.

— Ну?

— А разве у тебя, Верховный Старейшина, есть какие-то сомнения, что из себя может представлять будущее по образу и подобию Империи? Безусловно, одно-единственное: уплотнение, централизацию. Ведь уже много веков, как тебе известно, в Империи идет обратный процесс. Многие миры теперь лишь формально сохраняют подданство Империи, а на самом деле все делают по-своему. Децентрализация проявляется даже здесь, на Тренторе. Микоген — прекрасный пример государства в государстве. Ты правишь Микогеном в должности Верховного Старейшины, и у тебя за плечом не стоит имперский чиновник, приглядывающий, хорошо ли ты правишь, все ли делаешь, как надо. И как тебе кажется, долго ли такое продлится, если такие люди, как Демерзель, примутся кроить будущее по своему усмотрению?

— Повторяю, рассуждения беспочвенные, — пробурчал Протуберанец Четырнадцатый, — но тревожные, не могу не признать.

— Но, с другой стороны, если эти ученые смогут закончить свою работу... Ты скажешь, что это мало вероятно, но все-таки — если сумеют, то будь уверен, они не забудут, что ты пощадил их тогда, когда мог осудить на смерть. И тогда, поверь, они сумеют предсказать такое будущее, где Микогену достанется свой

собственный мир, целый мир, который можно будет обустроить так, что он станет почти точной копией вашего Утраченного Мира. И даже если они посмеют забыть об этом, я буду рядом и напомню.

— Ну... — неуверенно проговорил Протуберанец Четырнадцатый.

— Послушай, — продолжал Челвик, — я отлично догадываюсь, о чем ты думаешь. Поверь, из всех варваров меньше всего тебе следует доверять Демерзелю. И хотя шансов на то, что психоистория будет создана и заработает, очень мало (если бы я обманывал тебя, я бы так не сказал, правда?), но они не равны нулю. И если она все-таки заработает, неужели вам нужно что-то большее, чем реставрация вашего Утраченного Мира? Неужели вам не захочется хотя бы капельку рискнуть? Послушай, я обещаю тебе, а ты знаешь, я скуп на обещания. Освободи этих двоих и рискни. Поставь на карту свое самое заветное желание, ведь больше тебе ставить нечего.

Долго-долго было тихо; наконец Протуберанец Четырнадцатый кивнул.

— Просто не знаю, как это получается, варвар Челвик, но всякий раз, когда мы с тобой встречаемся, ты меня убеждаешь сделать что-то такое, чего я вовсе не намеревался делать.

— Ну, и подвел я вас хотя бы раз, Верховный Старейшина?

— Таких мизерных шансов ты мне никогда не обещал.

— И такой высокой награды тоже. Так что мы квиты. Протуберанец Четырнадцатый склонил голову.

— Ты прав. Забирай этих двоих и увози их из Микогена куда хочешь. Я не желаю их больше видеть, пока не придет час... но это, конечно же, случится тогда, когда меня уже не будет в живых.

— Может быть, и не случится, Верховный Старейшина. Но твой народ терпеливо ждал почти двадцать тысячелетий, так разве трудно подождать еще двести лет?

— Что касается меня, то я бы не ждал ни одной минуты, но мой народ будет ждать столько, сколько нужно.

Встав, он сказал:

— Я пойду первым. А ты забирай их и уходи!

59

Скоро они уже неслись вдоль по туннелю, похожему на тот, что одолели когда-то Селдон и Челвик по пути из Имперского сектора в Стрилингский Университет. А этот туннель вел из Микогена — Селдон не решался спросить, куда. Лицо Челвика словно окаменело, и к разговору он явно не был расположен.

Челвик занял переднее место в четырехместной машине, Дорс и Селдон разместились на задних сиденьях.

У Дорс вид тоже был невеселый, но Селдон все-таки решился заговорить с ней:

— Правда, как здорово снова очутиться в нормальной одежде?

— Никогда в жизни, — ответила Дорс с неожиданным подъемом, — я не надену и даже не посмотрю на что-либо, хотя бы отдаленно напоминающее кертл. Никогда в жизни не напялю эту проклятую шапочку. Честно говоря, мне почему-то даже кажется, что я теперь буду шараться от лысых — обыкновенных лысых.

Она немного помолчала, и вдруг задала Челвику тот вопрос, что вертелся у Селдона на языке:

— Четтер, — спросила она как можно более небрежно, — почему бы тебе не сообщить нам, куда мы, собственно, направляемся?

Челвик развернулся вполоборота и печально поглядел на Селдона и Дорс.

— Кое-куда, — ответил он, — где вам труднее будет угодить в беду, хотя я сильно сомневаюсь, что такое место вообще существует.

Дорс смутилась и пустилась в оправдания.

— Четтер, я одна во всем виновата. В Стринге я отпустила Гэри одного наверх. В Микогене я, правда, пошла вместе с ним, но, видимо, не должна была позволить ему войти в Святилище.

— Я так решил, — вставил Селдон. — И Дорс тут, безусловно, ни при чем.

Челвик и не подумал ругаться.

— Я так понял, что ты хотел увидеть робота. Что за причина? Можешь сказать?

Селдон почувствовал, что заливаается краской.

— Я ошибся, Челвик. Я увидел совсем не то, что ожидал, надеялся увидеть. Если бы я знал, что находится в алтаре, я бы и не подумал соваться туда. Можешь назвать случившееся полным фиаско.

— Ну хорошо, Селдон, но скажи, пожалуйста, что ты надеялся там увидеть? Не торопись. Расскажи все по порядку. Путь у нас неблизкий, так что давай, выкладывай.

— Дело в том, Челвик, что мне показалось, будто существуют или существовали гуманоидные роботы. Я решил, что они — долгожители, что хотя бы один из них мог уцелеть до сих пор и что именно он может находиться в алтаре. Робот там действительно оказался, но он металлический, мертвый, он просто символ и ничего больше. Если бы я только знал...

— Да. Если бы все только знали, тогда не было бы нужды задавать вопросы и искать на них ответы. Но откуда тебе стало известно, что когда-то существовали гуманоидные роботы? Уверен, никто из микогенцев не стал бы с тобой об этом говорить. Следовательно, узнать об этом ты мог только из микогенской Книги. Из книжки с батареейкой, напечатанной на древнеаврорском языке и современном галактическом. Так?

— Так.

— И где же ты раздобыл Книгу?

Селдон помолчал и пробормотал:

— При довольно-таки запутанных обстоятельствах.

— Меня запутать не так-то просто, Селдон.

Селдон все рассказал, и Челвик едва заметно улыбнулся.

— Неужели ты не заподозрил подвоха? — удивился Челвик. — Ни одна Сестра ни за что на свете не сделала бы такого, если бы только ее загодя как следует не проинструктировали и не убедили.

Селдон нахмурился и затряс головой.

— Не так легко было догадаться. Люди меняются. А тебе, конечно, легко смеяться. Я же не знал того, что знаешь ты, и Дорс не знала. Если ты не хотел, чтобы я попался тут в ловушки, почему ты не предупредил меня о том, что они существуют?

— Согласен. Беру свои слова обратно. Как бы то ни было, я так понимаю, что Книги у тебя больше нет.

— Нет. Протуберанец Четырнадцатый забрал ее у меня.

— И много ты успел прочитать?

— Нет, не так много. Не успел. Длинная книга, и должен тебе признаться, жутко нудная.

— Да, знаю. Я, пожалуй, в свое время прочитал из нее побольше, чем ты. Она не только нудная, но и совершенно ненадежная. Она представляет собой односторонний, официальный микогенский взгляд на историю, причем задача Книги состоит гораздо больше в том, чтобы изложить этот взгляд, чем объективно рассказать о том, что было на самом деле. Местами так много тумана напущено, что постороннему — даже если ему попадетсЯ в руки Книга — ни за что на свете не сообразить, о чем идет речь. Ну вот ты, к примеру, вычитал там про роботов. Что там было об этом написано?

— Я тебе уже сказал. Написано про гуманоидных роботов, про роботов, которых внешне нельзя было отличить от людей.

— И много их было? — спросил Челвик.

— Не говорится... По крайней мере, мне упоминание об их численности не встретилось. Может быть, их было совсем немного, но один из них в Книге упоминается как «Ренегат». Похоже, сказано это в отрицательном смысле, осуждающем, но почему — я не понял.

— А мне ты ничего такого не рассказывал, — упрекнула Седдона Дорс. — Если бы рассказал, я бы тебе объяснила, что это ни в коем случае не имя собственное. Это устаревшее слово и означает приблизительно то же самое, что на современном галактическом значит слово «предатель». Причем древнее слово более выразительно. Предатель совершает измену трусливо, а ренегат бравировует ею.

— Семантика древнего языка — это по твоей части, Дорс, — сказал Челвик, — но, во всяком случае, если этот Ренегат действительно существовал и если он был гуманоидным роботом, значит, он точно был предателем и врагом, и уж никак не его должны были хранить в алтаре Старейшин.

— Я не знал, — сказал Седдон, — что значит это слово, но, как я уже сказал, я уловил, что этот Ренегат

был врагом. И я подумал, что, может быть, его в конце концов победили и он хранится там, как трофей, как свидетельство победы микогенцев.

— А что, в Книге говорится о том, что Ренегата победили?

— Нет, ничего такого я не прочитал, но подумал, что, может быть, что-то пропустил, не успел прочесть...

— Вряд ли. Любая микогенская победа воспевалась бы в Книге на все лады.

— Там еще кое-что было сказано про Ренегата, но, — Селдон здорово растерялся, — я не уверен, что понял правильно.

— Ну я же сказал тебе, — усмехнулся Челвик, — что временами там все так закручено...

— И все-таки, там говорилось, что Ренегат умел как-то влиять на людские эмоции... как-то управлять ими...

— Это любой политик умеет, — пожав плечами, хмыкнул Челвик. — Когда это у кого-нибудь получается, говорят, что у него дар божий.

Селдон вздохнул.

— Ну, в общем, мне жутко хотелось верить, что это он. Я готов был многое отдать ради того, чтобы увидеть древнего гуманоидного робота, который до сих пор жив и которому я мог бы задать кое-какие вопросы.

— Зачем? — спросил Челвик.

— Чтобы вызнать кое-какие подробности о доисторическом обществе, когда в Галактике населенными были всего-навсего несколько миров. Построить исходные посыпки психоистории на таком материале было бы гораздо легче.

— И ты уверен, что тому, что ты мог бы услышать в ответ, можно было бы доверять? Столько тысячелетий прошло, и ты мог бы поверить воспоминаниям дряхлого робота? Да ты хоть представляешь себе, насколько эти воспоминания могли бы быть извращены?

— Верно, — неожиданно вставила Дорс. — Гэри, тут дело могло бы обстоять точно так же, как с компьютеризированными хрониками, я же тебе говорила, помнишь? С течением времени память этого робота могла быть утрачена, стерта, извращена. И чем глубже бы ты забирался, тем менее надежны были бы его воспомина-

ния.

Челвик кивнул.

— Я слышал, что в информатике такое явление называется принципом неуверенности.

— Но разве не может быть так, — задумчиво проговорил Селдон, — что *какие-то* сведения, по определенной причине, могли сохраниться? Фрагменты микогенской Книги относятся к событиям двадцатитысячелетней давности и при этом могут описывать реальные события. Чем ценнее сведения, тем тщательнее они сохраняются, тем более они долговечны и точны.

— Все дело в том, что имеешь в виду под «какими-то» сведениями. То, что стремится сохранить Книга, может оказаться вовсе не тем, что ты в ней ищешь. То, что может лучше всего помнить робот, может оказаться тем, что тебе вовсе не нужно.

Селдон в отчаянии всплеснул руками.

— Ну что же это такое получается? Куда бы я ни повернул в поисках разработки психоистории, все выходит так, что я захожу в тупик. К чему же тогда все старания?

— Это тебе сейчас так кажется, — холодно отозвался Челвик, — но все может обернуться таким образом, что мелькнет искра и озарит такую дорогу к психоистории, о которой мы теперь даже не догадываемся. Не надо отчаиваться... Так... Похоже, мы приближаемся к стоянке. Давайте-ка выйдем, разомнемся, перекусим.

Пережевывая кусочки баранины и почти безвкусного хлеба — не то что в Микогене, — Селдон сказал:

— Я так понял, Челвик, что ~~тем~~ огнивом, от которого возгорится искра, ты считаешь ~~меня~~. А я в этом совершенно не уверен.

— Понятное дело, — кивнул Челвик. — Но пока у меня нет подходящего кандидата на должность этого самого огнива, и — делать нечего — придется остановиться на тебе.

Селдон горько вздохнул и сказал:

— Ладно, попытаюсь, но пока — ни ~~малейшего~~ проблеска надежды. «Вероятно, но неосуществимо» — как я говорил в самом начале, и сейчас я в этом убежден сильнее, чем когда бы то ни было.

Глава 13

ТЕРМАРИИ

АМАРИЛЬ, ЮГО — математик, делящий с Гэри Селдоном славу разработки фрагментов психоистории. Именно он...

Однако обстоятельства, в которых прошло его раннее детство, едва ли менее драматичны, чем его вклад в математику. Родившись в страшной бедности в секторе Даль древнего Трентора, он мог бы прожить жизнь в нищете и безвестности, если бы Селдон совершенно случайно не познакомился с ним во время...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

60

Властелин Галактики устал — устал физически. Губы у него болели от того, что ему нужно было непрерывно растягивать их в милостивой улыбке. Шея онемела от того, что ему нужно было все время вертеть головой туда-сюда, изображая неподдельный интерес. Даже уши болели — устали слушать. Все тело ныло от непрерывного вставания, поворотов, рукопожатий и поклонов.

А ведь был всего-навсего самый обычный прием, на котором по обыкновению присутствовали мэры, вице-короли и министры с супругами как с Трентора, так и кое-откуда из Галактики. Притащилось их не меньше тысячи, толпа вышла на редкость разномастная, все болтали на разных наречиях, и, что хуже всего, с Императором все старались говорить на имперском

галактическом, и выходило еще хуже. Но что самое ужасное, Император не должен был забывать о том, что ему нельзя делать никаких замечаний по содержанию сказанного и отвечать можно только бессодержательно.

Весь прием — и визуально, и вербально — записывался, и по его прошествии Эдо Демерзель посмотрит, хорошо ли, верно ли вел себя Клеон Первый. То есть, это Император так думал. Демерзель-то, конечно, скажет, что он попросту собирал информацию или решил проследить за поведением какой-то группы гостей. Может, и так.

Счастличик Демерзель!

Император не мог покинуть границ Дворца и его окрестностей. А Демерзель, будь на то его воля, мог бы прочесать всю Галактику. Император всегда был на виду, всегда в пределах досягаемости, всегда вынужден принимать надоедливых посетителей — от очень важных до абсолютно никчемных. Демерзель хранил инкогнито и никогда не показывался никому на глаза на дворцовой территории. Он оставался всего-навсего именем, внушавшим всеобщий страх, таким невидимкой, одно упоминание о котором приводило в трепет.

Император был Человеком-живущим-внутри, и к его услугам были все прелести и западни власти. А Демерзель был Человеком-живущим-снаружи, и у него ничегошеньки не было, даже формального титула, но его руки, его разум могли дотянуться куда угодно, и он не просил никаких наград за свои неустанные труды, кроме единственной — настоящей власти.

Это забавляло Императора. Он любил иной раз поиграть сам с собой в такую игру: представить, что на самом деле в любое мгновение может без предупреждения, по сфабрикованному обвинению, арестовать Демерзеля, отправить за решетку, в ссылку, пытаться, казнить. Можно было бы даже не придумывать никакого обвинения вообще. В конце концов, времена стояли беспокойные, и Императору трудно было осуществлять свою волю в Галактике. Даже Трентором было править нелегко — все время приходилось делать скидку на какие-то договоры, протоколы, суверенитеты и коммюнике, пункты межзвездного права... Но во Дворце власть Императора была и оставалась абсолютной.

Однако Клеон прекрасно понимал, что все его мечты о власти — не более чем приятная иллюзия. Демерзель служил его отцу, и он не мог припомнить случая, чтобы он сам и его отец, прежде чем принять хоть какое-то решение, не обратились бы для начала за советом к Демерзелю. Демерзель все знал, все придумывал и все делал. Более того, если что-нибудь не получалось, на Демерзеля можно было свалить всю вину. Император же всегда оставался вне всякой критики, и опасаться ему было нечего — ну, конечно, кроме дворцовых заговоров и покушений на свою жизнь со стороны ближайшего окружения. Чтобы такого не случилось, и приходилось, прежде всего, полагаться на Демерзеля.

При одной только мысли о том, чтобы остаться без Демерзеля, Клеон поежился. Да, бывали Императоры, которые ухитрились править самолично, и их государственные секретари талантами не блистали, и все-таки владыки держали при себе этих бездарей и как-то, худо-бедно, правили, и ничего.

А Клеон так не мог. Ему был нужен Демерзель. Стоило только подумать о возможности покушения — а вся история Империи говорила о том, что ему этого не избежать, — как он понимал, что без Демерзеля ему никак не обойтись. Ни за что не обойтись. Как бы хитро ни защищался сам Клеон, Демерзель наверняка заметил бы раньше любой ход, кто бы его ни предпринял, и сам бы стал во главе дворцового переворота. И тогда... тогда Клеон не успел бы глазом моргнуть, как отправился бы на тот свет. Его сменил бы новый Император, и Демерзель стал бы служить ему. Служить и управлять им.

А может быть, Демерзелю прискутит притворяться и он сам станет Императором?

Нет, ни за что! Он слишком сильно привык к анонимности. Нет-нет, если Демерзель начнет играть в открытую, все его могущество, вся мудрость и удачливость отвернутся от него. В этом Клеон был просто убежден.

Словом, куда Клеон вел себя подобающим образом, Демерзель не мог его покинуть.

Но вот и он сам, одетый так сдержанно и просто, что Клеон сразу почувствовал себя жутко неловко в своем

разукрашенном парадном облачении. К счастью, тут же явились слуги и унесли мундир.

— Демерзель, — сказал Император. — Как я устал!

— Государственные дела утомляют, сир, — пробормотал Демерзель.

— Но должен ли я тогда уделять им каждый вечер?

— Не *каждый*, но они важны. Людям важно лицезреть вас, чувствовать ваше внимание к себе. Это помогает править Империей без забот.

— Раньше Империей можно было править без забот с помощью одной только власти, — с печальным вздохом проговорил Император. — А теперь ею нужно править с помощью улыбочек, милостивых жестов, ласковых словечек, медалей и орденов.

— Если все это способствует миру и спокойствию, сир, то о чем говорить? А ваше правление протекает спокойно.

— Ты знаешь, почему это так. Потому, что ты со мной. Единственный мой талант — это то, что я осознаю твою важность. — Немного помолчав, он, прищурившись, посмотрел на Демерзеля. — Мой сын не годится в наследники. Он не слишком способный мальчик. Что если я назначу своим преемником тебя?

— Сир, — холодно проговорил Демерзель, — это необдуманное предложение. Я не имею желаний узурпировать престол. Я не собираюсь отнимать его у вашего законного наследника. И потом, если я совершил что-либо неудобное, не наказывайте меня столь сурово. Что бы я ни совершил, что бы я ни замыслил, я не заслуживаю такого наказания.

Клеон рассмеялся.

— Bravo, Демерзель. За то, что ты так верно оценил стоимость пребывания на имперском троне, я отказываюсь от всякой мысли о наказании. Беру свои слова обратно. Ладно, давай поболтаем о чем-нибудь другом. Надо бы лечь спать, но я еще морально не готов к той церемонии, которой меня перед этим подвергают. Давай поболтаем.

— О чем, сир?

— О чем угодно... Хотя бы об этом математике и о его психоистории. Время от времени я вспоминаю о

нем, знаешь ли. Вот и сегодня за обедом я о нем думал. Знаешь, почему? Я подумал: что если бы этот математик спрогнозировал такое будущее, где бы Императору можно было обойтись без этих бесконечных церемоний?

— Почему-то мне кажется, сир, что такое не под силу даже самому гениальному психоисторику.

— Ладно, расскажи мне последние новости. Он что, все еще прячется у этих лысых балбесов в Микогене? Ты обещал, что вытащишь его оттуда.

— Да, сир, обещал, и пытался, но должен признаться, что мне это не удалось.

— Не удалось? — Император слегка нахмурился. — Не нравится мне это.

— Мне тоже, сир. Я планировал спровоцировать математика на какое-либо святотатственное деяние — подобное деяние очень легко совершить в Микогене, особенно иноземцу, непосвященному. За такое деяние его могли бы подвергнуть весьма суровому наказанию. Тогда математик был бы вынужден апеллировать к Императору, и в результате мы получили бы его. Я собирался осуществить это дело за счет крошечных концессий с нашей стороны — для нас пара пустяков, а для Микогена — очень важных. Лично я в этом участвовать не собирался. Все должно было быть совершено мягко, ненавязчиво.

— Понятно, — кивнул Клеон. — Но ничего не вышло. И что, мэр Микогена...

— Он называется Верховным Старейшиной, сир.

— Мне все равно, какой у него титул, не придирайся. Что, этот Верховный Старейшина отказался?

— Напротив, сир, согласился, и математик удивительно легко угодил в ловушку.

— И что же?

— Ему позволили уйти, сир. Отпустили и ничего не сделали.

— Почему? — нетерпеливо спросил Клеон.

— Точно не знаю, сир, но, по-моему, нас кто-то опередил.

— Кто? Мэр Сэтчема?

— Может быть, сир, но в этом я сомневаюсь. За Сэтчемом я постоянно наблюдаю. Если бы они сцапали нашего математика, я бы уже об этом знал.

Теперь Император не просто нахмурился. Он явно был разъярен.

— Это плохо; Демерзель. Я очень недоволен. Такая неудача заставляет меня усомниться в твоих способностях. И какие же меры мы примем к Микогену за столь явное пренебрежение к желанию Императора?

Демерзель низко склонил голову, переживая бурю негодования монарха, но ответил холодно и спокойно:

— Предпринимать какие-либо санкции против Микогена сейчас, сир, было бы ошибкой. Такой конфликт сыграл бы на руку Сэтчему.

— Но должны же мы *что-то* предпринять!

— Может быть, и не должны, сир. Все не так плохо, как кажется.

— Как это так? Куда уж хуже?

— Вы помните, сир, что этот математик был убежден в том, что его психоистория не может быть внедрена в практику?

— Конечно, помню, но это же ничего не значит? Для наших целей, имею в виду.

— Может быть, и не значит. Но если бы ее можно было внедрить в практику, сир, она бы послужила нашим целям, и еще как бы послужила. А из того, что мне стало известно на сегодняшний день, я сделал вывод, что этот математик как раз сейчас предпринимает попытки практического применения психоистории. И его святотатственный поступок в Микогене как раз имеет непосредственное отношение к решению проблемы психоистории. Раз так, сир, то имеет полный смысл предоставить его самому себе. Лучше будет схватить его тогда, когда он приблизится к своей цели или даже тогда, когда он до нее доберется.

— Ага. Если только мэр Сэтчема не схватит его раньше нас.

— Я прослежу за тем, чтобы этого не произошло.

— Точно так же, как ты позволил математику ускользнуть из Микогена?

— На этот раз я не совершу ошибки, сир, — холодно отозвался Демерзель.

— Да уж, Демерзель, лучше не совершай. Второй ошибки я тебе не прощу. Да... — капризно закончил Император, — поспать мне сегодня не удастся.

61

Жирад Тисальвер из Даля был невысокого роста, на полголовы ниже Селдона. Но близко к сердцу он, похоже, этого не принимал. У него были правильные, приятные черты лица, обворожительная улыбка, пушистые, густые черные усы и черные волосы, лежавшие плотными завитками.

Жил он вместе с женой и маленькой дочкой в квартирке из нескольких комнат, где всегда царил почти больничная чистота, но обстановка была самая скромная.

— Я прошу прощения, господин Селдон и госпожа Венабили, — извинился Тисальвер, — за то, что не могу предоставить вам роскоши, к которой вы, вероятно, привыкли, но Даль — бедный сектор, да и я небогат, даже по нашим меркам.

— Тогда уж нам стоит извиниться, — сказал Селдон, — за то, что вам придется терпеть неудобства от нашего присутствия у вас.

— Никаких неудобств, господин Селдон. Господин Челвик нам щедро заплатил за ваше проживание в наших скромных апартаментах. Деньги нам никогда не помешали бы, а еще и ваше общество...

Селдону на память пришли прощальные слова Челвика.

— Селдон, — сказал он тогда, — это уже третье убежище. В первые два имперским властям попасть было исключительно трудно, и именно поэтому скрываться там было наиболее логично. Здесь все иначе. Это нищий, ничем не примечательный сектор, и конечно, место не совсем безопасное. Прятаться здесь тебе вряд ли пришло бы в голову, поэтому мало вероятно, чтобы взоры Императора и его государственного секретаря обратились в сторону Даля. Можешь ты пообещать мне держаться подальше от беды хотя бы здесь?

— Я постараюсь, Челвик, — сказал Селдон чуть обиженно. — Только не думай, пожалуйста, что я нарочно ищу неприятностей на свою голову. Я ищу зна-

ний, которые помогли бы сэкономить те тридцать жизней, которые мне, видимо, придется потратить на создание психоистории.

— Ясное дело, — хмыкнул Челвик. — Погоня за знаниями погнала тебя на поверхность в Стрилинге, в микогенский алтарь. Остается только гадать, в какой пороховой погреб она тебя заведет в Дале. Что же касается вас, доктор Венабили, я понимаю, что вы и так старались заботиться о Селдоне, но придется заботиться еще лучше. Вбейте себе в голову, да покрепче, что он — самый важный человек на Тренторе и даже во всей Галактике и что его надо сберечь во что бы то ни стало.

— Постараюсь сделать все, что в моих силах, — сухо отозвалась Дорс.

— Что касается ваших квартирных хозяев, люди они не без странностей, но хорошие. Я с ними давно знаком, и очень не хотелось бы, чтобы из-за вас они попали в беду.

Но пока Тисальвер, похоже, только радовался квартирантам — неподдельно, искренне, и как будто вовсе не потому, что получил неплохие деньги за их проживание.

Всю жизнь он прожил в Дале и страстно обожал рассказы о других местах. Жена его тоже слушала с удовольствием, то и дело улыбалась, кивала головой, а их дочурка, не вынимая изо рта обслюнявленного пальца, подглядывала в щелочку.

Как правило, все семейство собиралось вместе после обеда, и от Селдона и Дорс ждали очередного рассказа о далеких мирах. Еды всегда бывало вдоволь, но пища была простая, а временами и просто грубая. После изысканных микогенских блюд здешний рацион можно было смело назвать несъедобным. Да и питались тут весьма своеобразно. Стол представлял собой узкую длинную доску, прикрепленную к стене; все выстраивались возле нее и ели стоя.

Селдон путем мягких и ненавязчивых расспросов выяснил, что такая манера потребления пищи никак не связана с бедностью, что так едят в Дале везде. «О да, конечно, — объяснила госпожа Тисальвер, — те, кто занимает важные государственные посты, порой вы-

нуждены заводить какие-то предметы вроде сидячих полок, — видимо, она имела в виду стулья, — но представители среднего класса смотрят на подобные нововведения свысока, неодобрительно».

Но как бы сильно Тисальверы ни презирали то, что считали ненужной роскошью, слушали они про нее во все уши. Упоминание о матрасах на ножках вызывало у них восхищенные восклицания. Не меньший восторг производили рассказы о разных столах и шкафчиках, изысканной посуде и столовых приборах.

Выслушав рассказ об обычаях Микогена, Жирад Тисальвер любовно пригладил свою курчавую шевелюру, словно желая показать, что он скорее готов подвергнуться кастрации, чем депиляции. При всяком упоминании о дискриминации женщин госпожа Тисальвер вздрагивала, вскрикивала, приходила в ярость и никак не могла поверить, что Сестры покорно мирятся с таким положением дел.

Но больше всего они любили слушать рассказ Селдона о посещении Дворца Императора. Выяснилось это совершенно случайно, и стоило Селдону обмолвиться о том, что он видел живого Императора и говорил с ним, Тисальверы просто окаменели от ужаса и восторга. Потом посыпались вопросы, и их было такое количество, что Селдон был просто не в состоянии ответить на все. Ведь он, на самом деле, ни Дворца, ни его окрестностей толком не видел.

Тисальверов столь скудные сведения явно не устроили, и время от времени они предпринимали очередные попытки выудить у Селдона хоть что-нибудь еще. Немного успокоившись по этому поводу, они никак не могли поверить, что Дорс ни разу даже близко не подходила к императорскому Дворцу. А замечание Селдона о том, что Император вел себя и разговаривал совсем как обычный человек, вызвало у Тисальверов поистине бурю негодования.

Выдержав три таких вечера подряд, Селдон почувствовал страшную усталость. Поначалу такое времяпрепровождение показалось ему привлекательным — ничего не делать (по крайней мере, днем), а только просматривать кое-какие книги по истории, рекомендованные Дорс. Тисальверы пошли на благородный шаг и

днем выключали головизор. Это, правда, жутко огорчало девочку, которой приходилось бегать смотреть передачи к соседям.

— Ничего не выходит, — раздраженно признался Седдон, включив для прикрытия музыку погромче. — Я понимаю, ты обожаешь историю, но в ней такое количество подробностей. Целая гора... да нет, что там гора — целая галактика информации, в которой я, увы, не вижу никакой упорядоченности.

— А я бы сказала, — ответила Дорс, — что было время, когда люди не видели никакой упорядоченности в картине звездного неба, а потом разобрались в строении Галактики.

— Да, но на это ушли не недели, а жизнь многих поколений. Когда-то ведь и сама физика была не чем иным, как собранием разрозненных фактов и результатов наблюдений, и только потом были открыты законы природы, но и это отняло жизнь не одного поколения. ...А что скажешь о Тисальверах?

— А что о них сказать? По-моему, милые, приятные люди.

— Любопытные.

— Ну, конечно. А ты бы на их месте разве не был бы любопытен?

— Да, но только ли в любопытстве дело? Похоже, их просто-таки страшно заинтересовали подробности моей встречи с Императором.

— Да что тут такого особенного? — возмутилась Дорс. — Стань на их место и представь, как ты бы расспрашивал их о том же самом.

— Все равно я почему-то нервничаю.

— Нас привез сюда Челвик.

— Да, но он не святой. Он привез меня в Университет, а там меня вытянули на поверхность. Он сдал нас с рук на руки Протуберанцу Четырнадцатому, который самолично нас и сцапал. Тебе это прекрасно известно. Два прокола подряд. И потом, я устал от постоянных допросов.

— Давай поставим вопрос иначе, Гэри. Даль сам по себе тебя интересует?

— Конечно. Скажи, что тебе известно об этом секторе?

— Ничего. Он — всего-навсего один из восьмиста с лишним тренторианских секторов, а я на Тренторе — чуть дольше двух лет.

— Правильно. А на свете двадцать пять миллионов разных миров, а я занимаюсь этой проблемой чуть больше двух месяцев. Вот что я тебе скажу: я хочу вернуться на Геликон и заняться изучением математических принципов турбуленции, темой своей диссертации на соискание докторской степени, и клянусь, я никогда в жизни не вспомню и даже не подумаю, что турбуленция имеет хоть какое-то отношение к жизни человеческого общества.

Однако в этот же вечер он спросил у Тисальвера:

— Скажите, пожалуйста, господин Тисальвер, если не секрет, чем вы занимаетесь? Что у вас за работа?

— У меня? — удивленно переспросил Тисальвер, прижав руку к груди, прикрытой, надо сказать, исключительно тоненькой футболкой — так одевались все мужчины в Дале. — Да ничего такого особенного. Я работаю программистом на местной головизионной станции. Скучноватая работенка, но на жизнь хватает.

— Работа очень уважаемая, — вступилась госпожа Тисальвер. — По крайней мере, ему не приходится вкалывать на термарии.

— Как вы сказали? На термарии? — не скрывая изумления, переспросила Дорс.

— Ну, это наша главная достопримечательность, — улыбнулся Тисальвер. — Ничего особенного, конечно, но дело в том, что сорока миллиардам людей на Тренторе нужна энергия, и мы поставляем ее значительную часть. Не то чтобы мы задирали из-за этого нос, но хотел бы я посмотреть, как в богатых секторах обошлись бы без нашей помощи.

Седдон был обескуражен.

— Но разве Трентор не потребляет энергию с орбитальных станций, оборудованных солнечными батареями?

— Частично, — кивнул Тисальвер. — Частично — с атомных станций на островах, частично — от микрофузионных двигателей, частично с ветряных станций, установленных на поверхности, но половина энергии, — тут он многозначительно, гордо поднял указательный палец, — поступает из термариев. Подобные источни-

ки тепла существуют во многих местах, но только Даль так богат ими. Нет, вы действительно ничего не знаете про наши термарии? Вы так смотрите...

Дорс быстро нашлась:

— Мы же иноземцы, понимаете, — она чуть было не сказала «варвары», но вовремя опомнилась. — Особенно доктор Селдон. Он на Тренторе всего-то пару месяцев.

— Правда? — удивилась госпожа Тисальвер. Ростом она была еще ниже мужа, пухленькая, но не толстая. Темные волосы аккуратно собраны в пучок, карие глазки искрились весельем и любопытством. Как и мужу, ей было не больше тридцати.

После пребывания в Микогене Дорс никак не могла привыкнуть к тому, что женщина так свободно ведет себя в компании. «Как быстро все меняется — манеры, привычки», — подумала Дорс и решила, что непременно надо будет сказать об этом Селдону, как о еще одной проблеме, заслуживающей внимания психоистории.

— Правда, — кивнула она. — Доктор Селдон — с Геликона.

— А где же это такое находится? — вежливо поинтересовалась госпожа Тисальвер.

— Ну, это... — начала Дорс и обернулась за помощью к Селдону. — Где это, Гэри?

Селдон немного растерялся.

— Правду сказать, я даже на модели Галактики не сумел бы сразу найти свою планету, если бы не заглянул для начала в справочник. Все, что я могу сказать, так это то, что Геликон находится по другую сторону центральной черной дыры от Трентора, и попасть туда на гиперпространственном корабле довольно трудно.

— Сомневаюсь, — вздохнула госпожа Тисальвер, — что мы с Жирадом когда-нибудь куда-либо полетим на гиперпространственном корабле.

— Не грусти, Касилия, — подбодрил ее господин Тисальвер, — глядишь, может, и полетим когда-нибудь. Вы нам лучше про Геликон расскажите, господин Селдон.

Селдон покачал головой.

— По-моему, это выйдет скучно. Планета как планета, как все остальные. На мой взгляд, только Трентор и непохож на все остальные планеты. Термариев на Геликоне нет, а может быть, их и нигде нет, кроме Трентора. Расскажите мне про них.

«Только Трентор и непохож на все остальные планеты» — сказанная им самим фраза звенела у Селдона в ушах, повторялась и повторялась, и вдруг, совершенно неожиданно в его памяти всплыла история Дорс о «руке на бедре», но Тисальвер начал рассказывать, и фраза о Тренторе и рассказ Дорс вылетели у Селдона из головы так же быстро, как возникли.

А Тисальвер сказал вот что:

— Если вы действительно хотите узнать о термарирах, я мог бы сводить вас туда. Касилия, — спросил он у жены, — ты не будешь возражать, если завтра я отведу господина Селдона на термарию?

— И меня, — тут же вмешалась Дорс.

— Хорошо, и госпожу Венабили тоже.

Госпожа Тисальвер нахмурилась, поджала губы.

— Не думаю, что это хорошая мысль. Нашим гостям там не понравится.

— Почему не понравится, госпожа Тисальвер? — удивился Селдон. — Нет, нам очень даже интересно взглянуть на термарию. Мы будем рады, если и вы к нам присоединитесь, и дочка ваша, если, конечно, захочет.

— На термарию? — возмущенно воскликнула госпожа Тисальвер. — Там не место благовоспитанным женщинам.

— Не обижайтесь, — вмешался Тисальвер. — Касилия считает, что это ниже нашего достоинства, и это правда, но поскольку я там не работаю, ничего страшного в том, чтобы пойти туда и показать термарию гостям для меня нет. Но только... это довольно неприятно, и я ни за что не смогу заставить Касилию... подобающе одеться.

Все общество встало. Дальские «стулья» представляли собой высокие табуретки на колесиках. Селдон уже успел их возненавидеть: край табуретки врезался под колени, да еще она и ерзала по полу при каждом движении. Тисальверы, правда, как-то ухитрились усидеть на своих табуретках и вставали с них ловко, не

придерживаясь, как Селдон, руками за сиденье. Дорс тоже поднялась весьма изящно, и Селдон в который раз восхитился ее природной грацией.

Прежде чем разойтись по комнатам, Селдон сказал Дорс:

— Ты действительно ничего не знаешь про эти их термари? Послушать госпожу Тисальвер, так это просто отвратительное местечко.

— Не думаю, что оно такое уж отвратительное, иначе господин Тисальвер не согласился бы повести нас на эту экскурсию. Давай подготовимся к тому, что нас там ждет что-то удивительное.

62

— Вам нужно подобающе одеться, — сказал утром господин Тисальвер.

Госпожа Тисальвер выразительно фыркнула.

С ужасом вспомнив о кертлах, Селдон осторожно поинтересовался:

— Что вы имеете в виду под подобающей одеждой?

— Что-нибудь легкое, вроде моей одежды. Футболку с короткими рукавами, легкие брюки, тонкое нижнее белье, носки, сандалии. Все это у меня для вас найдется.

— Отлично. Ничего страшного, как будто.

— И для госпожи Венабили тоже найдется такой комплект. Надеюсь, подойдет по размеру.

Все, что предложил господин Тисальвер, пришлось Дорс и Селдону впору. Ну, может быть, вещи оказались чуть-чуть тесноваты. Как только все были готовы, все трое попрощались с госпожой Тисальвер; та вздохнула, покачала головой и проводила их взглядом до дверей.

На улице было еще светло — ранний вечер, и небо светилось красками искусственного заката. По всей вероятности, скоро должны были зажечься фонари. Было тепло, и на улицах не было почти никакого транспорта, все шли пешком. Издалека доносился извечный шум экспресса, время от времени вспыхивали его огоньки.

Селдон обратил внимание на то, что пешеходы никуда не спешат, а просто гуляют. Наверное, раз Даль —

небогатый сектор, то с развлечениями тут не густо, и, будучи не в силах позволить себе ничего более роскошного, по вечерам люди тут предаются простым радостям вроде пеших прогулок.

Селдон сам не заметил, как перешел на ленивый прогулочный шаг и погрузился в тепло и дружелюбие уличной атмосферы. Пешеходы здоровались друг с другом, обменивались парой-тройкой вежливых фраз. Почти у всех мужчин физиономии украшали черные усы разнообразной длины и фасонов. Похоже, усы здесь были столь же неотъемлемой частью облика мужской половины населения, как лысые головы у микогенских Братьев.

Прогулка напоминала вечерний ритуал, означавший, что день прошел хорошо и у тебя самого, и у твоих друзей и знакомых. Вскоре Селдон заметил, что почти все встречные удивленно посматривают на Дорс. В сумерках ее рыжие волосы казались темнее, но все равно разительно выделялись на фоне целого моря черноволосых голов (не считая изредка встречавшихся седых). Ее головка проплывала по этим волнам, словно золотая монетка, катившаяся по куче угля.

— Послушайте, мне ужасно нравится эта прогулка, — сказал Селдон.

— Я тоже очень люблю гулять по вечерам, — признался Тисальвер. — Обычно я гуляю с женой, а она так просто обожает этот вечерний променад. Она знает всех по именам на целый километр в округе, знает, кто чем занимается, кто чей родственник, и так далее. А я никак не могу всех упомянуть. Ну, вы же видели, сколько человек уже успели со мной поздороваться, а я половину из них по имени не знаю. Но вообще-то нам надо поторопиться. Нужно поскорее добраться до лифта. Внизу народу побольше.

Когда лифт вез всю троицу вниз, Дорс сказала:

— Если я ошибаюсь, господин Тисальвер, поправьте меня. Я так понимаю, что термарии — это такое место, где внутреннее тепло Трентора используется для производства пара, который должен вращать турбины, которые, в свою очередь, производят электричество.

— О нет! Там стоят мощные термоэлементы, которые напрямую производят электричество. Только не

спрашивайте у меня о подробностях, прошу вас. Я всего-навсего программист-головизионщик. И вообще не советую никого тут, внизу, расспрашивать о подробностях. Тут все вроде большого такого черного ящика. Все работают, но никто не знает как.

— А если что-то сломается?

— Как правило, ничего такого не происходит, но если и случается, откуда-то вызывают эксперта. Того, кто разбирается в компьютерах. Тут все компьютеризировано, конечно.

Кабина лифта остановилась, они вышли и сразу почувствовали, как по ним ударила плотная волна жара.

— Жарко тут, — заметил Селдон, хотя это и так было ясно.

— Да, жарко, — согласился Тисальвер. — Потому-то Даль и является таким ценным источником энергии. Слои магмы залегают здесь ближе к поверхности, чем в любом другом месте. Приходится работать в такой жаре.

— А как насчет кондиционеров? — спросила Дорс.

— Кондиционеры тут есть, но они ужасно дороги. Тут есть вентиляция, увлажнители и охладители, но если пользоваться всем этим чересчур широко, то на потребление энергии уйдут слишком большие затраты и все предприятие станет нерентабельным.

Тисальвер остановился у какой-то двери и позвонил. Дверь открылась, из проема хлынул более прохладный воздух, и Тисальвер пробормотал:

— Нужно разыскать кого-нибудь, кто бы нас здесь поводил. Вы уж извините, но нашему провожатому придется оградить госпожу Венабили от всяких неприятных замечаний, на которые тут способны некоторые мужчины.

— Меня совершенно не пугают никакие замечания, — улыбнулась Дорс.

— А меня могут напугать, — сказал Тисальвер.

— Хано Линдор, — представился молодой человек, вставший им навстречу из-за столика. Можно было подумать, что он — близкий родственник Тисальвера. Селдон понял, что еще долго в Дале ему предстоит вот так путаться, до того тут все были похожи друг на друга.

— Буду рад, — сказал Линдор, — показать вам все, что сумею. Зрелище, правда, не ахти... — Говорил он, вроде бы, обращаясь ко всем сразу, но взгляд его был прикован к Дорс. — И потом, вам будет не совсем удобно. Думаю, придется снять футболки.

— Но тут так хорошо, прохладно, — возразил Селдон.

— Конечно, но это в кабинете. Должность имеет свои привилегии. А за пределами кабинета мы не в силах поддерживать кондиционирование на таком же уровне. Поэтому рабочие получают больше, чем я. На самом деле, у них самая высокооплачиваемая работа в Дале, только деньгами сюда народ и заманиваем. И все равно, находить рабочих становится все труднее и труднее. Ну, ладно, — сказал он, глубоко вздохнув, — нырнем в кипяточек...

Он стянул с себя футболку через голову и, скомкав, засунул под поясной ремень. То же самое проделал и Тисальвер. Селдон последовал их примеру.

Линдор взглянул на Дорс и пробормотал:

— Вам же лучше будет, госпожа, но это необязательно.

— Все нормально, — улыбнулась Дорс и сняла футболку, оставшись в тоненьком белом бюстгальтере, который почти ничего не скрывал.

— Госпожа, — опустив глаза, промямлил Линдор, — это необя... Ну, ладно, — закончил он, пожав плечами, — пойдете.

Селдон смотрел во все глаза, но видел только компьютеры, какие-то машины, толстые трубы, мелькание огоньков да тускло светящиеся экраны.

Общее освещение было ужасно тусклым, только панели приборов горели ярко. Вглядываясь в темноту, Селдон спросил:

— Почему тут такая темнотища?

— Освещение хорошее — там, где нужно, — ответил Линдор хорошо поставленным, но чуть хрипловатым голосом. — Общее освещение слабое, да, но для этого есть чисто психологические причины. Слишком яркий свет ассоциируется с жарой. Стоит только поярче включить свет, и тут же сыплются жалобы, даже если при этом понизить температуру.

— Похоже, тут все у вас здорово компьютеризировано, — отметила Дорс. — Мне кажется, что и все тут могли бы делать компьютеры. Самое подходящее место для этого.

— Совершенно верно, — кивнул Линдор. — Но мы должны быть застрахованы от любых ошибок. Если что-то сломается, нужны люди. Вышедший из строя компьютер может вызвать неполадки за две тысячи километров от места поломки.

— Так же, как и ошибка человека, разве нет? — спросил Седдон.

— Да, конечно, но, когда работают одновременно и люди, и компьютеры, ошибку компьютера выявить всегда гораздо проще, и наоборот, компьютер быстрее подметит ошибку человека. Главное, ничего ужасного не случится до тех пор, пока человек и компьютер не ошибутся одновременно. А такое не случается почти никогда.

— Почти никогда, но все-таки случается, а? — спросил Седдон.

— Почти никогда, но все-таки случается, — подтвердил Линдор. — И компьютеры уже не те, и люди тоже.

— Так всегда говорили, во все времена, — Седдон тихо рассмеялся.

— Нет-нет, я говорю не о прошедшем времени, не о старых добрых временах. Такова статистика.

И снова Седдон вспомнил слова Челвика об упадке.

— Я вот о чем говорю, — сказал Линдор потише. — Посмотрите, вон там кучка рабочих, судя по виду, с уровня С-3. Они пьют. И все не на своих рабочих местах.

— А что они такое пьют? — поинтересовалась Дорс.

— Особые напитки для профилактики потери электролита. Фруктовые соки.

— Но разве можно их за это ругать? — возмутилась Дорс. — Как же тут не пить, в такой жар?

— А знаете ли вы, как долго опытный рабочий уровня С-3 может тянуть свой напиток? А поделаться ничего нельзя. Если давать им пятиминутные перерывы на питье и хронометрировать эти перерывы, да следить

за тем, чтобы они не собирались компаниями... так и до забастовки недалеко.

Вскоре они подошли поближе к группе рабочих. Среди них были и мужчины, и женщины, и все по пояс обнаженные. На женщинах, правда, были надеты какие-то тряпочки, отдаленно напоминавшие бюстгалтеры, но назначение у них было чисто функциональное. Они поддерживали грудь, впитывали пот, но ничего не прикрывали.

— Знаешь, Гэри, — шепнула Дорс Селдону, — в этом что-то есть. Я уже взмокла.

— Сними, — шепнул Селдон. — Я не против.

— Я так и думала, — кивнула Дорс, но бюстгалтер не сняла.

В компании рабочих было около дюжины человек.

— Если кто-то из них что-нибудь отчебучит в мой адрес, я переживу, — сказала Дорс.

— Благодарю вас, — ответил Линдор. — Не могу пообещать, что они от этого удержатся. Но мне придется вас представить. Если им покажется, что вы — парочка инспекторов, расхаживающих здесь за компанию со мной, они не поверят. Инспекторы обычно шныряют в одиночку, без представителей руководства.

Подняв обе руки в знак приветствия, Линдор обратился к рабочим.

— Термальщики, — сказал он, — позвольте представить вам наших гостей. Они нездешние, ученые. Они прибыли из таких миров, где не хватает энергии, и сюда пришли для того, чтобы посмотреть, как обстоят дела в Дале. Они надеются кое-чему поучиться у нас.

— Мы их поучим, как потеть, — выкрикнул один из термальщиков, и вся компания громко расхохоталась.

— А у этой-то, поди, уже пузо взопрело, — выкрикнула женщина-термальщица, — в таком-то наряде!

Дорс не ударила лицом в грязь:

— Я готова раздеться, да только боюсь, мне до тебя далеко.

Смех рабочих на сей раз был вполне дружелюбным.

Но тут вперед выступил молодой человек. Уставившись на Селдона в упор глубоко посаженными глазами, он весело улыбнулся и сказал:

— Я вас знаю. Вы математик.

Быстро подойдя поближе, он принялся бесцеремонно разглядывать Селдона. Дорс автоматически шагнула вперед и встала между ним и Селдоном, а Линдор заслонил ее собой и крикнул:

— Назад, термальщик! Веди себя, как подобает!

— Погодите! — вмешался Селдон. — Дайте ему сказать. Что это вы все выстроились впереди меня?

— Если кто-то из них подойдет поближе, — вполголоса объяснил Линдор, — вам сразу станет ясно, что пахнут они не как тепличные цветочки.

— Переживу, — отрезал Селдон. — Молодой человек, кто вы такой и что вам угодно?

— Меня зовут Амариль. Юго Амариль. А вас я видел в головизионной передаче.

— Может быть. И что из этого?

— Забыл, как вас зовут.

— Не стоит вспоминать.

— Вы говорили о чем-то под названием «психоистория».

— Вы не представляете, как я об этом жалею.

— Что вы сказали?

— Ничего. Что вам угодно?

— Я хочу поговорить с вами. Совсем немного. Прямо сейчас.

Селдон посмотрел на Линдора. Тот резко покачал головой.

— Только в нерабочее время.

— Когда вы приступаете к работе, мистер Амариль? — спросил Селдон.

— В шестнадцать ноль-ноль.

— Можете встретиться со мной в четырнадцать ноль-ноль?

— Конечно. Где?

Селдон обернулся к Тисальверу.

— Вы позволите мне принять этого молодого человека у вас?

— Это не принято, — пробормотал Тисальвер. — Ведь он простой термальщик.

— Но он узнал меня. Он что-то обо мне знает, — возразил Селдон. — Не может быть, что он простой термальщик. В общем, я приму его у себя в комнате.

Моя комната, — добавил он, заметив, что Тисальвер состроил гримасу, — это то, за что вам заплачено. Да тем более мы встретимся тогда, когда вы будете на работе.

— Не во мне дело, господин Селдон, — вполголоса проговорил Тисальвер. — Моя жена, Касилия. Она этого не переживет.

— Я поговорю с ней, — вздохнул Селдон. — Поговорю и уговорю.

63

— Термальщик! — широко раскрыла глаза Касилия Тисальвер. — Только не у нас!

— Но почему? Я его приму у себя, — сказал Селдон. — В четырнадцать ноль-ноль.

— Нет-нет, и не уговаривайте! Вот что выходит из всех этих экскурсий по термариям, — проворчала госпожа Тисальвер. — Мой Жирад глупец, что потащил вас туда...

— Не огорчайтесь так, госпожа Тисальвер. Мы пошли туда по моей просьбе, и мне там очень понравилось. Мне обязательно нужно повидаться с этим молодым человеком. Это важно для моей научной работы.

— Вы уж меня извините, но я не могу позволить, не могу, и все.

— Гэри, — вмешалась Дорс, — позволь, я попробую объяснить. Госпожа Тисальвер, я понимаю, раз господин Селдон желает с кем-то встретиться у себя в комнате, это требует дополнительной платы. Мы это прекрасно понимаем. Значит, за сегодняшний день мы заплатим вдвойне за комнату господина Селдона.

Госпожа Тисальвер задумалась.

— Это очень благородно с вашей стороны, — сказала она наконец, — но дело не только в деньгах. Что подумают соседи? Потный, вонючий термальщик...

— Не думаю, чтобы в четырнадцать ноль-ноль он был потный и вонючий, госпожа Тисальвер, но позвольте, я закончу. Если доктору Селдону обязательно нужно с ним повидаться, но здесь встретиться им нельзя, значит, ему придется встречаться с этим парнем где-то еще, но не можем же мы бегать туда-сюда. Это будет

не слишком удобно. Значит, нам придется поискать другую квартиру. Наверное, это будет нелегко, и нам этого совсем не хочется, но что поделаешь — придется. Поэтому, раз так, мы заплатим вам по сегодняшней день включительно и покинем вас, но, безусловно, нам придется рассказать господину Челвику, почему нам пришлось переехать с вашей квартиры.

— Погодите... — проговорила госпожа Тисальвер торопливо, и по ее лицу стало видно, что она производит в уме подсчеты. — Нам бы не хотелось лишней раз беспокоить и расстраивать господина Челвика... да и вас тоже. Сколько времени пробудет тут этот...?

— Он придет в четырнадцать ноль-ноль. В шестнадцать ноль-ноль он заступает на смену. Значит, здесь он пробудет никак не больше двух часов, а скорее всего — гораздо меньше. Мы встретим его на улице и проведем в комнату доктора Селдона. Если нас и увидит кто-то из ваших соседей, можно сказать, что это наш земляк и приятель.

Госпожа Тисальвер кивнула.

— Хорошо, только пусть все будет именно так, как вы сказали. Двойная оплата за комнату господина Селдона за сегодня, и чтобы больше этого термальщика и духу тут не было.

— Только сегодня, обещаем, — кивнула Дорс.

А чуть позже, когда Селдон и Дорс сидели вдвоем в ее комнате, Дорс спросила:

— А зачем ты хочешь встретиться с ним, Гэри? Неужели беседа с термальщиком так уж важна для психоистории?

Селдону послышались в голосе Дорс саркастические нотки, и он резко, даже немного обиженно ответил:

— Я не обязан все свои поступки совершать в согласовании с моим грандиозным проектом, в который, кстати говоря, сам не очень-то верю. Я тоже человек, как-никак, и ничто человеческое мне не чуждо, в том числе и обычное человеческое любопытство. Мы провели в термариях несколько часов, и ты сама видела, на кого похожи рабочие. Уровень — ниже не бывает, это я говорю буквально, без всяких каламбуров. И вдруг среди них попадает человек, который меня знает. Видеть меня по головизору он мог только в одном

случае — если смотрел передачу о Декадном Математическом Конгрессе. Вдобавок, он еще и словечко «психоистория» запомнил. Он меня просто поразил. По-моему, он там совершенно не на своем месте. Но почему? Вот мне и захотелось поговорить с ним.

— Что, твое самолюбие тешит тот факт, что тебя знает даже простой термальщик из Даля?

— Может, и так. Но это любопытно, согласишься.

— А ты не думаешь, что он завербован кем-то и специально подставлен, чтобы завлечь тебя в ловушку, как случалось раньше?

Селдон усмехнулся.

— Не бойся, я не позволю ему гладить себя по головке. И потом, мы же теперь во всеоружии, не так ли? Уверен, ты будешь присутствовать при нашей с ним беседе. Это я к тому говорю, что ты меня одного отпустила наверх в Университете, позволила отправиться на микроферму с Капелькой Сорок Третьей, так не покидай теперь, ладно?

— Можешь быть абсолютно уверен, не покину, — пообещала Дорс.

— Вот и славно. Я буду толковать с термальщиком, а ты следи за каждым словом. Я тебе доверяю целиком и полностью.

64

Амариль явился чуть раньше четырнадцати ноль-ноль, смущенный, растерянный. Волосы его были старательно причесаны, черные усики прилизаны, напмажены и чуть-чуть закручены кверху, футболка — блее белого. Пахнуть от него пахло, но это был запах фруктового дезодоранта, с которым он явно переусердствовал. В руке у него была пластиковая сумка.

Селдон и Дорс встретили его около дома, взяли под руки и быстро вошли в кабину лифта. Добравшись до нужного этажа, все трое скользнули в дверь квартиры Тисальверов и, пройдя по коридору, провели гостя в комнату Селдона.

Испуганно оглянувшись на закрывшуюся за ними дверь, Амариль хриплым шепотом спросил:

— Дома никого, а?

— Может, кто и есть, но все при делах, — небрежно ответил Селдон. — Садитесь, — предложил он, указывая на единственное посадочное место в комнате — маленький пуфик.

— Не надо, — покачал головой Амариль. — Обойдусь. Вы садитесь.

И он уселся прямо на пол, мягко, почти по-кошачьи.

Дорс скопировала его грацию и опустилась на краешек дивана Селдона. Селдон тоже сел на диван, но у него, конечно, вышло не так ловко.

— Ну, молодой человек, — сказал Селдон, наконец управившись с не желавшими слушаться ногами, — почему вы хотели со мной встретиться?

— Потому что вы математик. Вы — первый математик, которого я увидел... так близко... так близко, что можно потрогать.

— Математики на ощупь точно такие же, как все остальные люди.

— Для меня — не такие... доктор... доктор Селдон?

— Да, так меня зовут.

Амариль радостно улыбнулся.

— Ну вот, я таки вспомнил... Понимаете, я тоже хочу стать математиком.

— Похвально. И что же вам мешает?

— Вы серьезно спрашиваете? — нахмурился Амариль.

— Видимо, что-то вам все-таки мешает. Да, я спрашиваю совершенно серьезно.

— Как — что? Я — далиец, я дальский термальщик. У меня нет денег на образование, и я никогда не смогу их заработать. На настоящее образование, я хочу сказать. Меня научили только читать да считать, да пользоваться компьютером, а этого за глаза хватает любому термальщику. Больше не положено. Но я хочу большего. Поэтому я сам занимался.

— А знаете, это совсем неплохо. Иногда даже лучше, чем в Университете получается. И как же вы занимались?

— Я познакомился с одной библиотечаршей. Она очень хотела мне помочь. Она очень добрая женщина и разрешила мне заниматься в библиотеке. Показала, как

пользоваться компьютером для изучения математики. Еще она подсоединила тот компьютер, за которым я занимался, к компьютерам других библиотек. Я мог ходить туда по выходным, по утрам до работы и после смены. Иногда она запирала меня в своем кабинете, чтобы мне никто не мешал, а иногда пускала позаниматься в те дни, когда библиотека бывала закрыта. Сама она математики не знала, но помогала мне, как могла. Пожилая, добрая женщина, вдова. Не знаю, может быть, она считала меня кем-то вроде сына. Своих детей у нее не было.

«А может быть, ею владели и какие-то другие чувства, — подумал Селдон, но тут же прогнал глупую мысль. — Не мое это дело, в конце концов».

— Я увлекся теорией чисел, — продолжал тем временем Амариль. — И даже придумал кое-что такое, чего не было ни в программе компьютера, ни в учебниках.

— Интересно! — поднял брови Селдон. — Ну, например?

— Я тут принес кое-что. Я этого никому еще не показывал. Вокруг меня такой народ, — пожав плечами, смущенно проговорил Амариль. — Покажи я им такое, они бы или высмеяли меня, или не поняли бы. Один только раз я попытался рассказать об этом знакомой девушке, так она сказала, что я зануда и что она больше не желает меня видеть. А вам можно показать?

— За меня не волнуйся. Я смеяться не буду, честное слово.

Селдон протянул руку, Амариль чуть помедлил и дрожащими руками передал ему сумку.

Довольно долго Селдон просматривал записи Амарилья. Труды оказались жутко наивными, но Селдон не позволил себе ни единой усмешки. Он просмотрел все записи, не обнаружил в них никаких выдающихся открытий, но это было не важно.

Оторвавшись наконец от записей, Селдон спросил:

— Это вы все сами проделали?

Амариль, полумертвый от волнения, скованно кивнул.

Селдон вытащил из стопки несколько листков.

— Почему вы задумались вот об этом? — спросил он, указывая на цепочку цифр.

Амариль посмотрел, нахмурился, задумался, объяснил ход своих рассуждений.

Выслушав его, Седдон кивнул и спросил:

— Вы книгу Аната Ригелля читали?

— По теории чисел?

— Она называется «Математическая дедукция». Там написано не только о теории чисел.

Амариль покачал головой.

— Простите. Я даже не слышал о таком авторе.

— Вот эту вашу теорему он разработал триста лет назад.

— Я не знал, — потрясенно пробормотал Амариль.

— Конечно, не знали. А у вас вышло поэзичнее, ей-богу. Не слишком точно, правда, но...

— Что вы хотите сказать — не слишком точно?

— Это не важно.

Седдон сложил листочки, присоединил их к остальным, сунул в сумку и сказал:

— Сделайте, пожалуйста, несколько копий. Одну прокрутите через принтер официального компьютера и завизируйте. Мой друг, госпожа Венабили, поможет вам поступить в Стрилингский Университет, где вы будете получать стипендию. Придется, правда, начать с азов, и позаниматься кое-чем кроме математики, но...

Амариль наконец сумел выдохнуть.

— В Стрилингский Университет? Меня не примут.

— Почему не примут? Дорс, ты же сможешь это устроить, правда?

— Смогу, без сомнения.

— Нет, не сможете! — горячо возразил Амариль. — Не возьмут там меня. Я из Даля.

— И что?

— Не принимают они никого из Даля.

— О чем он говорит? — спросил Седдон, удивленно посмотрев на Дорс.

— Честное слово, не понимаю, — покачала головой Дорс.

— Вы не тренторианка, госпожа, — сказал Амариль. — Сколько лет вы в Стринге?

— Чуть больше двух лет, мистер Амариль.

— Ну и видели вы там хоть раз дальйцев? Ну, невысокого роста, черноволосых, курчавых, с большими усами?

— У нас всяких студентов полно.

— А дальйцев нет. Как вернетесь в Университет, приглядитесь получше.

— Но почему? — спросил Седдон.

— Не любят нас там. Мы другие. Усы наши, к примеру, не любят.

— Но вы можете побри... — начал было Седдон и тут же осекся под гневным взглядом Амария.

— Ни за что! С какой стати? Мои усы — признак моего мужского достоинства.

— А бороду вы бреете, как я посмотрю. Она не признак вашего мужского достоинства?

— Нет. У нашего народа таким признаком являются усы.

Седдон поглядел на Дорс и пробормотал:

— Там лысины, тут усы — с ума можно сойти...

— Что вы сказали? — гневно переспросил Амариль.

— Не обращайтесь внимания. Ну и что, неужели дело только в усах? Как-то не верится.

— Мало ли что еще... Говорят, от нас пахнет противно. Мол, грязные мы. Воришки, грубые, *глупые*.

— И почему же это все говорят?

— Потому что так легко говорить, потому что им так нравится. Ну конечно, поработаешь в термариях, станешь и грязным, и вонючим. Поживешь в такой нищете, так пойдешь и воровать, и драться. Но не все же у нас такие! Взять хотя бы этих длиннющих блондинов из Имперского Сектора, которые думают, будто правят всей Галактикой. Да что там «думают», они и правят ею на самом деле. Они что — не дерутся, не крадут? Если бы они вкальвали, как я, они бы воняли точно так же.

— Конечно, люди везде разные, кто спорит? — пожал плечами Седдон.

— Никто не спорит! Только про нас так думают, и иначе думать никто не хочет и не станет! Господин Седдон, мне нужно убраться с Трентора. На Тренторе я ничего никогда не добьюсь, за всю жизнь. Ни денег не заработаю, ни выучиться не смогу, никогда не стану

математиком, так и останусь тем, кем меня считают — полной бездарью и никчемной тупицей.

Он произнес эти слова с отчаянием и безнадежностью в голосе.

Селдон привел последний аргумент.

— Но... вот мы живем в дальской семье. У нашего хозяина чистая работа, хорошее образование.

— Ну конечно! — страстно воскликнул Амариль. — Есть избранные. Избранным иногда позволяют забраться чуть-чуть повыше, чтобы потом говорить, что такое возможно. Но и горстка избранных живет неплохо только здесь, в Дале. Стоит им попробовать сунуться за его границу, и вы увидите, как к ним будут относиться. Ну а покуда они здесь, они тешат свое самолюбие и гордость, унижая остальных, относясь к ним, словно те — грязь у них под ногами. Тогда они воображают себя чистенькими, светловолосыми. И что, интересно, сказал вам ваш милейший хозяин, когда вы объявили ему, что пригласили в гости термальщика? Как, сказал он вам, на кого я похож? Наверняка хозяева смылись из дому, потому что побрезговали находиться в одной квартире со мной.

Селдон облизнул пересохшие губы.

— Я вас не забуду, Юго. Я позабочусь о том, чтобы помочь вам улететь с Трентора. Если не возражаете, можете прилететь в Геликонский Университет. Я вас вызову, как только сам вернусь туда.

— Обещаете? Честное слово? Вам все равно, что я далиец?

— Мне совершенно все равно, кто вы такой. Главное, что вы уже математик! Но то, о чем вы рассказываете, просто не умещается у меня в голове. Не могу поверить, что может сложиться такое дурацкое отношение к ни в чем не повинным людям.

Амариль горько вздохнул.

— Это из-за того, что вы ни с чем таким раньше не сталкивались. Вас это не интересовало, вот и все. А ведь это все так близко, у вас под носом, можно сказать, только вас не касается.

Дорс урезонила его:

— Мистер Амариль, понимаете, доктор Селдон математик, как и вы, и большей частью витает в облаках.

А я историк. Я-то знаю, что возвышение одной части общества за счет унижения другой — дело совсем не исключительное. Бывает и похуже. Порой доходит до жуткой ненависти, у которой как будто нет и быть не может разумного объяснения. Это ужасно.

— Это легко сказать — «ужасно», — усмехнулся Амариль. — Вот вы осудите такой порядок вещей, покажетесь кому-то доброй, хорошей, а потом уедете отсюда восвояси, займетесь своими делами, и плевать вы хотели на тех, кого пожалели. А ведь все гораздо хуже, чем «ужасно». То, что здесь творится, противоречит природе, естеству. А ведь мы все равны — брюнеты, блондины, коротышки и высокие, Северяне, Южане, Западники, Восточники, тренториане и иноземцы. Все мы — и вы, и я, и даже сам Император — произошли от людей Земли, правда ведь?

— Произошли от кого? — не веря своим ушам, переспросил Седдон, ошарашенно взглянув на Дорс.

— От людей Земли! — прокричал Амариль. — С той планеты, где зародился род человеческий.

— С одной планеты? С одной-единственной?

— Да. С одной. С Земли.

— Вы сказали «Земля», а имели в виду Аврору, так?

— Аврору? Что за Аврора? Нет, я говорил про Землю и имел в виду Землю. Вы разве никогда не слышали о Земле?

— Нет, — покачал головой Седдон. — Нет, не слышал.

— Это мифический мир, — начала Дорс, — который...

— Никакой не мифический, — возразил Амариль. — Самая настоящая планета.

— Мне такое уже не раз говорили, — вздохнул Седдон. — Ну, поехали. Есть в Дале книга, где рассказывается о Земле?

— Что?

— Ну, не книга, кассета какая-нибудь?

— Не понимаю, о чем вы меня спрашиваете?

— Молодой человек, откуда вы знаете о Земле?

— Отец рассказывал. Все про нее знают.

— А нет ли кого-нибудь, кто знает о Земле побольше? Может быть, вас в школе этому учили?

— Нет, в школе об этом ни слова не говорили.

— Как же тогда люди узнают об этом?

Амариль пожал плечами, не понимая, о чем его так усердно расспрашивают.

— Просто все знают, и все. Если хотите послушать рассказы о Земле, есть такая женщина, матушка Ритта. Вроде бы она еще жива.

— Ваша мать? Как же вам тогда не знать, она еще...

— Нет, никакая она мне не мать. Просто ее так все называют. Матушка Ритта. Она старушка, живет в Биллиботтоне. Жила раньше, по крайней мере.

— А где это?

— Там... — Амариль неопределенно махнул рукой.

— Как туда добраться?

— Добраться? Нет, нет, даже не думайте. Оттуда не возвращаются.

— Это почему же?

— Поверьте мне. Даже не думайте.

— Но мне хотелось бы повидать матушку Ритту.

Амариль покачал головой.

— Вы с ножом обращаться умеете?

— С каким ножом? Для чего?

— С острым ножом. Вот таким.

Амариль притронулся кончиками пальцев к широкому ремню. Часть ремня отъехала в сторону, и в открывшемся углублении блеснуло тонкое, острое лезвие.

Рука Дорс тут же крепко сжала правое запястье юноши.

Амариль рассмеялся.

— Я и не думал вынимать его. Просто показываю. Такой нож обязательно нужен для самозащиты, а если у вас такого при себе нет, нечего и думать отправляться в Биллиботтон. Живым вы оттуда не вернетесь. Хотя, — он сразу как-то собрался, напрягся, — так вы не шутите, господин Седдон, насчет Геликона? Вы мне правда поможете?

— Не шучу. Какие шутки? Я пообещал. Напишите ваше имя и адрес, чтобы вас можно было разыскать по гиперкомпьютерной связи. Код у вас есть, надеюсь?

— Есть код кабинета в термарии, где я работаю. Этого будет достаточно?

— Да.

— Ну тогда... — сказал Амариль, устремив на Селдона чистый юношеский взгляд. — Все мое будущее зависит от вас, только от вас, господин Селдон, и я вас очень прошу, не ездите в Биллиботтон. Теперь мне вас тем более нельзя потерять.

Он обернулся, умоляющим взглядом посмотрел на Дорс и тихо попросил:

— Госпожа Венабили, если он вас послушается, не пускайте его. *Пожалуйста!*

Глава 14

БИЛЛИБОТТОН

ДАЛЬ — как ни странно, наиболее известной достопримечательностью этого сектора является Биллиботтон, полулегендарное место, о котором ходит множество рассказов. Образовалась даже целая отрасль литературы, посвященная опаснейшим приключениям героев в Биллиботтоне. Эти произведения настолько хорошо стилизованы, что в одном из наиболее известных романов есть фрагмент, где описывается просто-таки фантастическое приключение Гэри Седдона и Дорс Венабили, которые...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

65

Когда Гэри Седдон и Дорс остались наедине, Дорс нахмурилась и спросила:

— Ты в самом деле собираешься посетить эту... матушку?

— Я думаю об этом, Дорс.

— Странный ты все-таки человек, Гэри. Похоже, тебе просто не терпится от плохого поскорее перейти к худшему. Поташился на поверхность в Стрилинге — ну ладно, там хотя бы цель была более или менее разумная. В Микогене тебя понесло в алтарь Старейшин. Это было намного опаснее, чем выход на поверхность, а уж цель была гораздо более дурацкая. Теперь, в Дале, ты собираешься отправиться в такое место, поход куда, если верить этому молодому человеку,

равносилен самоубийству, и цель у тебя, ты уж меня извини, попросту бессмысленная.

— Меня заинтересовало упоминание о Земле. Я должен выяснить, что за этим кроется.

— Это легенда, и не такая уж интересная, — уговаривала Дорс. — Ничего особенного. В разных мирах эту планету называют по-разному, но суть одна и та же. Это всегда рассказ о мире-прародине человечества и его золотом веке. Все легенды до одной отражают тоску по замечательному, прекрасному, нехитрому прошлому, и это так естественно для людей, живущих в хитросплетениях жестокого мира. А все миры, все сообщества таковы, или таковыми их себе представляют те, кто в них живет, как бы проста на самом деле ни была их жизнь. Это ты, кстати, не забудь записать для своей психоистории.

— Все равно, я должен учесть эту вероятность, вероятность того, что когда-то существовал один-единственный мир. Аврора, Земля — не имеет значения. На самом деле...

Он умолк на полуслове и молчал, пока Дорс не поторопила его:

— Ну?!

Седдон покачал головой.

— Помнишь, ты мне в Микогене рассказала про забавный случай насчет руки, лежащей на бедре? Сразу после того, как я получил Книгу от Капельки Сорок Третьей... В общем, история почему-то пришла мне на память однажды вечером, совсем недавно, когда мы болтали с Тисальверами. Что-то я такое сказал и вдруг на мгновение вспомнил...

— О чем вспомнил?

— Уже не помню. Вспомнил, и все тут же вылетело из головы, но почему-то всякий раз, стоит разговору зайти об этом самом единственном мире, у меня возникает такое ощущение, будто я прикасаюсь к чему-то очень важному, но оно тут же ускользает от меня.

Дорс удивленно смотрела на Седдона.

— Ничего не понимаю. История о руке, лежащей на бедре, не имеет ничего общего ни с Землей, ни с Авророй.

— Знаю, но все равно что-то такое... что все время ускользает, все равно должно быть связано с этим единственным миром, потому-то меня не покидает чувство, что я должен во что бы то ни стало разузнать о нем гораздо больше. О нем и о роботах.

— И о роботах? А я думала, что приключение в алтаре поставило точку на твоем интересе к роботам.

Но Седдон только молча покачал головой.

Дорс нахмурилась.

— Гэри, я тебе вот что хочу сказать. В настоящей истории, в официальной — поверь мне, я отвечаю за свои слова — нет ни единого упоминания ни о каком первоначальном мире. Да, многие в это верят, это правда. Не только в таких местах, как Микоген, где это — народное предание, не только в Дале, где в это верят униженные, отверженные термальщики, но в это верят и некоторые уважаемые биологи, которые настаивают, что единственный мир-прародина обязательно должен был существовать; правда, откуда у них такая уверенность, я судить не могу. Есть и мистически настроенные историки, которые также утверждают, что такой мир существовал. Подобные мысли бродят и у роскошествующих интеллектуалов. И все-таки настоящая, официальная история, научная история об этом ничего не говорит.

— Тем больше причин заглянуть туда, — сказал Седдон упрямо, — куда не сует нос эта самая официальная история. Мне нужно средство, которое помогло бы упростить подход к созданию психоистории, и мне все равно, что это будет за средство — математический ли фокус, исторический ли, или вообще что-то совершенно невообразимое. Если бы этот молодой человек, с которым мы только что беседовали, был бы чуть-чуть более образован, я бы поручил ему разработку этой проблемы. Он мыслит оригинально, местами даже гениально...

— Значит, ты действительно собираешься ему помочь?

— Безусловно. Как только смогу.

— Но стоит ли давать обещания, когда ты сам не знаешь, когда сможешь их выполнить?

— Я хочу выполнить свое обещание. Если же тебя так волнуют невыполнимые обещания, лучше вспомни, что пообещал Челвик Протуберанцу Четырнадцатому. Ведь он посулил ему ни много ни мало — что с помощью психоистории микогенцы получают обратно свой возлюбленный мир. А шансы-то почти нулевые. Даже если я разработаю психоисторию, кто знает — можно ли будет ее применить для выполнения столь узкой, конкретной задачи? Вот уж гораздо более яркий пример невыполнимого обещания.

Дорс возмущенно воскликнула:

— Четтер Челвик, к твоему сведению, пытался спасти нам с тобой жизнь, вырвать нас из рук Демерзеля и Империи. Не забывай об этом! И потом, я думаю, он искренне хочет помочь микогенцам.

— А я искренне хочу помочь Юго Амарилю, и шансы помочь ему у меня гораздо более реальны, чем в случае с микогенцами. Так что, если ты оправдываешь обещание Челвика, не придирайся к моему. А главное, Дорс, — тут глаза Селдона сердито блеснули, — я действительно хочу разыскать матушку Ритту, и пойду я туда один.

— Ни-ког-да! — отчеканила Дорс. — Мы пойдем вместе.

66

Госпожа Тисальвер вернулась за ручку с дочерью примерно через час после того, как ушел Юго Амариль. Она не сказала ни слова ни Дорс, ни Селдону, в ответ на их приветствие только коротко кивнула и придиричиво осмотрела комнату, как бы желая убедиться, что термальщик не оставил никаких следов своего пребывания. Брезгливо принюхалась, одарила Селдона гневным взглядом и промаршировала через гостиную к себе в спальню.

Господин Тисальвер пришел попозже и, усевшись за обеденный стол и улучив минутку, пока жена отдавала какие-то последние распоряжения насчет обеда, тихонько спросил:

— Ну что, был здесь этот человек?

— Был и ушел, — спокойно ответил Селдон. —
Вашей жены в это время дома не было.

Тисальвер кивнул и спросил:

— Больше не будете с ним встречаться?

— Не думаю, — ответил Селдон.

— Ну и славно.

Обед протекал в молчании, но потом, когда девочка ушла к себе, дабы предаться сомнительным развлечениям — практике общения с компьютером, — Селдон выпрямился и небрежно сказал:

— Расскажите мне про Биллиботтон.

У Тисальвера отвисла и беззвучно задвигалась челюсть. Однако Касилия не так легко, как ее муж, лишалась дара речи.

— Значит, там, — сказала она, презрительно поджав губы, — живет ваш новый приятель? Собираетесь нанести ответный визит?

— Я пока спросил всего-навсего о Биллиботтоне, — уточнил Селдон.

— Это трущобы, — фыркнула Касилия. — Там живут отбросы общества. Туда никто не ходит, кроме тех бродяг, что там живут.

— Я так понял, что там живет матушка Ритта.

— Никогда про такую не слыхала, — отрезала Касилия. Она явно не желала иметь ничего общего ни с кем из живущих в Биллиботтоне.

Тисальвер, украдкой взглянув на жену, пробормотал:

— А я... про нее слышал, вроде бы. Это выжившая из ума старуха, говорят, она предсказывает будущее.

— И она живет в Биллиботтоне?

— Не знаю, господин Селдон. Я ее в глаза не видел. Иногда про нее говорят в новостях, когда она делает какое-нибудь предсказание.

— И что, ее предсказания сбываются?

Тисальвер фыркнул.

— Разве предсказания вообще когда-нибудь сбываются? А она, вдобавок, предсказывает всякую чушь.

— А о Земле она ничего не говорит?

— Не знаю. Не удивился бы, если бы и говорила.

— А вот вы даже не удивились при упоминании о Земле. Вы что-нибудь знаете о Земле?

Вот тут-то Тисальвер на самом деле удивился.

— А как же, господин Селдон? Вроде бы, это мир, откуда пошел род человеческий.

— Вроде бы? А вы в это не верите?

— Я? Я человек образованный. Глупые люди верят — многие.

— А книги о Земле есть?

— В детских сказочках иногда говорится о Земле. Помню, когда я был маленький, была у меня любимая сказка, она так начиналась: «Когда-то, давным-давно, на Земле, когда Земля была единственной планетой...» Помнишь, Касилия? Ты тоже обожала эту сказку.

Касилия пожала плечами, но в беседу вступить не пожелала — все еще дулась.

— Неплохо было бы пролистать, — кивнул Селдон, — но только я спросил у вас о настоящих книгах, научных — библиофильмах или печатных.

— Я сам никогда о таких не слышал, но может быть, в библиотеке...

— Попробую поискать. ...А скажите, разговоры о Земле — не табу?

— Что такое «табу»?

— Ну, это когда нельзя говорить о Земле, а иноземцам нельзя про нее спрашивать.

Тисальвер столь выразительно выпучил глаза, что стало ясно — спрашивать дальше бессмысленно.

— А в Биллиботтон, — спросила Дорс, — иноземцам можно ездить?

Тисальвер нахмурился.

— Ездить-то можно, но я бы никому не посоветовал. Я бы туда ни за что на свете не пошел.

— Почему? — спросила Дорс.

— Опасно. Страшно! Все вооружены до зубов. То есть, в Дале вообще все вооружены, но в Биллиботтоне оружием *пользуются*. Лучше не покидайте нашего района. Здесь безопасно.

— Пока, — скептически заметила Касилия. — Пока безопасно. Но термальщики уже и сюда подбираются, — и она одарила Селдона еще одним гневным взором.

— В Дале все вооружены? — удивленно переспросил Селдон. — Что это значит? Насколько мне извест-

но, в Империи очень строгие законы насчет ношения оружия.

— Конечно, — кивнул Тисальвер. — И здесь ни у кого нет ни парализаторов, ни пневматики, ни психозондов, ничего такого. Зато у всех есть ножи, — сказал он и сам растерялся.

— Вы тоже ходите с ножом, Тисальвер? — спросила Дорс.

— Я?! — в ужасе воскликнул Тисальвер. — Я мирный человек, и район у нас безопасный, тихий.

— Мы держим в доме пару ножей, — сообщила Касилия. — Не так уж мы уверены, что наш район тихий и безопасный.

— И что, все ходят с ножами? — спросила Дорс.

— Почти все, госпожа Венабили, — ответил Тисальвер. — По привычке. Но это вовсе не значит, что все ими пользуются.

— А в Биллиботтоне, надо понимать, пользуются? — спросила Дорс.

— Иногда. Когда злятся, затевают драки, поножовщину.

— И правительство закрывает на это глаза? Я разумею Имперское правительство?

— Иногда они пытаются устраивать нечто вроде прочесываний района, но ножи так легко спрятать, да и привычка не расставаться с ними очень сильна. И потом, далийцы погибают то и дело, и не думаю, чтобы Имперское правительство сильно горевало по этому поводу.

— Ну, а если убьют заезжего?

— Если такой случай становится достоянием гласности, Имперские власти могут занервничать. Но вся беда в том, что, как правило, все обстряпывается так, что никто ничего не видел, никто ничего не знает. Даже если и задержат кого-то, доказать ничего невозможно. Мне так думается, в конце концов власти просто машут рукой на случившееся и решают, что попавший в беду в Биллиботтоне сам виноват — дескать, нечего было туда соваться... В общем, не суйтесь и вы в Биллиботтон, даже если у вас будут ножи.

Седдон лениво покачал головой.

— Я не возьму с собой нож. Я не знаю, как обращаться с ним. Вряд ли у меня получится.

— Чего же проще, господин Селдон? Не ходите туда. Не надо.

— Не ходить у меня тоже вряд ли получится, — сказал Селдон.

Дорс, не скрывая гнева, глянула на него и спросила у Тисальвера:

— А где продаются ножи? Или можно у вас позаимствовать?

— Ножи не принято одалживать! — возмущенно воскликнула Касилия. — Хотите, так покупайте сами.

— Нож купить — не проблема, — объяснил Тисальвер. — Магазинов таких полно. Они, конечно, все подпольные. Но ножи продаются во всех хозяйственных магазинах. Словом, если увидите на вывеске стиральную машину, можете не сомневаться — нож вам там продадут.

— А в Библиботтон как добраться? — спросил Селдон.

— Экспрессом, — ответил Тисальвер и смутился, заметив, как укоризненно глянула на него Дорс.

— А точнее? — упорствовал Селдон.

— Садитесь на восточный маршрут и следите за указателями. Только... господин Селдон, если уж вам так невтерпеж, вы хоть госпожу Венабили не тащите с собой. К женщинам там относятся... хуже.

— Она не поедет, — успокоил Селдон.

— А я говорю, поедет, — спокойно, уверенно заявила Дорс.

67

Усы у продавца в хозяйственном магазине были роскошные — густые, пушистые, блестящие, вот только подвыщвели с годами, хотя шевелюра его по-прежнему была черной, как смоль, без единой сединки. Увидев Дорс, продавец приосанился, пригладил усы, подкрутил их кончики.

— А вы — не далийка, — кокетливо угадал он.

— Нет, но мне все равно нужен нож.

— Закон не позволяет продавать ножи, — сообщил продавец.

— Я не полицейская ищейка, не правительственный шпион. Просто я еду в Библиботтон.

— Одна? — изумленно спросил продавец.

— С другом, — и Дорс показала через плечо большим пальцем правой руки на Селдона, который покорно ожидал ее на улице.

— Так значит, вы для него хотите нож купить? — спросил продавец, оценивающе поглядел на Селдона и сделал заключение: — Он тоже не местный. Пускай сам зайдет и купит.

— Он тоже не правительственный шпион. А нож мне нужен для себя.

Продавец покачал головой.

— Ненормальный вы народ, заезжие. Ну, если вам до смерти не терпится потратить ваши денежки, мне-то что...

Он наклонился под прилавок, вытащил футляр, легко, уверенно раскрыл его; блеснуло лезвие ножа.

— Это что, самый большой? — спросила Дорс.

— Самый лучший женский нож.

— Вы мне мужской покажите.

— Он для вас тяжеловат будет. Вы хоть знаете, как ножом пользоваться?

— Научусь, а тяжелый или нет — не важно. Показывайте мужской.

Продавец ухмыльнулся.

— Ну, если хотите...

Он наклонился пониже и достал футляр побольше. Нож на сей раз был гораздо более внушительный — прямо-таки мясницкий.

Улыбаясь, продавец протянул Дорс нож, держа его за лезвие.

— Ну-ка, покажите, как вы его вынимаете, — попросила Дорс.

Продавец медленно продемонстрировал, как обнажается лезвие и как убрать его обратно.

— Вот так повернуть... а потом перехватить, — пояснил он.

— Еще разочек, сэр.

Продавец повторил.

— Хорошо, — кивнула Дорс, — закройте и сделайте вид, что угрожаете мне.

Он медленно замахнулся.

Дорс вырвала у него нож, вернула и сказала:

— Теперь порезче.

Продавец слегка опешил, потом без предупреждения замахнулся левой. Дорс левой же рукой перехватила нож; лезвие мелькнуло и тут же исчезло в рукоятке. У продавца отвисла челюсть.

— Значит, этот у вас самый большой? — как ни в чем не бывало спросила Дорс.

— Да. Но если собираетесь им пользоваться, скоро устанете.

— Ничего. Буду дышать поглубже. И еще один такой же.

— Для вашего друга?

— Нет. Для меня.

— Вы что, двумя ножами орудовать собираетесь?

— У меня же две руки.

Продавец вздохнул.

— Ох, госпожа, не суйтесь вы в Биллиботтон. Вы даже не представляете, что там с женщинами делают.

— Догадываюсь. А как засунуть эти ножи в ремень?

— Тот, что на вас, не подойдет, госпожа. Он не годится для ножей. Я бы мог поискать для вас такой, какой нужно.

— А два ножа в нем поместятся?

— Где-то у меня завалился двойной ремень. Сейчас поищем... Их не очень-то берут.

— Я возьму.

— Боюсь, он вам широковат будет.

— Ничего, подрежу как-нибудь, ушью.

— Но это все вам обойдется недешево.

— Не волнуйтесь, у меня хватит.

Когда Дорс наконец вышла из магазина, Седдон скорчил кислую мину и сообщил:

— Ну у тебя и видок с этим ремнем!

— Правда, Гэри? Такой видок, что неприлично показаться рядом с тобой в Биллиботтоне? Тогда давай вернемся к Тисальверам и никуда не поедем.

— Нет, я сам поеду. Так будет безопаснее.

— Не надо, Гэри. Все решено. Либо мы вместе возвращаемся, либо вместе едем. Я с тобой не расстанусь.

Ее голубые глаза смотрели так уверенно, губы были так сурово сжаты, руки так твердо легли на ремень, что Селдон понял — она не шутит.

— Ладно, — сказал он, — но если ты останешься в живых, и я еще раз увижусь с Челвиком, я потребую с него плату за то, что буду продолжать возиться с психоисторией. Дорс, как бы ты ни была мне дорога, я потребую, чтобы он забрал тебя. Понимаешь?

Дорс неожиданно улыбнулась.

— Не надейся. И не подлизывайся. Со мной этот номер не пройдет. Никто меня не заберет. *Понимаешь?*

68

Как только мелькнули буквы «Биллиботтон», Дорс и Селдон торопливо выскочили из вагончика экспресса. Первым признаком того, что их ожидало, могла служить хотя бы отсутствующая вторая буква «и» в названии остановки. На ее месте просто горело пятнышко света.

Гэри и Дорс спустились по лестнице и оказались на улице. Было немного за полдень, светло, и на вид улица ничем не отличалась от того района Даля, из которого они уехали.

А вот пахло тут совсем иначе, какой-то тухлятиной, а на тротуаре повсюду валялись кучи мусора. Уборочными машинами, в буквальном смысле слова, не пахло за километр.

И тем не менее — улица как улица, ничего особенного. Откуда же бралась такая напряженность, почему так тяжело дышалось?

Может быть, из-за пешеходов? Их было не больше и не меньше, чем в других местах, но все-таки они были какие-то другие. Обычно в городской сумятице и спешке люди выглядят занятыми, торопливыми, думают о чем-то своем. Только так и можно выжить на Тренторе — игнорировать друг друга, не смотреть встречным в глаза, ни о чем не думать, кроме того, куда и зачем идешь. Или наоборот, как в тихом райончике, где обитали Тисальверы, предаваться ритуальному дружелюбию вечернего променада.

А здесь, в Биллиботтоне, и в помине не было ни дружелюбия, ни отчужденности. По крайней мере, по отношению к не местным. Головы всех встречных до единого, а также всех, кого обгоняли Селдон и Дорс, автоматически поворачивались им вслед, и все взгляды были злобные, нехорошие.

Одеты прохожие были неряшливо, потрепанно. Грязью и нищетой несло ото всех, и Селдон почувствовал себя неловко в чистой, глаженной одежде.

— Как ты думаешь, — спросил он у Дорс, — где может жить матушка Ритта?

— Не знаю, — покачала головой Дорс. — Это твоя идея, вот и гадай теперь, где она живет. Я другим заниматься буду. На мне — защита, и у меня сильное подозрение, что без работы я не останусь.

— Я-то думал, что можно будет просто спросить у первого встречного, — сказал Селдон немного виновато, — а теперь как-то не могу решиться.

— Я тебя не виню. И не думаю, что кто-то с радостью придет тебе на помощь.

— Ну да ладно, есть еще такая вещь на свете, как детишки, — сказал Селдон и поманил кого-то пальцем. На его призыв сразу откликнулся мальчишка. На вид ему было лет двенадцать, по крайней мере, усы еще не пробились. Он остановился как вкопанный, во все глаза разглядывая Дорс и Селдона.

— Ты, наверное, думаешь, — фыркнула Дорс, — раз он такой маленький, он меньше ненавидит чужаков?

— По крайней мере, может, хоть не такой злощий, как взрослые. Если мы подойдем поближе, он в худшем случае удерет и осыплет нас ругательствами, но уж драться-то вряд ли полезет.

— Молодой человек! — позвал мальчишку Селдон. Мальчишка отступил на шаг, но смотрел по-прежнему на Дорс и Селдона.

— Поди сюда, — поманил его Селдон.

— А на чё? — поинтересовался мальчишка.

— Хочу спросить дорогу. Да не бойся, подойди поближе, чтобы мне не кричать.

Мальчишка сделал два шага вперед. Мордашка у него была чумазая, но глазки умненькие и веселые. На

босых ногах красовались совершенно разные сандалии, а на штанине — грубая заплатка.

— Каку таку еще дорогу? — спросил он и шмыгнул носом.

— Мы ищем матушку Ритту.

Глаза мальчишки загорелись.

— А тебе она на чё сдалась?

— Я ученый. Знаешь, что такое ученый?

— В школе, видать, учился?

— Да. А ты?

— Не-а, — мальчишка помотал головой и презрительно сплюнул.

— Мне нужно потолковать с матушкой Риттой. Можешь отвести нас к ней?

— Чё, хотишь, чтобы тебе судьбу предсказали, а? Приперся в Биллиботтон таким фертом, так и я тебе предскажу, не больно-то трудно. Незавидная у тебя судьба.

— Как тебя зовут, молодой человек?

— А тебе на чё?

— Чтобы можно было говорить по-дружески. Чтобы ты отвел нас к матушке Ритте. Ты знаешь, где она живет?

— Может, знаю, а может, нет. А звать меня Рейч. А чё ты мне дашь, коли я тебя отведу?

— А чего бы тебе хотелось, Рейч?

Взгляд Рейча остановился на ремне Дорс.

— У тетечки у твоей пара ножичков. Дашь один — так и быть, отведу вас к матушке Ритте.

— Это взрослые ножи, Рейч. Ты ещё слишком маленький.

— Ну, тогда и к матушке Ритте водить я тоже буду слишком маленький, — заявил Рейч, хитро глянув на Седдона из-под спутанной челки.

Седдон занервничал. Еще немного, и вокруг соберется толпа. И так уже некоторые останавливались, но не высмотрев ничего интересного, уходили. Но стоило мальчишке разозлиться, он бы наверняка мог созвать целую шайку.

— Читать умеешь, Рейч? — с улыбкой спросил Седдон.

Рейч снова сплюнул сквозь зубы и сказал:

— Не-а. Чё я, дурак, что ли — читать? Пусть дураки читают.

— А с компьютером обращаться умеешь?

— С говорящим-то? А то как же. Это каждый дурак умеет.

— Тогда мы вот как договоримся. Веди меня в ближайший магазин, где продаются компьютеры, и я куплю тебе маленький компьютер с приставкой для обучения чтению. Через несколько недель сумеешь сам читать.

Селдону показалось, что на мгновение в глазах мальчишки мелькнул огонек, но если и мелькнул, то тут же угас.

— Не-а, — мотнул тот головой. — Не дадите ножик, так мне ничё не надо.

— Подумай хорошенько, Рейч. Будешь учиться потихоньку, а потом всех удивишь. Только не говори никому, что учишься. А потом поспорь с кем-нибудь на пять кредиток, выиграешь обязательно; глядишь и сам сможешь купить себе ножик.

Мальчишка растерялся.

— Не-а. Кто со мной спорить-то будет? Деньжат ни у кого нету.

— Ну, тогда по-другому. Выучишься читать, сможешь найти работу в магазине, где торгуют ножами, и купишь себе ножик за полцены. Подходит?

— И чё, прям щас можешь купить говорящий компьютер?

— Прямо сейчас, но отдам тебе тогда, когда отведешь нас к матушке Ритте.

— А денежки у тебя есть?

— У меня есть кредитная карточка.

— Ладно, валяй, покупай.

Компьютер был незамедлительно приобретен, но когда мальчишка потянулся за ним, Селдон покачал головой и убрал машину в карман.

— Сначала отведи нас к матушке Ритте, Рейч. Ты точно знаешь, где она живет?

— А то! — возмутился Рейч. — Отвести я вас отведу, не без этого, токо ты мне компьютер смотри сразу отдай, а то я быстренько кликну ребят, и тебе и тетечке твоей не поздоровится. Так что смотри, не обмани.

— Зря ты так, — улыбнулся Седдон. — Мы тебя не обманем.

Рейч быстро повел их вдоль по улице, свернул в переулок, потом в другой, в третий... Седдон молчал, Дорс тоже. Вот только Дорс не была погружена в собственные мысли, а внимательно наблюдала за встречаемыми и теми, кто шел позади. Любопытные, злобные, похотливые взгляды она встречала спокойно, холодно. Время от времени, когда позади слышались шаги, она оборачивалась.

Наконец Рейч сообщил:

— Туточки! — и ткнул грязным пальцем в длинное одноэтажное здание. — Чё стоите? Не на улице она живет-то.

Дорс и Седдон вошли в дверь следом за Рейчем. Потянулся бесконечно длинный коридор, сворачивающий то вправо, то влево, и как ни старался Седдон запомнить дорогу, это ему не удалось.

— Как ты не путаешься в этих коридорах, Рейч?

Мальчишка пожал плечами.

— Да я тут мотаюсь сызмальства. Чё такого-то? Номерки на дверях стоят почти что везде, ну разве где посбивали... ну и стрелочки намалеваны на стене. Нипочем не заблудишься, ежели знаешь, как идтить.

Рейч, по всей вероятности, знал дорогу досконально, и скоро все трое забрались в самое нутро дома. Вот уж где пахло так пахло! Кучи мусора в коридорах, вонь жуткая! Обитатели коридоров, попадавшие им время от времени по пути, вылупив глаза, смотрели на гостей. Беспризорные, чумазные детишки носились по коридорам с дикими, воинственными воплями.

— Эй, ты! — провизжал какой-то мальчишка, чуть было не угодив мячом прямо в Дорс. — Чё мешаешься!

Наконец Рейч остановился перед темной, потрескавшейся дверью, на которой слабо мерцал номер: «2782».

— Туточки, — сказал он и торопливо протянул руку.

— Сначала посмотрим, кто там за дверью, — тихо проговорил Седдон, нажал кнопку звонка, однако ответа не последовало.

— Ничё не выйдет, — объяснил Рейч. — Ты стукни. Да погромче. Она ж глухая совсем.

Седдон забарабанил в дверь кулаком и был вознагражден — за дверью послышались чьи-то шаги. Хриплый голос спросил:

— Кто спрашивает матушку Ритту?

— Двое ученых! — прокричал Седдон в ответ, вынул из кармана маленький компьютер с приставкой, вручил Рейчу, тот схватил подарок, ухмыльнулся и помчался прочь. Седдон проводил его взглядом, обернулся. На пороге стояла матушка Ритта.

69

Лет ей было, наверное, за семьдесят, правда, по лицу так сразу и не скажешь. Пухлые щечки, маленький рот, аккуратный подбородок, под которым едва намечался второй. Роста она была маленького — метра полтора, и очень полная.

Глаза потонули в сеточках морщин, а когда она улыбалась, морщинки от глаз разбежались по всему лицу. Передвигалась она тяжело, грузно.

— Входите, входите, — проговорила она негромким, чуть осипшим голосом и близоруко прищурилась. — Не местные. Даже не с Трентора, верно? Пахнет от вас не по-тренториански.

Лучше бы она вообще не заикалась о запахах. В тесной комнатухе, заставленной всяким хламом, все пропахло какой-то кислятиной. Духота стояла страшная, и Седдон с ужасом подумал, что, наверное, к тому времени, как они с Дорс уйдут отсюда, его одежда успеет насквозь пропахнуть этими ароматами.

— Вы правы, матушка Ритта, — кивнул Седдон. — Я Седдон с Геликона. Моя подруга Венабили — с Цинны.

— Ну вот, — довольно улыбнулась матушка Ритта и принялась высматривать, куда бы усадить гостей, но ничего пристойного не нашла.

— Не беспокойтесь, мы постоим, — успокоила ее Дорс.

— Что? — переспросила старушка, поглядев на Дорс. — Говори погромче, деточка. Уши у меня уже не те, что были, когда я была такая же молоденькая, как ты.

— А что же вы слуховым аппаратом не пользуетесь? — поинтересовался Седдон.

— Не помогает, господин Селдон. Похоже, у меня что-то неладное со слуховым нервом, а денег на операцию нету. ...Так вы пришли к старушке Ритте, чтобы узнать свое будущее?

— Не совсем так, — покачал головой Селдон. — Я пришел, чтобы узнать о прошлом.

— Хорошо. Так трудно понять, чего хотят люди.

— Наверное, это целое искусство, — с улыбкой проговорила Дорс.

— На вид очень даже просто, но надо говорить поубедительнее. Я честно зарабатываю свои денежки.

— Если у вас есть устройство для приема кредитных карточек, — сказал Селдон, — мы вам неплохо заплатим, если вы расскажете нам о Земле. Только выдумывать и приукрашивать ничего не надо. Мы хотим услышать правду.

Старушка, которая все это время бродила по комнате, перекладывая с места на место всякую рухлядь, словно старалась, чтобы ее неряшливые апартаменты приобрели более пристойный вид, застыла в неподвижности.

— А... что вы желаете узнать о Земле?

— Ну, для начала, что это такое?

Старушка повернулась к ним лицом и уставилась в одну точку. Заговорила она низким голосом, тихо, медленно выговаривая каждое слово.

— Это мир, очень древняя планета. Она забыта и потеряна.

— В истории о ней ничего не говорится. Это мы знаем, — вмешалась Дорс.

— Это было давно, деточка, в доисторические времена, — гордо проговорила матушка Ритта. — Планета эта существовала на заре Галактики, и даже раньше. Этот мир был тогда единственным. На других планетах тогда еще не жили люди.

— Не было у Земли другого названия — Аврора, например? — спросил Селдон.

Матушка Ритта сердито нахмурилась.

— Откуда ты знаешь об этом?

— Уж не помню. Где-то слышал, будто Авророй называлась планета, где человечество когда-то обитало в мире и гармонии.

— Это ложь! — объявила матушка Ритта и брезгливо вытерла губы, словно хотела, чтобы на них не задержался самый вкус услышанного. — То слово, что ты произнес, упоминается только для названия места, где обитало Зло. Оттуда пошло Зло. Земля была одна до тех пор, покада не пришло Зло. Зло чуть было не погубило Землю, но Земля устояла и победила Зло с помощью своих героев.

— Земля существовала раньше этого Зла. Вы уверены в этом?

— Намного раньше. Земля была одной-единственной в Галактике тысячи, нет — миллионы лет.

— Миллионы лет? Человечество существовало на Земле миллионы лет, и больше ни на одной планете людей не было?

— Это правда. Это правда. Это правда.

— Но вам-то это откуда известно? Это что, зафиксировано в памяти компьютера? Напечатано, написано? Есть у вас книга какая-нибудь, где я мог бы прочитать об этом?

Матушка Ритта покачала головой.

— Я слышала рассказы моей матушки, а она слышала эти рассказы от своей матушки, и так далее. У меня детишек нет, поэтому я рассказываю про это другим, но когда-нибудь все это кончится. Нынче времена, когда люди мало во что верят.

— Это не совсем так, матушка, — вмешалась Дорс. — Есть люди, которые думают о доисторических временах и изучают рассказы о потерянных мирах.

Матушка Ритта безнадежно махнула рукой.

— Они смотрят на все холодными глазами. Учеными. Стараются все приспособить под свои понятия. Я целый год напролет могла бы рассказывать вам истории о великом герое Бэй-ли, но вы бы не выдержали, у вас бы времени не хватило, а я бы под конец выдохлась.

— А о роботах вы слышали что-нибудь? — спросил Седдон.

Старушка вздрогнула и испуганно вскрикнула:

— Зачем ты спрашиваешь про такое? Это были искусственные люди, злобные создания, порождения

злых миров. Они были уничтожены, и о них нельзя упоминать.

— Но был один робот, которого ненавидели в злых мирах, не так ли?

Матушка Ритта неожиданно резко приблизилась к Селдону и, прищурившись, заглянула ему в глаза. Селдон ощутил ее горячее дыхание.

— Ты пришел посмеяться надо мной? Сам знаешь, зачем спрашиваешь? Зачем, зачем ты спрашиваешь?

— Затем, что хочу знать.

— Был один искусственный человек, который помог Земле. Это был Дэ-ни, друг Бэй-ли. Он не погиб и живет где-то до сих пор, ожидая, когда для него придет время вернуться. Никто не знает, когда придет это время, но в один прекрасный день он вернется, и с ним вернутся старые добрые времена, а зло, несправедливость и нищета уйдут навсегда. Таково обещание... — проговорила она чуть тише, прикрыла глаза, улыбнулась, словно что-то припоминала.

Селдон немного выждал, вздохнул и сказал:

— Благодарю вас, матушка Ритта. Вы нам очень помогли. Что мы вам должны?

— Так приятно встретиться с чужеземцами... — пробормотала матушка Ритта. — Десять кредиток. Не желаете ли чего-нибудь выпить?

— Нет-нет, спасибо, — поспешно отказался Селдон. — Вот вам двадцать. Скажите только, как добраться от вас к остановке экспресса. ...Кстати, матушка Ритта, если сумеете записать какие-нибудь ваши рассказы о Земле на компьютерную дискету, я вам неплохо заплачу.

— Ну, это не так легко, сынок. И сколько же ты мне заплатишь?

— Все будет зависеть от того, сколько вы расскажете и хорошо ли. Я мог бы заплатить вам тысячу кредиток.

Матушка Ритта облизнулась.

— Тысячу кредиток? Целую тысячу? А как же я тебя разыщу, когда запишу свои рассказы?

— Вот вам компьютерный код, по которому меня можно разыскать.

Селдон вручил старушке листок с кодом, и они с Дорс вышли в коридор, воздух в котором теперь казался им намного более свежим, чем в комнатухе предсказательницы, и быстро зашагали в том направлении, что указала им матушка Ритта.

70

— Беседа оказалась не слишком долгой, Гэри, — заметила Дорс.

— Знаю. Но ты сама видела, что там у нее за обстановочка, да и узнал я вполне достаточно. Просто поразительно, как эти истории обрастают подробностями и преувеличениями.

— Что ты имеешь в виду под преувеличениями?

— Ну смотри: микогенцы населяли свою Аврору человеческими существами, способными жить целые века, а у далийцев человечество, видите ли, жило на Земле в гордом одиночестве миллионы лет. Но и те и другие говорят о роботе, который живет вечно. Что-то тут есть.

— Что касается миллионов лет, то... Куда мы идем?

— Матушка Ритта сказала, чтобы мы шли до зоны отдыха, потом нашли указатель «Бульвар», повернули налево. Только разве мы проходили зону отдыха по дороге сюда?

— Может быть, мы возвращаемся отсюда совсем другой дорогой. Я никакой зоны отдыха не помню, но я по сторонам особенно не глазела, больше на людей смотрела, и...

Дорс умолкла. Впереди коридор раздваивался.

Селдон вспомнил. Здесь они точно проходили. Тут по обе стороны коридора вдоль стен стояли ободранные кушетки. Зона отдыха!

Теперь Дорс не было нужды приглядываться к встречным и тем, кто шел позади. В коридоре было пусто. А вот впереди, в пресловутой зоне отдыха, кучковались мужчины, довольно высокие для далийцев, с огромными усищами, мускулистыми руками, покрытыми блестящим слоем пота.

Они явно поджидали чужеземцев. Дорс и Селдон почти одновременно остановились. Мужчины впереди

не тронулись с места. Седдон растерянно оглянулся. Позади появились трое.

— Мы в ловушке, — процедил Седдон сквозь зубы. — Не надо было тебе ездить со мной, Дорс.

— Как раз наоборот. Именно потому я поехала с тобой. А теперь скажи, стоило мотаться к матушке Ритте, а?

— Стоило, если мы выберемся отсюда.

Седдон шагнул вперед и вежливо поинтересовался:

— Разрешите пройти?

Один из мужчин двинулся навстречу. Роста он был точно такого же, как Седдон, но шире в плечах и плотнее. Правда, с брюшком, отметил Седдон.

— Меня звать Маррон, — сообщил мужчина самодовольно, словно само по себе его имя должно было вызвать ужас и уважение, — и я здесь для того, чтобы сказать вам, что мы не любим, когда в наш район суются чужаки. Хотели войти, пожалуйста, мы не против, а хотите выйти, придется раскошелиться.

— Отлично. Сколько?

— Все, что есть. Вы же заезжие богачи, точно? У вас кредитные карточки имеются? Вот и выкладывайте их.

— Нет.

— Это ты зря отнекиваешься. Мы их отберем.

— Отобрать ты их сможешь, если только убьешь меня или побьешь, но от карточки тебе не будет никакого толку без образца звучания моего голоса. Нормального звучания, учти.

— Ты, господин, не прав — видишь, какой я вежливый? Мы можем отобрать у вас ваши карточки, почти пальцем вас не тронув.

— И сколько же для этого потребуется крепких мужчин? — усмехнулся Седдон. — Девять? Нет, десять, — быстро подсчитал он.

— Зачем десять? Хватит одного меня.

— Сам драться будешь?

— Сам.

— Тогда пусть остальные разойдутся. Давай, Маррон, попробуй.

— У тебя ножа нету, господин. Дать тебе?

— Не надо. Своим можешь пользоваться, чтобы все было по-честному. Я буду драться без ножа.

Маррон оглянулся на своих приятелей и сказал:

— Смелый мужик попался, глядите, ребята! И не боится даже. Ладно, это мне нравится. Такого и бить-то жалко... Я тебе вот что скажу, господин. Я беру твою девчонку, а если хочешь, чтобы я ее отпустил, гони свою карточку и ее тоже, да побыстрее, и скажи, что положено, нормальным голосом, чтобы карточка заработала. И она пускай скажет. Скажешь «нет», тогда, хотя... нет, чуть попозже, когда я закончу с девочкой — это ведь требует времени, а? — он грубо расхохотался, — мне придется отделать тебя как следует.

— Нет, — ответил Селдон. — Женщину не трогать. Я вызвал тебя на бой. Один на один. Ты — с ножом, я без ножа. Мало тебе этого? Я согласен драться с двумя. Но женщину не трогать, понял?

— Хватит, Гэри! — крикнула Дорс. — Если ему не терпится, пусть попробует меня схватить. Стой где стоишь, Гэри, и не двигайся.

— Слыхал? — осклабился Маррон. — Стой где стоишь, Гэри, и не двигайся. Похоже, малышке я понравился. Вы двое, придержите его.

Руки Селдона тут же оказались крепко сжатыми за спиной, а между лопаток уперлось острие ножа.

— Не двигайся, — прохрипел голос прямо ему в ухо. — Смотреть можешь, так и быть. Девочке понравится, вот увидишь. Маррон мастер на это дело.

— Не двигайся, Гэри! — еще раз прокричала Дорс и развернулась к Маррону, прищурившись и чуть согнув руки в локтях.

Маррон медленно пошел на нее, а Дорс, дождавшись, пока тот окажется на расстоянии вытянутой руки, ловко выхватила из-за ремня два громадных ножа.

Маррон на мгновение растерялся, даже отшатнулся, но тут же расхохотался.

— У-у-у, как страшно! У малышки два ножичка, какие большие! Такие ножички нельзя носить девчонкам, такие ножички только большие мальчики носят. А у меня — ай-ай-ай, только один. Ну да ладно, так будет по-честному... — и он выбросил вперед лезвие ножа. — Ох, как бы не хотелось поцарапать тебя, милашка... вот увидишь, как славно будет, если этого не случится!

Может, просто взять да и выбить ножички из твоих ручонок, а?

— Убивать тебя я не собираюсь, — сообщила Дорс хладнокровно. — Постараюсь не убить. Но все равно, все свидетели, если я тебя убью, я сделаю это только для того, чтобы защитить моего друга, с которым связана словом чести.

Маррон дурашливо запросил пощады:

— Ой-ой-ой, не убивай меня, малышка, не надо! — и расхохотался. Заржали, как жеребцы, и его дружки.

Маррон замахнулся, но Дорс уклонилась от удара. Дитина замахивался снова и снова, но все удары приходились мимо цели. Маррон рассвирепел, и если до этого он больше пытался запугать Дорс, то теперь перешел к решительным действиям. Нож в левой руке Дорс блеснул и схлестнулся с ножом Маррона с такой силой, что руку нахала отбросило назад. Лезвие ножа, зажатого в правой руке Дорс, сверкнуло как молния, и на футболке Маррона появился косой порез, сразу засочившийся кровью.

Маррон ошарашенно вылупился на свою рану. Его приятели в ужасе ахнули. Селдон почувствовал, что хватка у обоих парней, что держали его за руки, сразу ослабла. Поединок явно складывался не так, как они ожидали.

Маррон снова замахнулся правой рукой, а левой попытался ухватить Дорс за талию. Лезвие ножа, зажатого в левой руке Дорс, снова скрестилось с лезвием ножа Маррона. Правую руку Дорс ловко выбросила вперед, и готовые сжаться у нее на талии пальцы Маррона схватили, казалось бы, воздух, но когда он разжал пальцы, через всю ладонь протянулась кровавая полоска.

Дорс отскочила назад, а Маррон, разъяренный видом собственной крови, проревел:

— Кто-нибудь, киньте мне еще один нож!

Поначалу никто не решался выполнить его просьбу, но вот один из приятелей протянул ему свой нож. Маррон потянулся за ножом, но Дорс опередила его, взмахнула правой рукой, — сверкнуло лезвие, и предложенный Маррону нож звякнул о пол.

Селдон почувствовал, что держат его еще слабее. Он резко рванул руки вперед и вверх и освободился. Те, кому было поручено держать Селдона, с криками бросились ловить его, но он развернулся, резко стукнул одного в пах, другому нанес точный удар в солнечное сплетение. Оба рухнули как подкошенные.

Селдон наклонился, присел, вынул у обоих ножи. Правда, в отличие от Дорс, он понятия не имел, как нужно драться ножами, но спасение его было в том, что этого, скорее всего, не знали и далийцы.

— Не лезь на рожон, Гэри, — посоветовала ему Дорс. — Защищайся, Маррон, и учти, в следующий раз я тебя царапать не буду, ударю — не опомнишься.

Маррон, разъяренный до крайности, взревел, как бык, и рванулся вперед, по всей вероятности, надеясь одолеть противницу за счет одной только массы собственного тела, сбить с ног. Дорс пригнулась, прошмыгнула под его правой рукой, подставила ему подножку, и Маррон рухнул на пол. Нож вылетел у него из пальцев.

Дорс быстро опустила на колени, приставила один из ножей к шее Маррона.

— Сдавайся! — произнесла она.

Но Маррон взревел, отшвырнул Дорс в сторону, встал на четвереньки...

Выпрямиться ему не удалось. Дорс вскочила на него верхом и отхватила ножом половину усов.

На этот раз Маррон взвыл, как раненый зверь, схватился за лицо... Когда он отдернул руку, ладонь была вся в крови.

— Погуляешь теперь без усов, Маррон! — крикнула Дорс. — Я прихватила заодно и кусок губы. Попробуй еще разок, и я убью тебя!

Она ждала ответа, но Маррону явно хватило развлечений. Постанывая, он поплелся прочь, истекая кровью.

Дорс проводила его взглядом и развернулась к остальной компании. Те двое, что пали жертвой боевого искусства Гэри, все еще валялись, скрючившись, на полу — обезоруженные и без признаков жизни. Дорс присела рядом с ними, ловко перерезала ремни и надпорола штаны.

— Пойдете домой, штанишки не забудьте поддерживать, — посоветовала она парням.

Остальные семеро в ужасе застыли на месте. Взгляды всех были прикованы к Дорс.

— Ножик кто из вас Маррону одолжил? — поинтересовалась Дорс.

Ответом ей была гробовая тишина.

— А, неважно, — махнула рукой Дорс. — Хотите — по одному, хотите — все вместе, но живыми вам не уйти.

Не сговариваясь, все семеро развернулись и позорно бежали.

Дорс, приподняв брови, обернулась к Селдону и сказала:

— Ну уж теперь Челвику никак не обвинить меня в том, что я плохо тебя защищала.

Селдон пробормотал:

— До сих пор не могу поверить. Вот уж не представлял, что ты на такое способна.

Дорс просто, искренне улыбнулась.

— Ну, ты тоже не без способностей, если на то пошло. Славная мы парочка, а? Ладно, убирай ножи по карманам. Наверняка здесь новости разносятся быстро, и мы выберемся из Биллиботтона без проблем.

Она оказалась совершенно права.

ПОДПОЛЬЩИК

ДАВАН — В беспокойные времена, которыми были отмечены последние века существования Первой Галактической Империи, возникали типичные очаги беспорядков, причиной которых было то, что политические и военные лидеры боролись за «исключительную» власть, исключительность которой становилась все более и более бесполезной с каждым десятилетием. До внедрения психоистории лишь изредка возникало нечто, что можно было бы назвать народным движением. В этой связи одним из самых интересных примеров может послужить Даван, человек, о котором мало что известно, но не исключено, что он познакомился с Гэри Селдоном вовремя...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

71

Гэри и Дорс с горем пополам вымылись в сидячих ваннах — других у Тисальверов не было — переоделись и засели в комнате Седдона. Тут вернулся с работы Тисальвер. Он робко позвонил.

Селдон открыл дверь и добродушно проговорил:

— Добрый вечер, господин Тисальвер. И вам, госпожа, добрый вечер.

Касилия стояла за спиной мужа — хмурая, недовольная.

— Надеюсь, вы и госпожа Венабилли хорошо себя чувствуете? — спросил Тисальвер и сам себе ответил

робким кивком, словно боялся услышать отрицательный ответ.

— Замечательно, — ответил Селдон. — Побывали в Биллиботтоне и вернулись. Все в порядке. Вымылись, переоделись, никакого запаха.

Последние слова Селдон нарочито адресовал госпоже Тисальвер. Но она ему не поверила и на всякий случай принялась.

Тисальвер все так же робко, смущенно поинтересовался:

— Вы, похоже, дрались там на ножах?

— Вот как? Уже слухи ходят? — удивленно вздернул брови Селдон.

— Говорят, будто вы и госпожа подрались с сотней бродяг и всех уложили. Это правда? — заискивающе спросил Тисальвер.

— Ничего подобного, — возмущенно ответила Дорс. — Глупости какие. Вы что, думаете, мы — убийцы-профессионалы? Неужели вы можете поверить, будто сотня бандитов ждала бы, покуда я... то есть, мы, разделяемся с каждым из них по очереди? Подумайте хорошенько.

— Так говорят, — с ледяной уверенностью проговорила Касилия Тисальвер. — И мы не можем позволить, чтобы такое творилось в нашем доме.

— Во-первых, — возразил Селдон, — это случилось не в вашем доме. Во-вторых, их было не сто, а десять. В-третьих, никого мы не убивали. Подрались, да, но они отступили и дали нам пройти.

— Дали пройти! — фыркнула госпожа Тисальвер. — И вы хотите, чтобы я поверила вам, чужеземцы?

Селдон вздохнул. Надо же, как мало нужно, чтобы такие милые, добрые люди вдруг стали твоими врагами.

— Ну хорошо, — кивнул он. — Если вам угодно, один из них был слегка ранен. Не серьезно.

— А у вас — ни царапинки? — восхищенно спросил Тисальвер.

— Ни царапинки, — подтвердил Селдон. — Госпожа Венабили прекрасно управилась с двумя ножами.

— А я вам скажу, — заявила госпожа Тисальвер, гневно глянув на ремень Дорс, — что такого я у себя в доме не потерплю.

Дорс спокойно ответила:

— Покуда на нас тут никто не нападает, терпеть вам нечего.

— Да? А известно ли вам, что из-за вас у наших дверей стоит пакость подзаборная? У наших дверей! Известно вам это?

— Любовь моя, — попытался урезонить ее Тисальвер. — Давай не будем ссориться...

— Почему? — возмущенно воскликнула Касилия. — Боишься ее ножей? Пусть только попробует достать их здесь!

— Не имею такого намерения, — покачала головой Дорс. — И что это за пакость у дверей? О чем вы, госпожа Тисальвер?

Тисальвер объяснил:

— Моя жена говорит о бродяге из Биллиботтона, беспризорнике... так он, по крайней мере, выглядит — он желает вас видеть... а у нас в районе это не принято. Это нас унижает, вы уж простите.

— Хорошо, господин Тисальвер, — кивнул Седдон, — мы выйдем, выясним, в чем дело, и постараемся отделаться от него побыстрее...

— Нет. Погоди, — вмешалась Дорс. — Это — наши комнаты. Мы за них платим. И нам решать, кто может к нам прийти, а кто — нет. Если тот молодой человек, что стоит за дверью, из Биллиботтона, значит, он, во всяком случае, далиец. А самое главное — он тренторианец. И что еще важнее — он подданный Империи и человек. А самое важное, раз он пришел к нам, значит, он — наш гость. Поэтому мы приглашаем его войти.

Госпожа Тисальвер не дрогнула. Тисальвер оробел.

Дорс сказала, усмехнувшись:

— Ну, раз вы верите, что я уложила наповал целую сотню в Биллиботтоне, неужели вы думаете, я испугаюсь какого-то мальчишки или, если уж на то пошло, вас двоих?

И ее правая рука небрежно легла на ремень.

— Госпожа Венабили, — прижав руки к груди, воскликнул Тисальвер, — мы не хотели вас обидеть, что вы, что вы! Конечно, это ваши комнаты, и вы можете тут принимать кого захотите.

Он отошел в сторону, схватил за руку возмущенную супругу, по яростному виду которой было совершенно ясно, что Тисальвер еще поплатится за свое поведение.

Дорс проводила их ледяным взглядом.

— Ты на себя не похожа, Дорс, — сухо усмехнулся Селдон. — Я считал тебя человеком, благородно вступающим в схватку, но спокойным и выдержанным, когда нужно всего-навсего предотвратить беду.

Дорс покачала головой.

— Терпеть не могу, когда при мне унижают человека только из-за того, что считают его ниже себя. Именно эти уважаемые люди и виноваты в том, что здесь вырастают хулиганы и бандиты.

— Точно, — кивнул Селдон, — они и прочие уважаемые люди, которые виноваты в том, что выросли такие же вот уважаемые люди. Эта взаимная враждебность так свойственна людям...

— Значит, ты это учтешь при разработке психоистории?

— Учту, конечно, если придется что-то учитывать... Ага, вот и наш бродяжка. Это Рейч, и меня это несколько не удивляет.

72

Рейч вошел, оглядываясь по сторонам, явно растерянный и смущенный, потирая верхнюю губу указательным пальцем, словно пытался обнаружить там хоть какие-то признаки растительности.

Обернувшись к онемевшей от ярости госпоже Тисальвер, он неуклюже поклонился.

— Спасибочки, хозяйка. Славная у вас квартирка.

Как только дверь за ним захлопнулась, он развернулся к Селдону и Дорс с видом человека, знающего толк в таких делах:

— Здорово устроились, братцы.

— Рад, что тебе тут нравится, — кивнул Селдон. — А как ты узнал, где мы живем?

— А выследил вас. А вы как думали? Ну, тетечка, — сообщил он, повернувшись к Дорс, — деретесь вы, я вам скажу... так тетечки не дерутся.

— И много ты видал дерущихся тетечек? — с интересом спросила Дорс.

Рейч вытер нос.

— Не-а, ваще не видел. Тетки ваще с ножами не гуляют, разве что с маленькими, чтобы детишек пугать. Ну, меня-то не шибко напугаешь.

— Верю. А что ты такое делаешь, чтобы тетечки доставали свои ножички, вот вопрос?

— Ничё не делаю. Дурака валяю. Ну, крикну чё-нибудь вроде: «Эй, тетечка, дай-ка я...» — Он ненадолго задумался и покачал головой. — Не, ничё, это я так.

Дорс сказала:

— Со мной лучше не пытайся. Номер не пройдет.

— Шутите? Штоб я... после того, как вы Маррона отделали? И где вы только такому выучились, тетечка?

— У себя на родине.

— А меня можете выучить?

— Ты ко мне за этим пришел?

— Не, не за этим. Я вам записочку принес.

— От кого же? Кто-нибудь еще хочет со мной подраться?

— Нет, тетечка, никто больше с вами драться не хочет. Вас, тетечка, теперь все боятся. Приезжайте теперь в Биллиботтон, так там все парни вам дорогу дадут, будут кланяться и прятаться от вас. Вот вы какая, тетечка. Потому-то он и хочет с вами повидаться.

— Ладно, Рейч, — поторопил Седдон. — Не тняи волянку. Выкладывай, кто хочет с нами увидеться?

— Один парень. Даван звать.

— Кто он такой?

— Просто парень. Живет в Биллиботтоне, а гуляет без ножа.

— И еще жив, Рейч?

— Он читает — целу кучу всего прочитал — и помогает парням, кода у них беда с полицией. Его никто не трогает. Ножик ему ни к чему.

— Что же он сам не пришел? — спросила Дорс. — Зачем тебя послал?

— Он не любитель сюда мотаться. Говорит, будто его тут тошнит. Говорит, будто все, кто тут живет, лижут правительству... — Рейч осекся, виновато посмотрел на Седдона и Дорс по очереди и заявил: —

Словом, не придет он сюда. А меня, сказал, пустят, потому как маленький я еще. Токо, — он улыбнулся, — чуть было не выперли, а? Ну, эта дамочка, что все вроде как принюхивалась? — Рейч замолчал, смущенно оглядел себя с головы до ног. — Там у нас не шибко-то помоешься.

— Не переживай, — улыбнулась Дорс. — Ну и где же нам с ним встретиться, если он не может сюда прийти? В Биллиботтоне? Что-то нас туда не очень тянет.

— Сказал же, — клятвенно воскликнул Рейч, — ничё вам теперь в Биллиботтоне не будет! И живет он там, где вас ваще никто не тронет.

— Это где же? — спросил Седдон.

— Я вас могу отвести. Недалеко.

— Но зачем он хочет с нами встретиться? — спросила Дорс.

— Чтoб я знал. Он мне токо так сказал... — Рейч закрыл глаза, стараясь вспомнить сказанное слово в слово. — «Скажи им, что я хочу увидеть человека, который говорил с дальйским термальщиком так, словно тот — человек, и женщину, которая одолела Маррона на ножах, но не убила его, хотя могла это сделать». Вроде, так.

Седдон улыбнулся.

— Похоже, ты все правильно запомнил. Ну, можно идти?

— Он ждет.

— Ладно, мы пойдем с тобой, — кивнул Седдон и с некоторым сомнением посмотрел на Дорс.

— Нормально, — сказала она. — Я пойду. Может, это и не ловушка никакая. Надежда умирает последней...

73

День клонился к вечеру. Розово-фиолетовый закат озарил искусственное небо с искусственными облачками. Хотя в Дале и жаловались на неважное отношение к сектору со стороны Имперских властей, с климатом тут, по крайней мере, все было в полном порядке —

Даль входил в общепланетную компьютерную сеть контроля погоды.

Дорс вполголоса проговорила:

— Похоже, нас чувствуют, это точно.

Селдон спустился с небес на землю и сразу заметил громадную толпу зевак у подъезда многоквартирного дома, где жили Тисальверы.

Все взгляды были устремлены на вышедших из подъезда Дорс и Селдона. Как только стало ясно, что двое чужеземцев заметили зевак, толпа зашевелилась, зашумела. Еще чуть-чуть, и раздались бы бурные аплодисменты.

— Теперь мне ясно, — проговорила Дорс, — почему госпожа Тисальвер была такая сердитая. Пожалуй, не стоило огрызаться.

Толпа состояла, в основном, из бедно одетых людей. Нетрудно было догадаться, что многие прибыли из Биллиботтона.

Повинуясь неосознанному порыву, Селдон улыбнулся и поднял руку в приветствии, которое было-таки встречено аплодисментами. Кто-то крикнул:

— Пусть леди покажет нам, как она управляется с ножами!

— Нет! — прокричала Дорс в ответ. — Я делаю это только тогда, когда меня разозлят!

Из толпы вышел мужчина. Судя по его виду, он был никак не из Биллиботтона и даже не далиец. Во-первых, усики у него были весьма так себе, и к тому же не черные, а каштановые.

— Марло Танта, — представился он. — «Тренторианские головизионные новости». Можно с вами побеседовать? Для ночного выпуска?

— Нет, — наотрез отказалась Дорс. — Никаких интервью.

Репортер не двинулся с места.

— Насколько мне известно, вы подрались с целой шайкой в Биллиботтоне и победили. Вот это новость так новость, — улыбнулся он.

— Это неправда, — покачала головой Дорс. — Мы действительно столкнулись кое с кем в Биллиботтоне, потолковали с ними и пошли дальше. Вот и все, и большего вы не дождетесь.

— Как вас зовут? У вас не тренторианский выговор.

— Меня никак не зовут.

— А как зовут вашего друга?

— И его никак не зовут.

Репортер занервничал.

— Послушайте, леди. Вы действительно стали сенсацией, а я просто-напросто делаю свою работу.

Рейч потянул Дорс за рукав. Она наклонилась, и Рейч что-то прошептал ей на ухо.

— Послушайте, мистер Танто, — сказала Дорс, выпрямившись. — Я думаю, что вы никакой не репортер. Я думаю, что вы правительственный шпион, задумавший доставить неприятности Далю. Никакой драки не было, а вы пытаетесь сфабриковать сенсацию, из-за которой в Биллиботтон могут быть отправлены отряды Имперской полиции. Я бы на вашем месте тут не задерживалась. Не думаю, чтобы вас тут сильно полюбили.

При первых же словах Дорс толпа зашевелилась. Поднялся шум, крики, и толпа двинулась к Танто с угрожающей скоростью. Он испуганно оглянулся и поспешил прочь.

Дорс крикнула:

— Пусть идет. Не трогайте его. А не то он сообщит в новостях, что на него напали.

Толпа расступилась.

— Ой, тетечка, зря вы так, — покачал головой Рейч. — Пущай бы его в клочки разодрали.

— Ну, кровожадный мальчишка, — улыбнулась Дорс, — веди нас к своему дружку.

74

Человека по имени Даван они обнаружили в комнатшке, что помещалась в недрах здания, фасад которого украшала вывеска закусочной.

Процессию возглавлял Рейч, чувствовавший себя в трущобах Биллиботтона столь же уверенно, как какой-нибудь геликонский крот — в прорытом им самим подземном ходу.

Первой проявила беспокойство Дорс.

— Стой, Рейч, — окликнула она мальчишку. — Ты точно знаешь дорогу? Куда мы идем?

— К Давану идем, — возмутился Рейч. — Сказал же.

— Но тут никто не живет. Ни души нет, — растерянно проговорила Дорс, оглядываясь по сторонам с явной неприязнью. И действительно, место было безлюдное, световые панели либо не горели вовсе, либо едва-едва светились.

— Даван так любит, — объяснил Рейч. — Прячется. Он то здесь, то там. Ну прячется, смекаете?

— Почему? — требовательно спросила Дорс.

— Так сподручнее, тетечка.

— И от кого?

— От правительства, а то от кого же?

— На что правительству сдался Даван?

— Я, тетечка, не знаю. Знаете чего? Я вам скажу, где он, скажу, как туда дойти, и идите сами, коли не хотите, чтоб я вас вел.

— Нет-нет, Рейч, — вмешался Селдон. — Без тебя мы точно заблудимся. Нет, я тебе вот что скажу. Ты нас отведи и подожди. Потом отведешь обратно.

— На чём мне это сдалось-то? — хмыкнул Рейч. — Чём мне, голодным шататься, или чём?

— Пошатайся голодным, Рейч, а потом я тебя накормлю роскошным обедом. Все что захочешь, то и куплю.

— Это вы щас обещаете, господин. А вдруг обманете? В руке Дорс блеснуло лезвие ножа.

— Так мы обманщики, Рейч, да?

Рейч оторопел, выпучил глаза, но не потому, что испугался.

— Ой, я не заметил, как вы это... Еще разок, а?

— Так и быть, покажу, если ты нас подождешь. Удерешь, имей в виду, мы тебя разыщем.

— Ой, тетечка, напугали, — фыркнул Рейч. — Разыщете вы меня, как же! Ищейки нашлись! Токо я не удеру. Чес-слово.

Дальше они пошли молча, только звучало под сводами пустых коридоров эхо шагов.

Даван бросил на вошедших испуганный взгляд, но как только разглядел Рейча, сразу успокоился и вопросительно указал на двоих чужеземцев.

Рейч объяснил:

— Ну, эти самые, — и, ухмыльнувшись, ретировался.

— Я — Гэри Селдон, — сообщил Селдон. — Моя спутница — Дорс Венабили.

Он с любопытством разглядывал Давана. Тот был смуглый, с густыми черными усами — истинный далиец, но еще у него росла борода. Первый далиец из всех, кого довелось встречать Селдону, который не был гладко выбрит. Даже биллиботтонские бандюги, и те, похоже, здорово следили за собой в этом смысле.

— Как вас зовут, сэр? — спросил Селдон.

— Даван. Я думал, Рейч вам сказал.

— А фамилия?

— Просто Даван. За вами «хвоста» не было, господин Селдон?

— Не было, уверен. Был бы, Рейч бы сразу понял. Ну если не он, так госпожа Венабили.

Дорс усмехнулась.

— А ты, оказывается, доверяешь мне, Гэри?

— Чем дальше, тем больше, — серьезно ответил Селдон.

— И все-таки вас раскусили, — сообщил Даван, тревожно поерзав на стуле.

— Раскусили?

— Ну да, я уже слышал про этого мнимого репортера.

— Уже? — изумился Селдон. — Что касается меня, то я на самом деле принял его за репортера и не считаю, что от него нужно было ждать беды. Мы обозвали его имперским шпионом исключительно со слов Рейча, и это он здорово придумал. Толпа тут же переключилась на него, а мы сумели улизнуть.

— Нет, — покачал головой Даван. — Он тот самый, кем вы его назвали. Мои люди его знают, и он действительно работает на Империю... Но, в конце концов, вы — не я. Вам не надо скрываться под чужим именем и менять убежища. Вы живете под своими собственными именами, вам не надо прятаться. Вы Гэри Селдон, математик.

— Точно, — кивнул Селдон. — Но к чему мне чужое имя?

— Вас ищут в Империи, правда?

Селдон пожал плечами.

— Я стараюсь держаться таких мест, где Империя не сможет до меня дотянуться.

— Открыто — да, это понятно, но Империя не обязана работать открыто. Я бы посоветовал вам исчезнуть, исчезнуть по-настоящему.

— Как вы? — поинтересовался Селдон, неприязненно оглядывая каморку Давана. Тут было так же пусто, как в тех коридорах, по которым они шли сюда. Сыро, холодно, мерзко.

— Да, — кивнул Даван. — Вы могли бы оказать нам услугу.

— Какую же?

— Вы разговаривали с молодым человеком по имени Юго Амариль?

— Разговаривал.

— Амариль говорит, что вы умеете предсказывать будущее.

Селдон тяжело вздохнул. Он уже устал стоять столбом в пустой каморке. Даван, правда, сидел на подушке, по полу были раскиданы еще несколько штук, но видок у них был, прямо сказать, не первой свежести. Да и прислоняться к осклизлой стенке Селдона как-то не тянуло.

— Либо вы недопоняли Амарилья, — ответил Селдон, — либо Амариль недопонял меня. Я всего-навсего доказал, что возможно избрать стартовые условия, исходя из которых исторический прогноз приведет не к хаосу, но к предсказанию, вероятность какового будет колебаться в определенных границах. Но каковы эти стартовые условия, я пока не имею понятия и не уверен, что кому-либо под силу их отыскать — ни одному человеку, ни множеству людей в необозримом будущем. Вы меня поняли?

— Нет.

Селдон снова вздохнул.

— Давайте еще разок. Будущее предсказывать возможно, но, что касается того, как пользоваться этой возможностью, тут возникают сложности. Теперь понимаете?

Даван угрюмо поглядел на Селдона, перевел взгляд на Дорс и сказал:

— Значит, вы не умеете предсказывать будущее.

— Вот именно, господин Даван.

— Просто Даван. Но когда-нибудь вы сумеете этому научиться?

— Сомнительно.

— Вот, значит, почему Имперские власти охотятся за вами.

— Нет, — покачал головой Селдон. — Вы ошибаетесь. Лично мне кажется, что именно поэтому Империя не слишком старается заполучить меня. Захотели, так давно схватили бы без всяких хлопот. А сейчас, пока я еще ничего толком не знаю, я им не больно нужен, и потому они не торопятся нарушать мир на Тренторе вмешательством во внутренние дела, к примеру, этого сектора. Вот потому-то я могу совершенно безбоязненно передвигаться под своим собственным именем.

Даван схватился руками за голову и пробормотал:

— Безумие...

Устало подняв глаза на Дорс, он тихо спросил:

— А вы — жена господина Селдона?

— Я его друг и защитница, — спокойно ответила

Дорс.

— Вы его хорошо знаете?

— Мы знакомы несколько месяцев.

— Всего-то?

— Всего-то.

— Как вы думаете, он говорит правду?

— Я знаю, что он говорит правду, но станете ли вы доверять мне, если не верите ему? Если Гэри почему-то обманывает вас, разве я не поддержу его, дабы защитить?

Даван беспомощно поглядел на них обоих по очереди и сказал:

— А может все-таки поможете нам?

— Кому именно? И какая вам нужна помощь?

— Вы же видите, каково положение в Дале, — сказал Даван. — Нас унижают. Думаю, вы это поняли, а раз вы так по-доброму отнеслись к Юго Амарилю, значит, не может быть, чтобы вы нас презирали.

— Не только не презираем, а искренне сочувствуем.

— И вы должны понимать, откуда идет давление.

— Вы, вероятно, скажете, что оно исходит от Имперского правительства. Да, пожалуй, я с вами согла-

сен. Но только частично. Я успел заметить, что дальийский средний класс играет в этом немалую роль — эти люди презирают термальщиков. А в остальной части сектора орудуют бандиты, терроризируя население.

Даван поджал губы, но не дрогнул.

— Все правда. Так и есть. Но Империя этому не мешает. Даль — потенциальный источник беспорядков. Если термальщики забастуют, на Тренторе сразу станет ощутимой нехватка энергии. Но тогда дальские богачи сами выложат денежки, чтобы нанять биллиботтонских бандюг, и те помогут им одолеть восставших термальщиков. Такое уже случалось. Империя позволяет кое-кому из дальйцев богатеть и процветать — относительно, конечно, — для того чтобы превратить их в имперских лакеев, а о выполнении законов насчет ношения оружия не заботится, как будто ей наплевать на рост преступности.

И это повсюду, не думайте, не только у нас в Дале. Теперь они не решаются применять силу для достижения своих целей — времена не те. На Тренторе все так перепуталось: достаточно спичку поднести, чтобы... Приходится Имперским властям держаться подальше.

— Проявление упадка... — пробормотал Селдон, припомнив слова Челвика.

— Что? — спросил Даван.

— Ничего, — покачал головой Селдон. — Говорите, Даван.

— Ну вот. Приходится Имперским властям держаться подальше, но они все равно решили, что можно загребать жар чужими руками. Каждый из секторов провоцируют на враждебное отношение к соседям. Разные слои населения внутри секторов провоцируются на необъявленную войну друг с другом. В итоге стало совершенно невозможно объединить людей по всему Трентору. Повсюду народ скорее станет сражаться со своими земляками, чем выступать в едином строю против имперской тирании. А Империя правит безо всякого насилия.

— И как вам кажется, — спросила Дорс, — что со всем этим можно поделать?

— Я уже многие годы пытаюсь пробудить у народов Трентора чувство солидарности.

— Смею предположить, — сухо проговорил Селдон, — что вы успели убедиться, насколько это тяжелое и неблагодарное занятие?

— Правильно предполагаете, — кивнул Даван. — Но наша партия набирает силу. Многие из тех, кто разгуливает с ножами, успели понять, что лучше не резать друг друга. На вас в труппах Биллиботтона напали, кто еще этого не понял. А вот те, кто поддержал вас сегодня, кто был готов защитить вас от имперского агента, принятого вами за репортера, — мои люди. Я живу среди них. Не слишком приятная жизнь, но здесь я в безопасности. У нашего движения есть сторонники в соседних секторах, и с каждым днем нас становится все больше и больше.

— Но нам-то что у вас делать? — спросила Дорс.

— Во-первых, — объяснил Даван, — вы чужеземцы и ученые. Такие люди, как вы, нужны нам как руководители. Наша основная сила — бедняки, неграмотные — те, кто больше всего страдает от гнета, но лидеров из них не получится. Такие, как вы двое, стоят сотни таких, как они.

— Звучит странно из уст человека, который встал на защиту угнетенных, — заметил Селдон.

— Я не о людях говорю, — поспешно принялся оправдываться Даван. — О руководстве, поймите. Лидерами партии должны быть люди интеллектуального труда.

— Я вас понял. Такие люди, как мы, могли бы помочь вашей партии обрести респектабельность.

— Все можно высмеять, если захотеть, — с упреком проговорил Даван. — Но вы, господин Селдон, больше чем респектабельный человек, больше чем интеллектуал. Даже если вы не сумеете развеять туман, скрывающий будущее...

— Прошу вас, Даван, — оборвал его Селдон, — не надо поэзии, и не надо говорить в сослагательном наклонении. Ни о каких «если» не может быть и речи. Я не могу предсказывать будущее. И не туман загораживает от меня будущее, а барьер из хромированной стали.

— Дайте мне закончить, прошу вас. Даже если вы не сумеете предсказать будущее... как вы это называете...

с психоисторической точностью, вы же изучали историю, и может быть, сумеете, хотя бы интуитивно почувствовать последствия? Ну, разве не так?

Седдон покачал головой.

— Может быть, у меня и есть определенное интуитивное чутье математической стороны вероятности, но каким образом можно было бы перевести мои предчувствия на язык реальной истории, совершенно не ясно. И потом, я не изучал историю. Хотел бы. Но, увы, сплошные пробелы.

— Я историк, Даван, — вступила в беседу Дорс, — и могла бы кое-что сказать, если хотите.

— Пожалуйста, — недоверчиво пожал плечами Даван.

— Во-первых, в истории Галактики было множество революций, в результате которых свергали тиранию. Иногда такие революции имели место на отдельных планетах, иногда — в целых планетарных системах, порой — даже в Империи. Чаще всего, однако, в итоге одна тирания просто-напросто сменялась другой. Другими словами, друг друга сменяли правящие классы. Чаще всего брал верх более сильный, а стало быть, и более способный обеспечить собственное существование класс. А беднота, униженные слои так и оставались нищими и униженными, им разве что еще хуже становилось после этих революций.

Даван внимательно выслушал Дорс и кивнул:

— Это мне известно. Это всем известно. Может быть, нам удастся усвоить уроки прошлого и мы будем лучше знать, чего избегать. И потом, та тирания, что существует сегодня, самая что ни на есть настоящая, такая, которая вовсе не обязательно должна будет существовать в будущем. А если мы все время будем отступаться от перемен, думая, что любые перемены — только к худшему, значит, не будет никакой вообще надежды на то, что хоть когда-то удастся одолеть несправедливость.

Дорс сказала:

— Вам не следует забывать о том, что даже тогда, когда правда на вашей стороне, даже тогда, когда справедливость вопиет к небесам, сила всегда будет на стороне тирании. Ничего ваши мастера ножевых ис-

кусств не сумеют поделаться. Ну восстание, ну демонстрация — что это все против до зубов вооруженной армии, на вооружении которой механическое, химическое и нейрологическое оружие? Можете собрать под свои знамена всех бедняков, и даже всех, кто побогаче, но как вы одолеете полицию и армию? Сумеете вы хотя бы немного поколебать их верность правительству?

— На Тренторе много разных правительств, — возразил Даван. — В каждом секторе — свои правители, и многие из них настроены против Империи. Если на нашу сторону встанет могущественный сектор, положение изменится, правда? Тогда мы уже не будем всегонавсего шайкой оборванцев, размахивающих ножами и булыжниками.

— Означает ли это, что некий могущественный сектор уже встал на вашу сторону, или вам этого просто хочется?

Даван промолчал.

— Позволю себе предположить, — сказала Дорс, — что вы думаете о мэре Сэтчема. Если мэр собирается воспользоваться народными волнениями для того, чтобы узурпировать имперский трон, вас это не коробит, нет? А зачем, спрашивается, мэру рисковать своим положением, которое и без того не такое уж жалкое? Неужели ради красивых слов о справедливости и равноправии, ради справедливого отношения к людям, до которых ему нет никакого дела?

— Вы хотите сказать, — проговорил Даван, — что всякий правитель, желающий сейчас помочь, может потом нас предать?

— Галактическая история изобилует подобными примерами.

— Но если мы будем знать об этом, почему нам не предать его?

— То есть, использовать его, а потом, в критический момент, изолировать от всех, кто стоит за ним, и уничтожить?

— Ну, может быть, не совсем так, но такой вариант оборота дел нужно на всякий случай иметь в виду.

— Итак, мы имеем революционное движение, в рамках которого главные участники событий должны

быть готовы к предательству, и каждый должен ждать своего часа. Лучший рецепт анархии.

— Значит, вы нам не поможете? — спросил Даван.

Селдон, который все это время слушал, нахмурившись, беседу Давана и Дорс, сказал:

— Все не так просто. Мы были бы рады вам помочь. Мы на вашей стороне. Мне вообще кажется, что ни один здравомыслящий человек не станет поддерживать имперскую систему, основанную на провоцировании поголовной ненависти и подозрений. Даже тогда, когда представляется, что система работает, это не более чем метастазы главной опухоли, которые расползаются во все стороны, и все чреватые нестабильностью. Вопрос в другом: чем мы можем помочь? Если бы у меня была психоистория, если бы я мог предсказать наиболее вероятный ход событий, если бы я мог сказать, какие действия из числа вероятных вариантов скорее всего приведут к желаемому результату, тогда бы я с радостью предложил вам свои услуги. Но у меня ничего нет. Самое большее, что я могу для вас сделать, это не бросать попыток разработать психоисторию.

— И долго вы будете этим заниматься?

Селдон пожал плечами.

— Не знаю.

— Мы же не можем ждать вечно.

— Иного я вам сейчас предложить не могу. Единственное, что я могу сказать, это то, что еще совсем недавно я был совершенно уверен в том, что психоисторию разработать невозможно. Теперь я в этом не так уверен.

— Хотите сказать, что до чего-то додумались?

— Пока всего-навсего интуитивно чувствую, что сумею додуматься, что решение есть. Я пока еще сам как следует не понимаю, откуда у меня взялось такое чувство. Может быть, это иллюзия, но я попытаюсь. Дайте мне время. И может быть, мы еще встретимся.

— Может быть, — кивнул Даван. — Но, может быть, когда вы придете сюда в следующий раз, то окажетесь в имперской ловушке. Можете, конечно, тешить себя надеждой на то, что вы, дескать, не интересуете Империю до тех пор, пока не придумали своей

психоистории, но я уверен: Император и его клевет, Демерзель, не собираются ждать вечно, так же, как и я.

— Постараюсь не торопить их, — спокойно ответил Селдон. — Я не на их стороне, а на вашей. Пойдем, Дорс.

Они повернулись и вышли. Снаружи их ожидал Рейч. А Даван остался один-одинешенек, в своей жалкой каморке.

75

Рейч лопал, облизывая пальцы, прижимая к груди пакет с едой. От него самого и от пакета жутко разлило луком, но каким-то ненастоящим, наверное, — дрожжевым.

Дорс поморщилась и спросила:

— Где ты раздобыл еду, Рейч?

— А парни Давана притащили мне. Даван добрый.

— Значит, нам не придется угощать тебя обедом? — спросил Селдон, почувствовав, что сам жутко хочет есть.

— Вы мне кое-чѐ задолжали, — заявил Рейч, облизывая пальцы и плотоядно поглядывая на ремень Дорс. — Как нащот тетечкиного ножичка, а? Ну хоть один дайте...

— Никаких ножей, — отрезала Дорс. — Отведешь нас обратно — дам тебе пять кредиток.

— Ну да... — обиженно протянул Рейч. — Чѐ, я ножик, чѐ ли, куплю за пять-то кредиток?

— Пять кредиток — и все. Больше ничего не получишь.

— Зануда вы, тетечка, — заявил Рейч.

— Зануда с острым ножиком, Рейч, так что давай, пошли.

— Ну, ладно. Чѐ раскипятились-то? Сюда, — Рейч махнул рукой.

Они двинулись в обратный путь по пустынным коридорам, но на этот раз Дорс время от времени посматривала назад и вскоре прошептала:

— Стой, Рейч. За нами «хвост».

— Чѐ? — удивился Рейч. — Ничѐ не слышу.

— И я тоже ничего не слышу, — наклонив голову, произнес Седдон.

— А я слышу, — упрямо мотнула головой Дорс. — Так, Рейч, ты мне голову не морочь. Или ты мне сейчас же объяснишь, в чем дело, или я тебя так отделаю, что неделю горбатым ходить будешь. Обещаю.

Рейч заслонился рукой.

— Ну и бейте, тетечка, ну и бейте. Это парни Давана. А они вас же прикрывают, чтобы бандюги не сунулись, а вы...

— Парни Давана?

— Ну! По боковым коридорам топают.

Дорс резко схватила Рейча за рубашку. Мальчишка повис в воздухе, отчаянно болтая ногами и руками:

— Ой, тетечка, ой!

— Дорс! — одернул подругу Седдон. — Не надо так!

— Ему будет еще хуже, если он солгал. Я забочусь о тебе, Гэри, а не о нем.

— Да не вру я! — воскликнул Рейч, все еще пытаюсь вырваться. — Ну, не вру же!

— Уверен, он не врет, — сказал Седдон.

— Ладно, увидим. Рейч, скажи им, пусть выйдут и покажутся.

Дорс отпустила мальчишку и вытерла руки.

— Злюка вы, тетечка, — с упреком проговорил Рейч. — Эй, Даван, — крикнул он. — Парни, выходите.

Пришлось немного подождать, и вскоре из ниши в стене вышли двое черноусых мужчин, и еще один, у которого через всю щеку тянулся шрам. Все трое в руках сжимали зачехленные ножи.

— Сколько вас тут еще? — резко спросила Дорс.

— Немного, — сказал один из незнакомцев. — У нас приказ. Мы вас охраняем. Даван хочет, чтобы вы остались целы и невредимы.

— Спасибо. Постарайтесь двигаться тише прежнего. Пошли, Рейч.

— Ну, тетечка, — с упреком проговорил Рейч, — я вам правду сказал, а вы?

— Прости, — сказала Дорс.

— «Прости»... — Рейч потер шею. — Возьму и не прощу. Ну да ладно, на первый раз прощается... — и он зашагал вперед.

Как только они добрались до проспекта, невидимые защитники испарились, даже Дорс перестала слышать их осторожные шаги. Но теперь особенно бояться было нечего — Селдон и Дорс уже находились в менее опасной части города.

Дорс внимательно оглядела Рейча и покачала головой:

— Вряд ли у нас найдется одежда твоего размера, Рейч.

— А на чём мне от вас одежда, госпожа. — Похоже, стоило Рейчу покинуть коридоры трущоб, как он тут же преобразился в вежливого, по его понятиям, мальчика. — Одежда у меня своя имеется.

— А я думала, ты хочешь прогуляться с нами туда, где мы живем, и принять ванну.

— Эт еще на чём? И так я на днях мыться буду. Тогда и надену другую рубаху. — Он подозрительно посмотрел на Дорс. — Чё, стыдно стало, а?

— Вроде того, — улыбнулась Дорс.

Рейч царственно помахал рукой.

— Ничё. Мне и не больно было нисколечки. Ну вы и силачка, тетечка. Ух, как это вы меня подняли, будто я и не весю ничего.

— Я рассердилась, Рейч. Я должна заботиться о господине Селдоне.

— Чё, телохранительница, чё ли?

Рейч вопросительно глянул на Селдона.

— Тетечка — ваша телохранительница?

— Ничего не поделаешь, — смущенно улыбнулся Селдон. — Ей это нравится. Ну и потом, она свое дело знает.

— Подумай хорошенько, Рейч, — настаивала Дорс. — Может, вымоешься все-таки? Ванна у нас такая приятная, теплая.

— Ничё не выйдет, — шмыгнул носом Рейч. — Хозяйка меня нипочем не пустит.

Дорс посмотрела наверх и увидела у подъезда Касилию Тисальвер, которая бросала гневные взгляды попе-

ременно то на нее, то на Рейча. Трудно сказать, кому были адресованы более гневные из взоров хозяйки.

— Ну, покедова, господин и госпожа. Может, она и вас не захотит в дом пускать.

Рейч сунул руки в карманы и враскачку удалился.

— Добрый вечер, госпожа Тисальвер, — поздоровался Селдон. — Поздновато уже, правда?

— Очень поздновато, — с трудом сдерживая гнев, отозвалась госпожа Тисальвер. — А тут, между прочим, целое сражение было из-за того, что вы отдали на съедение толпе несчастного репортера.

— Никого мы никому не отдавали, — возразила Дорс.

— Я была здесь, — госпожа Тисальвер гордо вздернула подбородок, — и все видела.

Она отошла в сторону, пропуская их в дом и показывая всем своим видом, как ей этого не хочется.

— Она ведет себя так, словно это последняя капля в чаше ее терпения, — сказала Дорс Селдону, когда они расходились по комнатам.

— Ты так думаешь? Но что она может сделать?

— Понятия не имею, — покачала головой Дорс.

Глава 16

РЕЙЧ

РЕЙЧ — Судя по воспоминаниям Гэри Селдона, его первая встреча с Рейчем произошла совершенно случайно. Он был всего-навсего уличным оборвышем, у которого Селдон спросил дорогу. Но с этого мгновения его жизнь составляла одно целое с жизнью и судьбой великого математика, до тех пор, пока...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

76

На следующее утро, вымывшись и побрившись, раздетый по пояс, Селдон постучал в дверь комнаты Дорс и негромко проговорил:

— Дорс, открой.

Дверь открылась. Дорс еще не успела высушить волосы и тоже была раздета до пояса.

Селдон смутился и отпрянул. Дорс равнодушно оглядела себя и обернула полотенце вокруг головы.

— В чем дело? — спросила она.

Селдон, стараясь не смотреть на нее, пробормотал:

— Я хотел спросить тебя про Сэтчем.

— Зачем?

— Что — «зачем»?

— Говори яснее. И, ради бога, повернись ко мне лицом. Не девственник же ты, в конце концов?

Селдон обиженно буркнул:

— Просто я старался вести себя как воспитанный человек. Если тебе все равно, то мне тоже. И «зачем»

тут вовсе ни при чем. Я спросил тебя про сектор Сэтчем.

— Зачем тебе это нужно? Нет лучше так: «зачем Сэтчем?»

— Дорс, я не шучу. То и дело разговор заходит о Сэтчеме, вернее, о мэре Сэтчема. И Челвик о нем говорил, и ты, и Даван. А я ничего не знаю ни о секторе, ни о мэре.

— Гэри, я ведь тоже не коренная тренторианка. Знаю не так много, но всем, что знаю, готова поделиться с тобой. Сэтчем находится недалеко от Южного полюса, это очень большой, многонаселенный сектор...

— Недалеко от Южного полюса и многонаселенный?

— Гэри, мы не на Геликоне. И не на Цинне. Это Трентор. Тут все под землей, а находится под землей на полюсах — это то же самое, что находится под землей на экваторе. Конечно, там другая долгота дня и ночи — то есть, летом долгие дни, а зимой долгие ночи, — примерно так, как было бы на поверхности. Но это все показуха. Просто им нравится подчеркивать, что они живут на полюсе.

— Но на поверхности они бы все перемерзли.

— Ну конечно. На поверхности в области Сэтчема лежат снег и лед, но их слой не такой плотный, как можно подумать. Будь это так, полярная шапка попросту раздавила бы купол, но этого не происходит, и в том основная причина могущества Сэтчема.

Дорс повернулась к зеркалу, сняла с головы полотенце и набросила на волосы сушильную сеточку. Через каких-нибудь пять секунд ее рыжая шевелюра была суха и засверкала точно в лучах солнца.

— Ты просто не представляешь, какое удовольствие ходить без микогенской шапочки, — улыбнулась Дорс и надела блузку.

— Но какое отношение имеет к могуществу Сэтчема полярная шапка?

— Подумай сам. Сорок миллиардов людей пользуются громадным количеством энергии, каждая калория со временем превращается в тепло, от которого нужно как-то избавляться. Это тепло перекачивают на полюса, в особенности — на Южный, где полярная шапка бо-

лее высокая, чем на Северном, и выбрасывают в пространство. При этом тает очень много льда, и, думаю, в большой степени из-за этого над Трентором столь плотный облачный слой и так часто льют дожди, как бы ни выпендривались метеорологи и ни утверждали, что в атмосфере Трентора протекают безумно сложные процессы.

— И что же, Сэтчем как-то использует энергию, прежде чем производить ее выбросы в космос?

— Очень может быть. Что касается технической стороны, то я не имею об этом ни малейшего представления, а говорю о политическом могуществе. Если бы Даль перестал производить полезную энергию, это доставило бы Трентору определенные неудобства, однако существуют и другие секторы, производящие энергию, и они в таких обстоятельствах могли бы усилить ее производство, ну и потом, определенные запасы энергии на Тренторе на всякий случай хранятся. Думаю, с Далем наверняка со временем удалось бы договориться. Что же касается Сэтчема...

— Да?

— То Сэтчем осуществляет выбросы как минимум девяноста процентов всего производимого на Тренторе тепла и в этом смысле незаменим. Если Сэтчем прекратит выбросы, по всему Трентору поднимется температура.

— Но и в самом Сэтчеме тоже.

— Да, но поскольку Сэтчем — на Южном полюсе, они запросто могут устроить себе приток холодного воздуха. Ничего хорошего в этом, конечно, не будет, но Сэтчем сумеет протянуть дольше, чем остальные секторы Трентора. В итоге Сэтчем во все времена был бревном в глазу у Императора, и мэр Сэтчема — персона очень важная.

— И что из себя представляет нынешний мэр Сэтчема?

— Этого я не знаю. Из того, что я о нем слышала, могу заключить лишь, что это старик, затворник, непробиваемый, как обшивка звездолета, и со страшной силой цепляющийся за власть.

— Почему, вот интересно? Если он такой старый, он не сможет долго удерживать власть.

— Кто знает, Гэри? Привычка, может быть. А может быть, игра. Игра в удержание власти, когда власть сама по себе не так уж и нужна. Может, сумеет он занять место Демерзеля, и даже самого Императора, он был бы жутко разочарован, потому что тогда игра бы окончилась. Правда, он и тогда бы мог затеять очередную партию игры за удержание власти, что было бы так же трудно и приносило бы такое же удовольствие.

Селдон покачал головой.

— Неужели кто-то может мечтать занять место Императора?

— Согласна с тобой. По идее, этого не должен хотеть ни один здравомыслящий человек, но «имперские амбиции», как их часто называют, подобны заболеванию, которое, стоит лишь им заразиться, вызывает безумие. И чем ближе подбираешься к заветной цели, тем сильнее вероятность подхватить эту инфекцию, и с каждым очередным продвижением по служебной лестнице...

— ...болезнь обостряется все сильнее. Это понятно. Но мне кажется, что Трентор — такой огромный мир, потребности которого столь сложны, амбиции столь противоречивы, что Императору ужасно трудно им править. Именно им. Так почему же ему не покинуть Трентор и не обосноваться в каком-нибудь другом мире, где жизнь попроще?

Дорс рассмеялась.

— Ты бы не спрашивал, если бы лучше знал историю! Трентор по традиции связывают с Империей. А традиции этой — тысячи и тысячи лет. Император, который не сидит в Императорском Дворце — это не Император. Император больше место, чем человек.

Селдон замолчал, задумался, нахмурился.

Через некоторое время Дорс не выдержала и спросила:

— Что случилось, Гэри?

— Я думаю, — вполголоса отозвался Селдон. — С тех пор как ты рассказала мне о руке, лежащей на бедре, у меня навязчивые мысли о том, что... И вот теперь твоя фраза о том, что Император — больше место, чем человек, задела струну.

— Какую струну?

Селдон покачал головой.

— Я пока думаю. Может быть, я ошибаюсь. — Он пристально посмотрел на Дорс. — Ладно, пора спускаться вниз и позавтракать. Мы и так опоздали, а я не уверен, что госпожа Тисальвер нынче в достаточно благодушном настроении для того, чтобы принести нам завтрак сюда.

— Ты оптимист, — сказала Дорс. — Лично мне кажется, что она в недостаточно благодушном настроении, чтобы нас видеть — за завтраком и вообще. Она только о том и мечтает, чтобы вышвырнуть нас отсюда.

— Не исключено, но мы ей платим.

— Да, но я подозреваю, что теперь ей и денюжки наши не милы.

— Надеюсь, ее супруг более благоразумен в отношении финансов.

— Если он замолвит словечко, Гэри, единственный, кто удивится этому больше меня, будет, конечно же, госпожа Тисальвер. Ну, ладно, я готова.

И они спустились по лестнице на хозяйскую половину, где их ожидала та, о которой они только что говорили; завтрака не было и в помине, зато было кое-что другое...

77

Касилия Тисальвер встретила их, стоя в надменной позе, с натянутой улыбкой и горящими глазами. Ее супруг растерянно прислонился к стене. Посередине комнаты стояли, вытянувшись в струнку, двое мужчин. Если они и видели подушки, лежащие на полу, то явно решили не обращать на них никакого внимания.

У обоих были черные, курчавые волосы и густые черные усы, все как у истинных далийцев. Оба стройные, одетые в одинаковые темные брюки и рубашки, стало быть — в форме. По рукавам и штанинам сбегали тоненькие белые лампасы. На правой стороне груди у обоих красовалась едва заметная эмблема — «Звездолет и Солнце» — символ Империи во всех обитаемых мирах Галактики. Посередине эмблемы, на солнечном диске, темнела буква «Д».

Селдон сразу понял, что перед ними — двое представителей Дальской службы безопасности.

— В чем дело? — сердито спросил Селдон.

Один из военных шагнул вперед.

— Я — офицер сектора Лэнел Расс. Это мой напарник, Гебор Астинвальд.

Оба вытащили и показали идентификационные голографические удостоверения. Селдон даже не удосужился взглянуть на них.

— Что вам угодно?

— Вы — Гэри Селдон из Геликона? — спокойно спросил Расс.

— Да.

— А вы — Дорс Венабили с Цинны, госпожа?

— Да, — ответила Дорс.

— Я прибыл для того, чтобы расследовать поступившую к нам жалобу относительно спровоцированных Гэри Селдоном вчерашних уличных беспорядков.

— Ничего подобного я не делал, — сказал Селдон.

— Такова наша информация, — сказал Расс, глядя на экранчик портативного компьютерного блокнота. — Вы обвинили репортера в том, что он — имперский шпион, и тем самым спровоцировали нападение на него толпы.

— Это я, — вмешалась Дорс, — сказала, что он — имперский шпион, офицер. И у меня была причина для подобного вывода. Высказывать свое личное мнение — это никак не преступление. В Империи — свобода слова.

— Свобода слова не имеет ничего общего с высказыванием мнений, способных вызвать беспорядки.

— Откуда вам знать, что были какие-то беспорядки, офицер?

Тут в разговор вмешалась госпожа Тисальвер.

— Я могу сказать, — хрипло проговорила она. — Она видела, что собралась толпа, толпа бродяг, готовая вспыхнуть, стоило только бросить в нее горящую спичку. Она нарочно сказала, что он — имперский шпион, нарочно, ничего она про него не знала, и крикнула этому сброду, что это так, чтобы они набросились на невинного человека. Она явно знала, что делает.

— Касилия... — умоляюще проговорил господин Тисальвер, но жена бросила на него столь выразительный взгляд, что он сразу же замолчал.

Расс повернулся к госпоже Тисальвер.

— Это вы подали жалобу, госпожа?

— Да. Эти двое живут тут всего несколько дней, и от них — одни неприятности. Они приглашали в мой дом людей низкого происхождения, что грозит моей репутации в глазах соседей.

— Разве противозаконно, офицер, — спросил Селдон, — приглашать мирных, аккуратных жителей Даля туда, где ты живешь? Две комнаты наверху — это наши комнаты. Мы их сняли, платим за них. Что, разговаривать с далийцами в Дале — это преступление, офицер?

— Нет, — ответил Расс. — Это не имеет отношения к содержанию жалобы. Какая у вас была причина, госпожа Венабили, предположить, что человек, которого вы в этом обвинили, действительно имперский шпион?

— У него были маленькие каштановые усики, — объяснила Дорс, — поэтому я решила, что он не далиец. Я решила, что он — имперский шпион.

— Вы так решили? А у вашего приятеля, господина Селдона, и вовсе нет никаких усов. Почему вы его не считаете имперским шпионом?

— Как бы то ни было, — поспешно вмешался Селдон, — никаких беспорядков не было. Мы попросили толпу не трогать мнимого репортера, и я уверен, никто его пальцем не тронул.

— Вы уверены, господин Селдон? — спросил Расс. — Судя по имеющимся у нас сведениям, вы ушли сразу же после того, как бросили свое обвинение. Как вы можете утверждать, что было и чего не было после того, как вы ушли?

— Не могу, — согласился Селдон. — Но позвольте поинтересоваться: этот человек мертв? Избит?

— Мы его допрашивали. Он отрицает, что он — имперский шпион, и у нас нет таких сведений. Он утверждает также, что с ним грубо обошлись.

— Вполне возможно, что он вас обманывает, — сказал Селдон. — Я бы предложил провести психозондирование.

— Его нельзя производить без согласия подозреваемого, — сказал Расс. — Правительство сектора строго придерживается закона. Можно было бы это устроить, если бы и вы двое согласились на проведение психозондирования. Вы согласны?

Седдон и Дорс переглянулись.

— Нет, — ответил Седдон. — Об этом не может быть речи.

Второй офицер, Астинвальд, который до сих пор молчал, как рыба, улыбнулся.

Расс продолжал:

— У нас имеются сведения, что два дня назад вы затеяли драку на ножах в Билиботтоне и тяжело ранили гражданина Даля по имени, — он заглянул в компьютерный блокнот, — Эльгин Маррон.

— В ваших сведениях не указано, как началась драка? — поинтересовалась Дорс.

— Сейчас это не имеет значения, госпожа. Вы отрицаете, что участвовали в драке?

— Нет, не отрицаем, — горячо вмешался Седдон. — Но мы драку не затевали. На нас напали. Этот Маррон схватил госпожу Венабили, и не было никаких сомнений в том, что он собирался изнасиловать ее. Все, что произошло потом, было чистойшей самозащитой. Или в Дале позволено насильничать?

Расс если и удивился, то никак — ни голосом, ни жестом — этого не показал.

— Вы говорите, что на вас напали? И сколько же человек?

— Десятеро мужчин.

— И вы один, в паре с женщиной, сумели защититься от десятих здоровых мужчин?

— Да. Мы с госпожой Венабили именно защищались.

— Но как же так вышло, что на вас ни царапинки? Или у вас есть хотя бы какие-то синяки или порезы под одеждой?

— Нет, офицер.

— Но как же такое возможно? Вы дрались один... ну, хорошо, не один, на пару с женщиной, и у вас — ни царапинки, а жалобщик, Эльгин Маррон, поступил в

больницу весь израненный. Больше того, ему потребуется пластическая операция губы.

— Мы старались, — угрюмо буркнул Селдон.

— И, похоже, слегка перестарались! А что, если я скажу, что трое свидетелей утверждают, что вы и ваша подруга без предупреждения напали на Маррона?

— Я вам отвечу, что это невозможно. Я уверен, что этот Маррон наверняка состоит у вас на учете, как задира и драчун. А их было десятеро. По всей вероятности, шестеро отказались врать, давать ложные показания. А остальные трое? Они объяснили, почему не пришли на помощь дружку, на которого якобы злонамеренно напали чужеземцы? Неужели не ясно, что они лгут?

— Предлагаете провести их психозондирование?

— Да. И пока вы не успели спросить, позвольте заранее отказаться. Нам не предлагайте.

Расс не сдавался:

— А еще у нас имеются сведения, что вчера, покинув, так сказать, поле боя, вы встречались с неким Даваном, известным подпольщиком, которого разыскивает полиция. Это правда?

— Придется вам это доказывать без нашей помощи, — сказал Селдон. — Больше ни на какие вопросы мы отвечать не намерены.

Расс убрал в карман компьютер-блокнот.

— Сожалею, но мне придется пригласить вас проследовать с нами в участок для дальнейшего разбирательства.

— Не думаю, что это так уж обязательно, офицер, — сказал Селдон. — Мы приезжие, не совершившие ничего дурного, предосудительного. Пытались отделаться от репортера, который приставал к нам с дурацкими вопросами, пытались защититься от изнасилования и убийства в районе вашего сектора, известном своей криминальной атмосферой, разговаривали кое с кем из далийцев. Мы не видим в этом ничего такого, что заслуживало бы дальнейшего разбирательства. Это чистой воды недоразумение.

— Решения тут принимаем мы, — заявил Расс, — а не вы. Будет вам угодно проследовать с нами?

— Нет, не будет, — ответила Дорс.

— Осторожно, — вскрикнула госпожа Тисальвер. — У нее два ножа!

Офицер Расс вздохнул и сказал:

— Благодарю, госпожа, но это я и сам знаю.

Обернувшись к Дорс, он спросил:

— Известно ли вам, что ношение ножей без специального разрешения является серьезным преступлением? У вас есть такое разрешение?

— Нет, офицер, у меня его нет.

— Значит, Маррона вы явно поранили нелегально приобретенным ножом. Вы осознаете, что это в значительной степени отягощает вашу вину?

— Я ни в чем не виновата, — сказала Дорс. — Поймите вы наконец. У Маррона тоже был нож, и никакого разрешения, я уверена.

— Таких сведений у нас нет, и потом — Маррон весь изранен, а вы целехоньки.

— Нож у него был, офицер, не сомневайтесь. И если вы не знаете, что у любого мужчины в Биллиботтоне, да и везде в Дале имеется при себе нелегально приобретенный нож, то вы — единственный человек в Дале, кому это неизвестно. И магазинов, в которых совершенно открыто торгуют ножами, полно. Это вам тоже неизвестно?

Расс ответил:

— Неважно, что я знаю и чего не знаю. Это не имеет значения. Не имеет также значения и то, что кто-то другой нарушил закон, и сколько человек его нарушило. Значение имеет только одно: госпожа Венабили нарушила постановление о правилах ношения оружия. Я обязан потребовать, госпожа, чтобы вы немедленно передали мне эти ножи, и вы двое должны проследовать вместе с нами в участок.

— В таком случае, попробуйте забрать их у меня, — предложила Дорс.

Расс вздохнул.

— Поймите, госпожа, ножи — не единственное оружие в Дале, и у меня нет ни малейшего желания вызывать вас на ножевую дуэль. У меня и у моего напарника при себе бластеры, которые способны одним выстрелом превратить вас в кровавое месиво еще до того, как вы успеете потянуться за своим ножом, какой

бы вы ни были ловкой. Бластерами мы пользоваться, конечно же, не будем, мы прибыли не для того, чтобы убить вас. Но у каждого из нас еще есть нейронный хлыст, которым мы можем свободно воспользоваться. Надеюсь, продемонстрировать действие хлыстов не потребуетс^я? Хлыст не убивает, не наносит никаких телесных повреждений, не оставляет следов, но боль жуткая. Мой напарник уже нацелился на вас нейронным хлыстом. Вы под прицелом. А вот и мой. Ну, выкладывайте ваши ножи, госпожа Венабили.

После минутного молчания Селдон сказал:

— Отдай им ножи, Дорс. Ты же видишь, все бесполезно.

И в это самое мгновение послышался бешеный стук в дверь и чей-то взволнованный, срывающийся голос.

78

Проводив Дорс и Селдона, Рейч домой не вернулся.

Он неплохо поел, пока Дорс и Селдон говорили с Даваном, даже поспать успел, потом разыскал более или менее работающий туалет. А теперь, когда все было позади, идти ему особо было некуда. Да, у него было нечто вроде дома, была и мать, но она никогда не волновалась, если он задерживался. Никогда.

Кто был его отец, Рейч понятия не имел и порой гадал, был ли тот у него вообще. Ему говорили, что был, и причину подобной уверенности излагали весьма грубо. Иногда он думал, стоит ли верить таким рассказам, уж больно щекотливы были подробности.

А вспомнилось все это ему из-за той, кого он называл «тетечкой». Она, конечно, была старая, но красивая, и драться могла, как мужик. Нет, даже лучше, чем мужик. И странные мысли полезли в голову Рейчу.

Ведь она предложила ему помыться в ванне... Когда удавалось скопить немного денег, он плавал в билли-боттонском бассейне, но только тогда, когда их больше не на что было потратить, или тогда, когда удавалось проскользнуть бесплатно. Только тогда он и промокал с головы до ног, но ему было холодно, и нужно было потом ждать, когда высохнешь.

Но ванна... это же совсем другое дело! Там теплая вода и мыло, и полотенца, и сушилка... Он не был точно уверен, понравится ли ему ванна, но, наверное, понравилась бы, если бы рядом была она.

Рейч знал биллиботтонские закоулки, как свои пять пальцев, знал, как спрятаться за углом так, что его никто не заметит, и не сомневался, что и здесь, неподалеку от дома, где жила она, он сумеет притаиться так, что его не поймают.

В общем, Рейч устроился в сквере неподалеку от дома, в котором скрылись Дорс и Селдон, неподалеку от общественного туалета, чтобы в случае опасности скрыться там.

Спать он толком не спал, а все думал и думал свои странные думы. А вдруг он и правда выучится читать и писать? Какая из этого будет выгода? Кто знает? Но может быть, она сумеет ему объяснить? Рейчу грезились туманные картины: будто ему платят деньги за работу, которую он пока делать не умел, но за какую? Надо, чтобы ему объяснили, но как до них теперь доберешься?

Если бы он остался с ними, они могли бы помочь, наверное. Но на что он им сдался?

Решив, что на последний вопрос надо ответить утвердительно, он встрепенулся, но не потому, что освещение стало ярче, а потому, что его чуткие уши уловили утренний шум — начинался день.

Звуки он различал просто великолепно: в биллиботтонских закоулках слух означал жизнь. И вот теперь звук двигателя, расслышанный Рейчем, означал «опасность». Такой официальный, враждебный звук...

Он стряхнул остатки дремоты и осторожно прокрался на улицу. Машину он увидел сразу, и даже не глядя на эмблему — «Звездолет и Солнце», — по одним ее очертаниям догадался, что это за машина. Значит, за ними приехали потому, что они виделись с Даваном! Он не стал долго раздумывать над тем, прав или нет, и помчался прочь. Вернулся он минут через пятнадцать. Машина стояла на прежнем месте, но за это время уже успели собратиться зеваки, которые плялились на машину и подъезд дома с почтительного расстояния. Скоро наверняка соберется целая толпа. Рейч быстро взбежал

по ступенькам, на ходу вспоминая, в какую дверь постучать. Лифта ждать было некогда.

Дверь он разыскал — решил, что разыскал, — и заколотил в нее кулачками, крича:

— Тетечка, тетечка!

Он слишком сильно был взбудоражен, чтобы вспомнить, как ее зовут, а вот, как зовут мужчину, вспомнил.

— Гэри! — крикнул он. — Впусти меня!

Дверь открылась, и он вбежал — то есть, вернее, попытался вбежать. Его тут же крепко ухватил за руку офицер сектора.

— Полегче, парень. Ты куда?

— Вы чё? Я ничё такого не делал! — запыхавшись, проговорил Рейч. — Ой, тетечка, а чё это они тут делают?

— Арестовывают. Нас арестовали, — угрюмо ответила Дорс.

— За чё? — вырываясь из цепких пальцев офицера, воскликнул Рейч. — Эй, ну чё ты так вцепился-то! Не ходите с ним, тетечка. Нечё вам с ним ходить.

— Пошел вон! — приказал Расс, грубо встряхнув мальчишку.

— Нет, не пойду. И ты, Солнценок, не пойдешь никуда. Щас вся моя шайка туточки будет. И вы не уйдете отсюда, если не отпустите дядечку и тетечку.

— Что за шайка? — нахмурившись, спросил Расс.

— Все уже туточки, у подъезда. Небошь уже машинку вашу по кусочкам растягивают. И вас растянут, не боись!

Расс обернулся к напарнику.

— Вызови участок. Пусть подгонят пару фургонов со спецназом.

— Нетушки! — завопил Рейч, наконец вырвавшись и подбежав к Астинвальду. — Не зови никого!

Расс прицелился нейронным хлыстом и выпустил разряд.

Рейч вскрикнул, схватился за правое плечо и упал на пол, дергаясь, как в агонии.

Расс не успел обернуться к Седдону, как математик, схватив его за руку, вывернул ту вверх, потом по кругу и назад, наступив при этом на ногу Расса, чтобы офицер не дергался. По всей видимости, он вывихнул Рассу

плечевой сустав — тот издал хриплый, пронзительный вопль.

Астинвальд выхватил бластер, но рука Дорс легла ему на плечо, а острие ножа уперлось в кадык.

— Не двигайся! — приказала она. — Только двинься, я перережу тебе глотку. Бросай бластер! Бросай! И хлыст тоже!

Селдон подхватил под мышки стонущего Рейча, прижал к себе, обернулся к Тисальверу и сказал:

— Снаружи люди. Рассерженные люди. Я впущу их сюда, и они у вас тут все переломают, даже стены. Если не хотите, чтобы это случилось, подберите оружие и отнесите в другую комнату. Быстро! У второго полисмена тоже возьмите оружие. Быстрее! Пусть жена вам поможет. В следующий раз поостережется жаловаться на невинных людей. Дорс, этот, что на полу валяется, уже ничего не сделает. Успокой второго, только не убивай.

— Ладно, — Дорс кивнула и ударила полицейского по виску рукоятью ножа. Офицер упал на четвереньки. — Ненавижу таким заниматься, — брезгливо скривилась Дорс.

— Они стреляли в Рейча, — напомнил ей Селдон, стараясь скрыть собственные чувства по поводу происходящего.

Они поспешно покинули квартиру. На улице действительно собралась целая толпа народу, в основном, мужчины, поднявшие крик, как только Дорс, Селдон и Рейч вышли из подъезда. Толпа двинулась к ним, распространяя запах пота и грязной одежды.

Кто-то крикнул:

— А Солнценосы куда девались?

— Они внутри, — прокричала в ответ Дорс. — Не трогайте их. Пока они беспомощны, но вызовут подкрепление, как только очухаются, так что лучше расходитесь, да побыстрее.

— А вы? — спросили сразу человек десять.

— Мы тоже уйдем. И не вернемся.

— Ничё, я их выведу отсюда! — крикнул Рейч, освободившись от рук Селдона, и, выпрямившись, потер правое плечо. — Ничё, я могу сам идти. Пустите меня.

Толпа быстро расступилась, и Рейч поторопил Дорс и Селдона:

— Господин, тетечка, пошлите со мной. Быстренько!

Они зашагали по улице, сопровождаемые толпой в несколько десятков человек, но вскоре Рейч махнул рукой и пробормотал:

— Сюда, ребята. Я вас сопровожу в такое местечко, где вас никто не сыщет. Даже Даван про это местечко, поди, не знает. Токо нам в канализацию придется залезть. Нас никто не увидит, правда, запашок там... смекаете?

— Переживем, надеюсь, — пробормотал Селдон.

И они двинулись вниз по узенькой винтовой лесенке, а навстречу им поднимался запах, в источнике которого ошибиться было невозможно.

79

Рейч-таки отыскал для них местечко. Взобравшись наверх по металлической лесенке, они оказались в большом помещении, напоминавшем не то чердак, не то склад, заставленном громоздким оборудованием непонятного назначения. В помещении было довольно чисто, подметено, чувствовался приток свежего воздуха, смягчавшего канализационные ароматы.

— Ну, ничё, правда? — довольно спросил Рейч, потирая плечо и морщась от боли.

— Могло быть и хуже, — согласился Селдон. — А ты знаешь, для чего предназначено это место, Рейч?

Рейч попробовал пожать плечами, но сморщился.

— Не знаю, — ответил он. — А кому какое дело-то?

Дорс, которая предварительно смахнула рукой пыль, опустилась на пол и, подозрительно взглянув на свою ладонь, заявила:

— Если не ошибаюсь, это помещение входит в комплекс очистных сооружений. Детоксикация, переработка отходов, которые в конце концов применяются как удобрения.

— Значит, — печально вздохнул Селдон, — работники комплекса должны периодически появляться здесь и могут явиться в любой момент.

— Я туточки бывал, — сказал Рейч. — Никого не видал ни разу.

— Скорее всего, тут все автоматизировано, — предположила Дорс. — Уж где применять труд автоматов, как не при переработке отходов. Никто нас тут не тронет, по крайней мере, какое-то время.

— Не обольщайся. Мы проголодаемся и захотим пить, Дорс.

— Я могу раздобыть жратвы и воды, — вызвался Рейч. — Говорил же вам, я сызмальства по коридорам мотаюсь.

— Спасибо, Рейч, — рассеянно поблагодарил мальчика Селдон, — но пока мне есть не хочется. И вряд ли захочется, — добавил он, брезгливо принюхавшись.

— Захочется, — пообещала Дорс. — Пускай ты на время потеряешь аппетит, пить тебе уж точно скоро захочется. Хорошо, хоть с туалетом никаких проблем.

Какое-то время все трое молчали. Освещение было тусклым, и Селдон задумался о том, зачем оно тут вообще. Но почти сразу он вспомнил, что до сих пор ни разу не видел по-настоящему темных общественных мест. Наверное, освещение, хоть какое-то, вошло в привычку на этой богатой энергией планете. Странно, однако, что мир, в котором обитает сорок миллиардов человек, богат энергией. Впрочем, запасы подземного тепла дают колоссальное количество энергии, не говоря уже о солнечных батареях и атомных станциях на спутниках. Если подумать хорошенько, выходит, что энергетически бедных планет в Империи нет вовсе. Неужели были когда-то времена, когда техника была на столь примитивном уровне, что энергии не хватало?

Селдон прислонился было спиной к трубам, в которых что-то булькало, но вспомнив, что именно там булькает, отошел и сел рядом с Дорс.

— Я вот думаю, — сказал он, — можем мы каким-то образом связаться с Четтером Челвиком?

— На самом деле, — ответила Дорс, — я посылаю ему весточку, хотя мне жутко не хотелось этого делать.

— Не хотелось?

— Я должна защищать тебя. А всякий раз, когда мне приходится что-то сообщать ему, я сообщаю об очередном провале своей миссии.

Селдон, прищурившись, посмотрел на нее.

— Что ты так расстраиваешься, Дорс? Не можешь же ты защитить меня от службы безопасности целого сектора?

— Нет, наверное. Мы могли отделаться от нескольких, но...

— Знаю. И отделались. Но они вышлют подкрепление — боевые машины с нейронными пушками, с усыпляющим газом. Уж и не знаю, что у них на вооружении, но наверняка они обозлятся и пустят в ход всю свою технику. Нисколько в этом не сомневаюсь.

— Наверное, ты прав, — поджав губы, кивнула Дорс.

— Тетечка, им вас не сыскать, — неожиданно заявил Рейч. Его острые глазенки посматривали то на Дорс, то на Селдона, пока те разговаривали. — Давана же они ни разу не сцапали, как ни силятся.

Дорс печально усмехнулась и растрепала волосы мальчика, посмотрела на свои пальцы, покачала головой и сказала:

— Не уверена, что тебе стоит оставаться с нами, Рейч. Очень не хотелось бы, чтобы они сцапали *тебя*.

— Меня не сцапают, не сомневайтесь, токо, если я смоюсь, кто вам жратвы и воды добудет, кто вас отведет в другое местечко, чтобы запутать Солнценов?

— Нет, Рейч, нас они найдут. Просто Давана они не слишком упорно искали. Он их раздражает, но мне кажется, они не принимают его всерьез. Понимаешь, о чем я говорю?

— Хотите сказать, будто он просто... ну, вроде когда чешется... шея, и они думают, что неча за ним гоняться?

— Да, я именно это хочу сказать. Но понимаешь, мы здорово поколотили двоих офицеров, и они не дадут нам улизнуть. Даже если им потребуется пустить в ход все свои силы, даже если они захотят прочесать все закоулки, все коридоры в секторе — они найдут нас.

Рейч пробормотал:

— Тогда... Ой, и зачем я токо... Не вломись я к вам, не подними крику, вы бы с ними разошлись тихо-мирно и не угодили бы в такую беду.

— Да нет, не переживай, раньше или позже мы бы их... поколотили. Может быть, пришлось бы даже поколотить не двоих, а побольше.

— А здорово у вас это вышло! — восхищенно воскликнул Рейч. — Не будь мне так больно, я бы смотрел во все глаза. Здорово!

— Но сражаться со всей полицией сектора нам не под силу, — вздохнул Селдон. — Вот вопрос: что они с нами сделают, если схватят? В тюрьму посадят, это точно.

— О нет, — возразила Дорс. — В случае необходимости можно будет обратиться к Императору.

— К Императору? — широко раскрыл глазенки Рейч. — Вы чё, с Императором знакомство водите?

Селдон покачал головой.

— Любой гражданин Империи может жаловаться Императору. Только, мне кажется, Дорс, что делать этого не стоит. Раз уж мы покинули Имперский Сектор, нечего нам к Императору обращаться.

— Предпочитаешь оказаться в дальской тюрьме? По крайней мере, апелляция к Императору даст нам отсрочку, а за это время мы сумеем что-нибудь придумать.

— Есть еще Челвик.

— Да, есть, — проговорила Дорс. — Но нельзя на него все вваливать. Во-первых, даже если он получил мое послание и даже если сумеет добраться до Даля, как он нас найдет? И даже если найдет, что сумеет поделаться против всей службы безопасности сектора?

— В таком случае, — сказал Селдон, — нужно что-то придумать, пока они нас еще не разыскали.

Рейч живо предложил:

— Коли пойдете со мной, мы удерем от них. Я тут все закоулочки наперечет знаю.

— Ну, одного полисмена, мы, может, и смогли бы определить, Рейч, но если их будет целая куча, да по всем коридорам? Один отряд обойдем, так на другой напоремся.

Тяжелое молчание затягивалось. Все перебирали в уме безнадёжные варианты спасения. Наконец Дорс пошевелилась и напряженным, тихим шепотом проговорила:

— Они здесь. Я слышу.

Все напряглись, прислушались, и вскоре Рейч вско-чил на ноги и прошептал:

— Оттуда шлепают. Стало быть, мы вон туда пойдем.

Селдон был обескуражен. Он совсем ничего не слышал, но вынужден был довериться более острому слуху своих спутников. Но как только Рейч бесшумно, по-кошачьи двинулся в сторону, противоположную той, откуда исходила опасность, послышался голос, отразившийся эхом от стен канализационного колодца.

— Стойте!

— Это Даван! — радостно воскликнул Рейч. — И как он токо вызнал, что мы туточки?

— Даван? — спросил Селдон шепотом. — Ты уверен?

— А то! Он поможет.

80

— Что случилось? — спросил Даван.

Если Селдон и ощутил облегчение, то совсем небольшое. Ну Даван, и что? Что его присутствие могло изменить? Правда, под его началом достаточно много народу для того, чтобы создать неразбериху...

— Вы, наверное, уже знаете, что случилось, Даван, — ответил Селдон. — Догадываюсь, что среди толпы, что собралась у дома, где живут Тисальверы, было немало ваших людей.

— Да, кое-кто там был. Поговаривают, будто вас хотели арестовать, а вы отделали целый эскадрон Солнценосов. Но за что вас хотели арестовать, вот вопрос?

— Их было двое, — сказал Селдон и для вящей убедительности поднял вверх два пальца. — Но и этого достаточно. В частности, нас хотели арестовать за то, что мы встречались с вами.

— Маловато будет. Солнценосы на меня особого внимания не стали бы обращать. Недооценивают, — с горечью проговорил Даван.

— Может быть, — кивнул Селдон. — Но женщина, у которой мы снимали комнаты, донесла на нас, что мы якобы спровоцировали беспорядки и нападение на репортера, который нам попался по дороге к вам. Вы

знаете, о чем я говорю. Ваши люди были там вчера и сегодня. Двоим офицерам изрядно досталось, и теперь они запросто могут принять решение обшарить все закоулки, коридоры, а это значит, что вы можете пострадать. Мне очень жаль. Я вовсе не хотел и не думал, что выйдет что-нибудь этакое.

— Не знаете вы Солнценосов, — покачал головой Даван. — Им и этого маловато будет. Ничего они не станут прочесывать. Прочешут, найдут, схватят, так с нами что-то делать надо будет. А они только радуются, что мы никуда не суетмся из Биллиботтона и других трущоб. Нет, они за вами охотятся, за вами. Что вы натворили?

— Ничего мы не натворили, — раздраженно ответила Дорс. — Да и какая разница? Если они охотятся не за вами, а за нами, они все равно скоро окажутся здесь, и попадись им вместе с нами вы, у вас будут большие неприятности.

— У меня-то не будет, — покачал головой Даван. — У меня есть друзья, могущественные друзья. Я вам говорил про это вчера вечером. И вам они тоже могут помочь. Когда вы наотрез отказали нам в помощи, я связался с ними. Они знают, кто вы такой, доктор Седдон. Вы человек знаменитый. Они могут поговорить с мэром Даля и сделать так, что вас не тронут, что бы вы ни натворили. Но вам придется скрыться... уехать из Даля.

Седдон улыбнулся. Вот тут-то он наконец ощутил настоящее облегчение.

— Значит, у вас, Даван, есть могущественный друг? Некто такой, кто сразу откликается на призыв о помощи, кто способен договориться с дальийским правительством, кто может забрать нас отсюда? Отлично. Я не удивлен.

Седдон с улыбкой обернулся к Дорс.

— И как это Челвику все так ловко удается?

А Дорс недоверчиво покачала головой.

— Слишком быстро. Ничего не понимаю.

— А я верю, что он способен на все, — упрямо заявил Седдон.

— Я знаю его лучше, чем ты, и дольше, и я в это не верю.

Седдон усмехнулся.

— Ты его недооцениваешь.

И, словно не желая больше говорить об этом, он повернулся к Давану и спросил:

— Но как вы нас разыскали? Рейч сказал, что вы об этом месте ничего не знаете?

— И не знает, — вмешался Рейч. — Нипочем не знает. Мое это местечко, сам нашел.

— Я тут никогда не бывал, — подтвердил Даван, оглядевшись по сторонам. — А местечко интересное. Рейч тут наверняка как рыба в воде.

— Да, Даван, это мы уже поняли. Но все-таки, вы-то как нас нашли?

— Термодатчик. У меня есть такая штукавина, которая реагирует на инфракрасное излучение, причем выявляет объекты с температурой тридцать семь градусов по Цельсию. Реагирует только на присутствие людей, и больше ни на какие источники тепла. Вот и среагировала на вас троих.

Дорс нахмурилась.

— Что толку от такого прибора на Тренторе, где люди повсюду? Я знаю, на других планетах пользуются такими приборами...

— Да, знаю, — кивнул Даван, — на Тренторе они не в ходу. А вот в трущобах незаменимы.

— И где же вы такой раздобыли? — поинтересовался Селдон.

— Неважно, — ответил Даван. — Раздобыл и раздобыл. Но нам пора трогаться, господин Селдон. Слишком много народу охотится за вами, а мне хотелось бы передать вас моему могущественному другу.

— И где же он, этот ваш могущественный друг?

— Скоро будет здесь. По крайней мере, мой прибор уже зарегистрировал приближение объекта с температурой тридцать семь градусов, и не думаю, чтобы это мог быть кто-то другой.

Объект с температурой тридцать семь градусов вскоре действительно возник в дверном проеме, и готовое сорваться с губ Селдона радостное приветствие так и осталось на губах. Это был не Четтер Челвик.

Глава 17

СЭТЧЕМ

СЭТЧЕМ — сектор города-планеты Трентора... В последние века существования Галактической Империи Сэтчем был сильнейшей и стабильнейшей частью планетарного города. Его правители долго стремились к Имперскому трону, мотивируя свои притязания на него не слишком обоснованными утверждениями о том, что являются потомками первых Императоров. При Манниксе IV Сэтчем был милитаризован и, как утверждали впоследствии имперские власти, планировал захват всей планеты...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

81

В дверях стоял высокий, широкоплечий мужчина с длинными светлыми усами, кончики которых кокетливо загибались кверху, и густой бородой. Только подбородок и нижняя губа у него были чисто выбриты. Их покрывала легкая испарина. При столь буйной растительности на нижней половине лица стрижка у него была такая короткая, что Селдону невольно припомнился Микоген.

Одежда незнакомца явно представляла собой какую-то форму. Красно-белое одеяние дополнял широкий ремень, усеянный серебристыми заклепками.

Заговорил он густым, рокочущим басом, с акцентом, какого Селдону раньше слышать не доводилось. Как правило, незнакомые акценты режут слух, а выговор

незнакомца звучал приятно, даже музыкально. Может быть, причиной тому был низкий, красивый тембр голоса.

— Я — сержант Эммер Талус, — выделяя каждый слог, произнес незнакомец. — Ищу доктора Гэри Селдона.

— Это я, — кивнул Селдон и шепнул Дорс: — Значит, Челвик не сумел явиться самолично и прислал вместо себя эту говьяжью тушу.

Сержант придирчиво осмотрел Селдона с головы до ног и объявил:

— Да, это вы. У меня есть описание вашей внешности. Прошу вас следовать за мной, доктор Селдон.

— Ведите, — ответил Селдон.

Сержант шагнул назад, Селдон и Дорс — вперед.

Сержант остановился и предостерегающе поднял руку.

— У меня приказ увести отсюда только доктора Селдона, и никого больше.

Мгновение Селдон удивленно смотрел на сержанта. Но удивление быстро сменилось возмущением.

— Не может быть, чтобы у вас был именно такой приказ, сержант. Доктор Дорс Венабили — моя сотрудница и спутница. Она *должна* сопровождать меня.

— Это не входит в мою компетенцию, доктор.

— Ваша компетенция меня несколько не беспокоит, сержант Талус. Я ни шагу не сделаю без нее.

— А я вам больше скажу, — вмешалась Дорс, — в мою компетенцию входит постоянная защита доктора Селдона, и я не могу выполнять свои обязанности, не будучи рядом с ним. А потому, куда он, туда и я.

Сержант несколько растерялся.

— Но... я и сам обязан о вас заботиться, доктор Селдон. Если вы откажетесь следовать за мной добровольно, я, следуя приказу, должен доставить вас в самолет силой. Постараюсь не сделать вам больно.

Он протянул руки, словно хотел схватить Селдона за талию.

Селдон отпрыгнул назад и одновременно нанес резкий удар по правой руке сержанта, выше локтя, там, где слой мышц был тоньше всего.

Сержант вздрогнул, задохнулся от боли, затем развернулся и вновь пошел на Селдона. Даван с места не трогался, а Рейч спрятался сержанту за спину.

Селдон ударил снова, и еще раз, но сержант уже ожидал удара и подставил под кулак плечо.

Дорс выхватила ножи.

— Сержант, — проговорила она сквозь зубы, — повернитесь сюда! Хочу, чтобы вы поняли: если будете упорствовать и попытаетесь увести доктора Селдона против его воли, мне придется вас хорошенько отделить.

Сержант, не двигаясь, какое-то время оторопело, словно загипнотизированный, смотрел на подрагивающие лезвия ножей, но вскоре взял себя в руки и объявил:

— В мои инструкции не входит упоминание о том, что я не обязан применять силу к кому-либо, кроме доктора Селдона.

Его правая рука метнулась к рукоятке пистолета, что торчала из кобуры на поясе. Дорс отреагировала мгновенно: выставив перед собой ножи, она кинулась на сержанта.

Однако ни тот ни другая не успели выполнить задуманное.

Рейч рванулся вперед, изо всех сил стукнул сержанта по спине левой рукой, а правой выхватил из кобуры пистолет с длинным узким стволом, тут же отскочил в сторону, сжал пистолет обеими руками и прокричал:

— Руки вверх, сержант, а не то пальну!

В руках Рейча, судя по форме оружия, было не что иное, как нейронный хлыст.

Сержант растерялся, покраснел.

— Брось эту штуку, сынок, — пробасил он. — Ты все равно не знаешь, как она работает.

— Чё тут знать-то? — хихикнул Рейч. — Нажмешь вот тут вот, и ба-бах! И бабахнет, коли ты хоть пальцем шевельнешь.

Сержант замер на месте. Он отлично понимал, как опасно оружие в руках возбужденного двенадцатилетнего мальчишки.

Селдон тоже забеспокоился.

— Осторожно, Рейч, — проговорил он. — Не стреляй. Убери палец с курка.

— Я не дам ему меня сцапать, не дам!

— Он ничего не сделает. Прошу вас, сержант, не двигайтесь. Давайте разберемся. Вам было приказано забрать меня отсюда. Так?

— Так, — кивнул сержант, не сводя глаз с Рейча, который, в свою очередь, не спускал глаз с него.

— И больше никого забирать вам не приказано. Так?

— Так, доктор, — подтвердил сержант недрогнувшим голосом; чувствовалось, что он человек мужественный.

— Хорошо. Но выслушайте меня, сержант. Вам было приказано не забирать никого другого?

— Я только что сказал...

— Нет, нет. Послушайте, сержант. Есть разница. Каков был приказ? «Забрать доктора Селдона»? Только это, и больше ничего? Или вам приказали: «Забрать доктора Селдона, и никого другого»?

Сержант подумал и ответил:

— Мне было приказано забрать вас, доктор Селдон.

— Значит, в вашем приказе нет ни слова ни о ком другом, верно?

— Да, — подтвердил сержант после непродолжительной паузы.

— Вам не было приказано забирать доктора Венабили, но вам и не приказывали ее не забирать. Верно?

— Похоже, что так, — после чуть более продолжительной паузы ответил сержант.

— Ну вот. А теперь посмотрите на Рейча. У этого юноши в руках нейронный хлыст, нацеленный на вас, — ваш нейронный хлыст, не забывайте, — и он просто жаждет пристрелить вас.

— Ага! — выкрикнул Рейч.

— Не спеши, Рейч, — успокоил мальчишку Селдон. — Итак, он жаждет вас пристрелить, а у доктора Венабили — парочка ножей, с которыми она обращается весьма искусно, уверяю вас. И еще я, а я могу одной рукой так вправить вам кадык, что вы до конца своих дней будете говорить только шепотом. Ну, так

как? Хотите вы забрать доктора Венабили или нет? Ваш приказ позволяет вам сделать выбор.

Сержант еще немного подумал и подавленно кивнул.

— Я возьму женщину.

— А еще мальчика Рейча.

— И мальчика.

— Прекрасно. Дайте мне честное слово — слово солдата, — что вы не обманете.

— Даю вам честное слово солдата, — кивнул сержант.

— Хорошо. Рейч, отдай ему пистолет. Быстро. Без фокусов.

Рейч скорчил недовольную гримасу, поглядел на Дорс, ища в ее глазах поддержки, но та после минутной растерянности покачала головой. Она была в это мгновение ненамного счастливее Рейча.

Рейч протянул сержанту оружие.

— Скажи спасибо им, жирная ты... — конец фразы он пробормотал себе под нос.

— Убери ножи, Дорс, — попросил Селдон.

Дорс покачала головой, но ножи убрала.

— Ну, сержант? — поторопил Селдон.

Бросив взгляд на нейронный хлыст, сержант взглянул на Селдона и сказал:

— Вы честный человек, доктор Селдон, и я сдержу слово.

И ловко, с военной сноровкой, он убрал пистолет в кобуру.

Селдон обернулся к Давану и сказал:

— Даван, прошу вас, забудьте обо всем, что только что видели. Мы, все трое, добровольно отправляемся с сержантом Талусом. При встрече передайте Юго Амарилу, что я о нем не забуду и, как только все будет позади и я обрету свободу действий, позабочусь о том, чтобы он попал в Университет. И еще: если я смогу когда-нибудь хоть чем-нибудь вам помочь, я сделаю это. А теперь пойдемте, сержант.

— Летал когда-нибудь на самолете, Рейч? — спросил Селдон.

Рейч молча покачал головой. Он во все глаза смотрел вниз, на проплывавшую под крылом самолета поверхность планеты. В его взгляде читались страх и восторг.

А Седдон в очередной раз поразился — сколько же на Тренторе линий экспресса и такси! Даже на дальние расстояния люди в основном путешествовали под землей. А воздушные путешествия, столь популярные на других планетах, на Тренторе были роскошью. А уж такой самолет...

«И как это только Челвик ухитряется?» — подумал Седдон.

Он смотрел в иллюминатор на сменявшие друг друга холмы куполов, на зелень, покрывавшую поверхность планеты, местами представлявшую собой настоящие джунгли, зеркала небольших озер, свинцовые воды которых время от времени вспыхивали в лучах солнца, изредка пробивавшихся сквозь плотный слой облаков.

Так они летели около часа; Дорс, наблюдавшая за пейзажем без видимого удовольствия, закрыла шторку иллюминатора и сказала:

— Хотела бы я знать, куда мы летим.

— Если этого не знаешь ты, — пожал плечами Седдон, — то уж я тем более. Ты на Тренторе дольше моего.

— Да, но я жила внутри, — возразила Дорс. — А тут, наверху, я заблудилась бы, как маленький ребенок в лесу.

— Ну ладно... думаю, Челвик знает, что делает.

— Уверена, — коротко кивнула Дорс. — Но он может не иметь никакого отношения к происходящему. Не понимаю, почему ты думаешь, что за всем этим стоит он.

— Ну... — поднял брови Седдон. — Пожалуй, сейчас я так не думаю. Но думал. Почему бы и нет?

— Потому, что тот, кто организовал все это, не указал, чтобы меня взяли с тобой. Не верю, чтобы Челвик забыл о моем существовании. Потому, что он не явился сам, как в Стрилинге и Микогене.

— Не может же он всегда являться лично, Дорс. Может быть, он занят. Удивительно как раз не то, что он не появился сейчас, а то, что он ухитрялся появляться тогда.

— Ну хорошо, он сам не появился, но разве он мог прислать за нами этот летающий дворец? — и Дорс обвела рукой действительно роскошный салон самолета.

— Что тут такого? Может быть, он это сделал нарочно. Кому придет в голову, что на столь дорогом транспортном средстве удирают бедняги, которым только и надо привлекать к себе как можно меньше внимания? Двойная, а то и тройная конспирация.

— Слишком очевидная, на мой взгляд. И неужели он послал бы за нами такого тупицу, как сержант Талус?

— Никакой он не тупица. Просто он обучен беспрекословно выполнять приказы. Если приказ соответствующий, на Талуса вполне можно положиться.

— Вот-вот, Гэри. Вот именно. Но почему он получил несоответствующий приказ? Не могу поверить, что Четтер Челвик велел ему вытащить тебя из Даля и при этом ни словечком не обмолвился обо мне. Просто невероятно.

На это Седдону ответить было нечего.

Прошел еще час, и Дорс сказала:

— Холодает, похоже. Посмотри-ка вниз, растительность уже не зеленая, а коричневая, и обогрев включился.

— Что это значит?

— Даль расположен в тропической зоне, и, значит, мы летим либо на юг от него, либо на север, и забрались уже довольно далеко. Если бы я имела хоть какое-то представление о том, в какой стороне линия ночи, я бы поняла, куда мы летим.

Прошло еще какое-то время, и самолет пронесся над обледеневшим побережьем водного пространства, подступавшего к куполам.

И тут же, довольно неожиданно и резко, пошел вниз.

— Ща грохнемся! — вскрикнул Рейч. — Ща в лепешку расшибемся!

Седдон судорожно стиснул подлокотники кресла.

Дорс не испугалась.

— Пилот признаков тревоги не проявляет. Не волнуйтесь, просто мы сейчас влетим в туннель.

И только она успела это сказать, как крылья сложились, и самолет, подобно пуле, влетел в отверстие туннеля. Вокруг стусился мрак, но в следующее же

мгновение зажглось освещение. За иллюминаторами заскользила светящаяся ленточка — змейка огней вдоль стен туннеля.

— Я, наверное, никогда не пойму, как они узнают, что туннель свободен, — пробормотал Селдон, утирая пот со лба.

— Думаю, пилот получил такие сведения загодя, — сказала Дорс. — Во всяком случае, путешествие наше близится к концу, и скоро мы узнаем, куда попали. — Немного помолчав, она добавила: — А узнаем — не обрадуемся.

83

Самолет выскользнул из туннеля и помчался по длинной посадочной полосе. Освещение здесь так напоминало естественное, что Селдон вспомнил о минутах, проведенных под открытым небом в Имперском Секторе.

Самолет затормозил гораздо быстрее, нежели ожидал Селдон, что, разумеется, привело к возрастанию инерции. Рейч упал на спинку переднего сиденья, да так и прилип, и Дорс пришлось потянуть его за плечо. Сержант Талус, подтянутый, строгий, вышел из кабины, открыл дверцу пассажирского салона и помог всем троим по очереди спуститься.

Селдон вышел последним. Вполоборота глянув на сержанта, он сказал:

— Полет был весьма приятным, сержант.

По лицу сержанта пробежала легкая улыбка, пушистые усы чуть поползли вверх. Слегка коснувшись околыша фуражки, он проговорил:

— Еще раз спасибо, доктор.

Затем он проводил их к роскошному автомобилю, где все трое разместились на заднем сиденье. Сам сержант сел за руль, машина мягко тронулась с места и поехала вдоль по широким улицам, застроенным высокими, красивыми зданиями, поблескивающими в лучах яркого света. Как и повсюду на Тренторе, издали доносился шум экспресса. Тротуары были заполнены толпой хорошо, даже слишком хорошо, одетых пешеходов. Кругом царил подчеркнутая чистота.

Селдон чувствовал себя не слишком уверенно. Похоже, сомнения Дорс оправдывались. Он наклонился и прошептал в самое ухо женщины:

— Как думаешь, уж не отвезли ли нас обратно, в Имперский Сектор?

— Нет, — покачала головой Дорс, — в Имперском Секторе здания выстроены, в основном, в стиле «рококо», и парков тут не так много. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я говорю.

— Но где же мы тогда, Дорс?

— Боюсь, придется поинтересоваться, Гэри.

Ехали они недолго и вскоре подкатили к автостоянке около высокого четырехэтажного здания. Вдоль карниза бежали лепные украшения в виде фантастических зверей, разделенных полосами светло-розового камня. И лепнина, и само здание смотрелись на редкость красиво.

— Ну, — сказал Селдон, — уж это точно рококо.

Дорс пожала плечами и промолчала.

А Рейч восхищенно присвистнул и проговорил как можно более равнодушно:

— Ничё себе домишко.

Сержант Талус дал Селдону знак, определенно означавший, что тот должен выйти и следовать за ним, но Селдон откинулся на спинку сиденья и, вторя универсальному языку жестов, обнял за плечи Дорс и Рейча, показывая, что без них не сделает ни шагу.

Сержант немного растерялся. Он уже стоял у внушительного дверного проема. Даже кончики усов у него опустились.

— Ну, хорошо, идите все втроем, — упавшим голосом проговорил он. — Честное слово, так честное слово. Только учтите, другие вам слова не давали.

Селдон кивнул.

— Вы, безусловно, отвечаете только за себя, сержант.

Сержант явно был тронут, и на мгновение физиономия его просияла. Казалось, он был готов подать Селдону руку или еще каким-то образом отблагодарить математика, повинувшись порыву души. Однако он взял себя в руки и шагнул на первую ступень широкой

лестницы, ведущей к дверям. Лестница тут же поползла вверх.

Селдон и Дорс, вполне искушенные в подобных вещах, шагнули следом за ним, без труда удержав равновесие. А Рейч на мгновение растерялся, но потом, по-видимому, решив, что эта диковинная лестница не что иное, как немного усовершенствованный эскалатор, уверенно шагнул на ступень правой ногой и, подтянув левую, сунул руки в карманы и беспечно засвистел какой-то легкомысленный мотивчик.

Двери распахнулись, и оттуда вышли две женщины, обе молоденькие и хорошенькие. Они были одеты в длинные платья, сшитые из какого-то шуршащего материала, туго стянутые широкими поясами на талии. Каштановые волосы каждой из девушек были заплетены в две толстые косы. Селдону их прически понравились, но он задумался, сколько же времени они тратят на то, чтобы каждое утро так укладывать волосы. У тех женщин, что попадались им по дороге сюда, он таких изысканных причесок не заметил.

Обе женщины смотрели на гостей с явным неудовольствием, и Селдон этому несколько не удивился. После всего, что они с Дорс пережили за этот день, выглядели они ничуть не привлекательнее Рейча.

Тем не менее женщины отвесили всем изящный поклон и отработанным жестом пригласили войти.

Войдя в двери, они прошли через просторный вестибюль, уставленный замысловатой мебелью и устройствами, назначение которых Селдону показалось непонятным. Пол в вестибюле был светлый, какой-то радостный, с подсветкой. Селдону стало неловко — шагая по такому красивому полу, они оставляли на нем пыльные отпечатки следов.

Потом распахнулись следующие двери, и из них вышла еще одна женщина. Она была явно старше тех двоих, что встретили их снаружи. А они отвесили новой даме поклон с приседанием, столь изящно, что Селдон удивился, как это они не упали. «Наверняка, такое дается только долгой практикой, — подумал Селдон. — Может, и мне подобает что-то такое изобразить?» Но поскольку он понятия не имел, как изобразить такой изысканный реверанс, он попросту поклонился. Дорс

не пошевелилась. Рейч стояла с широко раскрытым ртом, смотрел по сторонам с восторгом и удивлением и даже не глянул на вошедшую женщину.

Она была полная, но не чересчур. Волосы у нее были уложены точно так же, как и у двух девушек, и платье на ней было примерно такое же, только побогаче — все расшитое затейливым орнаментом. Селдону оно показалось несколько вычурным.

Женщина была немолода, и волосы ее кое-где были тронуты сединой, но на щеках у нее были очень симпатичные ямочки, и они удивительно молодили ее лицо. Светло-карие глаза смотрели весело, было в ней что-то такое... не пожилое, а, скорее, материнское.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она, как будто не имела ничего против присутствия Дорс и Рейча. — А я вас поджидала. Вы доктор Селдон, с которым я так мечтала познакомиться. А вы, по-видимому, доктор Венабили. Мне сообщали, что вы повсюду следуете за доктором Селдоном. А вот этого молодого человека я, боюсь, не знаю, но и его я рада видеть. Ну ладно, не буду утомлять вас разговорами, вам, конечно, надо отдохнуть с дороги.

— И вымыться, мадам, — резко добавила Дорс. — Нам всем не помешает постоять под душем.

— О, конечно, — кивнула женщина. — И переодеться. Особенно молодому человеку, — она с улыбкой посмотрела на Рейча, не выказывая столь заметной неприязни, какая была во взглядах ее помощниц.

— Как ваше имя, молодой человек? — спросила женщина.

— Рейч, — ответил Рейч хрипло и смущенно. И на всякий случай добавил: — Госпожа.

— Потрясающее совпадение! — воскликнула женщина, и глаза ее весело сверкнули. — А меня зовут Рейчел! Ну, не чудно ли? Пойдемте, мы все для вас устроим. А потом, за обедом, наговоримся всласть.

— Погодите, мадам, — вмешалась Дорс. — Можно узнать, где мы находимся?

— Это Сэтчем, милочка! И пожалуйста, зовите меня Рейчел, так будет лучше. Я формальностей не признаю. Дорс нахмурилась.

— Вы удивлены, что мы интересуемся? Разве не естественно, что мы хотим знать, где находимся?

Рейчел мягко, мило рассмеялась.

— Ох, доктор Венабили, и вправду нужно что-то такое придумать с названием этого места. Я не вопрос вам задала, а ответила. Вы спросили, где вы находитесь, а я не спросила у вас, зачем вам это нужно знать, а сказала: «Сэтчем». Вы в Секторе Сэтчем.

— В Сэтчеме? — потрясенно переспросил Селдон.

— Конечно, доктор Селдон. Мы мечтали встретиться с вами с того самого дня, как вы выступили с докладом на Декадном Конгрессе, и теперь очень рады, что вы наконец у нас.

84

На то, чтобы отдохнуть, привести себя в порядок и отойти после всех приключений, потребовался почти целый день. Гостям принесли одежду — шелковистую и просторную, в сэтчемском духе. После душа все уснуло, как убитые.

Только на следующий сэтчемский вечер был устроен обещанный мадам Рейчел обед.

На длинном столе стояло только четыре прибора — для Селдона, Дорс, Рейчел и Рейча. Со стен и потолка лился мягкий свет, цвет которого время от времени ненавязчиво, мягко менялся. Скатерть, изготовленная из непонятной ткани, мерцала и искрилась.

За обедом им прислуживали многочисленные слуги, а когда в какой-то момент Селдон бросил взгляд на открывшуюся дверь, он заметил, что в соседних апартаментах находятся солдаты, и притом вооруженные, в полной боевой готовности. Сидели они как бы внутри бархатной перчатки, но стальной коготок был совсем неподалеку.

Рейчел вела себя мило и дружелюбно и особое внимание уделяла Рейчу, которого намеренно усадила рядом с собой.

Рейч, чистенький, вымытый до блеска, неузнаваемый в новой одежде, подстриженный, причесанный, не осмеливался рта раскрыть, словно чувствовал, что его лексикон никак не вяжется с новым обликом. Он

исподтишка наблюдал за Дорс и копировал все ее движения за столом.

Угощения были вкусные, но такие острые, что Селдон с трудом узнавал блюда.

Рейчел, очаровательно улыбаясь, сверкая ровными зубками, сказала:

— Вы, наверное, думаете, что мы приправляем пищу микогенскими специями, но это не так. Тут, на столе, все наше, сэтчемское. На планете нет другого столь самостоятельного сектора, как Сэтчем. И мы упорно трудимся, чтобы сохранить нашу самостоятельность.

Селдон вежливо кивнул.

— Все просто превосходно, Рейчел. Мы вам очень благодарны.

Правда, про себя он подумал, что в Микогене еда была все-таки повкуснее, а еще — что пора признать собственное поражение. Ну, не собственное, так Челвика, что в принципе одно и то же.

В конце концов Сэтчем сцапал его. Случилось то самое, что так испугало Челвика после случая наверху.

— Надеюсь, вы простите мне мою настойчивость, но, как хозяйка, я просто не могу не задать вам кое-какие вопросы, — сказала Рейчел. — Поправьте меня, если я не права, но ведь вы трое — не одна семья? Вы, Гэри, и вы, Дорс, не женаты, и Рейч — не ваш сын?

— Нет, между нами нет никаких родственных связей, — ответил Селдон. — Рейч родился на Тренторе, я — на Геликоне, а Дорс — на Цинне.

— И как же вы познакомились?

Селдон коротко рассказал, не углубляясь в подробности.

— Как видите, ничего романтического.

— А мне рассказали, что вы повздорили с моим помощником, сержантом Талусом, когда он собирался забрать вас одного из Даля.

— Я привязался к Дорс и Рейчу, — ответил Селдон, — и не хотел с ними расставаться.

Рейчел улыбнулась и проговорила:

— А вы человек сентиментальный, как я погляжу.

— Да. Сентиментальный. И обескураженный.

— Обескураженный?

— Ну конечно. И раз уж вы задали такой личный вопрос, можно мне тоже кое о чем вас спросить?

— Ну конечно же, Гэри, дорогой мой. Спрашивайте о чем угодно.

— Как только мы встретились с вами, вы сказали, что Сэтчем мечтал заполучить меня с того самого дня, когда я выступил на Декадном Конгрессе. Зачем я вам был так нужен?

— Не поверю, что вы до сих пор не догадались. Вы нам нужны из-за вашей психоистории.

— Догадался. Это понятно. Но почему вы думаете, что получив меня, вы получили и психоисторию?

— Наверняка вы не так беспечны, чтобы потерять ее.

— Все гораздо хуже, Рейчел. У меня ее и не было.

Рейчел слегка нахмурилась.

— Но в докладе вы такого не говорили. Не могу сказать, чтобы я поняла ваш доклад. Я не математик и просто терпеть не могу цифр. Но у меня на службе — математики, которые разъяснили, что вы имели в виду...

— В таком случае, дорогая Рейчел, вам нужно было выслушать их более внимательно. Смеею предположить, что они объяснили вам, что психоисторическое прогнозирование — вещь безнадежно далекая от практического применения.

— Я не могу поверить этому, Гэри. Ведь на следующий же день после доклада у вас была аудиенция у этого псевдоимператора, Клеона.

— У псевдоимператора? — с чуть заметной иронией переспросила Дорс.

— Ну конечно, — подчеркнуто серьезно ответила Рейчел. — У псевдоимператора. У него нет истинного права на престол.

— Рейчел, — несколько раздраженно проговорил Селдон, — Клеону я сказал то же самое, что сейчас сказал вам, и он отпустил меня.

Улыбка сошла с лица Рейчел, и голос ее стал немного другим.

— Да, он отпустил вас. Отпустил, как кот, который играет с мышкой. И с тех пор он вас преследовал — в Стрилинге, в Микогене, в Дале. Но что-то мы слишком серьезно заговорили. Давайте отдыхать. Послушаем музыку?

Только она произнесла эти слова, как неизвестно откуда полилась приятная инструментальная музыка. Рейчел наклонилась к Рейчу и тихо проговорила:

— Малыш, если тебе невозможно управляться с вилок, можешь есть ложкой, а то и пальцами. Не стесняйся.

— Да, мэм, — кивнул Рейч и с трудом проглотил кусок, но Дорс поймала его взгляд и одними губами проговорила:

— Возьми вилку.

Рейч послушался.

— Музыка очаровательная, мадам, — сказала Дорс вслух (она упрямо не переходила на обращение по имени), — но отвлекаться не стоит. Мне почему-то кажется, что если нас кто и преследовал, так это люди из Сэтчема. Наверняка вы не были бы так хорошо осведомлены о наших приключениях, если бы за всем этим не стоял Сэтчем.

Рейчел громко рассмеялась.

— У Сэтчема повсюду глаза и уши, но мы за вами, уверяю вас, не гонялись. Если бы гонялись, вас бы давно уже без труда схватили и доставили сюда, что в конце концов и случилось в Дале, когда мы на самом деле этого захотели. А вот когда погоня проваливается и руки не дотягиваются до цели, то уж это, конечно, промашки Демерзеля.

— Вы такого низкого мнения о Демерзеле? — поинтересовалась Дорс.

— Да. Вас это удивляет? Мы утерли ему нос.

— Вы лично? Или весь Сэтчем?

— Сэтчем, конечно, но покуда победитель — Сэтчем, то я и есть победитель.

— Как-то странно, — покачала головой Дорс. — На Тренторе все считают, что такие понятия, как «победа», «поражение» и тому подобные не имеют ничего общего с Сэтчемом. Все считают, что Сэтчемом правит одна воля, одна рука, и что эти воля и рука принадлежат мэру. Не поверю, чтобы этим мог бы похвастаться еще кто-то в Сэтчеме, и вы — в том числе.

Рейчел широко улыбнулась, потрепала Рейча по щеке и сказала:

— Ну что же, если вы считаете, что наш мэр — автократ и что Сэтчемом правит одна-единственная ру-

ка, тут вы, пожалуй, правы. Но придется употребить личное местоимение, поскольку это моя рука и моя воля.

— Почему ваша? — недоуменно спросил Седдон.

— А почему бы и нет? — пожала плечами Рейчел, посматривая на слуг, занявшихся уборкой стола. — Я — мэр Сэтчема.

85

Первым отреагировал на это заявление Рейч. Совершенно позабыв о той маске цивилизованности, которую до сих пор старался не снимать, он от души расхохотался и проговорил сквозь смех:

— Ой, тетечка, ладно вам врать-то. Тетечки мэрами не бывают. Мэрами токо дядечки бывают.

Рейчел с улыбкой посмотрела на него и ответила без запинки:

— Ой, малыш, бывают мэры дядечки, а бывают тетечки. Перевари это в своем чайничке, ага?

Рейч выпучил глаза и замер. Наконец ему удалось выдавить из себя:

— Ну вы даете, тетечка. Во шпарите-то!

— А то как же. Шпарю о-го-го как, — с улыбкой подтвердила Рейчел.

Седдон откашлялся и проговорил:

— Однако ловко у вас получается!

Рейчел кивнула.

— Давно не приходилось так разговаривать, но такое не забывается. Был у меня когда-то приятель, далиец... давно, когда я была совсем молоденькая. Нет, конечно, — вздохнув, она покачала головой, — он так не разговаривал, он был образованный человек... но мог, если хотел, и меня научил. Мне ужасно нравилось вот так с ним болтать. Знаете, весь мир вокруг менялся. Да, замечательно было... Но, увы, невозможно. Мой отец был против. Ну, а теперь, откуда ни возьмись, появляется этот плутишка, Рейч, и напоминает мне об этих давно минувших днях. Тот же акцент, те же глаза, такой же смугленький. Ох, еще лет шесть, и он станет грозой для молоденьких девушек. Правда, Рейч?

— Чтоб я знал, — растерянно проговорил Рейч и так же растерянно добавил: — Мэм.

— Станешь, станешь, точно тебе говорю, и будешь ужасно похож на моего приятеля, и лучше бы мне тогда с тобой не встречаться. Ну, обед закончен, и тебе пора к себе, Рейч. Посиди, посмотри головизор, если хочешь. Читать ты вряд ли умеешь.

Рейч залился краской.

— Ничё, выгучусь. Господин Селдон так сказал.

— Ну, раз он так сказал, конечно, выучишься.

Тут появилась девушка, встала возле Рейча и вежливо поклонилась Рейчел. А Селдон и не заметил, когда Рейчел успела позвать ее.

— А чё, мне нельзя побыть тут с господином Селдоном и госпожой Венабили? — спросил Рейч.

— Увидитесь попозже, — мягко проговорила Рейчел. — У нас будет важный разговор, так что пока нам придется расстаться.

Дорс одними губами проговорила: «Иди», и Рейч, не слишком довольный, слез со стула и поплелся за девушкой.

— Не волнуйтесь за мальчика. С ним все будет в порядке, — пообещала Рейчел, когда Рейч ушел. — Как, кстати, и со мной. Точно так же, как сейчас ко мне подошла эта девушка, прибудет целая дюжина вооруженных мужчин, и даже быстрее, если потребуется. Хочу, чтобы вы это поняли.

— Мы и не думали нападать на вас, Рейчел... или теперь уже «мадам мэ»? —

— Рейчел. Просто мне сообщили, что вы — неплохой мастер боевых искусств, Гэри, а вы, Дорс, отлично работаете ножами, которые мы уже забрали, кстати, из вашей комнаты. Так что не тратьте свое мастерство попусту. Гэри мне нужен живым, невооруженным и добрым.

— Но я точно знаю, — вмешалась Дорс, по-прежнему сохраняя не самый дружелюбный тон, — что правителем Сэтчема последние сорок лет был не кто иной, как Манникс Четвертый, что он до сих пор жив и здоров. Кто же тогда вы?

— Та самая, кем представилась, Дорс. Манникс Четвертый — мой отец. Он действительно, как вы вырази-

лись, жив и здоров. Император и вся Империя числят его мэром Сэтчема, но он устал от государственных дел и мечтает передать их в мои руки, которые совсем не против эти дела принять. Я его единственное дитя, и всю мою жизнь меня учили тому, как нужно править. По закону и по титулу мэром остается мой отец, но фактически, мэр — я. Кстати говоря, войска Сэтчема уже успели присягнуть на верность мне, а в Сэтчеме это — самое главное.

Селдон кивнул.

— Хорошо, как скажете. Пусть так, Манникс Четвертый или Рейчел Первая — вы, видимо, Первая: ни отцу, ни вам удерживать меня не имеет никакого смысла. Я сказал вам, что не располагаю работающей психисторией, и не уверен, что она когда-либо достанется вам или кому-то другому. Я так и Императору сказал. Я совершенно бесполезен и для него, и для вас.

— Как вы наивны, — усмехнулась Рейчел. — Вы знакомы с историей Империи?

— С некоторых пор у меня возникло желание, — ответил Селдон, — узнать ее получше.

— Имперскую историю неплохо знаю я, — вставила Дорс, — хотя специализируюсь в основном по доимперским временам, мадам мэр. Но какая разница — знаем мы историю или нет?

— Ну если вы знаете историю, вы должны знать, что Дом Сэтчема древний и уважаемый и ведет род от династии Дацианов.

— Дацианы, — возразила Дорс, — правили пять тысячелетий назад. Число их потомков, живших и умерших с тех незапамятных времен, за сто пятьдесят поколений, так велико, что равняется, пожалуй, половине населения Галактики, если вы пытаетесь оспаривать какие-то генеалогические права на престол.

— Наши генеалогические права, доктор Венабили, — впервые за все время холодно и недружелюбно проговорила Рейчел, — никаким сомнениям не подлежат, и оспаривать их нечего. Они записаны на бумаге. Дом Сэтчема удерживал власть в течение всех этих поколений, и были случаи, когда мы сидели на Имперском троне и правили Империей.

— А в учебниках по истории, — упрямо возразила Дорс, — о правителях Сэтчема чаще всего пишется, что они были антиимператорами, и большая часть Империи их никогда не признавала.

— Все зависит от того, кто написал учебники истории. В недалеком будущем этим будем заниматься мы, поскольку некогда принадлежавший нам престол снова станет нашим.

— Чтобы этого добиться, вам придется развязать гражданскую войну.

— В этом не будет ничего страшного, — сказала Рейчел. Теперь она снова очаровательно улыбалась. — Но я бы не отказалась от помощи доктора Селдона, чтобы предотвратить подобную катастрофу. Мой отец, Манникс Четвертый, всю жизнь был мирным человеком. Он сохранял лояльность ко всем, кто бы ни забирался за эти годы на Имперский трон, и поддерживал экономику Трентора на плечах Сэтчема ради блага всей Империи.

— Не уверена, чтобы Император свято верил, что цели вашего отца именно таковы, — усмехнулась Дорс.

— Я тоже, — спокойно кивнула Рейчел, — поскольку все Императоры, восседавшие на троне во время правления моего отца, были узурпаторами. Узурпатор на узурпаторе. А узурпаторы не могут позволить себе такой роскоши, как доверие к истинным правителям. И все-таки мой отец сохранял мир. Но, конечно, он отдал немало сил созданию и обучению могущественной армии, призванной защищать этот мир, процветание и спокойствие в секторе. А Имперское правительство не противилось этому, потому что Сэтчем им был нужен мирным, довольным, спокойным и лояльным.

— Но лоялен ли он? — спросила Дорс.

— По отношению к законному Императору — конечно, — сказала Рейчел. — И сейчас мы достигли такого уровня, что можем без труда сбросить правительство — буквально одним ударом. И еще до того, как кто-то успеет вымолвить: «гражданская война», на троне уже будет сидеть истинный Император — или, если вам так больше нравится, Императрица. А на Тренторе все будет тихо и мирно, как и было.

Дорс покачала головой.

— Позвольте, я вас немного просвещу? Как историк.

— Я никогда не против послушать, — пожала плечами Рейчел и чуть-чуть склонила голову к Дорс.

— Как бы велика и как бы прекрасно обучена ни была ваша армия, какие бы средства ни были у нее на вооружении, она все равно не справится с объединенными вооруженными силами Империи, расквартированными в двадцати пяти миллионах миров.

— О, доктор Венабили, вот вы сами и задели большое место узурпатора. Двадцать пять миллионов миров — и рассеянные, разбросанные по ним вооруженные силы. Громадные расстояния между формированиями; расхлябанные офицеры, отвыкшие от боевых действий, если к чему и готовы, так разве что только к тому, чтобы выступить за свои собственные интересы, а уж никак не за интересы Императора. А наши силы все целиком собраны здесь, на Тренторе. Мы можем начать и кончить наше дело задолго до того, как просиживающие штаны на дальних планетах генералы и адмиралы почешутся и поймут, что они тут зачем-то нужны.

— Но когда поймут, то сюда придут силы, которыми вы не сможете противостоять.

— Вы в этом уверены? — насмешливо спросила Рейчел. — К этому времени мы уже будем во Дворце. Трентор будет нашим, никто и не пикнет. Зачем же тогда Имперской армии вообще будет шевелиться, когда каждый марионеточный командующий получит в свое распоряжение собственную планету, собственную провинцию?

— Значит, вы именно к этому стремитесь? — удивленно спросил Селдон. — Неужели вы хотите уверить меня в том, что собираетесь править Империей, разорванной на кусочки?

— Вы совершенно правы, — кивнула Рейчел. — Я хочу править Трентором и прилегающими к нему планетными системами, которые составляют часть Тренторианской провинции. Мне гораздо более по нраву стать Императором Трентора, чем Императором Галактики.

— И вас устроит один только Трентор? Неужели? — недоверчиво спросила Дорс.

— Почему бы и нет? — с воодушевлением проговорила Рейчел, склонилась к столу и крепко уперлась ладонями в его крышку. — Именно об этом думал мой отец все сорок лет. Он и живет-то теперь только для того, чтобы своими глазами увидеть это. На что нам сдались миллионы миров, далеких миров, которые для нас ровным счетом ничего не значат, которые тянут из нас силы, оттягивают их на невообразимые расстояния; из-за них только неразбериха, сплошные скандалы, разбираться в которых — попусту тратить время. Наша планета, наш громадный город — вот та Галактика, которой нам хватит за глаза. У нас есть все, чтобы безбедно существовать. А остальная Галактика пускай распадается. Пусть каждый милитарист-марионетка получает свой жирный кусок. И биться за куски не придется. На всех хватит.

— Но они все равно *бугут* биться, — возразила Дорс. — Никто не удовлетворится выделенной ему провинцией. Каждый будет считать, что соседу достался больший или лучший кусок. Каждый не будет чувствовать себя в безопасности и будет, как о единственной ее гарантии, грезить о владычестве над Галактикой. Это ясно, как дважды два, мадам Императрица Пустоты. Начнутся бесконечные войны, в которые втянут и вас, и весь Трентор, и в конце концов все рухнет, останутся одни руины.

— Ну если не смотреть дальше своего носа, можно нарисовать и такую картину, — с явной насмешкой проговорила Рейчел. — Если воспринимать уроки истории буквально.

— Ну а если смотреть дальше? — парировала Дорс. — У кого же еще брать уроки, как не у истории?

— У кого? — усмехнулась Рейчел. — А у него! — воскликнула она, показывая указательным пальцем на Седдона.

— У меня? — удивился Седдон. — Но я уже сказал вам, что психоистория...

— Не повторяйте того, что уже сказали, мой милый доктор Седдон, — оборвала его Рейчел. — Так мы ни до чего не договоримся... Как вы полагаете, доктор Венабили, мой отец никогда не подозревал об опасности затяжной гражданской войны? Неужели вы дума-

ете, что он ни разу не употребил свой могучий ум на то, чтобы задуматься об этом? В последние десять лет он был готов в любой день завоевать Империю. Нужна была только убежденность в безопасности после победы.

— Которой у вас нет, — кивнула Дорс.

— Но которая у нас появилась, как только мы узнали о докладе доктора Седдона на Декадном Конгрессе. Отец мой слишком стар и не сразу понял, в чем дело. Но когда я объяснила ему, как это важно, он согласился со мной, и именно тогда формально передал мне бразды правления. Так и вышло, Гэри, что своим вступлением на пост мэра я обязана вам и вам же надеюсь быть обязанной вступлением на более высокий пост в будущем.

— Я никак не могу объяснить вам, что не в силах... — раздраженно начал Седдон.

— Неважно, что вы можете и чего не можете. Важно то, во что поверят или не поверят люди. Они *поверят вам*, Гэри, когда вы объявите, что психоисторический прогноз гласит, что Трентор может править сам собой, что провинции должны стать королевствами, которые будут жить в мире и добрососедстве.

— Я такого прогноза делать не собираюсь, — мотнул головой Седдон, — покуда не располагаю досконально разработанной психоисторией. И роль шарлатана играть не намерен. Если вам нужно нечто в таком духе, вот и прогнозируйте, я не против.

— Ну, Гэри, что вы говорите? Мне не поверят. Поверят вам. Вам, великому математику. Почему бы не потрафить народу?

— Представьте себе, — вздохнул Седдон, — о том же самом просил меня Император. Ему я отказал, так неужели вы думаете, что вам не откажу?

Рейчел некоторое время молчала, а когда снова заговорила, в ее голосе зазвучали почти умоляющие нотки.

— Гэри, подумайте, ведь я не Клеон — и это совсем не одно и то же. Клеон, несомненно, требовал от вас пропаганды, направленной на сохранение его положения на престоле. Это бесполезно, поскольку престол ему не сохранить. Разве вы не знаете, что Галактическая Империя переживает упадок, что так больше продолжаться не может? Трентор сам упорно катится по

наклонной плоскости, и его тянут за собой, как гиря на шее, двадцать пять миллионов миров. Впереди нас ждет распад и гражданская война, что бы вы ни сделали ради Клеона.

— Что-то подобное я уже слышал, — сказал Селдон. — Может быть, это и правда, но что из этого?

— Ну так помогите же Империи распасться на части без всякой войны! Помогите мне захватить Трентор, наладить надежное управление административной единицей. Позвольте мне дать свободу всей Галактике, чтобы каждая планета пошла собственной дорогой, в соответствии со своими обычаями и культурой. И тогда Галактика снова оживет за счет торговли, туризма, культурных связей, и над ней перестанет маячить призрак угрозы разрыва, до которого ее обязательно доведет нынешнее правительство. Амбиции у меня самые скромные: один мир вместо миллионов, мир вместо войны, свобода вместо рабства.

— Но почему Галактика больше поверит мне, чем вам? — спросил Селдон. — Меня никто не знает, и на кого из командиров Флота произведет неизгладимое впечатление слово «психоистория»?

— Сейчас вам не поверят, но я и не прошу вас ни о чем сейчас. Дом Сэтчема ждал тысячи лет, подождет и несколько тысяч дней. Поступайте ко мне на службу, и я сделаю ваше имя знаменитым. Я пообещаю, что психоистория просияет во всех мирах, а в нужное время, когда я решу, что оно нужное, вы произнесете свое предсказание, и мы нанесем удар. И тогда в Галактике воцарится Новый Порядок, покой и счастье на века. Ну, Гэри, неужели вы мне откажете?

Глава 18

НИСПРОВЕРЖЕНИЕ

ТАЛУС, ЭММЕР — сержант сэтчемских сил безопасности во времена древнего Трентора.

...Помимо вышеупомянутых малозначительных погрешностей, об этом человеке практически ничего неизвестно кроме того, что однажды в его руках была судьба всей Галактики.

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

86

Завтрак на следующее утро был накрыт в холле, примыкавшем к комнатам троих пленников, и оказался поистине роскошным. Огромный выбор вкуснейших блюд и всего вдоволь.

Седдон за обе щеки уплетал острые сосиски, пустив по боку предупреждение Дорс относительно катара желудка и кишечной колики.

Рейч сообщил:

— А мадам мэр, когда заходила ко мне вечером...

— Она к тебе заходила? — удивился Седдон.

— Ага. Сказала, что хочет поглядеть, удобствено ли мне. А еще сказала, что, может, отведет меня в зоопарк.

— В зоопарк? — Седдон взглянул на Дорс. — Какой на Тренторе может быть зоопарк? Собаки с кошками?

— Ну, там могут быть кое-какие местные животные, — предположила Дорс, — не исключено, что

есть и привозные, с других планет, или такие, которые обитают везде, в том числе и на Тренторе, только на других планетах их, конечно, побольше. На самом деле, Сэтчемский зоопарк очень знаменит. Это, пожалуй, самый лучший зоопарк на Тренторе после Имперского.

— Добренькая старушенция, — заключил Рейч.

— Не такая уж она старушенция, — заметила Дорс. — А вот кормят нас, и правда, неплохо.

— Что правда, то правда, — согласился Селдон.

Покончив с завтраком, Рейч удалился осматривать апартаменты, а Дорс уединилась с Селдоном.

— Вот уж не знаю, — сказал Селдон недовольно, — надолго ли нас предоставили самим себе. Наверняка она уже продумала, чем нас занять.

— Пока жаловаться, по-моему, не на что, — возразила Дорс. — Тут гораздо приятнее, чем в Микогене и в Дале.

— Дорс, я надеюсь, тебя не очаровала эта женщина? — спросил Селдон.

— Меня? Рейчел? Конечно же, нет. С чего ты взял?

— Ну, ты говоришь, что тут приятно. Кормят хорошо. Вполне естественно расслабиться и принимать подарки судьбы.

— Да, вполне естественно. А почему нужно от них отказываться?

— Послушай, не ты ли мне вечером говорила, что будет, если она победит? Я, конечно, не историк и верю тебе на слово, да и не только верю, а понимаю, что все правильно, даже не будучи историком. Империя распадется, и образовавшиеся островки будут сражаться друг с другом, пока... пока... в общем, неизвестно сколько времени. Рейчел надо остановить.

— Согласна, — кивнула Дорс. — Надо. Но не вижу, каким образом мы можем повернуть это маленькое дельце именно сейчас. Гэри, — прищурившись, спросила она, — скажи, ты ведь не спал этой ночью?

— А ты? — осведомился Селдон, не отрицая того, что не спал сам.

Дорс смотрела на него в упор с нескрываемой тревогой.

— Всю ночь провалялся без сна, думая о разрушении Галактики из-за того, что я сказала?

— Об этом, и кое о чем еще. Нельзя ли связаться с Четтером Челвиком? — спросил Селдон шепотом.

— Я пыталась сделать это еще тогда, когда нам грозил арест в Дале. Сообщение мое он получил, но не появился. Может быть, просто не сумел вырваться, но когда сумеет, явится обязательно.

— А ты не думаешь, что с ним что-нибудь случилось?

— Нет, — спокойно ответила Дорс. — Я так не думаю.

— Откуда такая уверенность?

— Я бы узнала. Узнала бы наверняка. Раз не знаю, значит все в порядке.

Селдон нахмурился.

— А вот я не уверен попросту ни в чем; ну, то есть вовсе. Даже если бы Челвик появился, что бы он мог поделаться? Нельзя же в одиночку одолеть всех в Сэтчеме! Раз у них тут, как утверждает Рейчел, самая организованная армия на Тренторе, то что он может предпринять против целой армии?

— Давай не будем об этом. Как ты думаешь, есть надежда убедить Рейчел, каким-то образом вбить ей в голову, что у тебя нет никакой психоистории?

— Рейчел прекрасно знает, что у меня ее нет и не будет еще много лет, если и будет когда-нибудь вообще. Но она объявит во всеуслышание, что психоистория существует, что я владею методом в полной мере, и сделает это достаточно хитро для того, чтобы люди поверили и вели себя потом в соответствии с тем, как им будут преподноситься мои прогнозы, даже если я вам и рта не раскрою.

— Но ведь Рейчел потребуется время. За ночь ей не сотворить из тебя кумира, как, впрочем, и за неделю. По-хорошему на это уйдет никак не меньше года.

Селдон в задумчивости мерил шагами комнату.

— Может, и так. Не знаю. Да, пожалуй, здесь ты права. Рейчел не произвела на меня впечатления женщины, привыкшей терпеть и смиряться. А ее престарелый батюшка, Манникс Четвертый, наверняка еще менее терпелив. Он должен чувствовать приближение собственной кончины, и если стремился к развалу Империи всю свою жизнь, то предпочтет, чтобы все свер-

шилось за неделю до его похорон, а не семью днями после. И потом...

Седдон оборвал себя на полуслове и внимательно оглядел комнату.

— Что — «потом»?

— Мы должны обрести свободу. Понимаешь... Я решил проблему психоистории.

Глаза Дорс удивленно расширились.

— Что?! Ты ее разработал?!

— Ну, не то чтобы в полном смысле разработал. На это уйдут десятилетия, может быть, века. Но теперь я знаю, что нужно для того, чтобы психоистория стала не теоретической, а практической наукой. Знаю как, но для этого мне нужно время, покой и средства. И пока я, быть может, вместе с моими учениками буду этим заниматься, Империя должна существовать. Надеюсь, кто-нибудь придумает, как сохранить ее или хотя бы свести до минимума последствия распада. И не спал я прошлой ночью от мыслей о том, что пора браться за работу, а я не могу.

87

Утром пятого дня пребывания в Сэтчеме, Дорс помогала Рейчу облачиться в парадный костюм, который вызывал у обоих одинаковое удивление.

Рейч с сомнением глядел на свое отражение в голографическом зеркале, а отражение, казалось, смотрело на него, копируя каждое движение, но при том не путало левую и правую стороны. Мальчик впервые в жизни смотрелся в голографическое зеркало, поэтому не смог удержаться — потянулся к изображению, смущенно захихикал, когда рука схватила пустоту, а рука в зеркале в точности повторила движение, но ее прикосновения он не почувствовал.

Наконец он изрек:

— Потешный у меня видок, однако.

Рейч пощупал тунику, сшитую из тончайшей ткани и подпоясанную узким плетеным ремешком, ее воротник — стоячий, будто накрахмаленный, доходивший до ушей.

— А башка у меня как мяч в чашке.

— Так одеваются богатые дети в Сэтчеме, — объяснила Дорс. — И всякий, кто на тебя посмотрит, будет просто в восторге и обзавидуется.

— Это с прилизанными-то патлами?

— Конечно. А еще ты наденешь вот эту маленькую круглую шапочку.

— Тогда башка уж точно как мяч станет.

— Значит, не позволяй никому ее пинать. А теперь вспомни все, о чем мы говорили. Будь внимателен, и не веди себя, как маленький.

— Но я же и есть маленький, — возразил Рейч, невинно глядя на Дорс.

— В самом деле? — поддразнила та. — А я-то думала, что ты считаешь себя двенадцатилетним взрослым.

Рейч ухмыльнулся.

— Ладно, чего там. Прошпионю, как надо.

— Только, пожалуйста, не зарывайся. Не подслушивай у замочных скважин. Если тебя за этим застанут, ничего хорошего не получится.

— Ну, вы чё, тетечка, за кого меня держите? Чё я, дите малое?

— А не ты ли, плутишка, утверждал это секунду назад? Слушай и запоминай все, что будет твориться вокруг тебя, но так, чтобы никто не видел, а после расскажешь нам. Это очень просто.

— Это вам, госпожа Венабили, просто говорить... — притворно вздохнул Рейч, но тут же хитро усмехнулся и закончил: — А мне такое дело — раз плюнуть.

— И будь осторожен.

— Ясное дело, — понимающе подмигнул далиец.

Тут явился лакей (настолько бесцеремонный, насколько только может быть самый наглый из них), дабы сопровождать Рейча туда, где его ожидала Рейчел.

Седон проводил их озабоченным взглядом.

— Пожалуй, вряд ли парень посмотрит зоопарк, если будет слушать во все уши. Не уверен, что мы правы, подвергая ребенка такой опасности.

— Опасности? Я так не думаю. Рейч вырос в трущобах Биллиботтона, не забывай. Шпион из него получше будет, чем из нас двоих вместе взятых, Гэри. К тому же

Рейчел без ума от мальчишки и простит ему любую проделку, бедняжка.

— Ты что же, жалеешь мэршу?

— А ты считаешь ее недостойной сожаления, если она дочка мэра и по праву считает себя мэром, если мечтает разрушить Империю? Может, ты и прав, но все равно в ней есть кое-что, заслуживающее симпатии. Ну, например, у нее была несчастная любовь. Совершенно очевидно, сердце ее было разбито, и она страдала — по крайней мере, какое-то время.

— А у тебя когда-нибудь была несчастная любовь, Дорс? — спросил Селдон.

Дорс ненадолго задумалась и ответила:

— Да нет, не было. Я слишком занята работой, чтобы позволить себе такую роскошь, как разбитое сердце.

— Я так и думал.

— Зачем же тогда спросил?

— Я мог ошибаться.

— Ну, а у тебя?

Селдон немного растерялся.

— Было дело. Какое-то время пришлось пожить с разбитым сердцем. Разлетелось прямо-таки на кусочки.

— Я так и думала.

— Зачем же спрашивать?

— Не потому, что я могла ошибаться, уверяю тебя. Просто хотелось посмотреть, соврешь ты или нет. Ты не соврал, и это меня радует.

Помолчав, Селдон перевел разговор на другую тему.

— Прошло уже целых пять дней, а ничего не случилось.

— Да, ничего. И с нами по-прежнему хорошо обращаются.

— Если бы животные могли думать, то считали бы, что с ними хорошо обращаются, откармливая на убой.

— Согласна. Только Рейчел откармливает на убой Империю.

— Но когда она собирается ее убить?

— Наверное, когда будет к этому готова.

— Мадам хвасталась, что способна повернуть все за день, и у меня сложилось впечатление, что она может это сделать хоть завтра.

— Даже если твое впечатление верно, Рейчел для начала захотела бы убедиться в том, что справится с ответной реакцией Империи, а на это нужно время.

— Много ли его нужно? Она собирается подавить ответную реакцию, используя меня, но пока таких попыток не предпринимает. Ни малейших признаков того, что из меня хотят, как ты выразилась, сотворить кумира. Хожу по улицам, и никто не просит автографа. Толпы сэтчемцев не собираются, дабы превозносить меня. В гиперновостях — ни словечка.

Дорс улыбнулась.

— Похоже, тебя это и впрямь огорчает. Ты наивен, Гэри. И не историк, что, в принципе, одно и то же. Думаю, тебе лучше радоваться тому, что создание психоистории сделает из тебя историка, чем тому, что психоистория спасет Империю. Если бы все люди понимали историю, то не совершали бы непрерывно глупейших ошибок.

— В чем же моя наивность? — обиженно поинтересовался Селдон, вздернув подбородок и сверху вниз глядя на Дорс.

— Не обижайся, Гэри. На самом деле, мне кажется, что это одно из самых симпатичных твоих качеств.

— Ясно. Из-за этого у тебя пробуждается материнский инстинкт, а тебя сюда для того и послали, чтобы нянчиться со мной как с ребенком. И все же в чем ты видишь наивность?

— А в том, что воображаешь, будто Рейчел вознамерилась распропагандировать все население Империи, дабы тебя восприняли, как пророка? Ничего подобного. Квадриллионы людей так просто с места не сдвинешь. Существуют социальная и психологическая инерции, и они столь же распространены, как инерция физическая. И потом, вступив в открытую игру, она тем самым бросит вызов Демерзелю.

— Что же, по-твоему, происходит сейчас?

— Полагаю, что сведения о тебе — всяческого рода восхваления и превозношения — распространяются исключительно в узком кругу и поступают только к тем вице-королям секторов, флотским адмиралам и влиятельным лицам, которых эта интриганка уже склонила или надеется склонить на свою сторону. Сотни таких

приспешников, этого будет достаточно для того, чтобы смутить лоялистов на время, которого Рейчел Первой за глаза хватит на то, чтобы установить Новый Порядок и удерживать его столько, сколько необходимо для подавления любого сопротивления. Мне, по крайней мере, так видится ход событий по сценарию этой дамы.

— А от Челвика — ни слуху ни духу.

— Не может быть, чтобы он бездействовал. Слишком многое зависит сейчас от того, что здесь происходит.

— А тебе не приходила в голову мысль о том, что он умер?

— Мало вероятно. Будь это в самом деле так, я бы узнала.

— Здесь?

— Даже здесь.

Селдон приподнял брови, но промолчал.

Рейч вернулся с прогулки лишь к вечеру, радостно возбужденный, без умолку описывая обезьян и бакарийских гримуаров. За обедом только его и было слышно.

Впервые за пять дней Рейчел за обедом не присутствовала, однако это никак не сказалось ни на выборе и вкусе блюд, ни на количестве слуг.

И лишь после обеда, когда все трое удалились к себе, Дорс попросила:

— А теперь, Рейч, скажи-ка, что стряслось с мадам мэршей. Расскажи все, что она говорила или делала, что, как тебе кажется, нам стоит узнать.

Глаза Рейча блеснули.

— Кой-чѐ было, — сообщил он. — Потому она небось и обедать не пришла.

— И что же было?

— Зоопарк-то закрыт оказался. Токо нас и пустили. А нас была уйма целая — Рейчел, я, куча парней в форме, теток разодетых в пух и прах, и все такое. А потом явился еще один в форме, сначала-то я его не заметил, и что-то шепнул Рейчел, а та развернулась так ко всем прочим и рукой эдак махнула, чтобы они, стало быть, с места не трогались, ну, все и послушались. А эти двое протопали в сторонку, значит, и давай шушукаться. Ну, тут я притворился, значит, что ни фига не понял, и стал разгуливать около клеток, и подобрался так неза-

метненько поближе к Рейчел, чтобы подслушать, про чё они там.

Рейчел ему: «Как они смеют?» — и злая такая прямо стала, ну ровно сбрендила. А этот парень, значит, в форме который, все вроде здорово психовал. Я, правду сказать, не шибко к нему приглядывался, а притворялся больше, что на зверюшек глазею. Ну, ушки на макушке, стало быть, слушаю. Парень этот, стало быть, и говорит, что кто-то — имени не упомяну, но вроде генерал... ну, этот генерал, значит, вроде бы сказал, будто офицеры пристегнули доверенность Рейчелову старикану...

— Присягнули на верность, — поправила его Дорс.

— Что-то в этом роде, и сильно запсиховали, и не захотели делать, что им тетка велит. А еще, что они хотят старикана, а если тот захворал, стало быть, пускай какого другого дядьку мэром поставит, только не тетку.

— Не тетку? Точно?

— В точности так и сказал. Тихо-тихо. Он так психовал, а Рейчел — та просто взвилась и язык проглотила. Потом очухалась и как зашипит: «Я получу его голову. Они все присягнут мне на верность завтра же, а кто откажется, пожалеет!» Вот так и выдавала все точь-в-точь, а потом всех разогнала по домам, а со мной ни полслова не обмолвилась. Так и сидела всю дорогу, злющая, точно зверюга.

— Молодчина, — кивнула Дорс. — Только, пожалуйста, не проболтайся об этом, Рейч.

— Заметано. Ну чё, вам только это и было надо?

— Ты отлично поработал, дружок. Сделал больше, чем было надо. А теперь ступай к себе и постарайся выкинуть все это из головы.

Как только мальчик ушел, Дорс обернулась к Седдону.

— Очень, очень интересно. Дочери наследуют посты отцов или матерей на всех уровнях власти. Сколько угодно. Существовали правящие Императрицы — ты это наверняка знаешь — и не могу припомнить, чтобы хоть когда-нибудь в имперской истории по этому поводу возникали какие-то разногласия. Просто удивительно, что такой вопрос вдруг возник в Сэтчеме.

— Почему бы и нет? — пожал плечами Седдон. — Не так давно мы побывали в Микогене, где женщин

унижают, как хотят, к власти не подпускают и на пушечный выстрел.

— Да, верно, но это — исключение. Есть места, где женщины наоборот доминируют. А в большинстве правительств планет мужчин и женщин поровну. Если на высоких постах и больше мужчин, то только потому, что женщины чисто биологически более склонны заниматься не государственными делами, а воспитанием детей.

— А какая в этом смысле ситуация в Сэтчеме?

— Насколько я знаю, тут равенство полов. Рейчел не постеснялась занять пост мэра, а старик Манникс не задумываясь передал дочери бразды правления. Нет ничего удивительного в том, что Рейчел поразились и пришла в ярость из-за того, что мужчины отказываются повиноваться. Она ведь и в мыслях не допускала подобного.

— А тебе ход событий явно нравится, — отметил Селдон. — Почему?

— Исключительно потому, что все это так неестественно, так не вписывается в привычные рамки, что поправки вносит не кто иной, как Челвик.

— Ты так думаешь? — недоверчиво спросил Селдон.

— Да, — кивнула Дорс.

— Представь себе, и я тоже.

88

А на десятый день, утром, Селдона разбудил тревожный звонок у двери, и послышался срывающийся голос Рейча:

— Господин, господин Селдон, война!

Селдон потряс головой, прогоняя сон, вскочил с кровати. Поеживаясь (проклятые сэтчемцы почему-то располагали спальни на холодной стороне, и это его ужасно злило), он распахнул дверь.

Рейч влетел в комнату, выпучив глаза и задыхаясь.

— Мистер Селдон, теперича у них Манникс, старый мэр. Они...

— Кто — «они», Рейч?

— Имперщики. Их самолеты — целая куча — прилетели прошлой ночью. Щас про это передают в гиперновостях. У госпожи в комнате. Она-то велела вас не будить, а я подумал, что надо.

— Ты не ошибся, Рейч, — кивнул Седдон, натягивая халат. На ходу запахнув его, он помчался в комнату Дорс. Та была уже одета и не отрывала глаз от экрана стоявшего в нише головизора.

На экране за маленьким письменным столиком сидел мужчина, на тунике которого красовалась ярко вышитая имперская символика — «Звездолет и Солнце». По обе стороны от него навтытяжку стояли двое солдат, помеченных той же эмблемой.

«...Находится под мирным попечением Его Императорского Величества, — офицер закончил фразу. — Мэр Манникс здоров, в безопасности и полностью осуществляет свои обязанности под защитой миротворческих войск Империи. Вскоре он выступит перед вами, дабы успокоить всех жителей Сэтчема и обратиться к сэтчемским воинам с призывом сложить оружие».

Затем последовали сообщения, произносимые дикторами с бесстрастными, поставленными голосами и имперскими повязками на рукавах. Содержание сообщений почти не менялось: «капитулировало такое-то и такое-то подразделение сэтчемских войск», «...после того, как было дано несколько предупредительных выстрелов...», «...без всякого сопротивления», «заняты такой-то и такой-то районы города». Новости то и дело перемежались кадрами, демонстрирующими толпы горожан, покорно взирающих на марширующие по городу войска.

— Потрясающе организованная операция, Гэри, — сообщила Дорс. — Никто не ожидал. Сопротивление было бессмысленно, и все обошлось без жертв.

Тут на экране, как и было обещано, возник мэр Манникс Четвертый. Он стоял во весь рост, и импералов поблизости видно не было, но Седдон нисколько не сомневался, что они не спускают глаз с мэра и стоят по обе стороны от камеры.

Манникс был стар, но былая сила еще сквозила в его взгляде, который он, увы, старательно отводил от камеры. Слова произносил вымученно, словно не по своей

воле. Но, опять-таки, как и было обещано, мэр обратился к сэтчемцам с призывом сохранять спокойствие, не оказывать сопротивления, уберечь город от разрушений и выражать лояльность Императору, да продлится его царствование.

— А о Рейчел ни слова, — отметил Седдон. — Как будто его дочери не существует.

— О ней словно вообще забыли, — добавила Дорс. — Однако из этого вовсе не следует, что мэрша уже арестована. На ее резиденцию, которой собственно и является это здание, никто не покушался, а значит, возможно, Рейчел успела сбежать и спрятаться в каком-нибудь приграничном секторе. Хотя я почти уверена в том, что вскоре на Тренторе для нее не останется безопасных мест.

— Возможно, — произнес голос той, о которой шла речь, — но здесь я хотя бы ненадолго в безопасности.

Вошла Рейчел, аккуратно одетая и внешне совершенно спокойная. Даже улыбалась, правда, не слишком весело.

Все трое замерли, уставившись на вошедшую, и Седдон подумал, здесь ли все ее многочисленные слуги, или сбежали, покинув хозяйку.

Дорс чуть натянуто произнесла:

— Я вижу, мадам мэр, что ваши мечты о захвате власти не сбылись. Вас, вероятно, опередили.

— Меня не опередили. Меня предали. Моих офицеров распропагандировали, и вопреки всякому здравому смыслу они отказались служить женщине, признавая лишь своего старого повелителя. А потом эти подлые предатели дали схватить своего любимого старого господина, и он не смог возглавить сопротивление.

Она поискала глазами стул и села.

— И вот теперь Империя должна продолжать распадаться и погибать, тогда, когда я была готова предложить ей новую жизнь.

— Я полагаю, — заметила Дорс, — что Империя избежала долгой и ненужной борьбы и разрушения. Смиритесь с этим, мадам мэр.

Казалось, Рейчел не расслышала.

— Столько лет готовиться, — проговорила она с горечью, — и потерять все за одну ночь.

Рейчел сникла, убитая горем, постаревшая лет на двадцать сразу.

— Вряд ли за одну ночь, — возразила историк. — Наверняка ваших офицеров обработали заранее.

— Это наверняка дело рук Демерзеля! Я его недооценила. Угрозы, подкуп, обман — как бы то ни было, своего он добился. Демерзель большой мастер на предательство и воровство — а я просчиталась.

Немного помолчав, она продолжала:

— Располагай этот негодяй только своими собственными силами, я без труда одолела бы всех, кого бы он ни послал сюда. Но кто бы мог подумать, что в Сэтчеме есть предатели, что присягу на верность можно так легко нарушить.

— Но мне помнится, — спокойно возразил Селдон, — что присягу на верность войска приносили все-таки не вам, а вашему отцу?

— Чепуха! — яростно воскликнула Рейчел. — Когда отец передавал мне пост мэра, на что имел полное и законное право, ко мне в подчинение автоматически перешли все, кто когда-либо присягал ему на верность. Самый тривиальный прецедент. Да, обычно новому правителю приносят присягу, но это всего-навсего традиция, а не пункт закона, что моим офицерам прекрасно известно, и однако они предпочли все забыть. Ради оправдания своего предательства они заявили, что не желают служить под началом женщины, но истина в том, что эти подлые трусы либо поджали хвосты в ожидании имперского отмщения, которое никогда бы не пришло, будь они честнее, либо пустили слюни от предвкушения имперских наград, которых им не видать, как своих ушей, или я не знаю Демерзеля.

Она резко обернулась к Селдону.

— Вам ясны его цели, не правда ли? Демерзель только из-за вас напал на меня.

— При чем тут я? — вздрогнул Селдон.

— Не прикидывайтесь дурачком. Вы ему нужны затем же, зачем пригодились бы мне — чтобы использовать, как инструмент. Но, к счастью, — добавила Рейчел, вздохнув, — не все меня предали. Есть еще верные солдаты. Сержант!

Вошел сержант Талус — легко, почти бесшумно. Его походка никак не вязалась с внушительными габаритами. Форма — с иголки, усы — еще более кокетливо подкручены, чем в прошлый раз.

— Мадам мэ́р, — прищелкнув каблукками, проговорил он.

На вид сержант по-прежнему напоминал говяжьё тушу и полностью соответствовал определению Селдона — солдафон, слепо, несмотря ни на что, исполняющий приказы.

Рейчел печально улыбнулась мальчику.

— Ну, как ты, малыш Рейч? А мне хотелось сделать из тебя человека. Теперь уже вряд ли получится.

— Здравсьте, мэ́м... мадам, — неуклюже пробормотал Рейч.

— И для вас я тоже кое о чем мечтала, доктор Селдон, — добавила та, — но, увы, уж вы меня простите, не судьба.

— Меня, мадам, не жалейте, не стоит.

— Жалею, Гэри, жалею. Я не могу позволить Демерзелю заполучить вас. Такой победы он недостойн, и уж этому я могу помешать.

— Я не стал бы на него работать, мадам, поверьте, так же как не стал бы работать на вас.

— Работа здесь ни при чем. Я говорю об использовании. Прощайте, доктор Селдон... Сержант, пристрелите его.

Сержант послушно выхватил бластер, а Дорс с громким криком бросилась к нему, но Селдон успел удержать девушку, схватив за локоть.

— Не надо, Дорс! — прокричал он. — Иначе он пристрелит тебя. Меня он не убьет. А ты, Рейч, назад! Не двигайся!

Селдон в упор посмотрел на сержанта.

— Вы растерялись, сержант, потому что знаете, что выстрелить не сможете. Десять дней назад я мог убить вас, но не сделал этого. Вы пообещали тогда, что будете мне защитой.

— Чего ты ждешь? — прошипела Рейчел. — Я сказала — пристрелить его, сержант!

Селдон молча стоял и смотрел на Талуса. Тот, выпучив глаза, вцепился в рукоятку бластера, наставленного на голову Селдона.

— У тебя есть приказ! — рявкнула Рейчел.

— А у меня — ваше честное слово, — спокойно проговорил Селдон.

— А, все равно пропадать! — прохрипел сержант Талус, опустил руку, и бластер звякнул о пол.

— Предатель! — в отчаянии взвизгнула мэрша, и прежде чем Селдон успел пошевелиться, прежде чем Дорс успела вырваться из его крепко державшей руки, Рейчел завладела оружием, прицелилась в сержанта и выстрелила.

До сих пор Селдон ни разу не видел, чтобы в кого-то стреляли из бластера. Он судил по названию и ожидал, что прогремит оглушительный выстрел, польется кровь и тело разлетится на куски. Сэтчемский бластер оказался оружием совсем другого сорта. Что произошло внутри грудной клетки Талуса, осталось неясно, но сержант, не изменившись в лице, беззвучно скрючился и повалился на пол. Он был мертв, в этом не могло быть никаких сомнений.

В следующее мгновение Рейчел развернулась и направила бластер на Селдона. Еще миг, и он отправится на тот свет вслед за сержантом...

Но в ту секунду, как сержант упал замертво, Рейчел одним прыжком оказалась между Рейчел и Селдоном, замахал руками и отчаянно завопил:

— Госпожа, госпожа! Не стреляйте, госпожа!

Рейчел растерялась.

— Уйди, Рейч, прошу тебя! Я не хочу твоей смерти!

Этого мгновения растерянности было достаточно для того, чтобы Дорс, вырвавшись из рук Селдона, пригнулась и прыгнула на Рейчел. Та с криком упала на пол, а бластер еще раз оказался там же, лишь для того, чтобы быть подхваченным Рейчем.

Срывающимся от ужаса голосом Селдон попросил:

— Рейч... отдай!

Мальчик затряс головой и попятился.

— Господин Селдон, вы не станете ее убивать, не станете же? Она добрая!

— Я никого не стану убивать, Рейч, — пообещал Селдон. — Эта женщина убила сержанта и убила бы меня, но она удержалась от выстрела, боясь поранить тебя. Поэтому я дарю ей жизнь.

Селдон уселся на стул, крепко сжав в руке бластер, а Дорс вытащила из второй кобуры на поясе погибшего сержанта игольчатый пистолет.

В это мгновение раздался знакомый голос:

— Теперь за ней присмотрю я, Селдон.

Селдон, потрясенный до глубины души, поднял голову и в порыве безотчетной радости воскликнул:

— Челвик! Наконец-то!

— Прошу прощения, что задержался, Селдон. У меня была уйма дел. Как жизнь, доктор Венабили? Я так понимаю, это дочь Манникса, Рейчел. А кто этот мальчик?

— Рейч, наш юный дальийский друг.

Следом за Челвиком в комнату вошли солдаты и, повинуясь едва заметному жесту, подняли с пола Рейчел.

Дорс, получившая возможность отвлечься от Рейчел, отряхнулась и поправила блузку. А Селдон только теперь осознал, что до сих пор в халате.

Рейчел же, в бешенстве сбросив с себя крепкие руки солдат, показала на Челвика, прищурилась и спросила у Селдона:

— Кто это такой?

— Это Четтер Челвик, — ответил Селдон, — мой друг и защитник на этой планете.

— Защитник? — безумно, громко расхохоталась мэрша. — Дурак! Идиот! Этот человек — Демерзель, и если вы посмотрите сейчас на свою подругу Венабили, то поймете, что ей это прекрасно известно! Вы уже давно в ловушке, в капкане — таком крепком, что тот, в который поймала вас я, не идет с ним ни в какое сравнение.

89

Челвик и Селдон на следующий день завтракали в одиночестве и почти все время молчали.

Только уже ближе к концу Селдон внезапно оживился и спросил весело:

— Итак, сэр, как теперь мне вас называть? Я, правда, до сих пор считаю вас Четтером Челвиком, и даже если поверю в подобное двуединство, все равно не смогу привыкнуть к имени Эдо Демерзеля. В этой роли у вас наверняка есть какой-то титул, но какой? Просветите, будьте так добры.

— Зови меня Челвиком, если не возражаешь. Или Четтером. Да, я — Эдо Демерзель, но для тебя — Челвик. По правде говоря, между нами нет большой разницы. Я говорил тебе, что Империя распадается и погибает, и так думают обе мои половины. Я говорил также, что психоистория мне нужна для того, чтобы сохранить ее, а если все же упадок и гибель неотвратимы, то найти пути для возрождения и укрепления. И в это тоже верят оба моих «я».

— Но я был у вас в руках — думаю, вы были где-нибудь поблизости, когда я встречался с Его Императорским Величеством.

— С Клеоном. Да, конечно.

— И вы могли бы тогда поговорить со мной лично, точно так же, как позже сделали это в обличье Челвика.

— И чего бы добился? У меня, Демерзеля, куча дел. Мне нужно руководить Клеоном, благонамеренным, но не слишком умным правителем, и не давать ему, по возможности, совершать ошибок. Я должен играть свою роль в управлении Трентором и всей Империей. Сам видишь, каких трудов стоило помешать Сэтчему натворить бед.

— Да, вижу, — пробормотал Селдон.

— Это было нелегко, и акция чуть было не сорвалась. Много лет я внимательно и осторожно манипулировал Манниксом, научился просчитывать ход его мыслей, разрабатывал контрудары, предназначенные для отражения его выпадов. Но мне и в голову не могло прийти, что он додумается при жизни передать бразды правления дочери. Последнюю я почти не знал и оказался совершенно не готов к ее бесшабашности. В отличие от отца, эта дама привыкла принимать власть как некую данность, не поняв, что и власть имеет свои

пределы. Поэтому она и захватила тебя, а меня вынудила вступить в игру прежде, чем я был к ней подготовлен.

— В результате... ты чуть было не потерял меня. Я дважды смотрел в дуло бластера.

— Знаю, — кивнул Челвик. — Мы могли бы лишиться тебя и на поверхности — там произошел еще один непредвиденный случай.

— Но ты так и не ответил на мой вопрос. Стоило ли гонять меня по всему Трентору, пряча от Демерзеля, когда ты сам и есть Демерзель?

— Ты сказал Клеону, что психоистория — чисто теоретическая наука, разновидность математической игры, в которой нет никакого практического смысла. Может быть, так оно и было, но, обратись я к тебе официально, ты бы наверняка остался при своем мнении. Идея захватила меня. Я подумал, что она может, в конце концов, оказаться больше чем просто игра. Пойми, я не просто хотел использовать тебя, мне нужна была настоящая, практическая психоистория.

Для того-то и гонял я тебя, как ты выразился, по всему Трентору, всюду в образе Демерзеля наступая тебе на пятки. Мне казалось, что это должно послужить для тебя мощнейшим стимулом. Психоистория должна была превратиться в нечто увлекательное, большее, чем математическая игра. Ты бы постарался разработать свою науку для искреннего идеалиста Челвика, но палец о палец не ударил бы ради имперского лакея Демерзеля. И потом, во время скитаний у тебя была возможность посмотреть своими глазами на жизнь в различных частях Трентора. Что само по себе гораздо ценнее, чем жизнь в башне из слоновой кости на дальней планете в окружении сплошных математиков. Я не ошибся? Разве ты не продвинулся вперед?

— В психоистории? Продвинулся, Челвик. Я думал, ты знаешь.

— Откуда?

— От Дорс.

— Но ты ничего не сказал мне. Хорошо хоть теперь обмолвился. Хорошие новости.

— Не совсем, — уточнил Селдон. — Можно сказать, я едва подступился. Но начало положено.

— Нельзя ли это начало как-то объяснить нематематикой?

— Думаю, да. Понимаешь, Челвик, поначалу я думал, что психоистория как наука должна базироваться на сведениях о взаимосвязях между двадцатью пятью миллионами миров, в каждом из которых, в среднем, живет по четыре миллиона человек. Но этого слишком много. С такой массой информации ни за что не управиться. Если мне и суждено было добиться какого-то результата, если существовал какой-то метод разработки практической версии психоистории, то для этого была более простая модель.

Тогда я решил, что нужно совершить путешествие назад во времени и начать отсчет от единственного мира, населенного людьми в туманную эпоху до начала заселения Галактики. В Микогене таким миром называют Аврору, в Дале — Землю. Сперва мне показалось, что скорее всего речь идет об одной и той же планете, называемой разными именами. Но в одном ключевом моменте между этими мирами отмечалось существенное расхождение, и я понял, что Аврора и Земля — не одно и то же. Но дело не в этом. И о той, и о другой нам известно до крайности мало, а то, что известно, до такой степени обросло мифами и легендами, что положить начало психоистории на основе летописей этих планет — задача поистине безнадежная.

Седдон умолк, отхлебнул холодного сока, не спуская глаз с лица Челвика.

— Ну? — поторопил его Челвик. — И что потом?

— Однажды Дорс рассказала мне историю о руке, лежащей на бедре. Ничего, казалось бы, особенного — совершенно тривиальная, забавная история. Но Дорс сделала вывод о том, что моральные нормы в различных мирах и в различных секторах Трентора различны. И мне показалось, что она говорит о тренторианских секторах, как о совершенно разных мирах. Тогда я подумал: «Ну вот, было у меня двадцать миллионов миров, а стало двадцать пять миллионов восемьсот». Различие было невелико, так что я позабыл об этом и больше не вспоминал. Но, путешествуя из сектора в сектор, переезжая из Имперского Сектора в Стрилинг, из Стрилинга в Микоген, оттуда — в Даль, а из Даля —

в Сэтчем, я сам убедился, насколько они различны. Тогда я подумал, что Трентор — не единая планета, а комплекс разных миров, но главного я все еще не понимал.

И только речи Рейчел — видишь, даже хорошо, что в конце концов меня захватил Сэтчем, хорошо, что бесшабашность Рейчел довела ее до таких грандиозных планов — так вот, когда я послушал Рейчел, которая утверждала, что важен лишь Трентор да еще кое-какие близлежащие планеты. «Трентор — сам по себе Империя», — сказала она, а про остальные миры заметила, что они не имеют значения.

В то самое мгновение мне стало понятно то, что, видимо, уже давно зрело в мозгу. С одной стороны, на Тренторе — необычайно сложная социальная система. Он представляет собой конгломерат восьмиста более маленьких миров. А это — достаточно сложная система для того, чтобы на основании сведений о ней разработать психоисторию, которая при этом намного проще целой Империи, а значит, здесь легче опробовать психоисторию практически.

Что касается остальных двадцати пяти миллионов планет, то они-таки действительно не имеют значения. Да, конечно, они оказывали и оказывают определенное влияние на Трентор, а Трентор — на них, но это все — явления второго порядка. Если бы я смог заставить психоисторию заработать в первом приближении, на Тренторе, то затем можно было бы ввести модификации, обозначающие второстепенное влияние остальных миров. Понимаешь, о чем я говорю? Я искал один-единственный мир, одну планету, чтобы начать от нее отсчет ради внедрения психоистории в практику, в далеком прошлом, и все это время единственный мир находился у меня под ногами.

— Прекрасно! — облегченно и довольно воскликнул Челвик.

— Да, но все еще впереди, Челвик. Я должен досконально изучить Трентор, провести математическую проработку полученных данных. Может быть, если удача не отвернется, я успею получить ответы, пока жив. Если нет, это сделают мои преемники. И не исключено, что Империя может погибнуть и распасться на части до

того, как психоисторией можно будет воспользоваться практически.

— Я сделаю все, чтобы помочь тебе.

— Знаю, — кивнул Селдон.

— Значит, ты доверяешь мне, несмотря на то что я — Демерзель?

— Абсолютно доверяю. Бесповоротно. Но потому, что ты — не Демерзель.

— Но я — это он, — возразил Челвик.

— Нет. Ты такой же Демерзель, как и Челвик.

— О чем ты? — широко раскрыл глаза Челвик и откинулся на спинку стула.

— О том, что имя «Челвик» ты выбрал по совершенно определенной причине. «Челвик» — немного измененное слово «человек», верно?

Челвик молчал, пристально глядя на Селдона.

Наконец Селдон проговорил:

— Потому что ты не человек, верно, Челвик-Демерзель? Ты — робот.

Глава 19

ДОРС

СЕЛДОН, ГЭРИ — Традиционно имя Гэри Селдона упоминается только в связи с психоисторией, его считают воплощением математики и социальных перемен. Несомненно, в большой степени в этом повинен он сам, поскольку в своих официальных трудах ни единым словом не упоминает о том, как ему удалось решить различные вопросы психоистории. Судя по тому, что он пишет, можно вообразить, что многие решения пришли к нему, образно говоря, из воздуха. Он не рассказывает ни о тех тупиках, в которые заходил, ни о том, куда и почему свернул по ошибке.

...Что касается его личной жизни, то она представляет собой белое пятно. О его родителях, братьях и сестрах известно крайне мало. Его единственный сын, Рейч, был приемным ребенком, но как произошло его усыновление, неизвестно. Относительно супруги Селдона известно лишь то, что она существовала. Совершенно очевидно, что во всем за пределами психоистории Селдон стремился к неизвестности. Словно хотел дать понять остальным, или хотел, чтобы так поняли, что он не живет, а психоисторифицируется.

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Челвик не дрогнул, не изменился в лице и продолжал смотреть на Селдона, а Селдон ждал. Он решил, что теперь очередь Челвика говорить.

Челвик заговорил, но всего-навсего переспросил:

— Робот? Я? ...Под роботом, как я понимаю, ты имеешь в виду искусственное существо, вроде того, что ты видел в микогенском Святилище?

— Не совсем такое, — возразил Селдон.

— Не металлическое? Не собранное? Не безжизненную копию? — равнодушно уточнил Челвик.

— Нет. Ничего такого. Быть носителем искусственной жизни не обязательно означает быть сделанным из металла. Я говорю о роботе, внешне неотличимом от человека.

— Неотличимом? Понятно. Но если так, Гэри, как ты можешь отличить робота от человека?

— Я сужу не по внешности.

— Объясни.

— Челвик, во время моего бегства от тебя — Демерзеля, я слышал о двух древних мирах, я уже говорил тебе — о Земле и об Авроре. Об обеих планетах говорили, как о первоначальных, как о единственных. В обоих случаях упоминались роботы, но по-разному. — Селдон не спускал глаз с человека, сидевшего напротив него, ожидая, что тот подаст хоть какой-нибудь знак того, что он меньше чем человек, или больше. — Когда речь шла об Авроре, один робот упоминался как «ренегат», предатель, изменивший делу. А когда речь шла о Земле, один из роботов описывался, как герой, спаситель. Разве не резонно было предположить, что это — один и тот же робот?

— Резонно? — пробормотал Челвик.

— Вот о чем я подумал, Челвик. Я решил, что Земля и Аврора были двумя отдельными планетами, существовавшими в одно и то же время. Не знаю, какая из них старше. Микогенцы так надменны, так гордятся своим превосходством, что можно было счесть, что Аврора старше, поэтому они ненавидят землян, которые либо отняли ее у них, либо изменили им. Но с другой стороны, матушка Ритта, которая рассказывала мне о Земле, была убеждена в том, что прародина человечества — Земля, и тогда становилась понятной изоляция крошечного микогенского поселения в огромной Галактике, где живут квадриллионы людей, не придерживающихся странных микогенских обычаев. Тогда выходи-

ло, что прародиной людей действительно является Земля, а Аврора — уродливое ее производное. Я не могу утверждать наверняка, но передаю тебе ход своих мыслей, чтобы ты понял, откуда у меня взялся такой вывод.

Челвик кивнул.

— Понятно. Продолжай.

— Эти планеты враждовали. Матушка Ритта говорила именно так. Когда я сравнивал микогенцев, которые перевозят Аврору, и дальйцев, которые перевозят Землю, я решил, что Аврора, неважно, старше она или младше Земли, была тем не менее более развитой планетой, такой, на которой могли производиться более совершенные роботы, даже такие, которые внешне были неотличимы от людей. Такой робот был создан, следовательно, на Авроре. Но он стал изменником и покинул Аврору. Для землян он стал героем, значит, наверное, прибыл на Землю. Почему он сделал это, какие у него были на то причины, я не знаю.

Челвик попытался уточнить:

— Ты говоришь о нем, как о живом существе?

— Ты сидишь напротив меня, — ответил Селдон, — и я не могу назвать этого робота «оно». Матушка Ритта убеждена, что героический робот, ее героический робот, существует до сих пор и что он вернется, когда будет нужен. И мне показалось, что в идее существования бессмертного робота нет ничего невероятного. Менять почаще выходящие из строя детали, и ты бессмертен.

— Что, даже мозг? — спросил Челвик.

— Даже мозг. На самом деле я ничего не знаю о роботах, но думаю, что новый мозг может быть... ну, скажем, переписан со старого. ...А матушка Ритта намекнула, что у него были необыкновенные умственные способности, поистине могущественные, и я решил: это возможно. Может быть, я, конечно, и романтик, но не настолько, чтобы согласиться с тем, что робот, переметнувшийся с одного фронта на другой, мог бы в одиночку изменить течение истории. Он не мог обеспечить победу Земли и поражение Авроры, если бы в нем не было чего-то странного, особенного.

— А тебе не кажется, Гэри, что ты делаешь свои выводы на основании легенд, которые перевирались и приукрашивались на протяжении столетий и тысячелетий так, что даже самые тривиальные, рядовые события в них выглядят сверхъестественными? Неужели ты сумел поверить в робота, который не только выглядит как человек, но и бессмертен и обладает колоссальным ментальным могуществом? Не стал ли ты верить в сверхъестественное?

— Я отлично знаю, что представляют собой легенды, и я не из тех, кого можно ими одурачить и заставить поверить в сказки. И все-таки, в тех случаях, когда за легендами стоят определенные странные события, которые я видел и пережил лично...

— Например?

— Челвик, мы познакомились, и я сразу доверился тебе. Да, ты помог мне разделаться с двумя нахалами, хотя я тебя не просил, и тем самым вызвал у меня симпатию к себе. Я, конечно, тогда и догадаться не мог, что они — твои наемники и делают, что им приказано. Ну, ладно, я не в обиде.

— Да? — переспросил с улыбкой Челвик.

— Я доверился тебе. Я тебе поверил. Ты легко уговорил меня не улетать домой, на Геликон, и отправил странствовать по Трентору. Я верил каждому твоему слову, отдал себя в твои руки. Вспоминая все это, я понимаю, что я был как бы и не я. Меня не так просто обмануть, и все-таки это произошло. Больше того: тогда я ничего необычного в своем поведении не находил.

— Тебе лучше знать себя, Гэри.

— Дело не только во мне. Как могла Дорс Венабили, красивая женщина, у которой свои дела, своя карьера, бросить все это и последовать со мной? Как могло случиться, что она все время рисковала жизнью ради меня, взяв на себя, словно некое священное дело, мою защиту, и целиком отдалась этому? Неужели только из-за того, что ты ее об этом попросил?

— Да, я попросил ее об этом, Гэри.

— И тем не менее она не кажется мне человеком, способным радикально изменить всю свою жизнь только из-за того, что кто-то ее об этом попросил. Не могу я

поверить и в то, что она безумно влюбилась в меня с первого взгляда и ничего не смогла с собой поделать. Я, честно говоря, был бы совсем не против того, чтобы это произошло, но она владеет своими чувствами, владеет больше — должен тебе в этом честно признаться, — чем я.

— Она — замечательная женщина, — улыбнулся Челвик. — И я тебя понимаю.

Селдон продолжал:

— Как могло случиться, что Протуберанец, это надменное чудовище, ведущий за собой толпу таких же напыщенных тупиц, дал согласие впустить в Микоген варваров — меня и Дорс, и обращаться с нами на самом высочайшем, по их понятиям, уровне? И когда мы нарушили все законы, совершили святотатственное преступление, как же тебе удалось уговорить его отпустить нас? Как тебе удалось уговорить Тисальверов, насквозь пропитанных предрассудками, сдать нам комнаты? Как тебе удается везде чувствовать себя в своей тарелке, везде иметь друзей, оказывать влияние на каждого человека, независимо от его странностей? Кстати, как тебе удастся вертеть самим Клеоном? Ну хорошо, он мягкохарактерный, доверчивый человек, но как ты тогда управлялся с его папашей — грубым и бесчеловечным тираном? Как это все тебе удается?

А самое главное, как вышло, что Манникс Четвертый всю свою жизнь посвятил созданию армии без страха и упрека, вышколенной, профессиональной, и вдруг она вся летит к чертям собачьим, стоило только его дочке попробовать поставить ее себе на службу? Как ты всех поголовно превратил в предателей, таких же, каким когда-то стал сам?

Челвик ответил:

— Но разве это не может означать, всего-навсего, что я просто тактичный человек, имеющий опыт общения с самыми разными людьми, что я нужным людям оказывал и в будущем буду оказывать внимание? Ни для чего из того, что я сделал, на мой взгляд, не нужны какие-то сверхъестественные силы и способности.

— Ни для чего? Даже для нейтрализации сэтчемской армии?

— Они не захотели служить женщине.

— Они не первый год знали, что в один прекрасный день Манникс Четвертый либо сложит с себя полномочия мэра, либо попросту умрет, и тогда власть автоматически перейдет в руки его дочери, и никакого недовольства по этому поводу не выказывали. Не выказывали, пока ты не решил, что пора бы им его выказать. Дорс как-то сказала, что ты — настойчивый человек. Так и есть. Гораздо более настойчивый, чем любой человек. Но не более настойчивый, чем бессмысленный робот, обладающий непонятной ментальной силой. Ну, Челвик?

— Чего ты от меня ждешь, Гэри? — пожал плечами Челвик. — Ждешь, что я признаю, будто я — робот? Что я только похож на человека? Что я бессмертен? Что я — властелин умов?

Селдон перегнулся к Челвику через стол.

— Да, Челвик, жду. Я жду, что ты скажешь мне правду, что все вопросы, которые ты сейчас задал, не более чем риторические. Ты, Челвик, тот самый робот, о котором говорила матушка Ритта, которого она называла Дэ-ни, друг Бэй-ли. Ты должен сказать правду. У тебя нет выбора.

91

Казалось, они сидели в своей собственной маленькой вселенной. Посередине Сэтчема, где имперские вояки разоружали сэтчемскую армию, они сидели тихо и спокойно. Здесь, в самой гуще событий, за которыми следил весь Трентор, а может быть, и вся Галактика, словно в маленьком шарике, отделенном от остального мира, сидели Селдон и Челвик и играли в игру, состоящую из нападений и защит. Селдон ухватился за новую реальность и не желал с ней расставаться, а Челвик никоим образом не принимал эту новую реальность.

Селдон не боялся, что их беседа будет прервана. Он был уверен, что у того невидимого шарика, внутри которого они находятся, есть непробиваемая оболочка, за которую никто не сумеет проникнуть, что сил Челви-

ка — нет, сил *робота* — хватит для того, чтобы никто не сунулся сюда, пока игра не окончится.

— Ты — гениальный парень, Гэри, — сказал наконец Челвик. — Но только я никак не могу понять, почему я обязан признать, будто я робот, и почему у меня нет выбора. Согласен, во всем, что касается поведения, ты можешь быть прав — твоего собственного поведения, поведения Дорс, Протуберанца, Тисальверов, сэтчемских генералов. Да, все, все могло быть именно так, как ты говоришь, но это вовсе не означает, что твоя *интерпретация* происшедшего верна. Несомненно, у всего случившегося может быть естественное объяснение. Ты доверял мне потому, что поверил моим словам. Дорс решила, что твоя безопасность исключительно важна потому, что, будучи сама историком, поверила в нужность психоистории. Протуберанец и Тисальвер связаны со мной обязательствами, о которых ты просто ничего не знаешь. Сэтчемские генералы отказались служить правителью-женщине, вот и все. Зачем забираться в дебри сверхъестественного?

— Послушай, Челвик, — сказал Седдон, — ты действительно веришь в то, что Империя погибает, что ее нельзя бросить на произвол судьбы, нельзя не протянуть ей руку помощи?

— Да, действительно, — ответил Челвик, и почему-то Седдон понял, что он ответил искренне.

— И ты действительно хочешь, чтобы я досконально разработал психоисторию? Сам не можешь этого сделать?

— У меня нет таких способностей.

— И тебе кажется, что только я справлюсь с этой задачей — даже если я порой в этом сильно сомневаюсь?

— Да.

— Значит, ты должен понимать, что если можешь мне хоть чем-то помочь, ты должен это сделать.

— Понимаю.

— И никаких личных чувств, устремлений и тому подобного?

Легкая усмешка пробежала по печальному лицу Челвика, и на краткое мгновение Седдону открылась глу-

бочайшая усталость, прячущаяся за обычным спокойствием Челвика.

— Я давно научился обходиться без чувств и устремлений. Поручкой тому — моя долгая успешная карьера.

— Тогда я прошу тебя о помощи. Я смогу разработать психоисторию, основываясь на сведениях только о Тренторе, но у меня определенно возникнут трудности. Я с ними, конечно, справлюсь, но мне было бы гораздо легче, если бы я знал кое-какие важнейшие факты. Например, какая из планет была прародиной человечества — Аврора или Земля, или совсем другая планета? Существовали ли какие-то связи между Землей и Авророй? С какой из них началось колонизирование Галактики? Или оно началось с обеих планет? Если только с одной, то почему не с другой? Если с обеих, то каким образом? Существуют ли миры, заселенные выходцами с обеих планет или только с каждой из них? Почему люди поссорились с роботами? Почему столицей Империи стал Трентор, а не какая-нибудь другая планета? Что случилось с Авророй и Землей? Я бы мог задать сейчас тысячу вопросов, и сто тысяч еще возникнет потом. Разве ты оставишь меня без помощи, в неведении, Челвик, когда мог бы помочь и рассказать о многом?

— Если бы я был роботом, — усмехнулся Челвик, — разве в моей памяти уместилась бы двадцатитысячелетняя история миллионов различных миров?

— Я не знаю, каковы способности мозга робота. Я не знаю, каковы способности твоего мозга. Но если таких способностей у тебя нет, значит, ты располагаешь такой информацией, такими данными, которые в твоём мозгу не помещаются и хранятся где-то там, откуда ты их можешь запросить. Если они у тебя есть, эти сведения, которые мне так нужны, разве ты можешь скрывать их от меня? А если нет, как ты можешь отрицать, что ты робот, тот самый робот-предатель? — Седон откинулся назад и перевел дыхание. — И я снова спрашиваю тебя: ты — тот самый робот? Если тебе нужна психоистория, придется признаться. Продолжая утверждать, что ты не робот, убедив меня в том, что это не

так, ты существенно уменьшишь мои шансы. Так что все зависит от тебя. Ты робот? Ты — Дэ-ни?

И Челвик, по обыкновению бесстрастно, ответил:

— Твои доводы неотразимы. Я — Р. Дэниел Оливо. «Р» означает «робот».

92

Р. Дэниел Оливо продолжал говорить спокойно, но Селдону показалось, что голос его едва заметно изменился, словно теперь, когда не нужно было больше скрывать, кто он такой, ему стало легче.

— За двадцать тысяч лет, — признался Дэниел, — никто не догадывался, что я робот, если только у меня не было желания и причины кому-то об этом рассказать. Частично это было связано с тем, что люди давно забыли о роботах, забыли о самом их существовании. А частично — с тем, что я действительно обладаю способностью выявлять людские эмоции и управлять ими. Выявлять эмоции — дело нехитрое, но вот манипулировать ими мне трудно по причинам, связанным с самой природой робота. Но когда необходимо, я могу это делать. Могу, но стараюсь прибегать к этому в самом крайнем случае. И даже тогда, когда я этим занимаюсь, я всего-навсего усиливаю, подстегиваю, по возможности, минимально, те чувства, те эмоции, которые уже и так есть. Если бы я мог достигать своих целей, не прибегая к этой своей способности, я бы к ней и не прибегал.

Обрабатывать Протуберанца для того, чтобы он принял вас в Микогене... кстати, обрати внимание, я называю эту деятельность «обработкой», потому что это не слишком приятное для меня занятие... так вот, Протуберанца обрабатывать не пришлось, потому что он мне кое-чем обязан. А он — честный, верный данному слову человек, несмотря на все свои странности. Вмешаться в его сознание мне пришлось потом, когда ты совершил святотатственное, по его меркам, преступление, да и то — не слишком. Не так уж сильно он жаждал сдать тебя с рук на руки Имперским властям, он их, мягко говоря, недолюбливает. Я просто-напросто немножко

усилил эту его нелюбовь, и он отдал тебя мне, согласившись с приведенными мной аргументами, которые в иной ситуации показались бы ему сомнительными.

Не слишком сильно я прикасался и к тебе. Ты тоже не доверял всему, что связано с Империей. Это свойственно в наши дни большинству людей, и это является важным фактором упадка Империи. А еще ты гордился психоисторией, самым этим понятием, гордился тем, что именно ты первым ее придумал. Ты бы не отказался от ее практического воплощения. Это еще больше польстило бы твоему тщеславию.

Седдон нахмурился и проговорил:

— Прошу прощения, мистер робот, но я и не подозревал, что я такой жуткий гордец.

— Никакой ты не жуткий гордец, — мягко успокоил его Дэниел. — Ты прекрасно понимаешь, что быть человеком, движимым гордыней, и некрасиво, и бесполезно, поэтому стараешься подавлять в себе подобные порывы, но столь же успешно можно отрицать, что тобой движет твое сердце. Ни с тем, ни с другим ничего нельзя поделать. Как бы ты ни прятал от себя свою гордыню ради своего собственного спокойствия, от меня ты ее спрятать не можешь. А мне только и пришлось легонько усилить твою гордость, и ты тут же согласился на все, лишь бы укрыться от Демерзеля, хотя ни за что бы не согласился за мгновение до того, как я осторожно поманипулировал с твоим сознанием. И над психоисторией ты согласился работать с такой готовностью, над какой за мгновение до того просто посмеялся бы. Больше я ничего менять не стал, и ты в конце концов разгадал мою сущность. Если бы я предвидел такую возможность, я бы положил конец твоим мыслям, но пределы предвидения, как видишь, ограничены. Но теперь я не жалею, что проиграл, потому что приведенные тобой доводы неоспоримы, и важно, что ты знаешь, кто я такой. А я помогу тебе, чем могу. А эмоции, дорогой мой Седдон, — могучий движитель людских поступков, гораздо более могучий, чем думают о них люди, и ты не можешь даже представить себе, сколь многого можно добиться легким прикосновением к ним и как мне не хочется этого делать.

Селдон все еще тяжело дышал, пытаясь представить себя человеком, движимым гордыней. Это ему было не по нраву.

— Не хочется? Почему?

— Потому что тут очень легко хватить через край. Мне нужно было помешать Рейчел установить в Империи феодальную анархию. Я мог бы действовать резко, но тогда пролилось бы море крови. Мужчины есть мужчины, и сэтчемские генералы в этом смысле не исключение. Почти все среди них мужчины. На самом деле, совсем нетрудно посеять в мыслях любого мужчины протест и пробудить скрытый страх перед женщинами. Тут дело в биологии, и мне, как роботу, это не до конца понятно. Так что мне пришлось всего-навсего усилить вышеупомянутые чувства для того, чтобы нарушить ее планы. Перестарайся я хоть капельку, я бы зашел слишком далеко и не добился бы того, чего хотел — бескровного переворота. Я хотел только одного: чтобы сэтчемская армия сдалась без сопротивления, когда высадились мои солдаты. — Дэниел помолчал, словно старался получше подобрать слова, и продолжил: — Мне не хотелось бы вдаваться в математическое описание моего позитронного мозга. Это не до конца доступно моему пониманию. Может быть, ты даже лучше меня сумел бы в этом разобраться, если бы обдумал все получше. Как бы то ни было, мной руководят Три Закона Роботехники, которые обычно передаются словами — вернее, передавались когда-то, давным-давно. Они таковы:

1. Робот не может причинить вред человеку или, за счет бездействия, позволить, чтобы человеку был причинен вред.

2. Робот должен подчиняться приказам человека, если они не противоречат Первому Закону.

3. Робот должен защищать себя, за исключением тех случаев, когда это противоречит Первому и Второму Законам.

Но у меня был друг... двадцать тысяч лет назад. Другой робот. Не такой, как я. Его бы ты не принял за человека, и вот уж у кого были ментальные способности! Я был его учеником.

И ему казалось, что должен существовать еще один закон, более общий, чем остальные три. Он называл его Нулевым Законом, поскольку ноль идет прежде единицы. Тот, по его мнению, должен был звучать так:

0. Робот не может причинить вред человечеству или, за счет бездействия, позволить, чтобы человечеству был нанесен вред.

Тогда Первый Закон должен читаться так:

1. Робот не может причинить вред человеку или, за счет бездействия, позволить, чтобы человеку был нанесен вред, за исключением тех случаев, когда это противоречит Нулевому Закону.

Таким образом интерпретировались и остальные два Закона. Понимаешь?

Дэниел ждал ответа, и Селдон ответил:

— Понимаю.

Дэниел продолжал:

— Беда в том, Гэри, что человек перед тобой или нет, понять просто. Проще простого. Так же просто понять, что принесет вред человеку, а что нет, — довольно легко, по крайней мере. Но что такое *человечество*? О чем мы говорим, когда говорим о человечестве? И как можно определить, что принесет человечеству вред? Как можно понять, от чего человечеству будет лучше, а от чего хуже? Робот, который первым выдвинул Нулевой Закон, умер — то есть, перестал существовать, — потому что оказался втянутым в действия, которые, как он полагал, спасут человечество, но только полагал, а уверен в этом не был. Уходя из жизни, он передал заботу о Галактике мне.

С тех пор я не оставлял попыток. Вмешивался как можно осторожнее, надеясь, что люди сами могут судить о том, что хорошо, а что дурно. Они могли рисковать, я — нет. Они могли промахиваться, я — нет. Они могли безотчетно приносить вред другим, я не мог. Соверши я что-либо подобное, я бы самоуничтожился. В Нулевом Законе нет ссылок на бессознательный вред.

Но порой я вынужден предпринимать те или иные действия. То, что я до сих пор функционирую, говорит о том, что действия мои во все времена были умеренными и точными. Однако с тех пор, как Империя начала

двигаться по пути упадка и гибели, мне приходится вмешиваться все чаще, и вот уже несколько десятилетий подряд я вынужден играть роль Демерзеля и пытаться направлять деятельность правительства таким образом, чтобы оттянуть неминуемую гибель... и все-таки, как видишь, я до сих пор функционирую.

Когда ты произнес доклад на математическом конгрессе, я сразу понял, что психоистория — тот инструмент, с помощью которого можно было бы решить, что хорошо для человечества, а что — нет. С ее помощью мы могли бы принимать более осмысленные решения. Я бы даже отошел в сторону и позволил людям принимать решения самостоятельно, и снова ограничился бы вмешательством только в самых крайних случаях. И я сделал так, чтобы Клеон как можно быстрее узнал о твоём выступлении и вызвал тебя к себе. Затем, когда я услышал, как ты расписываешься в собственной беспомощности и бесполезности психоистории, я был вынужден что-то предпринять для того, чтобы так или иначе заставить тебя попытаться. Понимаешь, Гэри?

— Да, Дэниел, понимаю, — искренне ответил Селдон.

— В те редкие дни, когда мы сумеем видеться, я должен для тебя остаться Челвиком. Я предоставляю тебе всю имеющуюся у меня информацию, все, что тебе будет нужно. Как Демерзель, я буду тебя защищать, как делал до сих пор. А имя «Дэниел» тебе лучше забыть.

— Обещаю, — с готовностью откликнулся Селдон. — Мне так нужна твоя помощь, так неужели я стану рушить твою репутацию?

— Все верно, — устало улыбнулся Дэниел. — В конце концов, ты достаточно жаден для того, чтобы получить всю награду за психоисторию целиком. Ты ни за что никому не расскажешь — никогда, — что тебе понадобилась помощь робота.

— Я не... — промямлил Селдон и покраснел.

— Не спорь. Я сказал правду, даже если ты ее старательно скрываешь от самого себя. И это так важно, что я позволю себе немного усилить это твоё чувство — совсем немного, только ради того, чтобы ты

никогда не смог заговорить обо мне с другими людьми. Тебе даже и в голову не придет, что ты на такое способен.

— Видимо, Дорс знает... — пробормотал Селдон.

— Она знает, кто я такой, но она тоже не может говорить обо мне с другими. Теперь, когда вы оба знаете правду обо мне, между собой можете говорить про меня свободно, но только между собой. — Дэниел поднялся. — Гэри, мне пора приниматься за дела. Скоро тебя и Дорс доставят обратно, в Имперский Сектор.

— Мальчик, Рейч, должен отправиться со мной. Я не могу бросить его. И еще есть один молодой далиец, Юго Амариль...

— Понимаю. Можно взять и Рейча, и кого угодно еще из твоих друзей. Обо всех вас наилучшим образом позаботятся. И ты будешь работать над психоисторией. У тебя будет персонал. Любые компьютеры, любые материалы. Я буду вмешиваться как можно меньше, и если у тебя возникнут какие-то сложности, которые не будут слишком серьезно угрожать нашей миссии, придется тебе справляться с ними самостоятельно.

— Постой, Дэниел, — торопливо проговорил Селдон. — Что если, несмотря на всю твою помощь и все мои старания, окажется, что психоисторию нельзя превратить в практическое средство? Что если мне это не удастся?

— На этот случай, — улыбнулся Дэниел, — у меня заготовлен еще один план. Над ним я долго трудился в одном особом мире совершенно особым образом. План этот тоже нелегкий и кое в чем более радикальный, чем психоистория. Он тоже может провалиться, но когда перед тобой сразу две дороги, то гораздо больше надежды, что хотя бы на одной из них тебя ждет удача. Послушай моего совета, Гэри: если настанет время, когда ты сумеешь придумать некое средство, с помощью которого можно было бы не дать случиться худшему, посмотри, нельзя ли придумать и второе, так, чтобы, если не сработает первое, можно было бы попытаться применить второе. Пусть их всегда, если можно, будет не одно, а два. А теперь, — Дэниел вздохнул, —

я должен вернуться к своим повседневным делам, а ты — к своим. О тебе позаботятся.

Он кивнул на прощание и вышел.

Селдон проводил его взглядом и тихо проговорил:

— Сначала мне нужно переговорить с Дорс.

93

Дорс сообщила:

— В доме пусто. Рейчел ничего страшного не грозит.

А ты, Гэри, вернешься в Имперский Сектор?

— А ты, Дорс? — тихо, взволнованно спросил Селдон.

— Наверное, возвращусь в Университет, — ответила она задумчиво. — Работа брошена, занятия тоже.

— Нет, Дорс, у тебя есть более важная работа.

— Какая же?

— Психоистория. Я без тебя не справлюсь.

— Неужели? В математике я полный ноль.

— Так же, как я в истории, а нам нужно и то и другое.

Дорс рассмеялась.

— Подозреваю, что ты действительно выдающийся математик. А я историк вполне заурядный. Ты сможешь без труда найти более выдающихся историков, чем я.

— В таком случае, позволь объяснить тебе, Дорс, что психоистории нужны больше чем просто математики и историки. Ей также нужны те, кто будет согласен посвятить ей всю свою жизнь. Без тебя, Дорс, у меня такого желания не будет.

— Ты заблуждаешься, Гэри.

— Дорс, если ты покинешь меня, я лишусь этого желания.

Дорс внимательно посмотрела на Селдона.

— Мы попусту тратим слова, Гэри. Несомненно, решение примет Челвик. Если он отошлет меня в Университет...

— Не отошлет.

— Откуда ты знаешь?

— Оттуда, что я ему все четко объясню. Если он отошлет тебя в Университет, я вернусь на Геликон, и пропади пропадом вся Империя.

— Не может быть, ты так не скажешь!

— Скажу, не сомневайся.

— Как ты не понимаешь, что Челвик может так изменить твоё настроение, что ты *будешь* работать над психоисторией, даже без меня?

Селдон покачал головой.

— Челвик не примет такого жестокого решения. Я говорил с ним. Он не осмеливается чересчур усердствовать с сознанием людей, поскольку руководствуется тем, что зовет Тремя Законами Роботехники. Так изменить мое сознание, Дорс, чтобы я не хотел, чтобы ты была со мной... нет, он на такое не решится. С другой же стороны, если он даст мне свободу действий и ты присоединишься ко мне в работе над проектом, он получит то, что хочет — реальный шанс разработать психоисторию. Почему бы ему на это не согласиться?

Дорс покачала головой.

— Он может не согласиться на это по личным причинам.

— Почему? Тебя попросили защищать меня, Дорс. Что, Челвик уже отменил эту просьбу?

— Нет.

— Значит, он хочет, чтобы ты продолжала меня защищать. И я хочу, чтобы ты меня защищала.

— От кого? От чего? Теперь тебя защищает Челвик в лице Демерзеля и Дэниела, и думаю, больше тебе ничего не нужно.

— Даже если бы меня защищали все и каждый в Галактике, я бы все равно нуждался в твоей защите.

— Значит, я нужна тебе не ради психоистории, а ради защиты?

— Нет! — рявкнул Селдон. — Не перевирай моих слов! Почему ты вынуждаешь меня сказать то, что сама отлично *знаешь*? Ты мне нужна не ради психоистории и не ради защиты. Это всего лишь оправдания, и я бы придумал уйму других. Мне нужна *ты*, просто ты, и только ты. И если хочешь правду, ты мне нужна потому, что ты — это *ты*.

— Но ты... ты даже не знаешь меня толком.

— Это не имеет значения. Мне все равно... И все-таки я тебя в каком-то смысле знаю. И гораздо лучше, чем ты думаешь.

— Неужели?

— Конечно. Ты выполняешь приказы и, не задумываясь, рискуешь жизнью ради меня, не гадая о последствиях. Ты потрясающе быстро выучилась играть в теннис. Еще быстрее ты выучилась жонглировать ножами и превосходно управилась с Марроном. *Не по-человечески* ловко, я бы даже сказал. У тебя потрясающе сильные мышцы и удивительно быстрая реакция. Откуда-то тебе всегда известно, прослушивается ли комната, и ты умеешь связываться с Челвиком без всяких подручных средств.

— И что же ты думаешь обо всем этом? — спросила Дорс.

— Мне пришло в голову, что Челвик, в своем истинном обличье, в обличье Р. Дэниела Оливо, не может править всей Империей. У него должны быть помощники.

— Ничего удивительного. Их, наверное, миллионы. Я помощник. Ты помощник. Малыш Рейч.

— Да, но ты *не такой* помощник.

— Какой «не такой»? Гэри, *говори*. Как только ты скажешь то, о чем думаешь, вслух, ты поймешь, как это безумно.

Седдон долго смотрел на нее и наконец вполголоса проговорил:

— Нет, не скажу, потому что... потому что мне все равно.

— Это правда? Ты хочешь принять меня такой, какая я есть?

— Я должен принять тебя именно такой. Ты, Дорс, и кто бы ты ни была, во всем мире мне больше никто не нужен.

— Гэри, — нежно проговорила Дорс. — Я, такая, как есть, хочу тебе добра, но даже если бы я была иной, я бы все равно желала тебе добра. И я не думаю, что подхожу тебе.

— Подходишь, не подходишь, какая разница? — Седдон сделал несколько шагов по комнате, остановился и спросил: — Дорс, тебя когда-нибудь целовали?

— Конечно, Гэри, в этом нет ничего особенного. Я живу нормальной жизнью.

— Нет, нет, я не про это! Скажи, ты когда-нибудь по-настоящему целовалась с мужчиной? Страстно, понимаешь?

— Да, Гэри, целовалась.

— Тебе было приятно?

Дорс растерялась.

— Когда я так... так целовалась, мне было более приятно, чем если бы я огорчила молодого человека, который мне нравился, чья дружба много значила для меня. — Тут Дорс покраснела и отвернулась. — Прощу тебя, Гэри, не нужно. Мне трудно это объяснить.

Но Гэри не унимался.

— Значит, ты неправильно целовалась. Для того, чтобы не обидеть этого человека.

— Наверное, все так делают, в каком-то смысле.

Селдон подумал над ее словами и неожиданно спросил:

— А ты никогда не просила, чтобы тебя поцеловали?

Дорс нахмурилась, вспоминая, и ответила:

— Нет.

— И никогда не была в постели с мужчиной? — спросил он тихо, с отчаянием в голосе.

— Почему? Была. Я же тебе сказала, это естественно. Так же, как поцелуи.

Гэри крепко схватил ее за плечи, словно собрался встряхнуть.

— Но чувствовала ли ты когда-нибудь желание, потребность в такой близости с одним, определенным человеком? Дорс, ты когда-нибудь любила?

Дорс медленно подняла голову и грустно посмотрела на Селдона.

— Мне очень жаль, Гэри, но нет.

Селдон отпустил ее. Руки его беспомощно упали.

А она нежно взяла его за руку и сказала:

— Сам видишь, Гэри. Я не то, что тебе нужно.

Селдон потупился и уставился в пол. Он изо всех сил пытался мыслить разумно, но вскоре сдался. Он хотел того, чего хотел — вопреки разуму.

Он взглянул на женщину.

— Дорс, милая, даже пусть так, *мне все равно*.

Он обнял ее и медленно, осторожно прижал к себе.

Она не отстранилась, и он поцеловал ее — тихо, нежно, а потом страстно, и она вдруг прижалась к нему крепче прежнего.

Когда он наконец оторвался от ее губ, она, радостно улыбаясь, посмотрела ему в глаза и прошептала:

— Поцелуй меня еще, Гэри... Пожалуйста.

Содержание

Прелюдия к Академии, роман, <i>перевод с английского Н. Сосновской</i>	5
--	---

МИРЫ АЙЗЕКА АЗИМОВА

В двенадцати книгах

Книга пятая

В оформлении использована работа
Энгуса Маккая

Главный редактор *А. Захаренков*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редактор *К. Королев*

Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *К. Вартанова, И. Лаздина*
Оператор компьютерной верстки *Н. Жук*

Художественное оформление серии: *М. Захаренкова*
Оформление шмуцтитолов: *В. Ковалев*

ЛР № 062455 от 23.03.93

Подписано в печать с готовых диапозитивов 11.10.94.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская.

Гарнитура Балтика. Печать высокая.

Усл. печ. л. 23,52. Усл. кр.-отт. 24,52. Уч.-изд. л. 23,93.

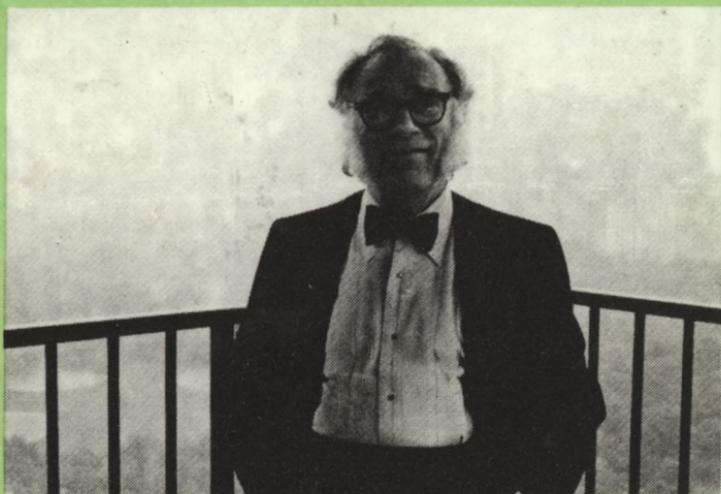
Тираж 10 000 экз. Заказ № 4-354.

Издательская фирма «Полярис»,
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Книжная фабрика им. М. В. Фрунзе,
3100 57, Харьков, ул. Донец-Захаржевского, 6/8

ПРЕЛЮДИЯ К АКАДЕМИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1994